МЕЖДУНАРОДНАЯ АКАДЕМИЯ
ПСИХОЛОГИЧЕСКИХ НАУК
Ярославский государственный университет

ПСИХОТЕХНОЛОГИИ В СОЦИАЛЬНОЙ РАБОТЕ

Выпуск 10.

Под редакцией
Владимира Козлова

Ярославль, 2005

ББК 88.4 + 53.57

УДК 159.99

Сборник издается по решению кафедры социальных технологий Ярославского государственного университета им. П.И.Демидова и РИО МАПН.

Психотехнологии в социальной работе. Вып.10./Сб. под ред. Козлова В.В.– Ярославль: МАПН, ЯрГУ, 2005 – с.

Сборник статей представляет обзор теоретических и экспериментальных работ по социальной работе и психологии.

Книга адресована социальным работникам, социальным педагогам, практическим психологам и специалистам в области социальной работы.

Статьи опубликованы в авторской редакции.

© Козлов В.В., 2005

ОГЛАВЛЕНИЕ:

ГЛАВА 1. ТЕОРИЯ И МЕТОДОЛОГИЯ
СОЦИАЛЬНАЯ РАБОТА КАК ПРОФЕССИЯ С ИНТЕГРАТИВНЫМИ ФУНКЦИЯМИ
В.В. Козлов (Ярославль)
НАРКОМАНИЯ - ПСИХОСОЦИАЛЬНОЕ ИЗМЕРЕНИЕ
В.В.Козлов (Ярославль)
ИНТЕГРАТИВНАЯ ПСИХОЛОГИЯ И КОММУНИКАТИВНАЯ МЕТОДОЛОГИЯ
В.А.Мазилов (Ярославль)
РОЛЬ ИСС В ТВОРЧЕСКОЙ РЕАЛИЗАЦИИ ЛИЧНОСТИ
Д.И.Абрамов (Ярославль)
ГАРМОНИЧНАЯ ЛИЧНОСТЬ
И.В. Алхимина (Ярославль)
ПСИХОТЕХНОЛОГИИ ФОРМИРОВАНИЯ ДОВЕРИЯ
В ДЕЛОВЫХ ОТНОШЕНИЯХ
И.В.Антоненко (Москва)
ОПРЕДЕЛЕНИЕ СОЦИАЛЬНО-ПСИХОЛОГИЧЕСКОГО СМЫСЛА КОРПОРАТИВНОЙ КУЛЬТУРЫ ОРГАНИЗАЦИИ
Г.А. Бортко (Иркутск)
ТЕХНОЛОГИИ СОЦИАЛЬНОЙ РАБОТЫ С ПОЖИЛЫМИ ЛЮДЬМИ
Е.Б.Воробьев (Ярославль)
ДЕЛЬФИНОТЕРАПИЯ, КАК ОДНО ИЗ НАПРАВЛЕНИЙ ТРАНСПЕРСОНАЛЬНОЙ ПСИХОЛОГИИ И ПСИХОТЕРАПИИ
С.Д. Дороганич (Москва)
ПСИХОЛОГИЧЕСКИЕ ПРАКТИКИ: ЭМПИРИЯ И ТЕОРИЯ
И.Н.Карицкий (Москва)
ПРОБЛЕМА САМОРЕГУЛЯЦИИ ЛИЧНОСТИ – ПСИХОЛОГИЧЕСКОЕ ИЗМЕРЕНИЕ
В.В.Козлов (Ярославль), Ракчеев С.А. (Н.Новгород)
АРХЕТИПЫ И СИМВОЛЫ В РОМАНЕ М.А.БУЛГАКОВА «МАСТЕР И МАРГАРИТА»
С.Л.Копылов
ВИДЫ КРИЗИСОВ И ПСИХОЛОГИЧЕСКИХ ПРАКТИК РЕАБИЛИТАЦИИ КРИЗИСНОЙ ЛИЧНОСТИ
О.В. Кузнецова (Ярославль)
СОЦИАЛЬНО-ПСИХОЛОГИЧЕСКИЕ ФОРМЫ ОДИНОЧЕСТВА В ИСТОРИЧЕСКОМ АСПЕКТЕ
О.В. Лазарянц (Ярославль)
ВНУТРЕННИЙ И ВНЕШНИЙ МИР РЕБЕНКА
О.А. Мошенская (Пенза)
КАРТОГРАФИЧЕСКИЙ ПОДХОД К СОСТОЯНИЯМ СОЗНАНИЯ.
А.М.Проворов (Ярославль)
ПРОБЛЕМА СТРЕССА РАССТАВАНИЯ У ПРИЗЫВНИКОВ СРОЧНОЙ СЛУЖБЫ
С.В. Радионова, О.П. Фролова (Иркутск)
ОСОЗНАННАЯ САМОРЕГУЛЯЦИЯ И УСПЕШНОСТЬ ТРЕНИРОВОЧНОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ
С.А.Ракчеев (Н.Новгород)

ОСОБЕННОСТИ КОГНЕТИВНЫХ СТИЛЕЙ У ВОЕННОСЛУЖАЩИХ С АГРЕССИВНЫМ И АУТОАГРЕССИВНЫМ ПОВЕДЕНИЕМ
Л.В.Сенкевич (Москва)
ИНДИВИДУАЛЬНО-ПСИХОЛОГИЧЕСКИЕ ОСОБЕННОСТИ ЛИЦ, ОБРАЩАЮЩИХСЯ К НЕТРАДИЦИОННЫМ МЕТОДАМ ПСИХОЛОГИЧЕСКОЙ ПОДДЕРЖКИ
Л.Ф. Сенкевич (Москва)
ОБМАН, КАК СОЦИАЛЬНОЕ И ПСИХОЛОГИЧЕСКОЕ ЯВЛЕНИЕ
И. Точилкина (Москва)
СОЦИАЛЬНО-ПСИХОЛОГИЧЕСКИЕ МЕХАНИЗМЫ ФЕНОМЕНОЛОГИИ НЕОБЫЧНЫХ СОСТОЯНИЙ СОЗНАНИЯ
М.И. Фаерман (Ярославль)
ТЕХНОЛОГИИ СОЦИАЛЬНОЙ РАБОТЫ С ИНВАЛИДАМИ В СОВРЕМЕННОЙ РОССИИ
В.И. Юркина (Ярославль)
ГЛАВА 2. ПСИХОТЕХНОЛОГИИ
ТЕХНОЛОГИИ ФАНДРАЙЗИНГА В ДЕЯТЕЛЬНОСТИ ОБЩЕСТВЕННЫХ ОРГАНИЗАЦИЙ
И.Ф. Албегова (Ярославль) 110
ТЕХНОЛОГИИ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ ОБЩЕСТВЕННЫХ ОРГАНИЗАЦИЙ В РАЗРАБОТКЕ И РЕАЛИЗАЦИИ СОЦИАЛЬНОЙ ПОЛИТИКИ В ОТНОШЕНИИ ПОЖИЛЫХ ЛЮДЕЙ
И.Ф. Албегова, Е.Б. Воробьев (Ярославль) 115
СЛАВЯНСКИЙ ОБРЯД КАК ИНТЕГРАТИВНАЯ ПСИХОТЕХНОЛОГИЯ
Н.В. Ананьичева (Ярославль) 119
ГЕНДЕРНЫЕ ПРОБЛЕМЫ В ЖЕНСКОЙ ПСИХОТЕРАПЕВТИЧЕСКОЙ ГРУППЕ
Л.В. Бызова (Иркутск) 122
РОЛЬ ДЕЛЬФИНОТЕРАПИИ В ПРЕОДОЛЕНИИ ПОСЛЕДСТВИЙ ТРАВМЫ РОЖДЕНИЯ
С.Д. Дороганич (Москва) 126
ТЕХНОЛОГИИ СОЦИАЛЬНОЙ РАБОТЫ С ЛЮДЬМИ СУИЦИДАЛЬНОГО ПОВЕДЕНИЯ
Т.В. Дробинина (Ярославль) 128
РЕАБИЛИТАЦИЯ ЛЮДЕЙ С ПСИХИЧЕСКИМИ ПРОБЛЕМАМИ В ЦЕНТРАХ СОВМЕСТНОГО ПРОЖИВАНИЯ
А.Л.Зусман, С.В.Радионова (Иркутск) 130
ПРОБЛЕМЫ ТРУДОУСТРОЙСТВА МОЛОДЫХ СПЕЦИАЛИСТОВ
Д.В.Козин (Ярославль) 132
ПРОБЛЕМА ПСИХОЛОГИЧЕСКОГО СОПРОВОЖДЕНИЯ РИГИДНОЙ ЛИЧНОСТИ
В.В.Козлов (Ярославль), В.Н.Выходцева (Москва) 135
АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ ПСИХОЛОГИИ СОВРЕМЕННОГО МЕНЕДЖЕМЕНТА
Г.М. (Мануйлов С.Петербург)…….
ПСИХОЛОГИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ КОЛЛЕКТИВА В УСЛОВИЯХ РЫНКА
Г.М. Мануйлов (С.Петербург), В.В. Новиков (Ярославль)……..
ПСИХОДРАМА КАК ПСИХОСОЦИАЛЬНЫЙ МЕТОД
М.В.Манышкина (Ярославль) ..... **Ошибка! Закладка не определена.**

КОМПЛЕКСНАЯ ПРОФИЛАКТИКА СТРАХОВ СТАРШИХ ДОШКОЛЬНИКОВ
О.В. Масляная ..... **Ошибка! Закладка не определена.**
НОВЫЙ ПОДХОД К ЛЕЧЕНИЮ ПСИХОСОМАТИЧЕСКИХ ЗАБОЛЕВАНИЙ, ПРЕИМУЩЕСТВЕННО МАНИФЕСТИРУЮЩИХ ПСИХИЧЕСКИМ РАДИКАЛОМ
И.Г. Никифоров, А.А. Даниленко (Иркутск) .....**Ошибка! Закладка не определена.**
ТЕХНОЛОГИИ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ НОРСКОГО ГЕРОНТОПСИХИАТРИЧЕСКОГО ЦЕНТРА ЯРОСЛАВСКОЙ ОБЛАСТИ ПО РЕАБИЛИТАЦИИ ЛИЦ СТАРШЕЙ ВОЗРАСТНОЙ ГРУППЫ
А.В. Попова (Ярославль)..... 145
ПСИХОЛОГИЧЕСКИЕ ПРОБЛЕМЫ ОБРАЗОВАНИЯ ВЗРОСЛЫХ
Д.А.Прохорова (Казань)..... 147
ИСПОЛЬЗОВАНИЕ МЕТАФОР В ДИАГНОСТИКЕ ПСИХИЧЕСКИХ РАССТРОЙСТВ У ВОЕННОСЛУЖАЩИХ
С.В. Радионова, О.П. Фролова (Иркутск)..... 150
ВЛИЯНИЕ ТЕМПО-РИТМИЧЕСКОЙ СТРУКТУРЫ МУЗЫКИ НА ПСИХОФИЗИОЛОГИЧЕСКОЕ СОСТОЯНИЕ ЧЕЛОВЕКА
Ю. Рыжов (Москва) 151
ОЦЕНКА ПЕРСОНАЛА ОРГАНИЗАЦИИ С ИСПОЛЬЗОВАНИЕМ КОМПЕТЕНЦИЙ
Ю. Сергеев (Москва) 155
ПСИХОТЕРАПЕВТИЧЕСКИЕ УСЛОВИЯ ЖЕНСКОЙ САМОИДЕНТИФИКАЦИИ
О.П. Фролова, С.В. Радионова (Иркутск)..... 159
ЭКСТРАЛИНГВИСТИЧЕСКИЕ ПРЕДПОСЫЛКИ ВОЗНИКНОВЕНИЯ РЕСУРСНОГО СОСТОЯНИЯ ПРИ ПЕРЕВОДЕ ХУДОЖЕСТВЕННОГО ТЕКСТА
Н.В. Шилова (Челябинск) 163
ГЛАВА 3. ЭКСПЕРИМЕНТАЛЬНЫЕ ИССЛЕДОВАНИЯ
МОТИВАЦИЯ ОБРАЗОВАНИЯ КАК ФАКТОР ПОДГОТОВКИ СПЕЦИАЛИСТОВ ПО СОЦИАЛЬНОЙ РАБОТЕ
Ю.В.Бабак (Ярославль)..... 168
ВЛИЯНИЕ ВИДА РЕАБИЛИТАЦИИ НА ИЗМЕНЕНИЕ СТЕПЕНИ САМООЦЕНКИ ИНВАЛИДОВ
Т.В. Бирюкова (Киров)..... 169
ТРАНСФОРМАЦИЯ ПОВЕДЕНИЯ РИГИДНОЙ ЛИЧНОСТИ В ПРОЦЕССЕ ГРУППОВОЙ РАБОТЫ
В.Н.Выходцева (Москва) 173
ИЗУЧЕНИЕ ОСОБЕННОСТЕЙ ОСОЗНАНИЯ ИНДИВИДАМИ СТАТУСНОЙ СТРУКТУРЫ ГРУППЫ И ВЛИЯНИЯ ГРУППОВОЙ СТРУКТУРЫ НА ХАРАКТЕР МЕЖЛИЧНОСТНЫХ ОТНОШЕНИЙ
И.В. Демчук (Ярославль) 175
НАРУШЕНИЕ ПРОИЗВОЛЬНОГО ВНИМАНИЯ У ДЕТЕЙ С СИНДРОМОМ ДЕФИЦИТА ВНИМАНИЯ И ГИПЕРАКТИВНОСТЬЮ (СДВГ) В МЛАДШЕМ ШКОЛЬНОМ ВОЗРАСТЕ
М.С.Дьячкова (Ярославль)..... 183
НАРУШЕНИЕ СПОСОБНОСТИ К РАСПОЗНАВАНИЮ ПСИХИЧЕСКИХ СОСТОЯНИЙ ДРУГИХ ЛЮДЕЙ У ДЕТЕЙ С СИНДРОМОМ ДЕФИЦИТА

ВНИМАНИЯ И ГИПЕРАКТИВНОСТЬЮ В СТАРШЕМ ДОШКОЛЬНОМ ВОЗРАСТЕ
М.С.Дьячкова (Ярославль)..... 187
ИССЛЕДОВАНИЕ ВЗАИМОСВЯЗИ ДОМИНИРУЮЩИХ МЕХАНИЗМОВ ПСИХОЛОГИЧЕСКОЙ ЗАЩИТЫ И ТИПОВ ТЕЛЕСНОГО ОБРАЗА
Н. А. Зеленская, Н.Г. Богданович (Иркутск)..... 190
К ВОПРОСУ О РОЛИ СИТТЕРА В ХОЛОТРОПНОМ ПРОЦЕССЕ
Т.Клименко (Ярославль) 192
ИНТЕНСИВНЫЕ ТРЕНИНГИ – ПРОБЛЕМА ПСИХОЛОГИЧЕСКОЙ ЭФФЕКТИВНОСТИ
В.В. Козлов (Ярославль), Г. Шибаева (Москва) 193
ПОЛЕТЫ ЖИЗНИ И СМЕРТИ. – ЭРОС И ТАНАТОС В ИНФАНТИЛЬНЫХ ФАНТАЗИЯХ О ЛЕВИТАЦИИ
С.Л. Копылов (Иркутск)..... 197
ОСОБЕННОСТИ РАЗВИТИЯ ЛИЧНОСТИ ДОШКОЛЬНИКА В СЮЖЕТНО-РОЛЕВОЙ ИГРЕ
А. А. Максутова (Иркутск) 210
ВЛИЯНИЕ ИНТЕНСИВНЫХ ИНТЕГРАТИВНЫХ ПСИХОТЕХНОЛОГИЙ НА САМОАКТУАЛИЗАУЦИЮ ЛИЧНОСТИ
Л.В. Мялкина (Ярославль) 214
ТЕЛЕСНО ОРИНТЕРОВАННЫЕ ТЕХНИКИ В ПРАКТИКЕ СОЦИАЛЬНОЙ РАБОТЫ
Л.В. Мялкина (Ярославль) 217
ПСИХОСЕМАНТИЧЕСКОЕ МОДЕЛИРОВАНИЕ ПРОЦЕССА МУЗЫКАЛЬНОГО ВОСПРИЯТИЯ СРЕДСТВАМИ ИСКУССТВЕННЫХ НЕЙРОННЫХ СЕТЕЙ
В.В. Подшивалов (Ярославль)..... 220
ПРОБЛЕМА МОТИВАЦИИ ПРОФЕССИОНАЛЬНОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ СОЦИАЛЬНЫХ РАБОТНИКОВ
А.С.Тростин (Ярославль) 231
ПРОБЛЕМА ВЛИЯНИЯ РСС НА ФУНКЦИОНАЛЬНОЕ СОСТОЯНИЕ КЛИЕНТА
Г. Шибаева (Москва) 234
СМЫСЛОВОЕ СОДЕРЖАНИЕ ГЕНДЕРНОЙ ИДЕНТИЧНОСТИ СТУДЕНТОВ-МУЖЧИН
Н.А.Шухова (Новосибирск)..... 237
ИССЛЕДОВАНИЕ ТИПОВ ГЕНДЕРНОЙ ИДЕНТИЧНОСТИ МУЖЧИН МЕТОДОМ ФАКТОРНОГО АНАЛИЗА ЕЕ СОДЕРЖАНИЯ
Н.А.Шухова, А.М.Голубев (Новосибирск) 245
ОТНОШЕНИЕ К СВОБОДНОМУ ВРЕМЕНИ В СОВРЕМЕННОЙ МОЛОДЁЖНОЙ СРЕДЕ
М.Г. Юркова, М.Н. Мазуренко (Иркутск)..... 252
АСПЕКТЫ ТРАНСФОРМАЦИИ ЦЕННОСТНО-СМЫСЛОВОЙ СФЕРЫ НАРКОЗАВИСИМЫХ ПОД ВЛИЯНИЕМ ДУХОВНО-ОРИЕНТИРОВАННОЙ ПРОГРАММЫ РЕАБИЛИТАЦИИ
М.Г.Юркова, Н.В.Крохта, И.Г.Ванкон (Иркутск) 260

ГЛАВА 1. ТЕОРИЯ И МЕТОДОЛОГИЯ

СОЦИАЛЬНАЯ РАБОТА КАК ПРОФЕССИЯ С ИНТЕГРАТИВНЫМИ ФУНКЦИЯМИ

В.В. Козлов (Ярославль)

Уже прошло 15 лет с тех пор, когда изменения в экономической, политической и социальной жизни нашей страны способствовали становлению принципиально новой профессии, назначение которой - оказание компетентной социальной помощи населению, гуманизация социокультурной среды в нашей жизни, содействие в социальном формировании личности – социальной работы.

С тех пор не изменилось назначение социальной работы - помогать восстанавливать взаимовыгодное взаимодействие между личностью и обществом для улучшения качества жизни каждого. Вне сомнения, опыт показал, что социальная анимация, то есть оживление социальных отношений и связей в обществе, не реализовалась социальной работой.

На современном этапе социальный работник выполняет функции, которые раньше делили между собой различные государственные структуры (в органах образования, здравоохранения, социального обеспечения и пр.) и общественные организации. Он призван осуществлять социальную защиту каждого человека, его прав и интересов; содействовать в решении конкретных проблем, помогатьв нужде и одиночестве. Можно сказать, что с процессом формирования профессии «социальная работа» растет и его уровень интегрированности со своими специфическими задачами, целями, функциями.

Социальная работа – единая и интегрированная профессия. Одновременно она может быть представлена целым веером разновидностей, специализаций: социальный педагог-психолог семейного (широкого) профиля, этнолог, социальный юрист, эколог,валеолог,социальный аниматор, геронтолог; социальные работники более конкретной, узкой специализации (по работе с беженцами, инвалидами, с группами социального риска, медицинский социальный работник и др.) или работающие с определенной возрастной группой (социальная работа с детьми, социальная работа с престарелыми и др.) либо в определенных общеобразовательных учреждениях (школьный социальный работник, социальный работник на производстве), в специфических сферах микросреды (социальный работник в общине, на селе, социальный работник в воинской среде).

Интегративность профессии социального работника проявляется и в многомерности функций:

- диагностическая;
- организаторская;
- прогностическая;
- предупредительно-профилактическая и социально-терапевтическая;
- организационно-коммуникативная;
- охранно-защитная.

Вне сомнения, специфичность проявления, специализация, профиль социальной работы определяется регионально-этническими особенностями, потребностями конкретного социума, а также личностными и профессиональными возможностями специалистов, но при этом всегда имеет интегрированный и полифункциональный характер.

Социальные нише, которые занимает социальный работник, могут быть разными:

- социально-педагогические и социально-психологические службы учреждений образования (дошкольных, внешкольных, общеобразовательных учреждений, колледжей, лицеев, школ-интернатов, детских домов, ПТУ, средних учебных заведений, вузов и пр.);
- социальные службы специализированных учреждений (домов престарелых, семейных детских домов, центров реабилитации, социальных приютов, спецшкол для детей с отклонениями в умственном и физическом развитии, бирж труда и др.);
- социальные службы предприятий, организаций и учреждений, общежитий, коммерческих структур, творческих, общественных организаций, различных фондов, банков, благотворительных организаций;
- социальные службы муниципальных органов и их учреждений (социально-педагогические, культурно-спортивные комплексы, центры социальной педагогики и социальной работы; отделы по социальной защите населения, отделения социальной помощи на дому и другие органы опеки);
- службы культурного досуга (подростковые клубы, дома культуры, сельские клубы, школы народных ремесел, семейные клубы, парки и др.);
- валеологические и физкультурно-оздоровительные службы (профилактории, реабилитационные комплексы, центры народных средств оздоровления и лечения при больницах, медпунктах, на дому);
- частная практика.

Как показывает десятилетний опыт реального распределения выпускников специалистов по социальной работе после Ярославского университета, перечень этих социальных ниш еще больше.

Независимо от места работы существует определенная этапность, стадийность деятельности социального работника:

1. Подготовительный (ориентировочный, диагностический, ознакомительный).
2. Организационный - создание системы социальной работы в данном социуме в соответствии с выделенными проблемами и нуждами, организация непосредственной деятельности среди населения, формирование актива волонтеров, координация функций и пр.
3. Углубляющий, уточняющий, совершенствующий конкретные формы и методы социальной работы.

Специфика функций социального работника предполагает органическое сочетание личностных и профессиональных качеств, их интегративное единство, что отражено в этическом и профессиональном кодексе.

Так, к числу обязательных качеств и умений социального работника отнесены:

- эмпатийность;
- психологическая компетентность;
- человечность и гуманность, милосердие;
- деликатность и тактичность;
- организаторские и коммуникативные способности, экстравертированность;
- высокая духовная культура и нравственность;

- социальный интеллект (т.е. умение адекватно воспринимать и анализировать социальные ситуации и других людей);

- умение быть интересным для окружающих и неформальным в работе с клиентом;

- направленность на интересы, потребности и защиту человеческого достоинства клиента;

- умение соблюдать конфиденциальность служебной информации и личных тайн клиента;

- стремление к постоянному повышению профессиональных знаний;

- честность, моральная чистота в профессиональных делах; соблюдение этики взаимоотношений с людьми и т.п.

К большому сожалению, та образовательная система, которая сложилась при подготовке социальных работников в вузах, не может, не в состоянии (это нужно признать честно) готовить специалистов с вышеуказанными качествами и умениями. Наверно, основная проблема образования – не ориентированность на формирование личности с заданными качествами.

Прошло 15 лет с той поры, как социальная работа оформилась организационно: определены условия оплаты труда социальных работников, разработаны должностные инструкции, определены права и обязанности социальных работников. В течение этого времени десятки вузов России осуществляют подготовку специалистов по социальной работе, осуществляется курсовая подготовка и переподготовка социальных педагогов и социальных работников с выдачей им регистрационных и категорийных сертификатов.

Одновременно следует признать (хотя это и очень грустно), что основные задачи в подготовке специалистов все еще не достигнуты. Не реализована программа по диагностике профессиональной пригодности к социальной работе и не осуществляется научно обоснованной отбор будущих специалистов. Все еще нет структурного единства системы отбора, допрофессиональной, базовой подготовки, переподготовки и повышения квалификации специалистов.

Особенной ущербностью отличается функциональная наполненность содержания образования, которая должна обеспечивать социальную активность, профессиональную компетентность, широкое мировоззрение, чувство ответственности и достаточный диапазон практических умений социального работника.

В системе вузовского образования, к сожалению, все еще отсутствует взаимосвязь научной, методологической, специальной, психолого-педагогической подготовки специалистов и вместо формирования стиля мышления, необходимого для профессионального самосовершенствования, личностного роста мы выпускаем специалистов часто ригидных и пессимистичных, эгоцентричных и прагматичных, далеких от гуманистических ценностей профессии.

Это десятый сборник по теме «Психотехнологии в социальной работе». Я их выпускал в надежде, что социальная работа и вправду станет духовным путем для многих специалистов, в том числе выпускников нашего факультета.

Не все надежды оправдываются.

Но Надежда все-таки остается.

НАРКОМАНИЯ - ПСИХОСОЦИАЛЬНОЕ ИЗМЕРЕНИЕ

В.В.Козлов (Ярославль)

Современная стадия развития цивилизации характеризуется тем, что большинство вопросов жизнеобеспечения практически сняты благодаря развитию индустриальных и информационных технологий. Человек создал для себя искусственную экологическую нишу, производит огромное количество предметов потребления, управляет сложнейшими механизмами, но его собственная психика остается постоянным источником непредсказуемых и необъяснимых проблем. Наркомания стала в настоящее время тем пороком, с которым не справляется высокоинтеллектуальное человечество.

Наркотики были известны человечеству и применялись как лечебные или одурманивающие средства еще в глубокой древности. Но, несмотря на знакомство с наркотиками и их применение в медицине, а также в быту, наркомания как заболевание получила распространение лишь после XIX века.

В начале XXI века наркомания приняла угрожающие размеры. По данным Всемирной организации здравоохранения наркотики заняли первое место среди виновников преждевременной смерти людей.

В настоящее время в России наркомания стала поистине национальным бедствием: статистика сообщает, что за десять лет смертность от употребления наркотиков в нашей стране увеличилась в 12 раз. Это среди взрослых, а среди детей – в 42 раза. Установлено, что в школах из ста ребят восемьдесят пробуют наркотики, двадцать из восьмидесяти попадают в зависимость и только двое из двадцати освобождаются от зависимости. Одним из главных показателей, характеризующих состояние общества и государства, является здоровье граждан. Экономические и политические потрясения приводят к росту числа различных заболеваний (в частности, к росту числа людей, зависимых от наркотических веществ). Процесс наркотизации в развитых странах стал заметен в послевоенный период, но уже с 60-х гг. наркотизация приобрела массовый характер, и в первую очередь она охватила подростковый и юношеский возрасты. Одновременно ученые, врачи, психологи разрабатывали программы борьбы с наркотизацией, которые позволяли затормозить ее распространение.

Но за 40 лет развитые зарубежные страны научились «купировать» проблему, держать её хоть в каких-то рамках. Сегодня там существует система правового, медицинского, социального и прочего обеспечения реабилитации наркоманов, одновременно с этим – мощная государственная пропагандистская кампания против наркотиков и развитая система образовательно-воспитательных мероприятий.

Россия вступила в «мировой процесс наркотизации» позднее, приблизительно с середины 1980-х, но тотально. Динамика такова, что сейчас следует говорить уже о глобальной угрозе вырождения народа, гибели генофонда нации. Несмотря на то, что официальная статистика отражает лишь самые общие тенденции наркотизации населения, существуют различия в данных разных ведомств. Общепризнанна высокая неучтенность немедицинского потребления наркотиков.

Распространение наркомании на территории бывшего Советского Союза, особенно в России, происходит угрожающими темпами. Об этом свидетельствуют, прежде всего, статистические данные Министерства внутренних дел Российской Федерации, органов здравоохранения России, других министерств и ведомств. Однако есть все основания полагать, что на

самом деле ситуация выглядит еще более тревожно, чем показывает статистика. За последние годы количество наркоманов в стране возросло примерно в три с половиной раза и, по мнению специалистов, при сохраняющейся тенденции число лиц, злоупотребляющих наркотиками, в России уже к концу десятилетия может превысить уровень в три миллиона человек. Таким образом, с учетом, прежде всего, возрастной категории большинства наркоманов (13-25 лет), под угрозой оказывается фактически все новое поколение страны.

Особое беспокойство российского общества должен вызывать тот факт, что за последнее десятилетие в 6,5 раз увеличилось число женщин, употребляющих наркотики. По данным Минздрава, на начало 1998 года за немедицинское потребление наркотических средств, психотропных и сильнодействующих веществ в целом состояло на медицинском учете около 219 тысяч человек, из которых примерно 39 тысяч несовершеннолетних и более 25 тысяч женщин.

Особенно тревожит рост наркомании среди школьников, прежде всего в крупных городах, а также в студенческой среде — в шесть-восемь раз за последние четыре года. По последним данным, например, в Санкт-Петербурге каждый пятый школьник уже познакомился с наркотиками, а во многих школах в старших классах регулярно потребляют наркотики до трети учеников. В Москве во многих высших учебных заведениях, несмотря на предпринимаемые усилия со стороны руководства вузов, начинающих вести антинаркотическую пропаганду, наркомания принимает все более открытую форму.

Таким образом, начинается процесс деградации значительной части тех, кто мог бы составить новую образованную и квалифицированную элиту государства, в которой оно действительно крайне нуждается на этапе перехода к рыночной экономике. Ведь подавляющее число хронических наркоманов не доживает до 30 лет. Средняя же продолжительность жизни ушедших из жизни наркоманов после начала употребления наркотиков – 4-4,5 года.

Вызывает тревогу, прежде всего, то, что наркотики становятся все более и более доступными молодежи, что на российский рынок во все возрастающем объеме выбрасываются новые наркотические вещества, в том числе мощного разрушающего действия.

Например, в школах Москвы отмечены факты массовой продажи наркотиков по сверхзаниженным ценам с очевидной целью обеспечить привыкание к наркотикам как можно большего числа школьников. Естественно, что впоследствии цена резко повышается. Фиксируются случаи и бесплатного (разумеется, на первом этапе) распространения наркотиков во многих регионах страны в молодежной среде. В частности, в Приамурье в ходе акции «Жизнь без страха» установлено, что около 10 процентов молодых людей употребляют наркотики регулярно, а почти 25 процентов пробовали наркотики. В качестве наркотиков в России широкое распространение получили маковая соломка, опий-сырец и опийный раствор, марихуана, эфедрин, гашиш, героин, кокаин, «экстази» (метилендиоксинметиламфетамин).

Вместе с тем особую опасность создает появление новых синтетических наркотиков, в том числе и производимых собственно в России. Только за 1997 г. органами внутренних дел выявлено 848 подпольных лабораторий, в которых производились наркотики или шла работа над созданием новых. Характерно, что во многих из них работали профессиональные химики, сумевшие разработать наркотические средства нового поколения. Часть таких лабораторий находилась нелегально непосредственно в учебных заведениях, в

частности в Москве. Общий объем синтетических препаратов, изъятых в подобных лабораториях, увеличился почти в 1,5 раза. Только в Москве и Санкт-Петербурге ежемесячный оборот наркорынка составляет около 90 миллионов долларов, а в целом по стране денежный оборот от продажи наркотиков составляет почти 1,5 миллиарда долларов в год. По предварительным данным, за прошедший год эта сумма составила более 2,5 миллиардов. В то же время некоторые западные специалисты называют цифру в 5 и даже в 7 миллиардов долларов.

«Норма прибыли» при операциях с наркотиками составляет от 300 до 2000 процентов. Если килограмм героина в Афганистане стоит 9 тысяч долларов, то в Таджикистане — 25 тысяч, а в Москве — до 150 тысяч долларов.

По последним данным, в сферу активной наркодеятельности только в Москве вовлечено около 20 тысяч человек. При этом данные МВД РФ свидетельствуют о том, что число преступлений, связанных с наркотическими и сильнодействующими веществами, за последние пять лет возросло с 16255 до 96645, то есть почти в шесть раз. Из 10 имущественных преступлений практически каждые шесть совершаются наркоманами. Подавляющее число из этих преступлений совершено лицами в возрасте до 35 лет.

Наркотики, как известно, требуют больших денег. Наркоману со стажем, использующему героин, требуется сегодня ежедневно до 500 рублей на приобретение наркотика. Естественно, что легальным путем добыть эти деньги в подавляющем большинстве случаев не представляется возможным. Соответственно, наркомания в своем зародыше несет преступление.

Данные статистики неумолимо свидетельствуют о теснейшей связи роста наркомании в стране с ростом числа заболеваний СПИДом, вирусным гепатитом и другими серьезнейшими заболеваниями. В результате этого значительно увеличиваются расходы государства на их лечение.

Нельзя не обратить внимания на то, что, по данным МВД РФ, в стране число беспризорных детей приближается к миллиону. Среди этой категории наркомания становится повседневным явлением — практически каждый второй или уже попробовал, или уже употребляет наркотики на более-менее регулярной основе.

Новым опасным явлением стало появление «семейной наркомании», то есть случаев, когда один член семьи вовлекает в наркоманию других. Это особенно заметно на уровне молодых семей, прежде всего в Москве и других крупных городах. По предварительным данным, таких пар насчитывается уже несколько десятков тысяч. Зафиксированы случаи, когда малолетних детей в наркоманию вовлекали собственные родители.

Крайне тревожные данные, связанные с наркоманией, поступают из Вооруженных Сил страны. По многим регионам, в частности Москва, Подмосковье, Калининград, в последние два-три года практически каждый 12-й призывник пробовал наркотики. А каждый тридцатый принимал их более-менее регулярно.

Если в 1980-х годах употребление наркотиков в армии было достаточно большой редкостью (за исключением военнослужащих, участвовавших в боевых операциях в Афганистане), то сегодня это стало одной из серьезных проблем — случаи употребления наркотиков и распространения их в военных подразделениях есть во всех без исключения военных округах и насчитываются сотнями. Есть зафиксированные случаи наркомании и в федеральных органах безопасности.

Если в советское время случаи регулярной доставки наркотиков в места заключения преступников были достаточно редкими, то в настоящее время практически во всех исправительных заведениях страны приходится сталкиваться с возрастающим и, главное, хорошо организованным потоком поставки наркотиков. В том числе это касается и мест, где находятся несовершеннолетние преступники. По некоторым предварительным данным, в последнее время ежегодно в места заключения передавалось от 100 до 200 килограммов различных наркотиков. В местах заключения сегодня находится около одного миллиона человек. Таким образом, формируется гигантская база для расширения потребления наркотиков на перспективу.

Статистические данные и информация врачей наркологических диспансеров показывают, что в России излечиваются (то есть, выдерживают без наркотиков более одного года) всего лишь пять-шесть процентов наркоманов. И то эти данные связаны, прежде всего, с крупными городами. В малых городах или в сельской местности шансов на излечение практически нет, ввиду отсутствия и специалистов, и центров по реабилитации.

К началу 1994 г. в медицинских учреждениях России было зарегистрировано с диагнозом «наркомания» 38,7 тысяч человек, к концу 1994 г. — 49,9 тысяч, к концу 1995 г. — 65 тысяч, а на начало 1997 г. — 88 тысяч. То есть за 4 года количество больных в России выросло более чем в 2 раза. Но эта цифра не показывает реальной динамики.

Если учесть, что истинное число наркоманов, как принято считать специалистами, в 10 раз превышает число зарегистрированных больных, то общее их количество в России в настоящее время приближается к миллиону человек. Опасность наркотического вала тем более велика, что за последние десять лет в результате отсутствия должного финансирования количество наркологических диспансеров в целом по России сократилось на треть, число наркологических коек – на 60 (!) процентов, а количество врачей-наркологов – на 25 процентов.

В настоящее время Россия притягивает торговцев наркотиками по двум основным причинам: огромный, практически не освоенный, внутренний рынок и одна из ключевых стран в схеме транзита наркотических средств. Для внутреннего рынка основной поток наркотиков идет со среднеазиатского направления: Афганистан, Пакистан и бывшие республики Советского Союза (Таджикистан, Узбекистан, Киргизия, Казахстан и пока еще в очень небольшой степени Туркмения). Это, прежде всего, героин и опиум.

Как известно, первый вал наркотиков из Афганистана на территорию Советского Союза обрушился в период афганской войны. В настоящее время существует мощная, хорошо отлаженная сеть поставок наркотиков с территории Афганистана, где производством наркотиков занято несколько десятков тысяч человек. По данным ООН, Афганистан в год поставляет на черный рынок около 300 тонн опия. Кроме того, участились случаи переправки в Россию чистого героина, вырабатываемого в лабораториях на территории Пакистана.

При этом в России, как система профилактики молодежной наркомании, так и система реабилитации, постмедицинской, психолого-социальной находится в зачаточном состоянии. Общество фактически не имеет сколь либо серьезного иммунитета в отношении этой страшной угрозы, оно практически беззащитно.

Низкая эффективность профилактических и реабилитационных программ со всей очевидностью показывает, что ни наука, ни практика не располагают пока надежными средствами противодействия наркотикам.

Анализ современной литературы позволяет констатировать, что применение традиционных методов лечения алкоголизма и наркомании не дает требуемого эффекта. В современной наркологии используется большой набор специфических медикаментозных средств: психотропные, дезинтоксикационные и плазмозамещающие препараты, витамины, гормоны, микроэлементы и другие. При этом терапевтический эффект оказывается маловыраженным и нестабильным.

В последние годы в наркологии ведущую роль отводят патогенетическому лечению алкоголизма и наркомании. Используют препараты, устраняющие нарушенные нейромедиаторные процессы в лимбических структурах мозга. В этом плане большое количество работ посвящено коррекции обмена дофамина и нейропептидов. Так, в наркологической практике используют блокаторы опиатных рецепторов (налоксон, налтрексон), антидепрессанты, нейролептики, транквилизаторы, антиконвульсанты и другое. Все перечисленные препараты не нашли широкого применения в лечении алкоголизма и наркомании, так как имеют множество противопоказаний, побочных эффектов и осложнений, а полученный терапевтический эффект часто является нестойким, маловыраженным. Это касается в первую очередь снятия психологической зависимости.

В связи с принятием нового закона, где вводятся ограничения на применение в наркологической практике психоактивных веществ, особо актуальным становится разработка безмедикаментозных методов снятия психологической зависимости.

Исследования области психофизиологии мозга, направленные на нахождение мозговых коррелятов тех или иных психических процессов, психических функций, дают возможность по-новому осмыслить ряд психотерапевтических методик и техник, которые в последние годы стали широко использоваться в специальных лечебных заведениях и в многочисленных обществах и центрах, созданных для предоставления населению услуг психологического и психотерапевтического направления.

Большинство психотерапевтических методик можно рассматривать как комплекс приемов, направленных на взаимодействие с памятью субъекта, в частности, с эмоциональной памятью.

Взаимодействие субъекта со своим опытом в форме переживания и трансформации этого опыта наиболее явно протекает в психотерапевтических техниках, основанных на использовании состояния полных или частичных возрастных регрессий. В психологической литературе неоднократно отмечалось, что подобное взаимодействие будет носить характер переживания самого широкого спектра и результатом такого переживания будет обретение человеком нового смысла или даже целого жизненного мира (7, 23, 30), где искусственно вызванная возрастная регрессия рассматривается в качестве особого расширенного состояния сознания (РСС), обладающего большой спонтанной целительной силой за счет доступа к резервным возможностям человеческого организма. Это относится к таким направлениям психотерапии, как психоанализ (классический) З.Фрейда, гештальт-терапия Ф. Перлза, психосинтез Р. Ассаджиоли, нейролингвистическое программирование Р. Бэндлера и Д. Гриндера, холотропная терапия С. Грофа, ребефинг Л. Орра,

вайвейшн Дж. Леонарда, Свободное Дыхание (Козлов, Всехсвятский), холодинамика и другим (5, 12, 36, 62, 95, 121). Для комплексного использования этих психотехнологий применяется понятие интенсивные интегративные психотехнологии (ИИПТ), введенное в научный обиход в начале 90-х годов в психологию, психотерапию В.В. Козловым.

Интегративный подход, принимая тотальную реальность нашего мира как объективной, подчеркивает факт того, что мы сами выбираем включенность в нее. До тех пор, пока этот выбор реализуется нашим сознанием, интегративный подход предлагает не бороться с материальным миром, а принять ее полностью, тем самым достигая целостности осознания. Крайним выражением интегративного подхода является «искусство безусловного принятия», которое мы культивировали на уровне методологического принципа в начале 90-х годов. При этом усилия человека сосредоточены на осознании конфликтов и напряжений в своем сознании и путей их интеграции. При достижении целостности внутренняя конфликтность исчезает сама собой, а человек осознает свое существование в целостности своего сознания, переживает Изначальное, смотрит на мир из своей первичной целостности - души.

К концу 20-го столетия в интегративном подходе появилась одна особенность, которой раньше никогда не было. Современный человек имеет возможность самостоятельно повышать уровень целостности своего сознания, самостоятельно достигать интеграции, не передавая это основное право нашей жизни другому человеку: психотерапевту, жрецу, шаману, психологу, священнику - человеку, являющемуся носителем интегративных функций общества. Мы можем предположить, что именно на грани тысячилетий перед человеком появилась возможность выбора за пределами ограничений школ, братств, сект, появилась реальная возможность свободного выбора пути.

Заявляя интегративную психологию, мы хорошо представляем, почему она необходима именно в настоящий момент:

- во-первых, общая дезориентация в целях, морально-этических нормах, жизненных, экзистенциальных и культурных ценностях в глобальных макросистемах и в обществе в целом привела к возникновению потребности выстроить эти структуры на психологическом уровне. Возникла потребность в психологии не только (может быть и не столько) как в эзотерической научной дисциплине с непонятной для основной массы населения понятийной системой и предметом, но как теории с функцией модели мира, отвечающей на вопросы человеческого существования.

- во-вторых, с возникновением эгоцентрических, прагматических, индивидуалистических ценностей происходит тотальное отчуждение людей друг от друга и невозможность интимно-личностных отношений между людьми. Востребованная потребность в этих отношениях в российском обществе всегда была выражена. Более того - личность советского общества отличалась проявленным качеством искреннего сопереживания, взаимной поддержки и открытости, чувством коллективизма (как это ни удивительным кажется сегодня). Интегративная психология должны быть психологией общественной и служащей потребностям социальных групп и ориентированной на них.

- в-третьих, духовная депривация, опустошенность, формирует необходимость внутри личности заполнять это пространство новым, личностно значимым содержанием через психологическое знание. Поэтому интегративная

психология должна иметь духовное содержание, иметь экзистенциально-формирующую функцию, продуцировать жизненно важные ценности и смыслы.

Огромное количество исследований, проведенных в течение последних десяти лет (только под руководством профессора Козлова В.В. защищено 7 кандидатских диссертаций по применению ИИПТ в работе с наркоманами), позволяют эффективно построить структуру и содержание групповой тренинговой работы с наркоманами.

Как показывает 15-летний опыт работы в русле интегративных психотехнологий, именно они являются наиболее эффективными в психологической работы с зависимостями. Среди перечисленных методов холотропное дыхание С. Грофа и ДМД (наша авторская разработка) являются наименее манипулятивным, в большей степени ориентированным на внутренние исцеляющие силы психики, обеспечивающим выявление и переживание актуального психологического материала и его трансформацию.

Особенно значим этот опыт для построения эффективной стратегии при взаимодействии с личностью наркомана.

ИНТЕГРАТИВНАЯ ПСИХОЛОГИЯ И КОММУНИКАТИВНАЯ МЕТОДОЛОГИЯ[1]

В.А.Мазилов (Ярославль)

Как хорошо известно, многие известные психологи связывали перспективы развития этой научной дисциплины с процессами интеграции. При этом предполагалась весьма различная интеграция: 1) внутри научной психологии (как установление взаимопонимания между различными школами, течениями, направлениями и подходами в психологии); 2) между психологией и другими научными дисциплинами (как усиление междисциплинарных связей); 3) между научной и практико-ориентированной психологией; 4) между научным психологическим знанием, с одной стороны, и ненаучным и вненаучным, с другой. В этих случаях имеется в виду интеграция психологического знания, являющаяся результатом коммуникации психологов. Кроме того возможна другая интеграция – интеграция личности (в этом смысле об интеграции говорят представители различных ветвей психотерапии, которые добиваются за счет использования психотерапевтических процедур изменения психологических структур личности, что, по их мнению, должно благотворно сказаться на поведении и самочувствии клиента).

В настоящей работе речь пойдет о первом виде интеграции, т.е. об интеграции в самой научной психологии. Напомним, что особенно интенсивно интегративные процессы происходили в XX столетии, когда «простые», «одномерные» подходы не оправдали возлагавшихся на них ожиданий. Затем эти процессы интеграции то усиливались, то ослабевали. Мощная волна интеграционного движения произошла в связи с возникновением системного подхода, получившего широкое распространение в психологии[2]. Но в целом реализация системного подхода не дала ожидаемых результатов (во многом это было связано с «модой» на системный подход, что привело к тому, что во

[1] Работа выполнена при поддержке РГНФ, грант 04-06-00218

[2] Мы не станем здесь в связи с ограниченностью объема публикации останавливаться на истории проблемы. Заметим только, что это, на наш взгляд, представляет собой исключительно интересную тему историко-психологического исследования.

многих исследованиях он использовался или некорректно или вообще лишь провозглашался, т.е. оставался декларацией). Отметим, кстати, что история системного движения в психологии в полном объеме еще не написана, что представляется серьезным упущением историков новейшей психологии.

Новая волна интеграционного движения началась совсем недавно. Остановимся на ней несколько подробнее. В 2003 году в Ярославле начал издаваться журнал «Вестник интегративной психологии» (гл. ред. проф. В.В.Козлов). Ежегодно в Ярославле проводятся конференции, посвященные обсуждению проблем интегративной психологии. В рамках интегративной психологии произошло оформление интегративной методологии. В.В.Козлов так характеризует задачи интегративной методологии: «Интегративная методология (К.Уилбер, С.Гроф, В.В.Козлов), которая предполагает консолидацию многих областей, школ, направлений, уровней знаний о человеке в смысловом поле психологии» (В.В.Козлов, 2003, с.8). Отметим, что, по мысли создателей интегративного подхода В.В.Козлова и В.В.Новикова, «именно интегративный подход дает возможность более широкого, целостного и многогранного взгляда на понимание человеческой природы и всей Вселенной. С позиции этого подхода представляется возможным свести воедино основные положения трех ведущих направлений психологии и психотерапии: ортодоксального, гуманистического и трансперсонального в рамках концептуальной схемы интегративного подхода» (В.В.Новиков, В.В.Козлов, 2002, с. 193-194).

В.В.Козлов является автором известного «Манифеста интегративной психологии». Приведем этот во многом показательный документ:

«Мы хотим предложить вниманию всех «Манифест интегративной психологии», который является для нас сводом общих принципов реализации интегративного подхода.

Первый, глобальный принцип - единство психологии. Мы считаем, что психология в процессе своего исторического развития дошла до такой стадии, когда ее объединение не только возможно и желательно, но и неизбежно. Психология миновала стадии детства и юности и вступила в стадию зрелости. Это предполагает коренные качественные изменения и самой психологии в целом, и ее носителей - психологов. Развитие психологии достигло того уровня, когда стремление к единству совпадает способностями для достижения этого.

Второй принцип - идея непротиворечивости. Мы стремимся сами и призываем всех психологов стремиться к созданию такой системы психологии и сообщества психологов, в котором вообще не будет конфликтов и непримиримости, желания подавить и уничтожить школы психологии, а также их представителей.

Мы провозглашаем, что каждый психолог имеет благородную цель понимания себя и других. Следовательно, исходя из нашего истинного стремления, мы должны стремиться к объединению и жить в духе непротиворечивости.

Мы разные, но не чужие. Эти принципы должны быть включены в программы психологических школ и направлений, им должны обучаться все представители психологии. Представители интегративной психологии должны быть живым примером такого единства в понимании и действии.

Третий принцип - идея психологического сообщества взаимопонимания и взаимной поддержки. Мы стремимся сами и призываем всех психологов стремиться к созданию в масштабах всей планеты такого сообщества

психологов, в котором будут удовлетворяться потребности психологов в самореализации и в котором родится, расцветёт и утвердится психолог, познавший немыслимую ранее полноту жизни и реализующий духовные функции социальных сообществ. Мы признаем, что путь к созданию «Психологического сообщества взаимопонимания и взаимной поддержки», в полной мере пока неизвестен, и нужно начать с пропаганды самой идеи. А путь к цели психологи рано или поздно найдут.

Четвёртый принцип - идея полного равенства всех психологических школ и их представителей, невзирая на пол, национальность, расу, кастовую или государственную принадлежность. Для начала, нам надо добиться понимания того, что мы разные, но равные. Любая психологическая теория, концепция являются попыткой понимания своего предмета и одновременно права, обязанности психолога самостоятельно искать истину.

Пятый принцип - идея признания общего истока и глубинного единства всех представлений о психическом, включая не только психологические школы, но и мировые религии, различные духовные традиции, философские и психотерапевтические, эзотерические и профанические. Вера не противоречит разуму, психологическая наука и духовный поиск могут быть в гармонии». (В.В.Козлов, 2004, с.10).

Отметим, что не подлежит никакому сомнению гуманистическая и демократическая направленность данного документа. Стремление к взаимопониманию в высшей степени похвально, а положение, согласно которому наука и практика, искусство и философия содержат пусть различное, но знание о психическом неоднократно выдвигалось и обосновывалось. Возникает вопрос: какова дистанция между замечательными декларациями и реалиями жизни психологического сообщества? Будут ли восприняты эти призывы? Какова будет эффективность этих призывов к психологам? И, наконец, главный вопрос – удастся ли «свести воедино» основные направления психологии (В.В.Новиков, В.В.Козлов)?

Нам представляется, что подобного рода документы при всей их позитивной оценке, редко приводят к ожидаемым результатам. Дело в том, что одного желания, доброй воли здесь недостаточно. Коммуникация в науке имеет выраженную специфику. Здесь мало стремиться к пониманию и пытаться понять, для этого требуются специальные инструменты (забегая вперед, отметим, что разработка этих инструментов представляет одну из важнейших задач методологии психологической науки).

Трудности на пути интеграции

Нам уже приходилось отмечать, что на пути интеграции есть существенные препятствия. Напомним о них.

Первое состоит, собственно говоря, в необходимости изменения методологических установок самих психологов. Неявные, часто не осознаваемые самими исследователями представления о развитии психологической науки работают против интеграции. Поясним это. Согласно широко распространенным представлениям, развитие науки (в нашем случае - психологии), идет от частной теории к построению более общей. Таким образом, «более развитая» концепция «отменяет» («снимает», как часто выражаются в своих отчетах психологи-исследователи) предыдущую (в наших исследованиях, в которых принимали участие известные психологи, интервьюируемые приводят убедительные примеры, характеризующие их

научное мировоззрение: теория Эйнштейна «обобщила» ньютоновскую физику, часто встречаются ссылки на гегелевскую модель развития через отрицание и т.д.). В результате научный психолог нацелен на создание общей «универсальной» теории. Известное описание Выготским пяти стадий «развития объяснительных идей» (при всей карикатурности) оказывается достаточно адекватным и для сегодняшней науки. В современной психологии доминирует установка на «поиск отличий» (заметим, эффективно поддерживаемая существующими научными нормами: даже от курсовой работы (не говоря уже о диссертациях) требуется научная новизна, в результате чего очень легко употребляется слово «впервые»), что в немалой степени способствует чисто «вербальному» творчеству (вспомним Гете: «Из голых слов, ярясь и споря, возводят здания теорий…»). Психологи привыкают рассматривать работы других лишь как предшествующие осуществлению «собственного» синтеза. Чтобы описанное не показалось сгущением красок, приведем фрагмент из яркой статьи А.В.Юревича. Прошлое психологии «обычно предстает как скопление ошибок, нагромождение артефактов, паутина тупиковых направлений исследования или, в лучшем случае, как беспорядочное накопление феноменологии, которое по отношению к психологи грядущего призвано сыграть ту же подготовительную роль, какую философия сыграла по отношению к науке. Именно в силу такого отношения к прошлому психологическое знание не кумулятивно, а любое новое направление психологической мысли уверенно отметает все предыдущие, видя в них только «кладбища феноменологии», фон для оттенения своих достоинств и иллюстрации чужих ошибок» (А.В.Юревич, 2001, с.13).

От психологов, на наш взгляд, требуется отчетливое понимание того, что универсальные концепции сегодня разработать вряд ли удастся. Как неоднократно говорил Юнг, время универсальных концепций в психологии еще не пришло. Поэтому, создавая научную теорию, стоит помнить о том, что она должна иметь свою сферу применения, зону «адекватности». Нужна установка на кооперацию, на сотрудничество. Иными словами, психологи должны выработать толерантность к взглядам коллег, сформировать у себя установку не на поиск отличий, а на обнаружение сходства.

Еще на первых этапах развития научной психологии исследователи очень хорошо осознали, что «простые», одномерные модели в этой науке имеют ограниченное значение.

История психологии убедительно свидетельствует, что на основе одной «базовой категории» (структура, функция, процесс, генезис, уровень) (В.А.Мазилов, 1998), либо одной из фундаментальных психологических категорий (образ, мотив, действие) (М.Г.Ярошевский, 1974) адекватную психологическую теорию построить невозможно. Поэтому были предприняты многочисленные попытки осуществления различных «синтезов», посредством которых ученые пытались создать «сложные» модели: соединить объективную психологию с субъективной, сознание с поведением и т.п. Эту стратегию высмеял еще Л.С.Выготский, который писал о том, что соединяют «голову» одной концепции с «туловищем» другой и приставляют «хвост» от третьей. Другие стратегии – разработка общих теорий (наиболее известной является концепция деятельности, успешно разрабатывавшаяся в отечественной науке), либо переход на новый уровень психологического мышления (например, от

аристотелевского к галилеевскому, по К.Левину (Lewin K., 1931))3. О системном подходе, который также претендовал на роль «интегратора» знаний, мы уже писали.

Чтобы избежать недоразумений, еще раз повторим: конечно, задача любого научного исследования состоит в том, чтобы продуцировать новое знание. По известному выражению М.Г.Ярошевского, «в науке существует запрет на повтор», ценность имеют только новые знания. Но направленность на понимание взглядов других также должна быть представлена (или специально сформирована). Подчеркнем, что это особенно важно для молодых, начинающих исследователей.

Но, как свидетельствует опыт (и история психологии), одного стремления к пониманию мало. Необходимы специальные инструменты, обеспечивающие взаимопонимание (и на этой основе интеграцию). Таких инструментов в готовом виде нет, студентов-психологов этому не учат. И в этом состоит главная трудность на пути интеграции психологического знания. Коммуникативная методология психологической науки представляет собой первую попытку создания такого инструмента.

Коммуникативная методология

Итак, главная трудность на пути интеграции – отсутствие специального аппарата, позволяющего ее осуществлять. Главный вопрос, который предстоит решить, как именно она будет осуществляться. Иными словами, на повестке дня стоит вопрос о разработке методологии, теории и конкретной технологии интеграции.

Необходимость разработки коммуникативной методологии определяется тем, что в современной психологии накоплен богатейший материал: огромное количество фактических данных, гипотез, обобщений, концепций и теорий разного уровня. Вместе с тем (ввиду отсутствия общепринятых универсальных теорий) не складывается общая картина психического, которая удовлетворила бы потребность психологического сообщества в адекватной общей теории. Психологи вынуждены пользоваться совокупностью концепций, каждая из которых имеет свои достоинства и недостатки. Поэтому требуется инструмент, позволяющий осуществлять соотнесение различных психологических теорий и в перспективе производить интеграцию психологического знания.

Современная традиционная методология психологии занимается почти исключительно исследованием процедур добывания и обоснования психологического знания. Коммуникативная методология нацелена на сопоставление психологических концепций, на установление взаимопонимания. Подчеркнем специально, что в течение многих десятилетий методология психологии была направлена исключительно на разработку средств, позволяющих осуществлять процесс познания психического (когнитивная функция методологии психологии). Методология психологической науки должна выполнять и коммуникативную функцию, т.е. способствовать установлению взаимопонимания между разными направлениями, подходами внутри психологической науки. Для этого необходимо сопоставление научных концептуальных систем, выполненных в разных научных традициях.

[3] Здесь не место оценивать эффективность этих стратегий. Отметим лишь, что во многом именно они определили лицо психологии двадцатого столетия. Во всяком случае, проблема интеграции по-прежнему актуальна и пока что еще далека от окончательного решения, а это означает, что поиск должен продолжаться.

Необходима коммуникативная методология, направленная улучшение взаимопонимания между различными научными школами, между различными традициями. Без этого невозможна реальная интеграция психологического знания.

Цель коммуникативной методологии состоит в разработке теоретической модели, обеспечивающей соотнесение психологических концепций и осуществление на этой основе интеграции психологического знания.

Задачи коммуникативной методологии: 1) разработать конкретную модель соотнесения психологических концепций; 2) разработать вспомогательный методологический аппарат; 3) разработать конкретную технологию интеграции; 4) осуществление конкретной интеграции (на специально выбранных «полигонах»). Перспективной задачей следует полагать выход за пределы научной психологии и осуществление интеграции между научным и практико-ориентированным психологическим знанием, между научным знанием, с одной стороны, и ненаучным (и вненаучным), с другой.

Теоретическую основу коммуникативной методологии составляет концепция соотношения теории и метода в психологии (В.А.Мазилов, 1998).

К коммуникативной методологии сегодня предъявляются следующие требования: это должна быть методология на исторической основе, т.е. учитывающая исторический путь, пройденный психологией; это должна быть деидеологизированная методология; это должна быть методология плюралистическая (не ориентированная на единый универсальный научный стандарт); это должна быть методология, учитывающая возможность наличия различных целей получения психологического знания (познавательных или практических); наконец, это должна быть содержательная методология, т.е. рассматривающая вопросы реального предмета психологической науки (Мазилов, 2001).

Важно точно понимать, каковы (на сегодняшний день) реальные возможности коммуникативной методологии. Наибольшую трудность, как показывает развитие психологии в XX столетии, являет собой «несоразмерность», «несопоставимость» различных психологических концепций, что подчеркивается многими авторами, которым это препятствие представляется вообще непреодолимым: по их мнению, различные подходы, парадигмы являются несоотносимыми.

По-видимому, дело обстоит не так безнадежно, соотнесение все-таки возможно. Назовем основные положения, составляющие фундамент концепции коммуникативной методологии, направленной на реальное соотнесение различных психологических теорий. В данном случае мы ограничимся лишь формулировкой некоторых предварительных соображений.

Во-первых, это представление о предмете психологии как сложном, многоуровневом. Как было показано в предшествующих работах (Мазилов, 1998), предмет психологии имеет сложное строение: можно говорить о «декларируемом», «рационализированном» и «реальном» уровнях. Различение уровней предмета позволяет избежать многих недоразумений, поскольку соотнесение концепций должно происходить на уровне «реального» предмета. Отметим здесь, что разработка концепции предмета представляет сложнейшую задачу (как ни удивительно, научная разработка этой проблемы еще только началась), но она совершенно необходима, т.к. является обязательным условием для продвижения в этом магистральном направлении.

Во-вторых, как было показано ранее, многие недоразумения в психологии возникают от неоднозначного понимания многих терминов. Множественность определений и трактовок была и остается «фирменным» знаком психологии. Покажем это на примере понятия «метод». История психологии дает массу примеров, как различные авторы давали противоположные характеристики одним и тем же методам. Парадоксально, но для этого имелись определенные основания. Разработанный нами подход позволил дать однозначный ответ на этот вопрос. Специальное исследование показало, что метод имеет уровневое строение: можно говорить, по меньшей мере, об идеологическом, предметном и операциональном уровнях метода (Мазилов, 1998). Естественно, что характеристики метода на разных уровнях будут существенно различаться. При сопоставлении психологических концепций важно иметь в виду, что на разных уровнях метод выступает существенно по-иному, поэтому необходимо строго учитывать данное обстоятельство. Отметим здесь, что подобного рода проблемы возникают по отношению едва ли не к каждому психологическому понятию, что, несомненно, затрудняет работу по интеграции психологического знания. Выявление подлинного и мнимого спектра значений того или иного понятия - еще одна актуальная задача методологии психологической науки.

В-третьих, при соотнесении должна использоваться рабочая схема, определяющая технологию соотнесения (с помощью которой будут производиться конкретные операции соотнесения). Главная сложность состоит в том, что такая схема должна представлять собой инвариант, характеризующий любую психологическую концепцию. Поскольку многообразие психологических теорий общеизвестно, задача кажется практически невыполнимой. Однако наши предшествующие исследования показали, что может быть намечен путь решения и этой проблемы. Наши исследования в области методологии психологической науки показали, что может быть выделена универсальная проблема, с которой сталкивается любой исследователь-психолог (подчеркнем, вне зависимости от того, осознает он это или действует интуитивно), - проблема соотношения теории и метода. Первоначально нами была разработана на основе историко-методологических исследований исходная схема, которая в последующих исследованиях была уточнена и подвергнута проверке на универсальность (Мазилов, 1998, 2001).

Разработанная схема соотношения (см. рис. 1) получена на основе историко-методологического анализа развития психологической науки (как концептуальной системы и как деятельности). Эта схема характеризует научную концепцию в ее целостности — от первоначального замысла (предтеория) до получения итогового продукта (научной теории). Главным достоинством предлагаемой схемы является то, что она, как показали наши исследования (Мазилов, 1998, 2001), представляет собой структурный инвариант, и, следовательно, может выступать в качестве основы для осуществления сопоставления различных концепций. Схема является «замкнутой», т.е. позволяет понять, каким образом полученные результаты одного исследования порождают гипотезы, подлежащие проверке в следующем авторском исследовании.

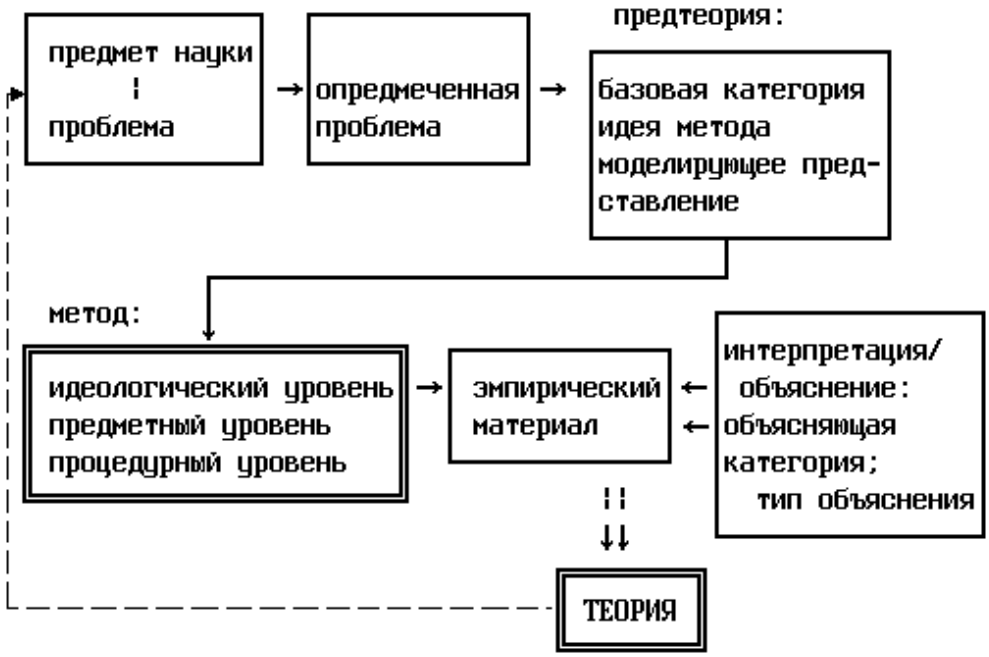


Рис.1. Модель соотношения теории и метода в психологии

Таким образом, опираясь на разработанную модель соотношения теории и метода в психологии, возможно разработать коммуникативную методологическую модель, позволяющую реально соотносить различные психологические концепции, обнаруживая в них как совпадающие элементы, так и те, в которых сопоставляемые концепции различаются.

Остановимся несколько подробнее (в силу особой важности этого аспекта) на главной характеристике предлагаемой модели – ее универсальности. Универсальность данной модели обеспечивается тем, что:

- В ней задан предмет психологии. Таким образом (напомним, предмет многоуровнев, исходное понимание максимально широкое – «площадка для сборки») оказываются реально соотносимыми любые психологические концепции (которые действительно являются психологическими – по предмету исследования).

- В ней задан метод. Любая психологическая концепция предполагает использование тех или иных методов (принципиально схема не изменяется даже в случае чисто теоретической концепции, она в данном случае лишь модифицируется; в данной статье мы не будем специально анализировать подобную ситуацию). Поскольку метод многоуровнев, появляется реальная возможность поуровневого соотнесения различных психологических концепций.

- Предтеория является важнейшим понятием в процедуре соотнесения. Моделирующие представления, к примеру, обычно не только не вербализуются исследователем, но и вообще не эксплицируются. Тем не менее, этот элемент является чрезвычайно важным (нами было показано, что различные теории мышления, к примеру, отличаются в первую очередь тем, что используют различные моделирующие представления) (см., например, Мазилов, 1998). Естественно, то же самое можно сказать и о базовой категории, и о других компонентах предтеории.

Создается возможность для реального соотнесения различных типов и способов объяснения.

Мы не будем специально останавливаться на других характеристиках предлагаемой модели. Отметим лишь, что единство теории и метода достигается за счет того, что теория как результат исследования и метод как средство осуществления исследования имеют общие корни, которые могут быть обнаружены в предтеории (отдельные компоненты предтеории определяют различные уровни метода). Отсюда становится ясно, почему в одном случае используется один вариант метода, тогда как в другом случае используется иной. Становится ясно, почему один и тот же метод может иметь совершенно различные характеристики в глазах разных исследователей. Наличие уровней в структуре метода позволяет по-новому подойти к проблеме инвариантности и вариативности метода и т.д.

Предложенная нами схема соотношения теории и метода в психологии является основой для одного из вариантов коммуникативной методологии. Достоинством этой схемы является ее достаточно универсальный характер. Важно подчеркнуть, что она учитывает специфику именно психологического исследования (поскольку предполагает включение реального предмета). Не подлежит сомнению, что, задача реального освоения богатства, накопленного психологической наукой, требует практических шагов, направленных на разработку средств и конкретных методологических процедур, которые позволили бы способствовать более эффективной коммуникации психологических концепций. Реальной становится интеграция психологического знания на уровне концептуальных структур - осуществление такой интеграции представляется одной из первоочередных методологических задач психологии нового века.

Литература:

1. Выготский Л.С. Исторический смысл психологического кризиса// Выготский Л.С. Собрание сочинений. т.1. М.,1982, с. 291-436.
2. Козлов В.В. Интегративная психология: предмет, задачи и перспективы // Вестник интегративной психологии, Вып №1, 2003, с.6-11.
3. Козлов В.В. Манифест интегративной психологии // Социальная психология XXI века. Т.1. Ярославль, 2004, с.10
4. Мазилов В.А. Теория и метод в психологии. Ярославль: МАПН, 1998. 356 с.
5. Мазилов В.А. Психология на пороге XXI столетия: Методологические проблемы. Ярославль: МАПН, 2001. 112 с.
6. Мазилов В.А. Научная психология: тернистый путь к интеграции // Труды Ярославского методологического семинара: Методология психологии. Ярославль, 2003, с.205-237
7. Новиков В.В., Козлов В.В. К определению интегративной методологии// Человек. Власть. Общество. Хабаровск: Дальний восток, 2002, с.191-194.
8. Юревич А.В. Системный кризис психологии // Вопросы психологии, № 2, 1999, с. 3-11.
9. Юревич А.В. Методологический либерализм в психологии // Вопросы психологии, 2001, №5, с.3-19
10. Ярошевский М.Г. История психологии. 3-е изд., дораб. М.:Мысль, 1985. 575с.
11. Ярошевский М.Г. Психология в XX столетии. М., 1974.

12. Lewin K. The Conflict between Aristotelian and Galilean Modes of Thought in contemporary Psychology // J. Gen. Psychol., 1931, pp.141-177.
13. *(Работа выполнена при поддержке РГНФ, грант 04-06-00218)*

РОЛЬ ИСС В ТВОРЧЕСКОЙ РЕАЛИЗАЦИИ ЛИЧНОСТИ

Д.И.Абрамов (Ярославль)

Человечество на протяжении веков пытается «разгадать загадку Творчества». В рамках философии, теологии, различных учений мистического толка, психологии и эстетики существует множество моделей, которые определённым образом истолковывают данный феномен и обозначают механизмы творчества.

Многообразие постулатов, лежащих в основе каждой из этих моделей, многообразие методологических подходов обуславливают наличие огромного числа точек зрения на само понятие творчества, его природу и закономерности.

У слова «творчество» есть несколько возможных значений. Для большинства людей творчество означает способность вызывать к жизни что-то новое. Для других оно — не способность, а психологический процесс, посредством которого ранее неизвестные и полезные вещи обретают форму. Для третьих творчество не процесс, а результат. Определения творчества охватывают широкий диапазон: от идеи о том, как проще справиться с той или иной задачей, до концепции творческого акта как полного осуществления и выражения всех уникальных возможностей индивида.

В последнее время в науке обсуждается мысль о возврате к широкому трактованию творчества, что было характерно для ранних этапов разработки проблемы. Я. Пономарёв, например, предлагает определить феномен творчества как «необходимое условие развития материи, образования её новых форм, вместе с возникновением которых меняются и сами формы творчества» [7, с. 43]. А творчество человека – лишь одна из таких форм. Но именно эта форма наиболее интересна для нас.

Анализ различных подходов к феномену творчества показал, что несмотря на всё многообразие точек зрения, почти все исследователи сходились в том, что в процессе творчества имеет место некий миг, когда решение (если речь идёт о задаче), образ, идея появляются как будто бы из ниоткуда. Это миг вдохновения, объяснить который так долго пытаются представители различных течений. Здесь имеет место внелогический охват жизни и слияние с ней, здесь не нужны слова, идея возникает мгновенно во всей своей полноте, и человек непосредственно улавливает суть происходящего.

Представители мистицизма и идеалистических философских учений прибегают к мистике при объяснении творчества, ставят созидательную деятельность человека в причинно-следственную зависимость от творческой активности сверхчеловеческого существа – Бога, Духа, Мира идей и т. д. Словарь В.И. Даля даёт следующее определение: «Бог – Творец, Созидатель, Вседержитель, Всевышний, Всемогущий, Предвечный, Сущий, Сый, Господь, Предвечное существо, Создатель Вселенной» [цит. По 11, с.108]. В духе богословия автор утверждает: «Один Бог творит». Правда и за человеком теология признаёт определённую долю причастности к творческой деятельности [там же]. Как утверждал православный богослов Н. Заболотский, «христианское мировоззрение строится на фактах, из них первый и наиболее ощутимый тот, что человек призван быть творцом и созидателем по образу и

подобию божию …» [там же]. В рамках богословия творчество трактуется как вторжение извне в сознание художника голоса Бога и вещание Истины устами художника. Роль человека сводится к роли пассивного рупора божественных идей. Хотя существуют и другие точки зрения на субъект творческой деятельности, например Н. Бердяев считал, что творчество человека – это не что иное, как продолжение дела божественного творения руками человека-творца. Бердяев отмечает, что «Бог-творец актом всемогущей своей воли сотворил человека – свой образ и подобие – как существо свободное и обладающее творческой мощью» [цит. По 11]. Но так или иначе, именно Бог – причина творческой активности, по мнению представителей данного направления.

Многие философы конца 19 – начала 20 века в оценке места и роли интуитивного и дискурсивного в творчестве переносили акцент на первое. Так, например, А. Шопенгауэр считал художественное творчество высшим видом человеческой деятельности именно в силу его интуитивного характера, тогда как роль дискурсивного, разума, относил к чему-то второстепенному в структуре данного процесса. Вообще Интуиция признавалась единственно возможным путём познания Истины. Именно интуитивным приобщением к сути мира объясняли интуитивисты Вдохновение.

При рассмотрении творчества представителями психоанализа, переход на новый энергетический уровень, который имеет место в творческом акте, связывался с сублимацией. И миг вдохновения объяснялся ими как тот момент, когда Альтер-эго находит канал для высвобождения энергии Бессознательного социально приемлемым путём.

В истории советской психологии творчества периодом подъёма этой области науки были 20-е годы 20 века, когда наблюдалось относительное изобилие исследований по проблемам творчества. Характерной особенностью данного периода является чёткая выраженность фокуса проблемы творчества, её центрального звена. Тогда таким звеном являлось понятие интуиции, теснейшим образом связанное с представлением о бессознательной работе [7]. Многие авторы подчёркивали, что именно интуитивный момент – специфически психологический предмет исследования в общей проблеме творчества, и рассматривали этот момент как кульминационный пункт творческого процесса. Стоит особо отметить, что понимание бессознательной работы, суть которой невозможно отразить в логических терминах как кульминационного процесса в творчестве, основано на фактическом материале – описаниях событий, связанных с открытиями, изобретениями, созданием шедевров художественного творчества.

30-е годы принесли гонения на идею о бессознательном, и понимание центрального звена творческого процесса сместилось в сторону осознанной части психики. Плюрализм не допускался, и количество публикаций по проблеме снизилось почти до нуля. Но, тем не менее, миг вдохновения не исчез из фокуса научного внимания – просто его стали рассматривать как результат особого вида работы сознания, которая протекает по тем же законам что и обычная умственная деятельность. Нивелирование роли бессознательного в творчестве привело к признанию главенствующей роли сознания, следовательно, творчество подчиняется законам логики и можно отыскать алгоритмы, оптимизирующие поиск решения в творческой ситуации. На основании этого положения в советской науке велись поиски этих алгоритмов

(алгоритмы решения изобретательских задач Г. С. Альтшуллера), которые бы вооружили человека методами нахождения решения, создания новых идей.

С этой идеей многие учёные не соглашаются. Они подвергают сомнению постулат о движении творящего Духа по пути, ограниченному логикой. Ведь творчество часто бывает алогичным (нам же кажется, что скорее стоит говорить о логике другого состояния, которая вне его кажется алогичной). Процесс нахождения решения по таблицам не является творчеством в полном смысле этого слова, это скорее конструирование, синтез, использование готовых методов, в общем ничего нового там нет и никакого катарсиса, никаких «пиковых переживаний», всё в пределах обычного видения мира.

В настоящее время в отечественной психологии сосуществуют различные подходы, которые по-своему отражают определённые аспекты того явления, которое они обозначают как творчество.

Нам кажется, что под творчеством следует понимать особый тип активности, присущий человеку и проявляющийся во всём многообразии взаимоотношений данного человека с внешним и внутренним миром. Мы предлагаем считать творчеством не только формализованные виды деятельности, например живопись, скульптуру, музыку и прочие, имеющие свой набор средств выразительности и определённые законы, эстетические системы, в рамках которых, безусловно, можно найти новые способы выражения, нарушить правила и создать новую систему, но и любой выход за пределы устоявшихся образцов во всём многообразии его проявления. Творчеством в нашем понимании может считаться, например, принятие решения поступить каким-либо неожиданным образом, не так как человек всегда поступал. Это преодоление «страха темноты», отказ от уютной и обжитой зоны привычки во имя новых ощущений, нового опыта, выбор в пользу увеличения напряжения, выбор роста, по Маслоу [5,6].

В творческом акте выражается отношение человека к миру вокруг него и к самому себе. В процессе творчества человек деятельностно проявляет то, чем он является в настоящий момент. Нам кажется очень важным заострить внимание именно на этом аспекте. Творчество тесно связано с самоактуализацией. Понятие «самоактуализация» часто употребляется в литературе наряду с понятиями «самореализация», «реализация своих возможностей». Оно широко используется в гуманистической психологии, в рамках которой и было разработано. А. Маслоу, один из отцов гуманистической психологии определяет самоактуализацию как «стремление к самоосуществлению, точнее тенденцию актуализировать то, что содержится в качестве потенций. Эту тенденцию стоит назвать стремлением человека стать всё более и более тем, кем он способен стать», это стремление развиваться в соответствии с априорно заложенными в индивида законами развития, своеобразный естественный рост. Оно синтетично, « … включает в себя … развитие творческого и духовного потенциала человека, максимальную реализацию всех его возможностей, адекватного восприятия окружающих, мира и своего места в нём, богатство эмоциональной сферы и духовной жизни, высокий уровень психического здоровья и нравственности». Творчество является средством и способом самоактуализации. И креативность является характерной чертой самоактуализированных людей, по Маслоу [5, с. 246].

В творчестве проявляется сущность человека в единстве всех его полярностей, он целостен [2], это опыт интеграции.

В то же время, творчество – это выход за пределы обыденных, привычных образцов действий, мыслей, насыщение новыми смыслами знакомого пространства. Этот выход, новый взгляд обеспечивается именно тем загадочным мигом вдохновения, который можно объяснять с помощью различных теорий. Поэтому, наверное, несмотря на разницу в подходах и исходных постулатах, представители многих направлений поставили в центр внимания это звено в структуре творческого процесса.

Поскольку творческое озарение, миг вдохновения по многочисленным описаниям имеет форму скачка, резкого перехода в принципиально новое пространство, где всё видится несколько по-иному, нам кажется целесообразным попытаться рассмотреть это «центральное звено творческого процесса» с помощью модели дискретных состояний сознания Чарльза Тарта.

Тарт является основоположником теории прерывных состояний сознания. Его воззрения примыкают к весьма сильной на родине учёного традиции подчёркивания разнородности состояний и их многообразия. Не случайно это слово – «многообразие» - стоит в заголовке известной книги психолога начала века У. Джемса. «Наше бодрствующее сознание, - цитирует его Ч. Тарт, - есть не более чем один особый тип сознания, в то время как повсюду вокруг него лежат совершенно другие, потенциальные формы сознания, отделённые тончайшей преградой» [9, с. 8].Он даёт следующее определение: «Состояние сознания – это уникальная конфигурация, или система, психологических структур либо подсистем таких структур. Части или аспекты ума, которые при этом могут быть выделены для аналитических целей (такие как память, процесс оценивания, чувство идентичности) объединены в определённые паттерны. Природа этих паттернов и элементов, из которых эти паттерны состоят, определяет, что мы можем в этом состоянии и чего не можем [10].

Каждое состояние описывается Тартом как хорошо упорядоченная, взаимно увязанная совокупность физиологических и психических процессов. Пока они остаются в рамках данного состояния, функционирование их обусловлено исключительно внутренними причинами и направлено на поддержание этого ключевого стереотипа. При переходе к другому состоянию, который имеет форму скачка, происходит непременный разрыв связей и их последующая перестройка на новый лад, а это новое качество опять-таки управляется лишь внутренними законами. Тарт говорит: «Прерывные состояния сознания – не просто количественные вариации вдоль одного или более континуумов… но качественные, изменяющие парадигму, функционирующие системно различия» [там же].

Естественно, что судить о конкретном состоянии можно лишь с его же позиций, почему любая патология, в принципе, приравнивается к любому другому состоянию. Поскольку преодоление прерывности происходит лишь скачком, изменённые состояния и внутри и патологии, и нормального состояния ни к чему не приближают и поэтому имеют третьестепенный интерес. В общем, любое описанное психологами явление может составлять ось для какого-нибудь состояния сознания – и в арсенал прерывной теории включаются все они, от теории архетипов до энантиоморфности. Единственное требование ограничивается возможностью их изложения на каком-либо общем макроязыке, в качестве которого принята общая теория систем. Впрочем, Тарт не исключает и возникновения в некоторых состояниях особых логик, что ведёт

к выделению так называемых связанных с состоянием наук. Каждая из них развивает для своего предмета особый метод [там же].

Несмотря на видимую радикальность, эта концепция вырастает из хорошо, в сущности, известных науке явлений. Так, по мере углубления здорового человека в гипнотический сон обычно наблюдается несколько стадий. Если на начальных стадиях все показатели отклоняются от обычных величин плавно, то при наступлении конечной стадии – глубокого гипноза – происходит скачок. Большинство показателей перестраивается на совсем новый лад, а речевой контакт (раппорт) пропадает. В связи с этим в гипнотерапии принято не доводить дело до конечной стадии или уже развивать для неё особые методы раппорта. Кстати, Тарт приобрёл известность как исследователь разных типов сна [9]. По-видимому, описанные и использованные им в терапии моменты перестроек сознания при переходе к глубокому гипнозу и составили теоретическую основу прерывности, которая была распространена на состояния сознания в целом.

В настоящее время в европейской психологической традиции нет общепринятой классификации состояний сознания. Нет даже чёткого определения. Определения крайне размыты и не позволяют выделить качественной разницы между ними. Термины «необычные состояния сознания», «изменённые состояния сознания», «неординарные состояния сознания» слишком широки и зачастую употребляются как синонимы. Но то, что нет единства, вовсе не значит, что попытки классифицировать состояния сознания не предпринимались.

Д.Л. Спивак и большинство исследователей, изучающих язык при ИСС и представляющих деятельность сознания как прохождение различных состояний под действием эндо- и экзогенных факторов, предлагают всё многообразие состояний сознания разделить на две большие группы: на исходные состояния сознания – так сказать, наиболее отчётливые (к ним относятся нормальные и патологические), а также изменённые , выражающиеся в градациях в рамках каждого из исходных состояний [9, с. 7].

Ф.Д. Гудман определяет ИСС как «психическое состояние, вызванное тем или иным физиологическим, психологическим или фармакологическим агентом, субъективно описываемое индивидом в терминах внутреннего опыта и при объективном наблюдении за ним характеризуемое как отклонение от определённой нормы функционирования психики» [8, с. 404].

Ч.Тарт определяет ИСС как качественную перестройку в индивидуальном паттерне психического функционирования. Он говорит, что состояние сознания является изменённым, если оно явно отличается от некоторого основного состояния, с которым мы его сравниванием. Поскольку в качестве стандарта для сравнения мы, как правило, используем обычное состояние бодрствования, то такое состояние как ночное сновидение, тоже можно считать изменённым. Другими хорошо известными примерами ИСС являются гипнотическое состояние, состояния, порождаемые психоактивными веществами, например, алкоголем, состояния, вызываемые сильными эмоциями, такими как гнев, паника, депрессия или приподнятое настроение (слабые эмоции могут возникать в различных состояниях, но когда их интенсивность переходит определённую критическую точку, происходит реорганизация сознания в дискретное эмоциональное состояние, которое отличается от того состояния, в котором эти эмоции появились), а также состояния, вызываемые медитативными практиками [10].

Наиболее ранней формой фиксации и развития в человеческой культуре сознательного индуцирования ИСС и их активного применения с различными целями является шаманизм. В этнографии описаны изменённые состояния, известные под названиями «шаманская болезнь», «шаманский транс», состояния коллективного транса, например в процессе проведения шаманского обряда камлания и т.д. В дальнейшем ИСС и приёмы их наведения нашли своё место как в различных религиях, так и в народной культуре: в знахарстве, гаданиях, деревенской магии, карнавалах и др. Привлечение внимания науки к феноменам ИСС и способам их регуляции связывается с эпохой месмеризма, когда Ф. А. Месмером (1733 – 1815) были заложены основы гипноза и начато его активное терапевтическое использование [8].

Далее мы считаем необходимым особое внимание уделить такой группе ИСС как расширенные состояние сознания (РСС). Изменённые состояния сознания включают в себя огромное число состояний, которые оказываются малоинтересны либо вовсе неинтересны с терапевтической или эвристической точки зрения [3, с. 19]. В. В. Козлов говорит, что многочисленные исследования показали исключительную природу и эвристическую ценность РСС [там же, с. 20]. Он определяет РСС как особое состояние изменённого сознания, которое возникает при связном дыхании. Хотя в среде профессионалов понятия ИСС и РСС зачастую используются как синонимичные, эти термины не идентичны как по объёму, так и по содержанию. Понятие ИСС является родовым по отношению к понятию РСС. К ИСС относятся и медитативные, трансовые, психоделические и др. необычные состояния сознания. Процесс связного осознанного дыхания является способом и средством достижения РСС. При этом возникающее РСС является естественным психологическим и физиологическим феноменом [там же].

РСС характеризуется максимальной мобилизацией ресурсов человеческой психики, когда человек при помощи полного расслабления и осознанного связного дыхания получает расширенные возможности управления центральной и периферической нервными системами, работе с бессознательным материалом, организмом в целом.

Миг творческого озарения вполне можно, на наш взгляд, рассматривать как особого рода «целостную характеристику психической деятельности за определённый период времени», то есть состояние сознания [8, с. 20], особое, творческое состояние сознания.

Это состояние сознание относится к группе РСС, что следует из описаний «творческого состояния» в рамках различных подходов к творчеству, его целительными свойствами (см. например [2, 1]). Оно во многом схоже по своей феноменологии с состоянием, описанным М. Чиксентмихале как «поток».

Человек, если рассматривать его в рамках системного подхода, в творческом состоянии получает постоянный приток энергии за счёт раскрытия ресурсов, интеграции областей «не-Я», внешних источников. Эта энергия распределяется системообразующим элементом, то есть творческим состоянием сознания, между основными образованиями личности. Как правило, эта энергия в процессе творчества, который имеет небольшую длительность, если сравнивать с тем временем, которое человек проводит в обыденном состоянии сознания, идёт на обслуживание самого творческого процесса, обеспечение которого является для системы приоритетным. Но большую часть времени люди проводят в обыденном состоянии сознания и привязаны к своим

идентификациям, творчество же – это лишь более или менее кратковременный выход за их пределы. Ввиду того, что в творческом состоянии сознания энергия системы преимущественно направляется на обеспечение творческой деятельности, остальные элементы системы могут недополучать энергию. Очень часто бывает, что в творческом состоянии человек трансцендирует свои материальные и социальные идентификации, не следит за тем, как он выглядит в глазах других, забывает поесть и т. д. Творчество очень ресурсоёмко, а поскольку человек не является только духом, он ещё и биосоциальное существо, творчество может подорвать его силы, причём не только физические, но и психические. В творческом состоянии не может находиться постоянно, он возвращается к некому «нормальному» состоянию, обычному для него. Но возвращается он туда не таким, каким оттуда выходил, поскольку пребывание в творческом состоянии накладывает свой отпечаток, да и вообще пребывание в любом РСС. Вернувшись в «чёрно-белый» мир, где есть идентификации и имеются границы «Я» и «не-Я», он уже знает, что этот мир не единственно возможный и вообще это лишь часть того, что есть на самом деле, поэтому прежние связи не являются абсолютными. Расширение границ «Я», происходящее в процессе творчества, обуславливает несоответствие той области, что была и той, которая имеется после опыта творческого состояния сознания. А это значит, что возникает определённые противоречия внутри системы, что ведёт к возрастанию внутри неё энтропии, которое, продолжаясь, может привести к неравновесному состоянию, что можно рассматривать как кризис [4]. В таком случае возможны два варианта дальнейшего развития системы – позитивная дезинтеграция кризиса и негативная. То, по какому из путей пойдёт система зависит от многих факторов, как внешних так и внутренних.

Таким образом, можно сказать, что опыт нахождения в творческом состоянии сознания может повлиять на личность как положительно (то есть в сторону увеличения уровня интегрированности, расширения границ пространства личности, принятия новых и недоступных прежде способов проявления себя), так и отрицательно.

Рассматривая миг творческого озарения, вдохновения как скачок из обыденного состояния сознания в творческое состояние сознания, мы понимаем, что это всего лишь схема, дающая приблизительное представление о том, что происходит с человеком в процессе творчества. Это всего лишь уловка. Но на настоящий момент мы считаем её вполне допустимой.

Также мы считаем необходимым заметить, что свобода проявления себя в творчестве в широком его понимании почти всегда связана с преодолением внешнего и внутреннего напряжения. Мы сами и те, кто нас окружают, тяготеем к испытанным способам проявления себя, к знакомым тропам. Так жить бывает довольно удобно. Иногда. А проникая в новые области, никогда не можешь сказать точно, кто и что там тебя встретит. Уже повод задуматься.

К тому же, многим окружающим может быть не понятно, зачем вообще стоит отходить от устоявшихся маршрутов. Они могут пытаться удерживать нас в старой доброй колее. Из лучших побуждений, конечно же.

Начав ходить своими дорогами, нужно быть готовым к тому, что путешествовать придётся в одиночестве. Зато так можно услышать свой собственный голос. Но это не единственный правильный путь – всего лишь один из множества таких же единственно правильных для каждого отдельного человека. Подумайте, ваша ли это дорога. Их ведь много. Можно пойти по

любой. Найдите свою. Ходить с караваном тоже не так уж плохо. Главное, чтобы дорога вела туда, куда вы хотите попасть. А так ли вам надо идти куда-то?

Ну а если уж решились сдвинуться с места, чего ждать-то! Удачи!

Литература:

1. Выготский Л. С. Психология искусства, - Москва: «Искусство», 1986;
2. Галин А. Личность и творчество. Психологические этюды, - Новосибирск, 1989;
3. Козлов В. В. Психотехнологии изменённых состояний сознания. Личностный рост. Методы и техники, - М.: Изд-во Института Психотерапии, 2001;
4. Козлов В. В. Социальная работа с кризисной личностью. Методическое пособие. - Ярославль, 1999;
5. Маслоу А. Мотивация и личность. - Спб., 1999;
6. Маслоу А. Новые рубежи человеческой природы http:// victor. by ru. ;
7. Пономарёв Я. А. Психология творчества и педагогика, - М.: «Педагогика», 1976;
8. Психология сознания / Сост. И общая редакция Л.В. Куликова, - СПб.: Питер, 2001;
9. Спивак Д. Л. Язык при изменённых состояниях сознания, - Ленинград: «Наука», 1989
10. Тарт Ч. Пробуждение, - М.: Изд-во Трансперсонального Института, 1997
11. Цапок В. А. Творчество: философский аспект проблемы, - Кишинёв: «Штиинца», 1989

ГАРМОНИЧНАЯ ЛИЧНОСТЬ

И.В. Алхимина (Ярославль)

Одним из важнейших принципов существования Мира (Природы) является закон гармонии, который можно сформулировать следующим образом: любой предмет вечной и бесконечной Природы и сама она в целом стремятся к некоему оптимальному состоянию и функционированию. Гармония - это оптимальная статическая и динамическая согласованность частей, характеристик целого предмета и оптимальная соотнесенность предмета с окружающим внешним миром. Синонимами ей в какой-то степени служат понятия "равновесие", "упорядоченность", "сбалансированность", "пропорциональность", "целостность" и др. Принцип мировой гармонии известен с древнейших времен: гармония как единство в многообразии у Аристотеля, принцип Инь-Ян в Древнем Китае, принцип срединного пути или “золотой середины” в Древней Индии.

В человеческой личности закон гармонии проявляется, с одной стороны, в виде интуитивного стремления к установлению оптимального внутреннего баланса разнонаправленных и противоположно направленных мотиваций, и, с другой стороны - в отыскании оптимальных соотношений своих желаний и установок с особенностями внешней окружающей среды. В конечном счете, эти стремления призваны приводить нас к гармоничной жизнедеятельности в согласии с собой и с Природой. Как готовое состояние и функционирование гармония является скорее космическим идеалом, нежели полностью осуществленной реальностью. У каждого человека уже сегодня есть какие-то элементы гармоничной жизни, и каждый может увеличить величину этой

гармонии. Однако важно понимать, что это не постоянное, а динамичное состояние личности. Параметры внутренней и внешней среды непрерывно меняются и могут в любой момент нарушить установившееся оптимальное равновесие. Для его поддержания требуются ежедневные, разнообразные усилия человека.

Следует отметить, что ряд психологических теорий внутри структуры личности вычленяют три глобальные подструктуры, с которыми она непосредственно отождествляется и идентифицируется, это:

* »Я» - материальное;
* »Я» - социальное;
* »Я» - духовное.

Согласно теории В.В.Козлова, каждая структура идентификации имеет некий центр. Так центром «Я» - материального является образ своей телесности, отношение к телу. Вторичные материальные идентификации это пол, возраст и качества, которые показывают отношение к своей телесности, биологической данности. Окружающие вещи являются ярким критерием отношения к телу: квартира, в которой живёт человек, машина, счет в банке, загородный коттедж и т.д.

Стержневой структурой, вокруг которой разворачивается «Я» – социальное, является интегративный статус, где под интегративным статусом понимается то социальное положение, которым содержательно наполнено жизненное пространство и на которое направлена активность человека. Именно он диктует мировоззрение, ценностную ориентацию, круг интересов, сферу общения, способ жизни в целом.

Ядро «Я» - духовного – это интимные, сакральные смыслы, которые касаются основных вопросов бытия, среди которых следует выделить любовь, одиночество, проблему смысла жизни, экзистенциальной грусти, тоски.

Известные психотерапевты Н. Пезешкиан и его сын Х. Пезешкиан в своей авторской концепции – позитивная психотерапия – на определенном этапе работы с клиентом с учетом принципа гармонизации используют распределение энергии по 4 основным сферам жизнедеятельности личности – телесной, ментальной, социально-коммуникативной и духовной. К телесной они относят еду, сон, секс, телесные контакты, забота о внешности, физические упражнения, переживания боли и телесного комфорта – дискомфорта; к ментальной – удовлетворение познавательной потребности и любознательности, профессиональные достижения; к социально–коммуникативной – общение человека; к духовной – мировоззренческие и религиозные переживания, фантазии о будущем, надличностные переживания. В идеальной, гармоничной модели на каждую сферу жизнедеятельности выделяется по 25% жизненной энергии.

Исследуя психоанализ, отслеживается, что структура личности, по Фрейду, состоит также из трех компонентов – Ид («Оно»), Эго («Я») и Супер-эго («Сверх-Я»). Ид функционирует целиком в бессознательном и фактически является энергетической основой личности. В нем содержатся врожденные бессознательные инстинкты, которые стремятся к своему удовлетворению на телесном уровне, разрядке и облегчению болезненного напряжения любой ценой (материальный аспект личности). Эго следует принципу реальности и действует посредством вторичного процесса. Эго вырабатывает механизмы, позволяющие адаптироваться к среде, социуму, справиться с его требованиями. Важнейшей функцией Эго Фрейд считал самосохранение, а также

приобретение средств, которые позволяли бы осуществлять одновременную адаптацию к воздействиям со стороны Ид и к требованиям окружающей реальности (социальный аспект личности). Супер-эго включает моральные запреты, нормы, традиционные ценности и идеалы общества (духовный аспект личности).

Внутренняя идея гармонии личности заключается в триединстве «Я» - духовного, «Я» - материального и «Я» - социального. И только тогда, когда поддерживаешь баланс между данными тремя подструктурами личности, выглядишь гармоничным, всесторонне развитым, социально успешным человеком.

Развитие и саморазвитие личности, по О.И. Моткову, идут как минимум в пяти жизненных средах: внутри самой личности, внутри психики (развитие связей между мотивацией и своими психическими возможностями), в собственном теле (адаптация к телу через создание “схемы тела”, все большее овладение его возможностями, развитие этих возможностей, установление “дружбы” и взаимопонимания с телом), в социальных средах (микро-, мидл- и макро-), в живых и неживых природных средах (вплоть до Мира в целом). Все эти сферы жизнедеятельности одинаково важны и значимы для человека. Центрация лишь на социальной сфере жизни делает рассмотрение жизни человека изначально нецелостным и дисгармоничным (а сведением всего развития ребенка к социализации грешат многие психологи).

Исследования и анализ литературы позволили выделить три группы общих критериев - признаков психологической гармоничности личности, ее состояния и жизнедеятельности:

1) согласие с собой и окружающим миром: это проявляющаяся в большинстве ситуаций оптимальная сбалансированность разнонаправленных и полярных мотиваций друг с другом, положительных и отрицательных эмоций и состояний, желаемого и реально осуществляющегося в поведении, принимаемого и не принимаемого в себе и в мире, соразмерность своих стремлений и психических и физических возможностей, в целом положительная Я-концепция (внутренняя гармония). Это и преимущественно конструктивные, сотрудничающие отношения с людьми - в целом позитивные Я-Ты-Вы-Мы-концепции, и чувство единства с живой и неживой природой, хорошая адаптация в различных природных средах и готовность к самоиспытанию в них, и т.п. (“внешняя” гармония).

2) адаптивно полезное, устойчивое, длительное, творческое и экономичное функционирование и развитие индивидуума, других людей и окружающей природы в разнообразных жизненных средах. Под устойчивым развитием понимается постепенное расширение возможностей и сред уверенной адаптации человека, процесс успешной в целом реализации базовых стремлений и ориентаций - без резких и долгих провалов в состояния депрессии, растерянности или высокой тревожности, - гармоничный образ жизни. Длительное развитие, долгая, творческая жизнь, безусловно, более приоритетны, чем рано заторможенное или вообще прекращенное развитие, ранняя смерть и стереотипная жизнь. Хотя развитие и творчество требуют психической и личностной активности для своего возникновения и поддержания, тем не менее, любое живое существо ищет более экономные способы и пути развития, стараясь сохранять определенный запас психоэнергетических, физических и других ресурсов.

3) психологическое, физическое, социальное и духовное здоровье.

Отметим, что с точки зрения принципа мировой гармонии психологическая гармония человека не может быть абсолютной. Какой-то малый процент не очень существенных изъянов, например, в здоровье, должен присутствовать у гармоничного человека. Это дает ему возможность накопления важного опыта самостоятельного поиска путей поддержания здоровья. Имея такой опыт, человек не будет застигнут врасплох неожиданными неприятными изменениями в своем здоровье.

Высокий уровень гармоничности жизни подразумевает высокую выраженность показателей по всем общим критериям, а также их определенное соотношение с дисгармонирующими особенностями личности. Гармония - это и оптимальный баланс между оптимальными, гармоничными, и неоптимальными, дисгармоничными, “греховными” проявлениями человека. Изначальная двойственная природа человека указывает нам на то, что в человеке всегда должно быть и то и это, и праведное и греховное, и гармоничное и дисгармоничное.

Частными проявлениями гармоничной жизни человека, по Моткову О.И., являются следующие характеристики:

преимущественно положительный и спокойный эмоциональный тон жизни;

хорошее физическое самочувствие, отсутствие серьезных телесных и психических заболеваний;

в целом позитивная Я-концепция, достаточно высокое самопринятие, достаточно высокая уверенность в себе (но не очень высокая!);

оптимально организуемый процесс жизнедеятельности (преобладание внутреннего локуса контроля над внешним, достаточная осознанность, гибкость и широта жизненных ориентаций; осуществление любой деятельности преимущественно на своем ведущем психическом языке, но с привлечением по мере необходимости и средств других психических языков;

гармоничный образ жизни (проявляется в ежедневной жизнедеятельности в виде достаточного числа природно необходимых линий деятельности, достаточного их разнообразия и в регулярности осуществления);

умеренность страстей и противоречивых желаний, выражающаяся народной формулой “лучшее - враг хорошего”, оптимальная сбалансированность положительных и отрицательных базовых стремлений, характерологических и общекультурных тенденций личности; высокий уровень выраженности общекультурных ценностей и навыков и низкий - акультурных, противоположных тенденций;

оптимальный процесс и уровень самореализации - гармоничное сочетание числа успехов и неудач, отсутствие ориентации на максимальные достижения;

соразмерность желаний и стремлений со своими психическими, физическими, материальными возможностями и с социальными и природными особенностями жизненной ситуации;

реальное устойчивое развитие, неспешное движение вперед - жизнь как последовательное осуществление ряда интересных и полезных в широком смысле творческих проектов, дел, своей игры, своей миссии;

удовлетворенность процессом и результатами своей жизни в целом;

конструктивные, позитивные отношения с большинством людей;

открытость, готовность откликнуться и помочь, участвовать в общем деле, ориентация на сотрудничество и диалог;

«планетарное мышление», преобладание общечеловеческих ценностей над национальными, государственными и другими корпоративными ценностями;

чувство красоты и чуда Природы, единства с ней; уважение к ее созданиям, хорошая адаптация в различных природных зонах, регулярное общение с природой, готовность к жизни в диких природных условиях.

Предложенные критерии и проявления гармоничности жизни человека являются по своему характеру рабочими основаниями, принимаемыми на определенный период времени. Они могут изменяться в ходе накопления и анализа новых экспериментальных данных о закономерностях устройства Мира, живых существ, а также в результате изменения мировоззрения автора.

Гармоничная личность в целом - это оптимально сбалансированная по большинству важнейших своих характеристик личность. У такого счастливого человека преобладают чувства меры, полноты жизни, спокойствия, ощущение интересности жизни. Он ставит себе сложные и подчас трудные задачи, но не сверхтрудные, памятуя о том, что "лучшее - враг хорошего" (Мотков О.И.).

Гармоничный человек не ставит себе цели обязательно достигнуть в чем-то максимума. Он больше ориентируется на достижение и сохранение оптимального процесса жизнедеятельности, то есть в большей степени на параметры процесса жизни, а не на некие конкретные предметные результаты. Хотя и достижения имеют для него достаточно важное значение (но не самое главное!). Он мудр и понимает, что находиться в творческом и разнообразном жизненном процессе, ощущать себя при этом целостным и здоровым важнее и надежнее, чем достигать каких-то очень высоких престижных успехов (в виде, например, высокого социального положения, богатства, большой власти, покорения сверхсложной вершины и т.п.). Процесс жизни всегда с тобой, тогда как деньги, машина, социальный статус и престиж, власть и т.п. могут в любой момент неожиданно исчезнуть и тем самым больно ударить сильно ориентированного на них человека.

Максимальные достижения очень часто, в конечном итоге, оборачиваются разрушением здоровья, нарушением хороших отношений со значимыми и близкими людьми, фанатизируют личность, делают однобоким образ жизни человека и его личность в целом. Т.е. они дисгармонизируют жизнь и не дают длительного и спокойного чувства удовлетворенности ею. Из вышеизложенных особенностей гармоничной жизни человека можно сделать вывод и о том, что явно неоптимальной стратегией является и ориентация педагогов и родителей на получение детьми только "пятерок" в школе или в вузе. Не выдерживают критики "красные" аттестаты и дипломы, все материальные и иные льготы, которые получают их обладатели. Все сверхвысокие учебные, спортивные, технические и иные достижения, как правило, являются победами, за которые приходится расплачиваться слишком высокой ценой - здоровьем, разрушением семейных и прочих уз, завистью и ненавистью других страждущих, сверхусталостью и опустошенностью.

Гармоничное состояние личности предполагает и наличие некоторого уровня противоречивости, стимулирующего саморазвитие и вкус к жизни. Процесс самоиспытания не имеет границ. Если человек вовлечен в него, то в его базовом состоянии всегда будет определенная, но не очень большая, толика проблемности, возникающей от неполного выполнения поставленных перед собой задач, тем более, если эти задачи имеют практически бесконечный характер.

Наличие некоторой, оптимальной доли противоречивости личности, неполноты ее согласованности с собой и с Миром, неполной ее самоудовлетворенности, процессов самоиспытания и саморазвития является существенным признаком гармоничной личности и гармоничной жизни человека. Важно отметить, что это противоречия и проблемы, которые реально разрешаются самой личностью путем проб и ошибок, попыток специальной (под проблему) самоорганизации своей жизнедеятельности. То есть жизнь - это и эксперимент с самим собой и с миром. Каждый шаг такого по возможности разумно организуемого эксперимента представляет пусть и небольшое, но движение вперед. Итак, гармоничное состояние личности - это в целом самоуправляемое состояние и самоуправляемый процесс, отличающийся в то же время некоторой долей проблемности, принципиальной незавершенности.

В психологии предпринимались попытки описать гармонический тип личности. В западной психологии важные характеристики гармоничной личности можно найти прежде всего в гуманистической психологии у К. Роджерса, А. Маслоу и др., психологии К.Юнга, телесно-ориентированной психологии В.Райха, онтопсихологии А. Менегетти, психосинтезе Р.Ассаджиоли, трансперсональной психологии С.Грофа и др. В российской психологии личности описание гармонического типа личности или типа ее мотивационных отношений есть в работах Собчик Л.Н., Александровской Э.М., Орлова А.Б и др.

Гармоничность жизни человека во многом зависит от его способности достаточно быстро находить и строить оптимальные в данных условиях формы жизнедеятельности. Безусловно, это самосозидание может идти лишь в границах, заданных генетической программой, т.е. в рамках своего телесного, личностного и умственного типа, своей витальности. Эти природные пределы достаточно широки у большинства людей, что и дает возможность улучшения, гармонизации проявлений своего типа. Кроме того, данные В.Б. Швыркова показали, что в мозгу существуют первоначально не занятые никакими конкретными функциями “нейроны запаса”, определяющие свободное психическое пространство развития. В ходе жизни оно может заполняться новыми мотивациями, схемами действий и т.п. Т.е. это пространство, наряду с широтой границ способностей, личностных черт и алфавитным принципом организации информации в мозгу, также является фактором, определяющим самую возможность развития и саморазвития форм жизни человека. В зависимости от особенностей характера и от степени податливости внешней ситуации изменениям усилия личности по созданию оптимальной формы жизнедеятельности могут быть направлены в большей степени или на внутреннюю перестройку ценностей, притязаний и установок, поведенческих стереотипов, или на переделку окружающей среды, или на то и другое вместе.

Хотелось бы закончить статью слова Д.С. Лихачева: «Гармония человека с самим собой, гармония взаимоотношений с Природой, гармония взаимоотношений людей планеты – вот путь решения глобальных проблем».

ПСИХОТЕХНОЛОГИИ ФОРМИРОВАНИЯ ДОВЕРИЯ В ДЕЛОВЫХ ОТНОШЕНИЯХ

И.В.Антоненко (Москва)

Деловые отношения представляет собой сложный коммуникативный процесс, детерминируемый десятками различных факторов в многомерном

контексте социальной реальности. В социально-психологическом отношении они развертываются, в частности, как трансакция взаимных ожиданий и обусловливаний, выстроенных в континуальном поле психологического пространства, трансформируемом и транслируемом в социальную действительность. Фактор доверия-недоверия существенным образом корректирует этот процесс, организуя всю возможную палитру деловых отношений. Поэтому тезис о том, что деловое взаимодействие основывается на определенном уровне взаимного доверия сторон, является не только теоретическим положением, но и ежедневной реальностью деловой жизни.

Доверие, являясь существенным моментом общения вообще, делового, в частности, выступает как управляющий фактор, обеспечивая эффективное взаимодействие, если оно предпослано коммуникативному процессу, и затрудняя или разрушая возможности сотрудничества в случае, если предпосылкой выступает недоверие (или недостаток доверия) одной или обеих сторон. Поэтому доверие может быть классифицировано как социально-психологический феномен, проявляющийся в межличностном и межгрупповом пространстве. Оно имеет не только психологическое и социально-психологическое содержание, но и приобретает этическое, юридическое, экономическое и иное социальное наполнение в зависимости от конкретных ситуаций социального взаимодействия.

Процессы управления в обществе характеризуются многофакторными системными параметрами и опираются как на объективные социальные условия, так и на субъективные предпосылки. Само общество, относящееся к очень сложным системам, не имеет ни одной научной модели, которая бы достаточно адекватно представила всю совокупность многообразных динамичных связей и взаимодействий во всей полноте социальных подсистем и многомерных корреляций. Как следствие, практика социального управления лишь частично учитывает теоретические модели управления и в значительной степени опирается на опыт и интуицию конкретных руководителей. Но и этот важнейший субъективный потенциал управления может быть эффективно реализован только в определенных социальных условиях.

В силу невозможности в каждом случае принятия решения производить подробный и относительно достаточный сбор необходимых данных и их анализ, зачастую на первый план выходит отношение доверия или недоверия к тем или иным обстоятельствам ситуации или конкретным ее участникам, что и обусловливает конкретные решения. По сути и по мнению многих исследователей, общество функционирует как система многоуровнего доверия. Если бы в социуме не был бы достигнут определенный уровень доверия, общество не смогло бы существовать вообще. Этот факт превращает явление доверия из относительно ординарного в ряду других социально-психологических феноменов в важнейший фактор социальной жизни, имеющий не только психологическое содержание субъективного характера, но и существенное экономическое, социальное, управленческое, политическое и иное наполнение. А на теоретическом уровне осмысления возводит понятие доверия в ранг категории, отражающей важнейший социальный атрибут, в который как в фокус сводится специфика социального функционирования.

Доверие в деловых отношениях формируется в основном стихийно, на основе личного опыта взаимодействующих субъектов, с той или иной степенью успешности. Для субъекта деловых отношений оно имеет два важнейших аспекта. Во-первых, он должен проявлять адекватный уровень доверия по

отношению к своему партнеру, что связано, прежде всего, с развитой социальной перцепцией. Во-вторых, он должен уметь формировать его доверие по отношению к себе, что предполагает владение соответствующими практическими навыками управления доверием. Во втором случае эти умения могут иметь характер интуитивно приобретенных способностей, или они могут быть освоены в процессе специального обучения и развития. Тогда они являются психотехнологиями формирования доверия.

Далее мы рассмотрим доверие в деловых отношениях на примере функционирования доверия в коммерческой деятельности. Коммерческая деятельность относится к сложному виду социальной практики. Руководитель коммерческого предприятия по необходимости должен обнаруживать определенный уровень компетенции в десятках различных вопросов. Такого рода компетенция высшего управленческого персонала коммерческой организации не является абстрактным знанием, а представляет собой систему практических знаний и умений. Одним из элементов этой компетенции являются практические знания в области социальной психологии. Эти знания-умения организуют сферу межличностных отношений с партнерами, сотрудниками, контрагентами и т.п. и включают в себя также навыки адекватного восприятия людей и управления и взаимодействия с ними. При этом руководитель чаще всего пользуется рядом интегральных интуитивных критериев или общим ощущением, не вдаваясь в подробности психологического анализа каждый раз, когда требуется принять решение. К таким критериям, в частности, относится величина доверия, которую он проявляет по отношению к той или иной личности в своей организации или вне нее.

В коммерческой организации доверие руководителя может быть рассмотрено в отношении: 1) к другим руководителям, 2) к персоналу, 3) к партнерам по бизнесу, 4) к другим контрагентам. В каждом случае, если оно существует, то выступает позитивным моментом в развитии отношений, хотя и имеет свою специфику.

Доверие между руководителями организации определяет, с одной стороны, ее общую психологическую атмосферу, распространяясь на все ее уровни, с другой – начинает выступать как внутриорганизационная норма, формируя организационную культуру. Доверие руководителей друг к другу позволяет быстро и эффективно решать любые проблемы, не предполагая за действиями другого никакой скрытой угрозы.

Доверие к персоналу является важнейшим организационным ресурсом, т.к. доверие руководителя, проявленное к своим сотрудникам, вызывает ответный отклик в виде желания оправдать доверие, мобилизует все возможности работников и на порядок повышает уровень проявляемой ответственности. Вместе с тем такое доверие освобождает организацию от многочисленных ненужных проверок и делает ее функционирование более эффективным. Сами сотрудники такой организации вовремя поправят одного из них, если кто-то попробует использовать доверие в личных целях: доверие обязывает. Доверие к персоналу – это также действенный механизм управления персоналом, более действенный, чем общеизвестный метод поощрений и наказаний, т.к. обращается к глубинной сущности человека, а не к поверхностной личностной оболочке, находящейся в сфере манипулятивных воздействий. Доверие позволяет перенести внутриорганизационное взаимодействие с уровня относительных ограниченных смыслов, обремененных

личностными проблемами, амбициями и мелочной борьбой, в сферу вечности и общения, имеющих равную ценность душ, где рабочие функции только опосредуют великое действо жизни.

Среди всех контрагентов организации можно выделить принципиально дружественных, которые ведут согласованную коммерческую политику или являются взаимосвязанными звеньями одной экономической цепочки, – это деловые партнеры. Такие отношения предполагают взаимное доверие, хотя не лишены своих трудностей. В том числе в них может сформироваться разный уровень доверия. Если между партнерскими организациями существует обоснованное доверие, то оперативно и эффективно, в интересах всех сторон решаются возникающие проблемы, а бизнес имеет тенденцию к росту, что позитивно отражается на каждой из организаций, их сотрудниках, руководящем персонале. А также вносится определенный общественный вклад в виде: образования новых рабочих мест, передачи части прибыли обществу в виде налогов, заработной платы и т.п., расширения сферы взаимного доверия, экономической эффективности и организационной культуры.

Во взаимоотношениях различных организаций обнаруживается общая тенденция, заключающаяся в том, что организации, проявляющие взаимное доверие и оправдывающие его, сближаются, организуя эффективное деловое партнерство, а компании злоупотребляющие доверием постепенно становятся экономическими аутсайдерами, с ними никто не хочет иметь дела. Соответственно, по отношению к конкретной организации можно говорить о группах других предприятий, которые по уровню проявляемого к ним доверия могут занимать следующие позиции: 1) высокий уровень доверие; 2) средний уровень доверия; 3) низкий уровень доверия; 4) не определенный уровень доверия.

Общая оценка доверия как фонового интегрального условия в функционировании коммерческих организаций сводится к следующему. При прочих равных условиях, если во взаимоотношениях тех или иных субъектов сложился обоснованный достаточно высокий уровень доверия, то он выступает позитивной составляющей этих отношений, делая их более эффективными и обусловливая прямой экономический и моральный эффект. Доверие в обществе в целом стимулирует развитие всех социальных сфер и в том числе экономической. Доверие между организациями снижает материальные и психофизические затраты. Доверие внутри организации имеет также финансовую, социальную и психологическую стороны.

Анализ функционирования доверия в коммерческой организации осуществлялся нами на основе экспертных данных в форме свободных интервью и анкетных опросов. В частности, рассматривалась ситуация формирования актуального уровня доверия коммерческой организации (субъект доверия) к партнерам по бизнесу (объектам доверия). Всего было выделено четыре группы факторов доверия: субъектные, объектные, средовые и ситуационные. В каждой группе были определены свои, специфические для коммерческой деятельности, подфакторы доверия.

Степень доверия–недоверия конкретного субъекта деловой активности к партнеру по бизнесу (объекту доверия) в актуальной ситуации определяется следующими подфакторами.

1. Субъектными: базовым доверием к миру; уверенностью в себе; жизненным опытом; деловым опытом вообще; опытом в данной сфере деятельности; опытом работы с данным партнером; темпераментом;

характером; мировоззрением; культурой; психическим состоянием; физическим состоянием субъекта; уровнем его безопасности; актуальным состоянием бизнеса субъекта; актуальным состоянием личных дел субъекта.

2. Объектными: схожестью с субъектом; понятностью; темпераментом объекта доверия; его характером; мировоззрением; культурой; внешним видом; выражением лица; мимикой; позой; поведением; биографией; имиджем; актуальным состоянием бизнеса партнера; актуальным состоянием личных дел партнера.

3. Средовыми: уровнем доверия социальной среды; культурой доверия среды; постоянными политическими условиями в целом; постоянными экономическими условиями в целом; постоянными условиями на актуальном рынке; существующим уровнем экономической безопасности; обычаями делового оборота.

4. Ситуационными: текущей политической ситуацией в целом; текущей экономической ситуацией в целом; текущей ситуацией на актуальном рынке; привычностью ситуации; оценками экспертов; оценками референтной группы; общими условиями взаимодействия партнеров в актуальной ситуации; участием третьих сторон.

Выделенные подфакторы доверия составляют практические основания формирования доверия в деловых отношениях между партнерами в сфере коммерции. Они имеют двоякое значение. Во-первых, субъект доверия путем анализа каждого подфактора имеет возможность сформировать адекватный уровень доверия по отношению к своему партнеру. И уже на этой обобщенной основе осуществлять деловое взаимодействие в дальнейшем. В этом случае доверие реализуется в своей функции метаотношения. Во-вторых, целенаправленно используя каждый подфактор коммерческая организация он управляет уровнем доверия своих партнеров. Это составляет основу деятельности службы паблик рилейшенз.

В отношении подфакторов доверия можно провести классификационный анализ. Субъектные факторы делятся на личностные и внеличностные, личностные – на внутренние и внешние, те и другие – на постоянные и переменные. Так, личностными внутренними постоянными факторами доверия являются: базовое доверие к миру, уверенность в себе, опыт, темперамент, характер, мировоззрение, культура. Личностными внутренними переменными – психическое и физическое состояние. Внеличностными – уровень безопасности субъекта, актуальное состояние бизнеса и личных дел субъекта. Аналогичное деление возможно и для объектных факторов.

Существенно деление объектных факторов на объективные и субъективные факторы доверия. К первым относятся те, которые объективно снижают показатель доверия объекта. Это, например, такие подфакторы поведения, как ненадежность, неискренность, обман и т.п., или подфакторы характера – вспыльчивость, агрессивность и пр. Ко вторым – те, которые объективно не влияют на показатель доверия, но субъективно (для данного субъекта доверия) определяют его уровень доверия по отношению к другому человеку. Это, например, такие моменты, которые отметили в своих ответах респонденты как: схожесть, понятность, внешний вид, форма одежды, «неприятных запах изо рта» или от тела, суетливость, суровое или «кислое» выражение лица и др. Понятно, что неприятный запах и неопрятный внешний вид напрямую не связаны с нечестностью или безответственностью человека, но, тем не менее, они снижают уровень доверия к нему ряда респондентов.

Следует также отметить, что выделенные субъектные, объектные, средовые и ситуационные факторы доверия не являются в полной мере независимыми. Такой субъектный фактор как «опыт работы с данным партнером» связан с большинством объектных факторов. Вообще все объектные, средовые и ситуационные факторы преломлены через личность субъекта доверия, и значит, в них есть объективная и субъективная составляющие, определяющие уровень доверия.

Часть выделенных факторов доверия относится к собственно психофизической, психической и социально-психологической сфере, т.е. эти факторы являются психологическими факторами доверия, но большая их часть является экономической, юридической, социальной, т.е. эти факторы являются непсихологическими факторами доверия. Между ними, безусловно, прослеживаются определенные корреляции, которые нуждаются в более детальном анализе. При этом некоторые из действующих причин имеют характер опосредованного доверия (доверие через доверие): доверию к выводам специалистов предпослано доверие к самим специалистам. В отношении отдельных факторов, обусловливающих уровень доверия, эмпирическое исследование обнаруживает некоторые парадоксальные зависимости. Хотя в целом основные зависимости носят линейный и достаточно прогнозируемый характер.

В американской социальной психологии предложен ряд конкретных психотехнологий формирования доверия. E. Aronson и A. R. Pratkanis исследуют доверие в связи с механизмами социального влияния и убеждения в процессах рекламы, пропаганды, политических избирательных компаний и т.п. Рассматривая вопрос о «коммуникаторе, заслуживающем доверия», они указывают, что те коммуникаторы «заслуживают доверия», которые «производят впечатление квалифицированных, знающих и надежных». Если «аргументированное сообщение… сделал человек, пользующийся солидным общественным доверием», он способен оказывать значительное влияние на мнение людей. Люди полагают, что «есть смысл позволить себе подвергнуться влиянию коммуникаторов, заслуживающих доверия и знающих, о чем они говорят». В то же время, как указывают авторы, на эффективность сообщения влияют и «некоторые второстепенные качества коммуникатора». У людей существует множество различных социальных установок, которые делают «данного конкретного коммуникатора либо в высшей степени эффективным, либо поразительно неэффективным» (его цвет кожи, сыгранная роль в кино, спортивные достижения, происхождение и т.п.). E. Aronson и A. R. Pratkanis делают вывод, что часто легче симулировать надежность коммуникатора, чтобы вызвать к нему доверие, чем на самом деле ее обрести: политики и рекламодатели постоянно этим пользуются. «Доверие превратилось в товар, который можно не только подделать, но и открыто купить и продать на рынке». Современные способы «фабрикации доверия» стали чрезвычайно эффективны. В результате, заключают авторы, доверять в американском обществе можно все меньшему числу людей, а «без доверия общение становится затруднительным, если вообще возможным».

E. Aronson и A. R. Pratkanis также исследуют конкретные технологии формирования доверия, в том числе в таких сложных случаях, когда требуется превратить «не заслуживающего доверия, лживого и не вызывающего симпатий человека в заслуживающего доверия, правдивого и симпатичного». Главное здесь: «Чтобы добиться успеха, коммуникатор должен казаться

непредубежденным и заслуживающим доверия». Один из способов – коммуникатор выглядит заслуживающим доверие, если внешне действует против собственных интересов. Другой – формирование уверенности аудитории в том, что на нее не пытаются влиять. Среди прочих советов: «говорите то, что думает аудитория», «заставьте людей чувствовать себя комфортно», ставьте легкие цели и сообщайте о своей победе, «сами выбирайте то негативное, что будет о вас написано», старайтесь выглядеть последовательным в СМИ (просто повторяйте одно и то же) и множество других. Исследователи говорят о том, что с помощью средств массовой информации доверие может быть сфабриковано к кому угодно и к чему угодно. Они пишут: «Доверие создается путем тщательной подтасовки ситуации таким образом, чтобы "звезда" этого события, коммуникатор, выглядел именно так, как он считает нужным, – привлекательным, заслуживающим доверия, сильным, энергичным, высококвалифицированным или любым, каким требуется выглядеть в данную минуту». E. Aronson и A. R. Pratkanis вводят понятие СМК-модели (средств массовой коммуникации модель): то, что тиражируют средства массовой информации, становится моделью поведения для массовой аудитории. СМК-модели учат новому поведению и указывают на то, что оно является «правильным». СМК-модель наиболее убедительна, если производит впечатление надежного, заслуживающего доверия и привлекательного источника.

Американский социальный психолог D. G. Myers обращается к проблеме доверия, в первую очередь, также в связи с феноменом социального влияния. Не рассматривая содержание понятия доверия и не определяя его, он в то же время исследует различные социальные эффекты доверия в процессах коммуникации. Автор говорит о кредитности [credibility] (убедительности, надежности, заслуживании доверия) отдельных источников информации, коммуникаторов, и способах формирования кредитности (убедительности, доверия). D. G. Myers пишет: «Каждый из нас сочтет утверждение о пользе каких-либо упражнений более кредитным, если оно исходит от Национальной академии наук, а не от редакции бульварного листка». «Кредитный коммуникатор воспринимается одновременно и как эксперт, и как заслуживающий доверия». Информация из кредитных источников воспринимается как заслуживающая доверия и способна оказывать влияние на мысли и поведение людей. Как указывает D. G. Myers, существуют различные способы завоевать доверие: начать говорить с утверждений, с которыми аудитория согласна; быть представленным в качестве эксперта; говорить уверенно; смотреть прямо в глаза; уверенность аудитории в том, что ею не пытаются манипулировать; отказ от личных интересов, готовность пострадать за убеждения; неожиданная позиция; привлекательность коммуникатора и т.д.

Далее D. G. Myers анализирует ряд других аспектов формирования доверия. Он говорит о том, что «коммуникатор с неприятным сообщением может лишиться доверия»; тот, чье мнение не совпадает с нашим, оценивается нами как более пристрастный, неточный и не заслуживающий доверия. В то же время «кредитный источник» может вызвать значительное изменение нашей позиции по какому-либо поводу: «…влияние больших или, напротив, малых расхождений зависит от того, заслуживает ли коммуникатор доверия». Кредитный источник может высказывать самые крайние взгляды. Вместе с тем простое многократное повторение какого-либо сообщения (что используется, например, в рекламе, в избирательных кампаниях, в PR-акциях и т.п.) приводит

к повышению его «кредитности», доверия к нему: «Кредитная ложь может вытеснить суровую правду. Сложную реальность заслоняют стертые клише».

D. G. Myers указывает, что наибольшее влияние на людей оказывает не опосредованная информация, а личный контакт с людьми: «В экспериментах коммуникация уменьшает недоверие, и это позволяет людям достичь обоюдовыгодного соглашения». В то же время, хотя персональное влияние сильнее воздействия СМИ, не следует недооценивать и последние. «Сравнительные исследования выявили, что чем образнее подача информации, тем убедительнее предлагаемые сообщения. В порядке убывания убедительности различные способы подачи информации следует, вероятно, располагать следующим образом: жизнь, видеозапись, аудиозапись, печать». Но во избежание упрощений надо иметь в виду, что «в случае трудных для понимания сообщений убедительность… оказывается наибольшей, если сообщение напечатано». D. G. Myers также рассматривает проблему преодоление взаимного недоверия сторон в различного рода переговорах и конфликтах. Он пишет: «Психологи, занимающиеся изучением конфликтов, сообщают, что ключевым фактором здесь является доверие».

R. F. Verderber и K. S. Verderber исследуют ситуацию доверия к оратору. Рассматривая публичное выступление, они определяют доверие как «показатель того, насколько аудитория воспринимает оратора как человека знающего, обаятельного и честного». Исследователи указывают: при публичном выступлении «доверие базируется на том, кажется ли человек знающим (есть ли у него необходимая информация для произнесения этой речи), можно ли ему доверять (честный ли оратор, нравственный ли, можно ли на него положиться) и обаятелен ли он (проявляет ли он энтузиазм, сердечность, дружелюбие и интерес к другим людям в группе)». R. F. Verderber и K. S. Verderber также говорят о том, что доверие к речи оратора должно поддерживаться на всем протяжении выступления. Они вводят понятие «кредит доверия», определяя его как «уровень доверия, который аудитория испытывает или будет испытывать к оратору». И рассматривают способы повышения кредита доверия. Авторы указывают на основные принципы информирования при публичном выступлении: 1) доверие, 2) интеллектуальная стимуляция, 3) креативность, 4) актуальность и 5) акцентирование информации. Они пишут: «…умение завоевать и сохранить доверие к себе является залогом успешного выступления. Чем больше ваши слушатели доверяют вам, тем выше будет их готовность чему-либо у вас научиться». И дают практические рекомендации: покажите уровень своей подготовки, заинтересованность в благополучии слушателей и проявите энтузиазм. А также формулируют четыре этических правила завоевания доверия: 1) говорить правду, 2) давать информацию в перспективе, 3) воздерживаться от личных нападок и 4) указывать источники информации, особенно негативной.

R. B. Cialdini исследует доверие в связи с проблемой влияния на людей. Он указывает, что мы больше доверяем тем, кто нам нравится, кто похож на нас, кто нас хвалит, кто кажется нам искренним. Хотя всякое доверие имеет пределы, если мы осознаем, что нами пытаются манипулировать. Автор пишет, что «профессионалы уступчивости» умеют заслужить доверие у людей, чтобы использовать его в своих интересах. В их арсенале много средств, которые не так давно получили научное освещение в социальной психологии, но практически используются многие века. Помимо перечисленных выше, это – «правило взаимного обмена и принцип влияния заслуживающего доверия

авторитета», «принцип контрастного восприятия», методики типа «хороший коп/плохой коп» и ряд других, которые приводят к «полному доверию» жертвы.

Еще в 1951 году C. Hovland и W. Weiss провели исследование, которое позволило ввести понятие «заслуживающий доверия» (credible). Они установили, что в зависимости от того, от кого исходит одно и то же сообщение, оно рассматривается людьми либо как заслуживающее доверия, либо как ненадежное. Тем источникам информации, которые воспринимаются как компетентные, оказывается доверие, тем, которые считаются имеющими низкий уровень надежности, в доверии обычно отказывают, несмотря на убедительные аргументы.

J.Z. Rubin, D.G. Pruitt и Sung Hee Kim ограничивают свое исследование доверия рамками социального конфликта, просматривая особенности этого феномена на разных стадиях развития и разрешения конфликтных отношений. С учетом особенностей данной темы исследователи определяют доверие (trust) как «представление одной из сторон конфликта о другой как об имеющей позитивную заинтересованность в интересах первой», а недоверие (distrust) как «восприятие другой стороны как не учитывающей интересы первой или враждебной им». Взаимное доверие конфликтующих сторон, а также к третьим лицам (посредникам – медиаторам, арбитрам, омбудсменам и др.), является необходимым фактором разрешения конфликта, хотя и не всегда однозначным. Авторы пишут: «Предположение, что другая сторона готова идти на разрешение проблемы и поиски взаимовыгодных решений, часто является следствием доверия – то есть представления, что другая сторона заинтересована в успехах первой. Благодаря доверию первая сторона склоняется к выбору стратегии разрешения проблемы, хотя вообще она испытывала на этот счет сомнения. Следовательно, при наличии доверия стратегия разрешения проблемы кажется более продуктивной». Вместе с тем, иногда доверие порождает завышенные и негибкие притязания. Наряду с доверием, в разрешении конфликта необходимо учитывать и другие психологические моменты ситуации: «…именно доверие в сочетании с предполагаемой твердостью притязаний делают стратегию разрешения проблемы предпочтительной…».

Дж. Рубин и соавторы указывают, что доверие зависит от разных обстоятельств: предположениями о позитивности другой стороны, о взаимном сходстве, фактом взаимной зависимости сторон, дружественными действиями другой стороны, готовностью к сотрудничеству, особенно если это проявляется вне зависимости или вопреки сложившимся обстоятельствам и т.п. В то же время важнейшим фактором развития недоверия сторон являются взаимные негативные установки, обычно зеркального характера, что сопровождается истолковыванием любых действий противоположной стороны как угрожающих. Авторы заключают: «Для побуждения спорящих к участию в решении проблем надо, чтобы они хоть немного доверяли друг другу…». Они также указывают различные способы, которыми посредник может вызвать взаимное доверие сторон и доверие к себе.

S. Lindskold, P. Walters и H. Koutsourais рассматривают стратегию «Постепенных взаимных инициатив по разрядке напряженности» («Graduated and Reciprocated Initiatives in Tension-Reduction» (GRIT)) как самый эффективный механизм увеличения доверия и сотрудничества. Указанная стратегия была предложена C. Osgood еще в 1962 году и с тех пор прошла успешную апробацию в различных конфликтных ситуациях (международных,

межгрупповых и межличностных) и лабораторных экспериментах. Как указывают исследователи, опираясь на значительный ряд экспериментов, небольшие примирительные шаги с каждой конфликтующей стороны способны постепенно привести к гораздо большему взаимопониманию и доверию и, в конечном счете, конструктивно разрешить конфликтную ситуацию.

R. J. Harris, рассматривая последствия воздействия средств массовой информации (в первую очередь, телевидения и видео) на аудиторию, выделяет среди них «установочные последствия» (формирование установок по отношению к тем или иным социальным явлениям), которые разделяет на «интеллектуальный компонент, или компонент доверия» и «эмоциональный компонент». Эти компоненты могут быть как согласованы между собой, так и противоречить друг другу.

Таким образом, в американской социальной психологии, имеющей хорошо выраженную прагматическую направленность, предложен ряд психотехнологий формирования доверия. Среди них: использование социальных установок, в том числе, такие приемы, как использование кредитного коммуникатора; внешне действовать против собственных интересов; формирование уверенности аудитории в том, что на нее не пытаются влиять; говорить то, что думает аудитория; глядеть прямо в глаза; заставить людей чувствовать себя комфортно; ставить легкие цели и сообщать о своей победе; самим выбирать то негативное, что будет о вас написано; стараться выглядеть последовательным в СМИ (просто повторять одно и то же); подтасовка ситуации таким образом, чтобы «звезда» этого события выглядел именно так, как он считает нужным, – привлекательным, заслуживающим доверия, сильным, энергичным, высококвалифицированным или любым, каким требуется выглядеть в данную минуту; принцип контрастного восприятия. Предложено и множество других способов завоевания доверия любой неискушенной аудиторию.

ОПРЕДЕЛЕНИЕ СОЦИАЛЬНО-ПСИХОЛОГИЧЕСКОГО СМЫСЛА КОРПОРАТИВНОЙ КУЛЬТУРЫ ОРГАНИЗАЦИИ

Г.А. Бортко (Иркутск)

В настоящее время в отечественной литературе и Интернете наблюдается волна интереса к инновационной проблематике корпоративизма и корпоративной культуры. И это не случайно. Обращение к потенциалу корпоративной культуры означает стремление предпринимателей, директоров различных организаций, представителей менеджмента и госструктур включить в свою деятельность корпоративные формы отношений с целью добиться соучаствующего управления бизнесом, персоналом, гармонизации отношений с общественностью, властными структурами, далеко выходящими за пределы трудовых отношений.

Являясь динамической системой, культура влияет практически на все происходящие в организации события. Придавая сотрудникам организационную идентичность, она определяет внутригрупповое представление о компании, является важным источником стабильности и преемственности компании, что создает у сотрудников ощущение надежности самой организации и своего положения в ней, способствует формированию чувства социальной защищенности. Знание основ организационной культуры своей компании помогает новым работникам правильно интерпретировать

происходящие в организации события, определяя в них все наиболее важное и существенное. Кроме этого, внутриорганизационная культура, более чем что-либо другое, стимулирует самосознание и высокую ответственность работника, выполняющего поставленные перед ним задачи. Признавая и награждая таких людей, корпоративная культура идентифицирует их в качестве ролевых моделей (образцов для подражания). Помимо этого, культура организации, как динамическая система, влияет не только на внутреннюю среду самой организации, т.е. микросреду, но и на макросреду, к которой можно отнести общественно-политическую ситуацию в стране, уровень и организацию жизни населения, социальные факторы, культурные факторы. Хотя нельзя забывать и тот факт, что эти микро- и макросреды также оказывают огромное влияние на формирование, развитие и жизнедеятельность самой корпоративной культуры организации.

Культурой нельзя заниматься отдельно, ее просто отдельно не существует. Культура подобно плющу. Плющ переплетает каркас из палок, чтобы преобразовать прекрасное зеленое обрамление зданий и балконов. Культура, как невидимый плющ, переплетает все виды деятельности и отношений фирмы, создавая образ корпорации, который всеми партнерами, окружением и сотрудниками оценивается как образ высококультурной или низкокультурной организации.

Изучением корпоративной культуры занимались многие зарубежные и отечественные исследователи (Герцберг Ф., Мескон М.Х., Альберт М., Хедоури Ф., МакГрегор Д., Мерсер Д., Базаров Т.Ю., Магура М., Моргунов Е.Б., Никифирова Г.С., Свенцицкий А.С., и др.), ею занимаются и современные представители менеджмента, управленцы, бизнес-консультанты, т.е. те люди, которые непосредственно имеют дело с организационной культурой организации. Теоретики и практики пытаются воедино слить все свои научные знания и опыт в изучении данного феномена. Интеграция таких наук, как философия, психология, физиология, социология, эргономика, менеджмент, экономика и др., просто необходима для изучения корпоративной культуры.

Являясь представителями науки психологии, мы хотели бы понять социально-психологический смысл корпоративной культуры, в чем именно он заключается, через что осуществляется. Для этого обратимся к статье Козлова В.В., и Козловой А.А. “Корпоративная культура: костюм успешного бизнеса” (журнал “Управление персоналом” №11, 2000г.), где социально-психологический смысл рассматриваемого нами феномена корпоративной культуры разделяется на ряд согласованных параметров, а именно: на интеграцию, дифференциацию и адаптацию. Эта статья представляется нам очень актуальной, интересной, она наполнена прикладным содержанием, в том смысле, что данные предлагаемого текста можно использовать на практике.

Итак, начнем с того, что под интеграцией авторы понимают создание эффективных деловых отношений среди подразделений и сотрудников организации. Ее современное понимание состоит в увеличении меры участия сотрудников в решении проблем организации и поиске эффективных способов ее работы. Ясно, что любая организация, как живой организм, нуждается в согласованной деятельности своих “органов”, т.е. в их интеграции. Основой интеграции, как пишут авторы, в рамках производственного коллектива могут выступать совершенно разные факторы, как-то недовольство руководством, низкая зарплата, социальные проблемы, а может выступать общая деятельность, единая цель, на достижении которой сотрудники концентрируют

все свои силы. По мнению Козлова В.В. и Козловой А.А., интеграция может осуществляться через следующие аспекты:

1. Процедуры коммуникации – определение методов коммуникации, развитие процедур обмена мнениями по важным вопросам.

Это направление, на наш взгляд, является одним из самых важных, поскольку, опыт менеджеров, практика функционирования преуспевающих компаний свидетельствует о том, что эффективное управление невозможно без отлаженных коммуникаций – этих кровеносных сосудов организационного организма. Принятие решений, инновационная политика, создание благоприятного психологического климата, стимулирование людей – все это требует детальной информации. И когда ее нет, когда воцаряется информационный хаос, организации, грозит крах. Так как плохое информирование людей о том, что происходит (или должно произойти) в организации, есть не что иное, как отсутствие внимания к ним со стороны руководства. В психологии это означает неудовлетворении фундаментальной человеческой потребности в уважении и признании. У человека утрачивается чувство сопричастности к делам фирмы, предприятия. Именно нечто происходило с автомобильной корпорацией “Крайслер”. Когда в 1978 году она походила на Италию 60-х годов уже позапрошлого века. Компания походила на мини-империи, причем ни одна из них не обращала внимание на другую. А каждый вице-президент (их насчитывалось 35) бежал по своей беговой дорожке [4].

2. Границы подразделений – разработка критериев членства в подразделениях. Данный параметр интеграции включает в себя вопросы структурирования организации на подразделения в зависимости от выполняемых задач и оптимальной организации труда.

3. Власть и статус – определение правил получения, реализации и потери власти и статуса. Данное направление интеграции имеет множество животрепещущих вопросов, в частности проблема делегирования ответственности, которая напрямую связана с уровнем развития корпоративной культуры.

4. Награждение и наказание – разработка системы поощрений за успешное поведение и наказание за неудовлетворительные должности. “Разнообразные элементы вознаграждения, - говорится в корпоративном меморандуме одной из международных корпораций мира, - включая дополнительные поощрения, должны быть, спланированы, соединены и сбалансированы, чтобы в итоге обеспечить как удовлетворение потребностей работников, так и успешное достижение целей компании” [4].

Для более полного понимания такого параметра корпоративной культуры, как интеграция, мы бы добавили еще один аспект:

5. Правила и нормы поведения сотрудников в организации и во вне. В разных компаниях он может называться “Поведенческий кодекс”, ориентирующий человека в организации на вполне определенное отношение к ней, к работе, к персоналу, а также к клиентам и партнерам организации. Описание правил поведения может включать в себя, например, следующее:

- Осознание себя и своего места в организации, что свойственно организации – индивидуализм или кооперация;
- Коммуникационную систему и язык общения (как организовано прохождение информации в организации, кто имеет доступ, как информация распространяется и т.д.);

- Правила “неформальных отношений” внутри организации;
- Что и как едят, привычки и традиции в этой области;

Таким образом, мы можем сделать вывод, что интеграция в организации играет огромную роль, она объединяет, сплачивает весь коллектив, создает эффективные деловые отношения среди подразделений и сотрудников организации. При этом в ней заключен глубокий психологический смысл: создание благоприятного социально-психологического климата всей организации.

Следующим параметром, определяющим социально-психологический смысл корпоративной культуры, авторы обозначают дифференциацию.

Дифференциацию они обозначают как уточнение понятия “уникальность”, которое в некотором роде расширяет понятие “специализация” в рамках конкретной организации. Здесь имеет смысл говорить, как нам кажется, о технологии “точечного” распределения производственных функций, или то, как компания умело, точно распределяет людей на различные должностные места, зная при этом, что именно там они смогут проявить все свои таланты, способности, профессиональные качества и творческий потенциал, а также могут спокойно адаптироваться к существующей корпоративной культуре. Таким образом, наиболее ярко дифференциацию можно раскрыть на процессе подбора персонала в компанию, который требует, на наш взгляд, особого изучения.

И, наконец, последним согласованным параметром, раскрывающим социально-психологический смысл корпоративной культуры, Козлов В.В. и Козлова А.А. рассматривают адаптацию, как отлаженную функцию культуры, обеспечивающую два важнейших параметра выживания организации на рынке. Это, во-первых, стабильность выживания организации в изменяющихся условиях, а во-вторых, способность к оперативному реагированию на изменения. Но помимо этого, мы хотели бы еще добавить, что для адаптации и выживания организации во внешней среде наиболее важны следующие элементы, которым необходимо уделять значительное внимание:

1. Миссия и стратегия: определение основной миссии организации, выбор стратегии для выполнения миссии.

   Место организации в социальной среде определяет миссия организации – представление о том, для чего организация создается. Миссия – это видение себя как общности людей, обладающих несомненным капиталом коллективной деятельности, видение своего неповторимого места в системе общего труда, ценность, ради которой стоит активно работать не только за деньги, но и за совесть. Основная психологическая функция миссии – это сплочение и объединение людей. Вслед за принятием миссии идет бурное обсуждение в коллективе возможных стратегий ее реализации. Это позволяет всем сотрудникам почувствовать всю причастность к тем изменениям, которые происходят в организации, увеличит их включенность в работу, поможет ощутить “командный дух” сотрудников.

   2. Цели: определение последовательности целей, поэтапно ведущих к выполнению миссии. Формулирование целей является важным средством координации работы всех сотрудников организации. “Цель – это очередная высота, которую необходимо фирме взять с боем” [4], из заповедей крупнейшей международной корпорации ИБМ. Люди должны

видеть в постановке целей самое существенное: смысл и цель существования собственной организации.

3. Критерии успешной деятельности – определение того, как достичь целей, критерии достижения целей, влияющие на выбор структуры управления организацией и систему поощрения сотрудников;

4. Процедуры измерения результатов – установление процедур измерения того, насколько индивиды и команды достигают поставленных целей;

Критерии успешной деятельности и способы поощрения имеет смысл формировать, опираясь на практику, уже существующую в организации. Все полезное, что уже сложилось, с необходимостью должно быть использовано.

Как уже отмечалось выше, адаптацию авторы рассматривают в качестве отлаженной функции корпоративной культуры, обеспечивающая два важнейших параметра выживания организации на рынке. Это, во-первых, стабильность выживания организации в изменяющихся условиях, а, во-вторых, гибкость, способность к оперативному реагированию на изменения. Если к первому параметру мы отнесли такие элементы, как определение миссии и стратегии организации, то ко второму авторы относят четко отлаженную систему внутрикорпоративных процессов, в первую очередь, информационных и коммуникационных, которая, по их мнению, является залогом стабильности деятельности организации.

Коммуникации – важнейшее условие эффективной деятельности всей организации в целом. Технологизация информационно-коммуникативных технологий выполняет свою позитивную роль только в том случае, когда становится элементом корпоративной культуры.

Для лучшего понимания социально-психологического смысла корпоративной культуры организации можно привести некоторые конкретные корпоративные принципы, которые могли бы стать внутренней жизнью любой организации и в достаточной степени смогли обеспечить свою успешность на рынке:

1. Холистический подход к работнику. Корпорация ИБМ видела свое предназначение в удовлетворение всех потребностей ее работников;
2. Уважение к личности. В ИБМ это сильная (официально провозглашенная) вера в индивидуализм;
3. Постоянное развитие и самосовершенствование. Реализация этого принципа заключается в адекватной оценки себя, определение своих слабых и сильных сторон, желание совершенствоваться. В международной корпорации ЗМ “обучение взрослых” в фирме тесно связано, прежде всего, с преодолением психологических барьеров, стереотипов и искусственных “фильтров” [2].
4. Профессионализм. Здесь понимается способность разбираться до мелочей в специальных областях. Достаточно, чтобы сотрудники по-настоящему прочувствовали правило профессиональной команды, например: ”То, что мы делаем, мы стремимся делать максимально хорошо. Мы высоко ценим компетентность”.

Таким образом, подводя итог всего выше изложенного, можно сказать, что статья Козлова В.В. и Козловой А.А. дала еще более глубокий толчок к пониманию и дальнейшему изучению корпоративной культуры организации, в частности, к выделению ее социально-психологических аспектов. Конечно же,

все три параметра организационной культуры, выделенные авторами, в целом, несомненно, несут в себе социально-психологический смысл культуры. Этот смысл проявляется в том, сто, с одной стороны, организация проводит успешный процесс адаптации к внешней среде, а, с другой, что самое главное, создает свое внутреннее пространство, особую внутриорганизованную атмосферу и решает задачи внутренней интеграции (создания целостности). Все это ведет к тому, что создаются эффективные деловые отношения среди подразделений и сотрудников компаний; имеет место благоприятный психологический климат внутри фирмы; профессиональные качества любого сотрудника раскрываются с максимальной пользой для компании; создается настоящая "команда" персонала, где разделяются общие ценности, нормы, принципы; и, наконец, сама организация очень успешно реализует свою деятельность во внешней среде. Но, на наш взгляд, выделение социально-психологических аспектов корпоративной культуры организации требует особого внимания. Нужно четко дифференцировать, где именно социально-психологические аспекты, где организационные, а где аспекты, которые действуют на морфологическом, структурном и функциональном уровнях организации. Поэтому данная проблема является очень актуальной и требует дальнейшего ее изучения.

Литература:

1. Глухов В.В. Основы менеджмента, С.-П., 1995г.
2. Грачев М. Суперкадры, М.:Мир, 1992г.
3. Козлов В.В., Козлова А.А. Корпоративная культура: костюм успешного бизнеса// Управление персоналом, М., 2000г., №11.
4. Мерсер Д. ИБМ. Управление в самой преуспевающей корпорации мира. Пер. с англ. М.: Прогресс, 1991г.
5. Моргунов Е.Б. Личность и организация. Конспекты по психологии. М.: Тривола, 1996г.

ТЕХНОЛОГИИ СОЦИАЛЬНОЙ РАБОТЫ С ПОЖИЛЫМИ ЛЮДЬМИ

Е.Б.Воробьев (Ярославль)

В современной России наблюдается рост абсолютной численности лиц старше трудоспособного возраста и доли граждан старшего поколения.

Численность лиц старшего возраста, долгожителей, становится массовой. Социально-демографическая группа пожилых становится всё более дифференцированной: она содержит в себе не только людей разного возраста, но и разных поколений. Поэтому социальная работа в интересах людей «третьего возраста» должна предусматривать изучение и учёт этой специфики, разнообразие мер и подходов комплексной социальной поддержки в зависимости от потребностей и возможностей самих лиц старшего возраста.

Социальная работа помогает развивать и стимулировать социальную активность пожилых людей с целью максимального использования потенциала их самопомощи и взаимопомощи.

Основу состояния и динамики изменения психологии пожилых людей составляют естественные физиологические процессы старения организма (перестройка вегетативно-эндокринной системы, постепенное наступление климакса и т.д.), что неизбежно вызывает изменения эмоционально-волевой сферы личности.

Большое значение имеет социальная сторона жизни с ее ущербными для личности переживаниями, потери прежних социальных ролей, уменьшение дохода, ограничение социальных контактов. Все это способствует развитию неуверенности, сосредоточению интересов на здоровье и сугубо жизненных проблемах. Тем не менее, такие изменения наблюдаются не у всего пожилого населения. Имеется большая группа лиц, у которой до глубокой старости сохраняется оптимистическое настроение, высокая работоспособность. Этому способствуют многие факторы и условия, в том числе упорядоченный образ жизни, овладение специальными методами психической саморегуляции, наличие интересов, активная общественная жизнь, благополучная семейная ситуация и т.д.

Ведущая деятельность в старости может быть направлена либо на сохранение личности человека (поддерживание и развитие его социальных связей), либо их обособление, индивидуализацию и «выживание» его как индивида на фоне постепенного угасания психофизиологических функций. Оба варианта старения подчиняются законам адаптации, но обеспечивают различное качество жизни и даже ее продолжительность.

Социальные исследования, проведенные автором в 2000-2003 годах, показали, что 60 % пенсионеров работают только по материальным причинам в новых социально-экономических условиях, хотя эта причина была поставлена на третье место. У 36 % респондентов сильнее выражены социальные мотивы. Для этих людей основной была потребность трудиться. В группе работников умственного труда социально обусловленные мотивы встречаются чаще. У них на первое место выступает привычное стремление к ответственности и сохранению престижа благодаря выполненной работе на занимаемой должности. На продолжительность трудовой деятельности после вступления в пенсионный возраст оказывает влияние уровень образования: наиболее длительный срок отмечен у пенсионеров с самым высоким уровнем образования и почти без образования.

Следовательно, стареющие люди объективно требуют изучения и учета всех перечисленных ранее особенностей, дифференциацию мер и подходов комплексной социальной поддержки в зависимости от возможностей и потребностей самих лиц старших возрастов. Именно поэтому здесь требуется активная помощь социальных работников с целью максимального использования потенциала самопомощи и взаимопомощи стареющих людей.

Появился даже специальный термин - эйджизм, означающий отрицательное или унижающее отношение к человеку из-за его возраста. Эйджизм возникает под влиянием двух понятий: дискриминация и стереотипизация. Дискриминация - это акт, действие, который производится в отношении всех людей определенной группы (отказ в приеме на работу). Стереотипизация - это приписывание ряда особых характеристик всем членам определенной группы. Термины, которые определяют пожилых людей (ригидный, старомодный, консервативный), отражают негативное общественное мнение о них. Эйджизм включает в себя институциональный эйджизм (юридически закрепленную дискриминацию людей определенной возрастной группы) и внутренний эйджизм (обидные, унижающие межперсональные действия, негативные высказывания и поведение, например, игнорирование, физическое и психологическое насилие и пр.).

Эйджисткие тенденции свойственны и людям, непосредственно работающим и постоянно общающимися с пожилыми - социальным

работникам. Это может зависеть и от недостатка социально-психологической компетентности, увеличением трудностей в общении, пожелание становления нового вида деятельности в стране.

Изучение старости в социальном аспекте включает в себя анализ индивидуальных переживаний старых людей, определение места и положения старых людей в обществе, исследование социальной политики в отношении пожилых людей. Реализация всех трех аспектов проблемы возможна с помощью технологии дифференцированного подхода, предлагающего всесторонний учет особенностей клиента, его социального положения, потребностей и интересов. Значение этой технологии состоит в том, что на основе анализа и оценки объекта социальной работы, окружающего его социума, создаются условия для удовлетворения потребностей клиентов, выбираются адекватные средства, методы и формы оказания социальной помощи. Эта технология применяется как в работе с отдельными личностями, так и целыми социальными группами.

Осуществляя дифференцированный подход как основной в обеспечении социальной защищенности пожилых людей, можно не только создать условия для поддержания физического существования пожилых людей, но и поддержать их потенциал как социально активной группы. Необходимо создать в социуме в отношении людей старших возрастов такой морально-психологический климат, при котором они не чувствовали бы себя людьми второго сорта. Возможности использования дифференцированного подхода в социальной работе позволяют осуществлять и другие технологии социальной работы.

Целостный подход к человеку, активный характер содержания, форм, методов и технологий работы, ориентация на создание условий, позволяющих включать в работу самих клиентов как субъектов социальной работы, значительно повышают ее эффективность.

Многоуровневый характер системы социального обслуживания способствует реализации дифференцированного подхода и выбору форм и видов обслуживания, что позволяет на практике перейти от принципа социальной изоляции пожилых людей к их социальной адаптации, а в дальнейшем, и к социальной интеграции в общество. В связи с этим система социального обслуживания людей старших возрастов должна иметь в каждом административно-территориальном образовании следующие структурные подразделения: центр социального обслуживания с отделениями срочной социальной помощи, дневного пребывания, социальной помощи на дому, реабилитации для лиц с ограничениями по физическому здоровью и т.д.; благотворительную столовую; социальную гостиницу; магазин (секции); аптеки для продажи товаров первой необходимости; дом-интернат для престарелых или психоневрологический интернат малой вместимости.

Как показывают авторские исследования, пожилых и старых людей особенно волнуют экономические и социальные проблемы. При этом социальные проблемы достаточно остро стоят перед представителями всех возрастных групп, а экономические - у лиц в возрасте от 55 до 70 лет. В число социальных входят и психологические: депрессии, кризис личности пожилого человека, проблемы коммуникаций и состояние психических процессов, проблема проведения свободного времени и т.д. Все это ставит на повестку дня вопрос пересмотра концептуального подхода к исследованию и организации жизнедеятельности людей пенсионного возраста, активизируя их участие в

социальном развитии общества, организации досуга, жизнедеятельности пожилых людей.

Общественные организации становятся дополнительной и, надо сказать, весьма действенной силой в работе с пожилыми людьми. От других социальных институтов они отличаются проникновением в те сферы жизни, которые не затрагиваются или слабо затрагиваются существующими государственными структурами, а также максимально активным характером деятельности и поведения их членов.

Общественными организациями успешно применяется добровольная сеть социальной помощи. С одной стороны, это вызов профессионалам, а с другой, огромное поле деятельности тех же профессионалов, желающих сотрудничать с добровольцами. Однако сегодня существуют проблемы в этой сфере - отсутствие посредников между государственными и общественными институтами, дублирование их деятельности, недостаток финансовых средств.

Таким образом, можно выделить три основные задачи, стоящие перед социальными работниками при решении проблем пожилых людей в современном российском обществе: разработка, апробация и внедрение инновационных социальных технологий, просветительская работа среди населения о правах, льготах данной категории граждан, развитие сети общественных организаций, занимающихся проблемами пожилых людей.

ДЕЛЬФИНОТЕРАПИЯ, КАК ОДНО ИЗ НАПРАВЛЕНИЙ ТРАНСПЕРСОНАЛЬНОЙ ПСИХОЛОГИИ И ПСИХОТЕРАПИИ

С. Д. Дороганич (Москва)

Дельфинотерапия является частью методики «Холодайвинг», разработанной специалистами «Центра кризисных состояний» и направленной на профилактику и реабилитацию химической зависимости. Это целый комплекс последовательных взаимодополняющих методов, в котором общение пациентов с дельфинами является кульминационным и смыслообразующим процессом. Необходимо отметить, что эффект дельфинотерапии выражен особенно отчетливо, когда с пациентом и его окружением работает несколько специалистов (врачи, психологи, тренеры) в течение определенного времени, и общение с дельфинами – только вершина айсберга.

Что же мне позволило отнести одно из направлений фаунотерапии к трансперсональной психотерапии. Мне помогут ответить на этот вопрос исследования, проводившиеся в НИЦ «Государственный океанариум Украины», основанном на базе бывшего военного дельфинария ВМФ СССР, расположенном в бухте Казачьей г. Севастополя.

Пациент во время сеанса дельфинотерапии (ДТ) находится в измененном состоянии сознания (ИСС). Это подтверждают электроэнцефалографические данные, полученные в ходе ДТ (измерения проводились до сеанса и сразу после него). Во время сеанса ритмы мозга значительно замедляются, снижается доминирующая ЭЭГ-частота, возникает альфа-ритм и тета-ритм, а также происходит синхронизация электрической активности обоих полушарий. Это свидетельствует о снижении общего уровня возбуждения центральной нервной системы и общей релаксации организма. Как известно, альфа- и тета-ритмы характерны для ИИС, связанных с общей релаксацией: медитации, аутогенного погружения, гипнотического транса, холотропного дыхания. Ученый Берч предположил, что вибрации сверхнизкой частоты стимулируют

электорофизиологические и поведенческие изменения, обнаруживаемые у пациентов ДТ.

Психоэммунологические исследования показали, что замедленным ритмам ЭЭГ и синхронизации активности обоих полушарий соответствует продуцирование эндорфинов, ответственных за хорошее настроение и самочувствие, способствуют снижению болевых ощущений. Кроме того, хорошо известно, что любые сильные положительные эмоции и действенная психотерапия всегда приводят к появлению эндорфинов в головном мозге, что крайне важно, для пациентов, предрасположенных и страдающих химической зависимостью. Как известно, такие пациенты страдают синдромом дефицита удовлетворенности, характеризующимся низким уровнем эндорфинов в головном мозге и невозможностью самостоятельно без употребления психоактивных веществ войти в состояние релаксации.

У некоторых больных шишковидная железа была чувствительна к электромагнитному полю, продуцируемому дельфинами во время сеанса ДТ. Оно воздействовало на гормональную систему (микровозбуждая ее) и вызывало синтез мелатонина.

Каким же образом дельфины воздействуют на мозг человека и индуцируют ИИС?

Во-первых, гидроакустические сигналы дельфинов благоприятны для людей. Дельфиний сонар просвечивает ткани, как на УЗИ. Концентрированный звуковой луч способен лечить, он же воздействует на головной мозг. Физиотерапевты применяют ультразвук, и доказано, что он приводит к незначительным позитивным изменениям в поврежденных клетках. При этом выработка эндорфинов в мозге тоже усиливается. Ультразвук сонара дельфина в четыре раза мощнее, чем у современного прибора УЗИ. Сонар дельфинов использует ультразвук и формирует картинку по отражению эха и вот тут то дельфин и начинает работать как одаренный биоэнерготерапевт. В сеансах ДТ установлено, что общение с дельфином увеличивается биополе человека. Это проверяется биолокационной рамкой в начале и в конце сеанса.… При проведении сеанса пациент должен быть расслаблен. Это способствует контакту, тогда тонкие «полевые структуры» человека сливаются с колебаниями биополя дельфина. Так образуется общая волна, некий благодатный резонансный канал. Дельфины с биополя человека считывают информацию и корректируют, наращивают его в 2-3 раза или восстанавливает утраченное.

Дельфины обладают уникальной способностью создавать общую картину психофизиологического состояния больного без наложения социо-культурных стереотипов, присущих любому представителю Homo Sapiens.

Итак, дельфин помогает пациенту войти в ИИС. Естественно, не без помощи специалистов. Без симбиоза с человеком дельфин лечить не может. То ли мы для них дополнительный инструмент, то ли они для нас уникальный биокорректор, так или иначе, факт остается фактом. Результат достигается только совместными усилиями врачей-дельфинов и коллектива специалистов-людей (психологов, врачей, тренеров). Перед началом сеанса ДТ пациенты выполняют специальный комплекс упражнений (йоготерапия) и обучаются технике «дельфинье дыхание», что способствует активизации альфа-ритма головного мозга, релаксации. Это необходимо для начала контакта с животными. После этого пациенты заходят в воду, ложатся на спину в позу звезды и продолжают «дельфинье дыхание». Дельфин плавает вокруг пациента,

начинает свой сеанс исцеления. Через некоторое время животное приближается к человеку, начинает касаться его рострумом. После этого человек с дельфином вступают в более активное взаимодействие, вместе плавают, играют, дельфин катает человека, человек кормит дельфина рыбой и т. д. При этом очень важным лечебным фактором выступает тактильный контакт. Возможны индивидуальные, парные и групповые варианты работы.

Во время сеанса ДТ используются природные особенности дельфина: сочетание уникальных физических данных и высокого интеллекта, потребность в общении, способность к межвидовому общению, использование невербальных средств общения, игровое поведение, а также особое отношение человека к дельфину: он является одним из ярких символов самого первого начала вещей, т.е. архетипичен. Это порождает сильную положительную установку. На стыке установки и реального восприятия появляется т.н. «эффект дельфина», выступающий мощным лечебным фактором. Восприятие дельфина уже несет в себе следующие лечебные факторы: положительные эмоции, седативный, отвлекающий, активизирующий, катарсический эффекты. Дельфин ярко демонстрирует интерес к партнеру по общению, активно взаимодействует, требует обратного ответа, привлекает к себе внимание, демонстрирует дружелюбность, искренность намерений.

Я уже отмечала выше, что во время сеанса ДТ пациент находится в ИСС, которое открывает колоссальные возможности для самоисцеления, для проникновения в глубины бессознательного. Как же контакт с дельфином влияет на различные области человеческого бессознательного?

1. Влияние на биографическую область бессознательного.

Дельфины легко вступают в контакт с человеком, они дружелюбны и общительны. Общение с дельфином, телесный контакт с ним необходимо людям с нарушенными отношениями с родителями и другими представителями своего вида. Очень часто задержки развития и отклоняющееся поведение у ребенка объясняется недостатком материнской ласки, телесного контакта с ней; непосредственное общение с теплокровным дружелюбным существом во многом восполняет этот дефицит. Человек учится принимать себя, ведь дельфины любят его просто за то, что он есть. По словам Плутарха «Дельфин - единственное существо, чья любовь к человеку бескорыстна». Существует поверье, что если хоть раз дотронуться до дельфина, то всю оставшуюся жизнь ты будешь счастлив.

2. Влияние на перинатальную область бессознательного.

Китообразные являются основными персонажами зрительных образов, возникающих при активизации 1 БПМ. Общение с дельфинами в морской воде, близкой по составу к симбиотической жидкости, телесный контакт с гладкой, теплой кожей дельфина, напоминающую на ощупь внутреннюю поверхность матки, состояние релаксации способствуют активизации 1 БПМ. Это, в свою очередь, способствует устранению психологических и психосоматических проблем, связанных с негативным аспектом

1 БПМ и пренатального периода. Кроме того, плавание с дельфинами активизирует позитивный аспект IV БПМ. Пациент ощущает тепло, бескорыстную любовь, поддержку на поверхности воды (дельфины сразу после рождения толкают своих детенышей вверх для первого вдоха, это остается в их памяти и проявляется при взаимодействии с людьми).

Тестирование, проводимое в группе детей в возрасте от 4-х до10 лет, страдающих гидрофобией, показало, что 90% из них имели в анамнезе

осложненные роды. Преодоление гидрофобии началось во время игр в бассейне, где дети сначала плавали с надувной игрушкой-дельфином, а затем, изображая дельфина, катали друг друга. Во время ДТ с детьми, страдающими гидрофобией, было доказано, что погружение в воду и близкий контакт с дельфинами снимают с ребенка не только стресс, но и депрессию, связанную с болезнью.

По данным Комитета здравоохранения г. Москвы 97% больных химической зависимостью имеют в анамнезе патологические роды. Т.о., мы вправе предположить, что любой ребенок, переживший осложненные роды, потенциально носит в себе зерна химической зависимости. Следовательно, дельфинотерапия может помочь в профилактике и лечении алкоголизма и наркомании.

3.Влияние на трансперсональную область бессознательного.

Дельфин - мощный архетипический символ. В Древней Греции символ дельфина, указывая на его принадлежность Гелиосу-Аполлону, говорил как бы о том невещественном свете, который озарял дельфийскую сивиллу (пророчицу)

В Риме дельфин являлся знаком жрецов, хранителем и толкователем пророческих книг.

Максим Грек, ссылаясь на известные примеры человеколюбия дельфинов, добивался разрешения отпевать их по одному обряду с обычными покойниками.

В христианстве еще со времен катакомбной Церкви на гробницах христиан получили распространение иконографические изображения дельфина как тонкого душевного тела усопшего, отделившегося от тела бренного.

Дельфин – устойчивая аллегория Таинства Крещения, соотносился не просто с водой, но и со Светом Христовым. Соответствие со светом позволяло иногда использовать дельфина в качестве символа Преображения, когда Бог показывал именно свою световую природу.

Таким образом, общение с дельфинами активизирует глубинные слои психики человека, выводит его на уровень коллективного бессознательного и высвобождает энергию, стоящую за этим уровнем.

Дельфин, в отличие от домашних животных, окружен романтическим ореолом, ему приписывают магические и даже сверхъестественные свойства. От встречи, от непосредственного контакта с ним уже заранее ожидают какого-то необычайного целительного эффекта. Вообще эффект любой психотерапии во многом зависит от того, на что настроен, что ожидает пациент.

Кто же является пациентами врачей-дельфинов и сотрудничающих с ними людей?

В основном, это дети, страдающие психосоматическими заболеваниями, неврозами, различными функциональными отклонениями, сопутствующими органическим поражениям центральной нервной системы, посттравматическим синдромом, заболеваниями опорно-двигательного аппарата, нарушениями слуха и речи, а также дети, имеющие в анамнезе осложненные роды. Кроме того, их пациентами могут быть взрослые люди, страдающие аналогичными заболеваниями, дистемическими расстройствами, зависимостями, у которых есть противопоказания для других методов трансперсональной психотерапии (например, холотропного дыхания). Не надо забывать, что больных много, а специально обученных дельфинов и специалистов, занимающихся дельфинотерапией, мало. Поэтому, в первую очередь, необходимо лечить детей.

Общение с дельфином позволяет достичь следующего:

1. Прийти к принципиальному переконструированию отношения к себе, к окружающим людям, к природе, к миру вообще.

2. Вытащить человека из плена самоизоляции, стимулировать развитие интереса к внешнему миру, что становится условием к установлению, восстановлению, корректировке, оптимизации социальных отношений.

3. Выступает в качестве сенсорного стимулятора, активизируя работу мозговых структур и всего организма в целом.

4. Стимулировать вербальную экспрессию, способствуя речевому и сенсомоторному развитию аутичных детей и детей со сниженным интеллектом.

5. Стимулировать процесс развития личности.

6. Восполнять дефицит положительных эмоций и обеспечивать поддержку детям и взрослым, переживающим одиночество или состояние дезадаптации, удовлетворять аффелятивную потребность.

7. Через тактильную стимуляцию создать условия для эмоционального отреагирования.

8. Создать условия для укрепления контакта пациента с психотерапевтом.

И в заключении мне хочется задать вопрос: является ли термин «дельфинотерапия» наиболее подходящим для определения такого межвидового взаимодействия, так как это подразумевает, что пользу от общения получает только человек, а животное используется для этой цели. Возможно, термин «терапия взаимодействием дельфина и человека» более полно отразит межвидовую связь, представит основание для изучения положительных взаимных влияний.

ПСИХОЛОГИЧЕСКИЕ ПРАКТИКИ: ЭМПИРИЯ И ТЕОРИЯ

И.Н.Карицкий (Москва)

Исследования в области практической психологии позволяют выделить основные эмпирически наблюдаемые виды психологических практик (психопрактик). Последующий анализ содержания психопрактик является основой для создания теории психологической практики и построения ее модели. В эмпирическом пространстве практической психологии легко вычленяются следующие виды психопрактик: психотерапия, психологическая коррекция, психологическое консультирование, психологическая помощь, психогигиена, психопрофилактика, психологическое сопровождение, психологическая поддержка, психотренинг, психодиагностика, практики личностного роста, практики саморегуляции, психологическое просвещение, обучающие психологические практики и другие.

Психотерапия. Согласно «Психотерапевтической энциклопедии» под редакцией Б.Д.Карвасарского психотерапия «в настоящее время не является однозначно понимаемой областью научных знаний и практических подходов…» Психотерапия в общих чертах представляет собой «особый вид межличностного взаимодействия, при котором пациентам оказывается профессиональная помощь психологическими средствами при решении возникающих у них проблем или затруднений психического характера». За этим очень общим определением психотерапии стоит целый ряд различных проблем, ряд которых выходит за ее собственные рамки. Так, все дефиниции психотерапии можно разнести по двум следующим категориям: это –

1) медицинские (психиатрические) и 2) психологические определения психотерапии. Как пример медицинского определения психотерапии: «Теория и практика использования психических средств воздействия на больного с лечебной целью составляют тот раздел медицины, который называют психотерапией». Как примеры психологического определения психотерапии: психотерапия «это процесс, в котором личность, желающая изменить свои симптомы или жизненные проблемы либо стремящаяся к личностному росту, явно или неявно вступает в соглашение, чтобы взаимодействовать так или иначе предписанными способами с личностью, которая представляется как помогающая»; психотерапия – «это опыт роста, и им должен обладать каждый». В.Е.Каган приводит 36 различных определений психотерапии самых известных российских и западных психотерапевтов. Среди них девять ассоциируют с понятиями: больной, врач, лечение, т.е. рассматривают психотерапию как часть медицинской практики. Двадцать шесть имеет ключевыми слова: психология, проблема, помощь, изменение, клиент (пациент), взаимодействие, личность, т.е. видят в психотерапии особую область психологической практики. Число и тех и других дефиниций можно без труда расширить.

Вопрос о статусе психотерапии имеет несколько аспектов. С формальной стороны – это вопрос ее дефиниции. В этом смысле психотерапия может быть определена и как чисто медицинская узкая специальность, и ей, в другом случае, может быть придана более широкая трактовка как вида психологической практики. Если рассматривать психотерапию в рамках медицинской практики, то предметной областью психотерапии начинает выступать болезнь, а точнее различные психические (психологические) аспекты болезней, как соматических, так и психиатрических. В этом случае она превращается во вспомогательное средство медиков и психиатров. И ее определение подразумевает лечебное воздействие или дополнительное воздействие в рамках медикаментозных лечебных процедур. Но вопрос дефиниции психотерапии не является вопросом формальной процедуры. В первую очередь он должен учитывать реальную практику психотерапии. В западных странах психотерапия является самостоятельной областью практики, ее занимаются как специалисты, имеющие медицинское образование, так и в еще большей степени психотерапевты, получившие специальное психологическое образование. В значительной степени это обусловлено и тем, что все основные направления психотерапии имеет своей концептуальной основой соответствующее (также основное) направление в психологии, а не в медицине. Бихевиоральная (поведенческая) психотерапия соответствует бихевиоризму, психоаналитическая – психоанализу, когнитивная – когнитивной психологии, гуманистическая – гуманистической психологии. Такое же соответствие прослеживается и в отношении более частных подразделений психологии и психотерапии.

Кроме того, надо иметь в виду, что закрепление термина «психотерапия» за медицинской сферой не отменяет того вида социальной психологической практики, который как-то названный или неназванный продолжает существовать и отвечает определенным критериям. В советский период такая практика именовалась психологической коррекцией, хотя, по сути, являлась психотерапией, которой занимались психологи, не имеющие официального права заниматься психотерапией. Другая попытка обозначить эту реальность связана с употреблением термина «немедицинская психотерапия». Еще один вариант формального решения этой проблемы – обозначить рассматриваемое

пространство как «терапевтическую психологию». Но в большинстве случаев, и зачастую даже в широком смысле психологической помощи вообще, эту сферу психологической практики все же именуют психотерапией. Таким образом, рассмотрение психотерапии как вида психологической практики является вполне правомерным. Она отвечает ее критериям.

Психологическая коррекция. Содержание понятия психокоррекции по существу совпадает с психотерапией. Термин «психологическая коррекция» широко используется с 1970-х годов, когда психологи стали активно заниматься психотерапией, но по закону ее имели право заниматься только лица, имеющие высшее медицинское образование. Эта коллизия была разрешена таким образом: врач – занимается психотерапией, психолог – занимается психологической коррекцией, хотя в содержательном отношении и то и другое представляет собой одну и ту же деятельность. Тем не менее, и по сегодняшний день продолжаются дискуссии, связанные с уточнением и разграничением содержания данных понятий.

Психологическое консультирование. Данное направление психологической практики традиционно, наряду с психотерапией, считается основным в указанной сфере деятельности. Некоторые специалисты вообще выделяют только психологическое консультирование и психотерапию как виды деятельности в практической психологии. Существует множество определений психологического консультирования, в части из них для уточнения понятия проводится сравнение и размежевание с психотерапией. Обычно психологическое консультирование рассматривают как профессиональную помощь пациенту (клиенту) в поиске решения в проблемной ситуации.

Психологическое консультирование как область профессиональной деятельности сформировалось на Западе в 1940-50-е годы, вырастая в основном из психотерапии и отвечая созревшей социальной потребности в разнообразных формах психологической помощи. В настоящее время психологическое консультирование получило также широкое распространение в нашей стране.

Если пытаться разграничить психотерапию и психологическое консультирование, хотя на практике это не всегда просто сделать в связи с тем, что существует отчетливая тенденция к стиранию между ними границ, то основным критерием выступает степень проблемности ситуации, с которой сталкивается клиент. Можно говорить о том, что потребность в психотерапии возникает тогда, когда страдания личности непосильны ей, и только профессиональная помощь специалиста способна разрешить или ослабить наличествующую проблему. Потребность в психологическом консультировании имеет место в случаях, когда клиент осознает наличие определенной проблемы, в принципе она является посильной, т.е. не создает актуально особых сложностей в адаптации и деятельности, но, тем не менее, нуждается в своем разрешении. О психологическом консультировании также говорят в тех случаях, когда для человека актуальны вопросы личностного развития.

Степень проблемности обусловливает вместе с тем особенности взаимоотношений психолога (или другого специалиста в области практической психологии) и клиента (индивида, группы, организации), используемые методы и т.п. Так, в случае психотерапии речь идет о необходимости психотерапевтического воздействия, тогда как психологическое консультирование – это, в первую очередь, совместное с клиентом рассмотрение ситуации, поиск выхода, в которых клиенту отводится ведущее

место: он принимает решения и осуществляет их. Хотя, как уже отмечалось, нет непроходимой границы между этими видами практики: можно с уверенность сказать, что элементы психотерапии обнаруживаются в психологическом консультировании и наоборот.

Психологическая помощь. Понятие психологической помощи собственно охватывает значительное пространство психологической практики (по мнению некоторых специалистов, совпадает с ним), этим термином обозначаются все случаи профессиональной помощи, имеющей психологическое содержание, можно сказать, что психологическая практика развертывается в первую очередь как психологическая помощь. Большинство экспертов в качестве основных видов психологической помощи рассматривают психотерапию и психологическое консультирование, хотя сюда же правомерно относятся психогигиена, психопрофилактика, психологическое сопровождение, поддержка, в ряде случаев психологическое просвещение, индивидуальные и групповые тренинги, практика социальной и религиозной помощи, психодуховные практики, в отдельных случаях психодиагностика и другое.

Психологическая гигиена представляет собой комплекс мероприятий, направленных на сохранение и укрепление психического здоровья. Обычно психогигиену рассматривают как медицинскую дисциплину (раздел гигиены) или относят к психиатрии, сближая понятия психогигиены и первичной психопрофилактики. В то же время в обоих случаях понятие психогигиены носит медицинский характер и существенно сужает ее реальные задачи. Можно согласиться с тем, что цели психогигиены направлены на сохранение и укрепление психического здоровья, если иметь в виду не только психиатрическую нозологию, но и менее выраженные отклонения от состояния здоровья в рамках психической нормы и переходные формы от нормы к патологии. Основная задача психогигиены – это устранение причин, приводящих к психическим отклонениям и психической патологии, и создание условий, способствующих душевному равновесию и благополучию.

Психологическую профилактику часто относят к одной из областей психиатрии или медицинской профилактики. Различение психопрофилактики и психогигиены довольно условно и не всегда представляется возможным. В контексте психологической практики их можно рассматривать как тождественные понятия, хотя в рамках психиатрии критерии их различения являются более определенными.

Психологическое сопровождение – это совокупность психологических практических средств, которые обеспечивают в числе прочих средств некоторую основную деятельность и носят по отношению к ней вспомогательный характер. Психологическое сопровождение – это вид психологической практики, который не является самостоятельной деятельностью, а дополняет другую, непсихологическую деятельность как необходимый ее элемент. В то же время оно является видом психологической практики, имеющим свои особенности, специфический набор инструментов и задач. Основная цель психологического сопровождения – максимальная эффективность обслуживаемой деятельности.

Психологическая поддержка. Термин с не вполне ясным, точнее, размытым содержанием в силу различного смысла, который в него вкладывают те или иные специалисты. Более узкое и более точное значение имеет термин «поддерживающая психотерапия», под которой понимается продолжение психотерапевтической работы после завершения основного курса. Существует

также общее семантическое поле значений слова «поддержка» и его различных сочетаний (например, «дружеская поддержка»), которое позволяет до определенной степени очертить и круг значений термина «психологическая поддержка». При этом, конечно, необходимо различать психологическую поддержку, которую оказывает специалист-психолог, и психологическую поддержку, оказываемую другими людьми, хотя в содержательном отношении и то, и другое может совпадать. Не сужая чрезмерно понятия и не делая его слишком неотчетливым, психологическую поддержку можно определить как специальную психопрактическую деятельность, направленную на поддержание некоторого, ранее достигнутого или существовавшего, уровня психического благополучия в период после прохождения некоторого основного психопрактического курса (терапия, тренинг, личностный рост) или в период сложных, но посильных для личности обстоятельств, когда нет необходимости в психотерапевтических процедурах или консультировании.

Психологический тренинг. Русский термин «тренинг» является более поздним, чем «тренировка», прямым заимствованием с английского и происходит от «training», сохраняя за собой одно из его значений. Раньше и в значительной мере сейчас английское «training» переводится как «тренировка». Явление психологического тренинга на Западе возникло в 1950-е годы, когда М.Форверг в своей практике стал использовать новый метод, основанный на ролевых играх с элементами драматизации, названный социально-психологическим тренингом. В настоящее время круг явлений относимых к психологическому тренингу значительно шире. В то же время не существует общезначимых дефиниций, хотя по совокупности множества имеющихся определений можно говорить об интуитивном понимании большинством авторов некоторого общего содержания, относимого ими к этому понятию. Психологический тренинг, а также социально-психологический (под которым понимают интенсивный групповой метод, направленный на развитие компетентности в общении), сейчас является чрезвычайно распространенным в России. Пытаясь по возможности охватить все практики, причисляемые к этому явлению, ряд исследователей вынуждены давать максимально абстрактные характеристики психологическому тренингу, что в то же время затрудняет его эмпирическую идентификацию.

С нашей точки зрения, психологический тренинг есть вид психологической практики, выражающийся в активных упражнениях (тренировках) по формированию, развитию и совершенствованию психологических навыков и умений. Этим выражается сущность психологического тренинга.

Психологическая диагностика. Хотя существует определенное разнообразие мнений в отношении объема и содержания понятия психодиагностики, в целом это наименее дискутируемая в отношении своего предмета область психологической практики. Различают психодиагностику как науку (сферу знаний) и психодиагностику как практическую деятельность. Предметом нашего рассмотрения является психодиагностика как психологическая практика, хотя понятно, что своей теоретической основой она имеет психодиагностику как науку. Обычно психодиагностику (как психопрактику) определяют как постановку психологического диагноза, далее разъясняя, что психологический диагноз – это распознавание психологического (социально-психологического) состояния конкретного психологического

(социально-психологического) объекта (индивида, группы, организации) или отклонения его от некоторого нормативного состояния.

На наш взгляд существенным моментом трактовки психодиагностики в аспекте практики является понимание ее как вспомогательной, вторичной, несамостоятельной практической деятельности, как элемента той или иной самостоятельной психологической практики (такой как психотерапия, психологическое консультирование, тренинг и т.п.). Хотя ее обычно рассматривают не только как самостоятельную психологическую практику, но относят также к основным видам практической психологии или даже отводят место фундамента практической психологии.

Высказанная точка зрения обосновывается следующими двумя соображениями. Во-первых, постановка психологического диагноза без использования его данных является нонсенсом. Другими словами, психодиагностика приобретает свое значение только как часть собственно психологической практики, для организации которой она и нужна как один из факторов. Психодиагностика проводимая сама по себе уже приобретает другой статус. Она может быть частью научного исследования (но не практической деятельности), может быть развлечением (по типу гороскопа, напечатанного в развлекательном журнале). Она также может приобретать черты психологической практики в том случае, если ее данные оказывают какое-то практическое действие, например, на обследуемый объект.

Во-вторых, если психодиагностика это вид практики, то в ней должен преобладать момент воздействия на объект над моментом познания. В психодиагностике во всех ее вариантах доминирующим является аспект познания. Но это познание нужно не само по себе, для наращивания знаний, а для последующего практического воздействия. Практическая деятельность человека содержит в себе как необходимый, но подчиненный момент деятельность отражения, восприятия, познания объекта, без него она не может быть эффективной. Психодиагностика является весьма развитой, но подчиненной, именно такой деятельностью. Она может приобретать относительные черты самостоятельности как этап более широкой практики, но это не изменяет ее статуса как момента конкретной психологической практики. И поэтому она должна трактоваться в указанном смысле.

Практики личностного роста. Сфера личностного роста и духовного развития представляет собой весьма широкий и разнообразный спектр различных индивидуальных и групповых практик. Определения личностного роста и развития также многообразны и определяются концептуальными основами и субъективными предпочтениями, как групп-лидеров, так и участников. Существенно то, что в принципе к развивающим и личностного роста практикам обращаются вполне благополучные в психологическом отношении люди, испытывающие по тем или иным причинам потребность в самопознании и саморазвитии, в отличие от психотерапии и психологического консультирования. Сюда же могут примыкать оккультные, эзотерические, духовные и т.д. практики, если в них превалирует психологический компонент. Многие тренинги являются практиками личностного развития. Хотя такого рода методы также могут использоваться и в психотерапии (психологической коррекции), психологическом консультировании.

Если при психотерапии одной из базовых концепций выступают представления о психической норме и психическом благополучии, разнящиеся в разных психологических школах и при разных подходах, то в практиках

личностного роста ведущей концепцией является представление об идеальной, совершенной личности, также различное в разных психологических школах. Сама практика организуется как процесс реализации, достижения этого совершенства. В более слабой трактовке развития личности речь может идти о развитии и совершенствовании отдельных качеств и способностей личности. Сюда же относятся практики роста личности как развития профессиональных качеств, в частности, акмеологические практики.

Психологические практики саморегуляции. Близко к практикам личностного роста примыкает такой вид психологических практик как практики (психической) саморегуляции. Разница между ними состоит в том, что если первые направлены на развитие личности, приобретение новых психических умений и навыков, расширение освоенной зоны психических сфер, то вторые представляют собой завершенный результат первых. То есть ситуацию, когда личность, освоив некоторый набор психических, психодуховных практик, систематически использует их для саморегуляции, они становятся привычным, повседневным навыком. Это могут быть навыки, усвоенные в процессе аутогенной тренировки, молитвы, медитации, тренинга коммуникативности, ассертивности, в практиках самоосознания, образно-эмоциональных и ролевых тренингах, в дыхательных и телесно-ориентированных процессах и т.п.

Психологическое просвещение. Психологическое просвещение – это передача, распространение психологических знаний. Некоторые авторы рассматривают психологическое просвещение как первичную форму приобщения людей к психологическому познанию. Психологическое просвещение имеет различные формы, типы и способы своей реализации. Оно является психологической практикой при условии, что распространение психологических знаний включает в себя момент воздействия на аудиторию, знания несут в себе практический преобразующий потенциал.

Обучающие психологические практики (практики обучения психологическим практикам). Среди всего множества психологических практики существует также такой их вид как психологические практики обучения психологическим практикам. В них обучают профессиональных практических психологов или будущих профессионалов тем или иным конкретным практикам. Отличие обучающих практик от других их видов состоит в том, что в них внимание в большей мере сосредоточено на методологической, методической, технологической, технической и обучающей сторонах процесса. Хотя в достаточной мере уделяется внимание и другим аспектам, т.к. считается, что практический психолог должен неоднократно сам пройти через весь психопрактический процесс, узнать его изнутри, прежде чем вести через него других.

Теоретическое обобщение. Рассматривая то общее, что имеют эмпирически выделяемые виды психопрактик, можно перейти к теоретическим обобщениям. Это общее заключается в следующем: субъектом практики является специалист, обладающий навыками психологической работы, объектом воздействия выступают отдельные люди и их малые или большие группы, предметной стороной воздействия является психика людей или ее отдельные структуры, средства воздействия носят или психологический характер (вербальное воздействие, аффирмация, образ, экспрессия, различные психологические закономерности, психосоматические зависимости и пр.), или акцент делается на психологической стороне средств воздействия (музыка, массаж, дыхание, поза, движение, различные физические эффекты,

биохимические препараты и пр.), субъект практики ставит перед собой психопрактические цели: изменить, преобразовать, трансформировать психическое содержание личности, группы, общества. Все виды психопрактик имеют общее им всем уровневое (психопрактические основания), аспектное и динамическое содержание и могут трансформироваться одни в другие.

Виды психопрактик не являются независимыми, а наоборот, тесно связаны между собой и при определенных условиях переходят друг в друга. В психотерапию необходимым образом включены элементы психодиагностики, консультирования, тренинга, игры, личностного и группового развития, саморегуляции и т.д. То же самое можно сказать о психологическом консультировании, тренинге, личностном росте, практиках саморегуляции и других психопрактиках. В них имеются и составляют неотъемлемое содержание элементы других видов психологической практики. Это содержание нами названо психопрактическими деятельностнообразующими аспектами. Каждый такой аспект при его генерализации, превращении в ведущую деятельность, образует один из основных видов психологической практики. Тогда другие психопрактические аспекты становятся второстепенными, подчиненными ведущей деятельности. К основным деятельностнообразующим психопрактическим аспектам относятся: психотерапевтический, консультационный, тренинговый, развивающий, регуляционный, диагностический, профилактический, поддерживающий, психогигиенический, сопроводительный, просветительский, обучающий. При генерализации психотерапевтического аспекта формируется психотерапевтическая практика. При генерализации тренингового аспекта – психотренинг и т.д. Генерализация определенного психопрактического аспекта является механизмом образования психологической практики. Помимо деятельностнообразующих психопрактических аспектов психологические практики имеют дополнительные аспекты (управляющий, концептуализирующий, компенсационный, интеграционный, исследовательский, контекстуальный, игровой, духовный, жизнеобучающий и др.), которые не образуют основных видов практик, но формируют ее содержание и подвиды. Психопрактические аспекты организуют горизонтальную структуру психопрактики.

Вертикальную структуру психопрактики создают ее основания. Основания психологических практик – это те теоретические, методологические, практические представления и схемы действия, социальные и личностные факторы, потребности, мотивы и цели, ценности, нормы и оценки, психологические средства, а также наблюдаемые явления, которые в явном или неявном виде существенно в них используются или существенным образом влияют на них. Сверху вниз по мере приближения к собственно психопрактическому взаимодействию они следующие: потребностно-целевые, концептуальные, реляционные, методологические, праксические, орудийные и феноменальные.

Потребностно-целевые основания психологической практики составляют совокупность тех общественных, групповых и личностных (индивидуальных) потребностей, мотивов и целей, которые актуально инициируют данную практику, формируют ее и задают ее прочее содержание, в том числе содержание других оснований, аспектное и динамическое содержание. Концептуальные основания представлены совокупностью всех дескрипций, концептов и их систем, которые обосновывают данную практику, используются

в ней или существенно с ней связаны. Например, психологическая теория может составлять существенную часть концептуальных оснований психопрактики. Реляционные основания представляют собой множество ценностей, норм и оценок, которые формируют отношение к феноменальному пространству данной психологической практики, а также сами эти отношения. Реляционные основания психопрактики тесно связаны с концептуальными и часто трудно отделимы от них, поскольку всякое представление о реальности уже есть и отношение к ней.

Методологические основания психологических практик – это знания о том, как действовать для достижения целей этих практик и чем руководствоваться в этих действиях. Праксические представляют собой реальные навыки и умения, необходимые для практических действий в данной системе. Инструментальные (или орудийные) основания – это психологические и иные средства, которые используются в психопрактике для достижения ее целей (результатов). Феноменальные основания психологической практики – это совокупность психических, психологических, психосоматических и социально-психологических явлений, которые психологическая практика выделяет, с которыми непосредственно работает, на которые воздействует, трансформирует, которые интерпретирует (концептуализирует) и т.п. Потребностно-целевые, концептуальные, реляционные, методологические и праксические основания относятся к уровню субъекта. Орудийные – частично к субъекту, частично занимают пространство между субъектом и объектом, опосредуя их взаимодействие. Феноменальные – к объекту.

Психологическая практика имеет также динамическое содержание, которое развертывается в трех основных плоскостях: личностная динамика, групповая динамика и динамика психопрактического процесса, которая проявляется, в первую очередь, в соотношении психопрактических аспектов на его различных этапах и обусловлена как методом конкретной практики, так и особенностями личностной и групповой динамики. Личностная и групповая динамика психопрактического процесса в целом может быть оценена как позитивная или негативная. Она также имеет определенные стадии, связанные с началом развертывания процесса, с решением его основных задач, с достижением его цели и с его завершением.

Предложенная модель психопрактики позволяет исследовать содержание разных практик, сравнивать их между собой, оценивать, развивать, а также осуществлять различного рода классификации. Основная классификация опирается на содержание деятельностнообразующих психопрактических аспектов и образует уже указанные виды психопрактик. Другие классификации в качестве своих критериев имеют содержание разного уровня оснований, психопрактических аспектов и особенности динамики. Так, концептуальные основания, в частности, позволяют осуществлять классификации психопрактик по направлениям и школам в психологии (например, бихевиоральные, психоаналитические, когнитивные, гуманистические, трансперсональные и другие). На уровне реляционных оснований практики делятся по ценностным ориентациям (манипулятивные, самоактуализирующие, просоциальные, трансцендентные). На уровне методологических оснований практики классифицируются по уровням психопрактического воздействия и трансформации (телесные, энергетические, эмоциональные, ментальные, духовные). Существует и множество других классификаций психологических практик, в основе которых лежит предложенная модель.

ПРОБЛЕМА САМОРЕГУЛЯЦИИ ЛИЧНОСТИ – ПСИХОЛОГИЧЕСКОЕ ИЗМЕРЕНИЕ

В.В.Козлов (Ярославль), С.А.Ракчеев (Н.Новгород)

На сегодняшний день, многочисленные исследования в области саморегуляции произвольной активности становятся основополагающими в решении значительной части практических проблем: это задачи подготовки и отбора персонала в организации, в том числе управленцев и менеджеров высшей квалификации, прогноз успешности избирательных компаний, проблемы индивидуализации обучения и стратегии пстхотерапии в связи с характерологическими особенностями участников тренинга и т.д.

Основой психологической саморегуляции является система необходимых для регуляции любой деятельности структурно – функциональных и содержательных психологических характеристик.

Системное мышление и системное представление о живом, уходят корнями в конец XIX века, когда в математике и физике было заявлено сомнение в универсальности механистической картины мира. Теория относительности Альберта Эйнштейна и высказывания Вернера Гейзенберга по поводу принципа неопределенности — самые известные результаты этого периода в физике. Гейзенбергу удалось показать, что объективность наблюдателя ограничена, так как, например, для наблюдения за такими мельчайшими частицами, как атомы или электроны, требуется энергия, который, в свою очередь, влияет на поведение наблюдаемых частиц; для того чтобы устранить привычную, всегда возникающую границу между наблюдателем и предметом наблюдения, наука должна была совершенно по-новому подойти к взаимоотношениям наблюдателя и исследуемого объекта. Этот опыт можно перенести на трансперсональную психологию — невозможно «объективно» наблюдать трансперсональные переживания как во внутреннем субъективном опыте, так и при взаимодействии с клиентом, — сам факт наблюдения и личность наблюдателя, без всякого сомнения, оказывает влияние на наблюдаемые явления.

В математике системный подход развивал Бертран Рассел, разрабатывавший новую научную парадигму, в которой рассматривались *отношения* между различными объектами. Как определяющие здесь рассматривались не *качества (свойства)* определенного объекта, а сеть (система) *взаимоотношений* между объектами. Впервые системная теория была разработана в биологии и психологии (Кэннон). Ее развитием после Второй мировой войны стала кибернетика, т.е. учение об управлении техническими системами. Не случайно системное изучение социально-психологических систем берет свое начало приблизительно в 1950 году в Пало-Альто, в Силиконовой долине, цитадели американской компьютерной индустрии. Основная проблема тогда заключалась в сохранении равновесия (гомеостаза), в первую очередь при помощи информации, которая указывает на отклонения и предваряет коррекцию в направлении должного состояния (негативная обратная связь). Предпосылкой этого исследования был тот факт, что сложные процессы также могут быть планируемыми и управляемыми, поскольку можно составить о них представление (их образ), который реалистично отображает их сложность.

Интересно, что и в других науках снова стали происходить подобные изменения. В химии Илья Пригожин открыл так называемые «диссипативные самоорганизующиеся структуры». Параллельные открытия были сделаны и в физике. Синергетика и теория хаоса показали также, что системы, по всей вероятности, в состоянии сами по себе вызывать структурные изменения. На этом фоне все больший интерес стало вызывать изменение систем, а не гомеостаз. Идеи системного подхода по-своему разработали представители гештальтпсихологии и психоанализа. Представители психоанализа связывали системный подход с анализом аффективных процессов, рассматривая в качестве основного фактора человеческой психики так называемый «комплекс». В связи с идеей развития принцип системности реализован в операциональной концепции интеллекта Ж. Пиаже (женевская школа генетической психологии). В неофрейдизме, а также в символическом интеракционизме система социального, знаковоопосредствованного взаимодействия, со своей структурой, трактуется как первичная и определяющая по отношению к психике индивида.

В России принцип системности является методологическим подходом к анализу психических явлений, когда соответствующее явление рассматривается как система, не сводимая к сумме своих элементов, обладающая структурой, а свойства элемента определяются его местом в структуре. Отечественные философы и психологи рассматривают психологические системы как целенаправленные, социально обусловленные. В процессе индивидуального развития они проходят последовательные этапы усложнения, дифференциации, трансформации своей структуры. Единым генетическим основанием, из которого развертываются психологические системы, является совместная (социальная) предметная человеческая деятельность, включающая процессы общения. Теория функциональных систем П.К. Анохина, лежавшая в основе его системных взглядов, стала методологической базой системного подхода к изучению нейрофизиологических основ психики и позволила в какой-то мере связать результаты исследований в психофизиологии, психологии восприятия, индивидуальных различий, профессиональной деятельности и способностей. Системный подход развивался и во многих школах психотерапии.

Концептуальную основу системного подхода, как мы уже указывали выше, составила кибернетика, точнее, общая теория систем. Один из основоположников общей теории систем, Л. фон Берталанфи, показал, что понятие системы вытекает из так называемого «организмического взгляда на мир». Для этого взгляда характерны два положения:

а) целое больше, чем сумма его частей;

б) все части и процессы целого взаимовлияют и взаимообусловливают друг друга.

Итак, базовая идея системного подхода в психологии заключается в том, что психика — это система, т.е. комплекс элементов и их свойств, находящихся в динамических связях и отношениях друг с другом.

Психика — это открытая система, она находится в постоянном взаимообмене с окружающей средой. Психика — это самоорганизующаяся система, т.е. поведение системы целесообразно, и источник преобразований системы лежит внутри ее самой (Козлов, 1993).

Исходя из этого, понятно, что люди, составляющие различные социальные системы, поступают так или иначе под влиянием правил функционирования данной социальной системы, а не только под влиянием

своих потребностей и мотивов. Система первична по отношению к входящему в нее элементу. Ясно, что объектом исследования, психотерапевтического или психологического (экономического, политического, идеологического и др.) воздействия является вся социальная система целиком, а не отдельный человек, элемент этой системы. В соответствии с многомерностью и многоуровневостью построения психической организации системный подход в психологии рассматривает любую личность как систему, в которой имеется взаимодействие между составными элементами — персоны, интерперсонального и трансперсонального во всей структурной сложности (Козлов, 1999). Личность всегда рассматривается в свете, с одной стороны, социального контекста существования, с другой — глубинных уровней, в том числе психодинамических компонентов, индивидуального и коллективного бессознательного, перинатальной динамики и трансперсональной феноменологии бытия в мире. Она никогда не берется как изолированный или абстрактный элемент.

Мы можем посмотреть на сознание человека, на его психику в одном ряду с организацией всех живых систем. Живые системы отличаются от неживых тем, что это диссипативные системы и они находятся в постоянном обмене энергией, информацией, и упорядочивают свой внутренний мир, выбрасывая хаос наружу. Это очень важный момент. Мы повышаем свою структурность и упорядоченность, выбрасывая хаос наружу. Любая живая система действует так от клетки до человека, до планеты. Любая система развивается, проходя довольно устойчивую траекторию развития, до точки бифуркации, до точки кризиса, до точки непредсказуемости, где возможно много траекторий дальнейшего развития. Эти точки бифуркации, которые бывают в нашей жизни, особенно отчетливо проявляются при измененных состояниях сознания. Здесь мы можем очень много видеть, много делать, много воспринимать, будто в этом состоянии мы находимся в связи со всеми событиями своей жизни. Все в мире подвержено изменению, все непостоянно. В конце концов, стираются даже скалы, неповторимо меняется климат. Живые системы, пока они живы, сохраняют относительную стабильность за счет открытости к миру, а не за счет замыкания в монады. Люди поддерживают относительное постоянство психики, непрерывность «Я», обмениваясь информацией, употребляя пищу, устанавливая то, что называется «складом характера», «привычками», и в конечном счете создавая многообразные социальные порядки и институты. Человек жив, пока он «дышит» в потоках общения/энергии с миром, с собою и другими людьми.

Особенностью живых систем является то, что они развиваются скачками, когда относительно равномерное, более или менее предсказуемое движение достигает точки бифуркации — выбора дальнейшей траектории. И то, по какому пути будет развиваться система, зависит как от нее самой, так и от окружающих ее потоков энергии и информации.

Саморегуляция это системно – организованный процесс, имеющий закономерную внутреннюю структуру и интегрированный характер. Наличие интегрированной функциональной структуры саморегуляции и высокий уровень сформированности каждого функционального компонента определяют эффективное саморегулирование.

На наш взгляд, наиболее продуктивным путем изучения закономерностей процессов саморегуляции состоит в реализации интегративного подхода. При этом, под интегративным подходом понимается

методологическое направление в науке, одна из основных задач которого заключается в разработке и применении методов исследования сложноорганизованных и самоорганизующихся объектов-систем. Такой подход дает возможность избежать как функционализма, так и структурализма, в изучении отдельных психических феноменов и факторов, детерминирующих осуществление человеческой активности.

С позиции этого подхода, уровень сформированности осознанной саморегуляции должен определяться целостностью системы саморегуляции. Категория целостности позволяет обеспечить полноту охвата объекта исследования и степень его организованности (упорядоченности).

Известно, что функциональная неполноценность контура, отсутствие связей между отдельными звеньями и блоками системы саморегуляции может объясняться как отсутствием целостности контура, так и не рациональным использованием предпочтительного инструментария в саморегулировании. Успешность в различных видах практической деятельности обеспечивается сформированностью целостной системы саморегуляции, а любой структурно-функциональный дефект процесса регуляции существенно ограничивает эффективность в самых различных видах деятельности.

В отношении конкретного человека регуляторные процессы имеют индивидуальную специфику, которая определяется как индивидуально-психическими особенностями, так и требованиями окружающей действительности.

В контексте нашей работы, мы изучаем саморегуляцию в аспекте функциональной согласованности между звеньями контура осознанной саморегуляции в разных типологических группах. А также исследуем типологические различия, которые проявляются в информационном обеспечении регуляторных процессов и их реализации и, как следствие наблюдаем общую рациональную или иррациональную организацию своей деятельности индивидами, относящимися к разным типологическим группам. Если учесть, что и знаковая общечеловеческая информация, и непосредственно-чувственная информация есть ничто иное, как используемый инструмент саморегуляции, то становятся понятными стилевые различия саморегуляции у субъектов в деятельности в зависимости от способа отображения действительности.

Актуальность изучения саморегуляции во многом определяется тем, что важнейшим условием успешности тренинговой деятельности является сформированность процессов саморегуляции у ее участников. Изучение различий в функционировании отдельных регуляторных звеньев в разных типологических группах позволит оптимизировать деятельность участников тренинга, определить причины фрустраций, проанализировать компенсаторные механизмы выявленных типологических особенностей в самоорганизации своей деятельности, найти причины определенных неудач или отклонений, обучить участника тренинга способам повышения успешности его целенаправленной деятельности.

Учет и анализ различий в функционировании как отдельных регуляторных звеньев у разных типов участников тренинговой работы, так и целостной организации процесса саморегуляции позволит в определенной степени решить проблемы низкой результативности обучения и трансформации личности в тренинговой работе.

АРХЕТИПЫ И СИМВОЛЫ В РОМАНЕ М.А.БУЛГАКОВА «МАСТЕР И МАРГАРИТА».

С.Л.Копылов

«Мастер и Маргарита» - наиболее известное и, вероятно, самое значительное произведение М.А.Булгакова. Исследование этого романа с позиций психологического анализа может дать достаточно интересный результат и удачно дополнить многочисленные литературоведческие исследования этого произведения. Поэтому я считаю, что такое исследование целесообразно.

Естественно, невозможно исследовать авторское произведение только с позиций юнгианского анализа коллективного бессознательного, поэтому я использовал и некоторые методы классического фрейдистского психоанализа, которые были совместимы с аналитической психологией Юнга, и не входили в противоречие с основными ее постулатами.

* * *

В первой главе романа мы сталкиваемся только с одним архетипом коллективного бессознательного – архетипом «Духа» («Мудрого старца»). Персонажем, заключающем в себе этот архетип, является Воланд. Всего в первой главе романа имеется три «говорящих» персонажа: Берлиоз, Бездомный и Воланд. Все три представляют собой образы коллективного бессознательного (но архетип содержит только Воланд. Все прочие – нет). Перед появлением Воланда в романе разыгрывается архетипическая ситуация, в которой участвуют Бездомный и Берлиоз. Эту ситуацию можно бы назвать архетипом «посвящения» (разновидность архетипа «перерождения»), инициации. В данном случае посвящаемым является Бездомный, а посвящающим - Берлиоз. Перед «посвящением» посвящаемый всегда должен пройти некое испытание – в романе испытанием является сочинение антирелигиозной поэмы, заказанной Берлиозом. Очевидно, Бездомный не выдержал это испытание, и Берлиоз дает ему возможность пройти его вторично. Этим Берлиоз несколько нарушает структуру архетипической ситуации, в которой испытание может быть пройдено лишь единожды (или вторично лишь через весьма продолжительный срок). В классическом варианте этой архетипической ситуации испытание не только могло быть пройдено лишь единожды, но и означало сохранение жизни – невыдержавший лишался ее. Пример можно взять из истории греческого города-государства Спарты – в этой стране подростки перед посвящением в мужчины подвергались болезненному бичеванию при алтаре Артемиды; выдержавшим испытание считался не издавший крика и… выживший.

Это нарушение исправляет Воланд появившийся как раз в тот момент, когда Берлиоз подготавливал Бездомного к повторению испытания. Здесь очень важно упомянуть о том, почему Берлиоз нарушает структуру архетипической ситуации, а Воланд, напротив, восстанавливает ее. Это происходит потому, что Берлиоз является человеком (олицетворяет сознание, стремящееся преодолеть ограничение со стороны коллективного бессознательного), а Воланд – демоническим существом (олицетворение коллективного бессознательного – демонические существа есть во всех мировых религиях и мифологиях и, следовательно, являются сильными (неизменными) архетипами коллективного бессознательного (а вот, например, архетипическая ситуация, описанная мной выше – слабый архетип. Большинство «сильных» архетипов были описаны Юнгом)). Появившийся Воланд преследует две цели: 1) Восстановление нарушенных норм

коллективного бессознательного (цель, неосознаваемая автором текста); 2)проведение собственного испытания Бездомного.

Коллективно-бессознательная картина первой главы романа полностью совпадает с сюжетом древнегреческого мифа об испытании Геракла (перед ним появились две богини, одна из которых предлагала ему наслаждения, а другая – трудности. Он выбрал второе). Поэтому можно сказать, что Бездомный содержит в себе некоторые черты архетипа «дитя». Однако, поскольку Бездомный не проходит ни одного из предложенных ему испытаний, то нельзя сказать, что мы имеем дело только с архетипом «дитя». В действительности это несколько иной архетип, близкий к архетипу дитя, но отличающийся от него. Это слабый архетип, архетип «престолонаследника» (или «личинки» - можно и так его назвать). Архетип этот во всем подобен архетипу «дитя», но, в отличие от него, лишен нравственной окраски; престолонаследник – это тот, кто однажды получит сверхчеловеческую власть, а пока он ее не получил он, он представляет собой абсолютное ничтожество во всех отношениях, лишенное поступков (очень яркое и впечатляющее описание этого архетипа дано в романе Ф.Герберта «Дюна». Главный герой этого романа, герцог Пол Атрейдес, содержит до определенного времени архетип «престолонаследника», затем он проходит архетипические же испытание и инициацию, после чего меняет свое имя (что знаменует переход в другую коллективно-бессознательную форму, перерождение)).

Здесь мы считаем необходимым сформулировать определение понятия «слабого» архетипа:

Слабый архетип – это такой архетип, который существует только в связке с другим, сильным архетипом (или несколькими другими слабыми и одним сильным), причем эта цепь представляет собой превращение одного архетипа в другой. Примерами слабых архетипов являются архетипы испытания и посвящения, которые всегда сосуществуют с сильным архетипом перерождения по такой схеме:

Испытание посвящение перерождение (смерть).
слабый слабый сильный

В одном и том же проявлении коллективного бессознательного может наблюдаться сколь угодно много слабых архетипов, но они всегда будут связаны одним сильным. Из схемы видно, что слабый архетип является этапом онтогенеза героя, содержащего сильный архетип (другой пример: престолонаследник→дух (мудрый старец). Более редкая цепь), причем наблюдается своеобразная закономерность: особенности сильного архетипа проявляются тем ярче, чем меньше герой (предмет, действие, ситуация), его содержащий проходит этапов, в которых он содержит слабые архетипы (так, например, архетип перерождения в «чистом» виде представлен такими глобальными превращениями, как метемпсихоз, реинкарнация, воскрешение. В связке, которая была приведена выше он принимает лишь форму лишь значительных (или даже незначительных) жизненных изменений (пример, приведенный раннее: бичевание подростков на алтаре Артемиды в Спарте при посвящении их в мужчины. Здесь перерождение носит вполне воображаемый, символический характер)). Следовательно, слабый архетип, обладает способностью забирать часть психоэнергетического потенциала сильного архетипа, так как сам лишен его (поэтому слабые архетипы и не встречаются в свободном виде). Очевидно, слабые архетипы являются одними из средств

сопротивления, психологической защиты коллективного бессознательного, позволяющие скрывать сильные архетипы.

Подведем итоги анализа первой главы:

Коллективно-бессознательная часть:

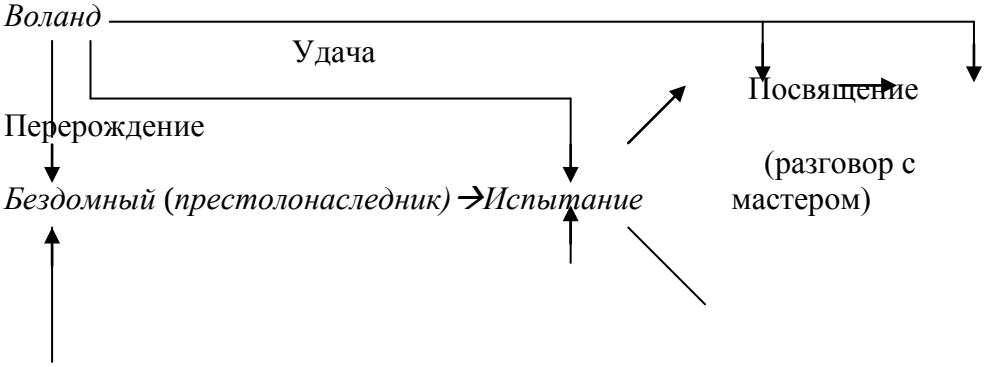
Первые две части первой главы (где первой частью является действие, происшедшее от момента заказа Бездомному Берлиозом антирелигиозной поэмы до того момента, когда эта поэма была прочитана Берлиозом и произвела плохое впечатление, а второй частью действие, происшедшее от момента окончания второй части и до появления Воланда; третей частью является действие, происшедшее от момента произнесения Воландом его первой реплики и до того момента, когда он начал рассказывать о Понтии Пилате) содержат незавершенную архетипическую ситуацию (цепь архетипов): испытание→(…).

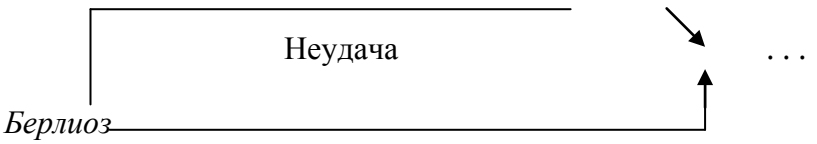
Из трех архетипов-компонентов архетипической ситуации успевает прореагировать только один архетип, причем слабый (так как цепь незавершена: проявление сильного означает ее завершение. В дальнейшем, по ходу действия романа, она завершается, но совершенно иначе, чем рассчитывал Берлиоз). Во второй части первой главы Берлиоз осуществляет попытку нарушить структуру архетипической ситуации, воспроизведя ее вторично (на практике это означало бы, то, что архетип-компонент, успевший прореагировать (хоть и неудачно) окажется свободным (а он не может быть свободным, так как это слабый архетип).

В реальной жизни это нередко происходит, и это не является нарушением работы коллективного бессознательного, так как психические процессы часто разнятся с реальностью (это происходит благодаря существованию личного бессознательного, которое для каждого отдельно взятого человека более сильно, чем коллективное).

Это нарушение исправляет появившийся в третей части главы Воланд (архетип Духа). Он останавливает Берлиоза и продолжает то, что начал он (Воланд отталкивается от испытания, проведенного Бездомному Берлиозом; для Воланда это испытание имело характер искушения, которое Бездомный выдержал); в дальнейшем, начатая в первой главе, архетипическая цепь завершится, и первым ее звеном будет именно испытание (или искушение), проведенное Берлиозом.

Для Берлиоза испытание Бездомного является неудачным, для Воланда (хотя не он его проводил) удачным, поэтому существуют два варианта развития архетипической цепи, первый из которых (вариант Берлиоза) не осуществляется. Берлиоз, проводя испытание Бездомного не мог предусмотреть, что это испытание проводится кем-то еще, кроме него.После испытания право продолжать развитие героя-престолонаследника (способствовать его посвящению и перерождению) получает тот, чье испытание оказалось удачным. Схематически это можно продемонстрировать так:



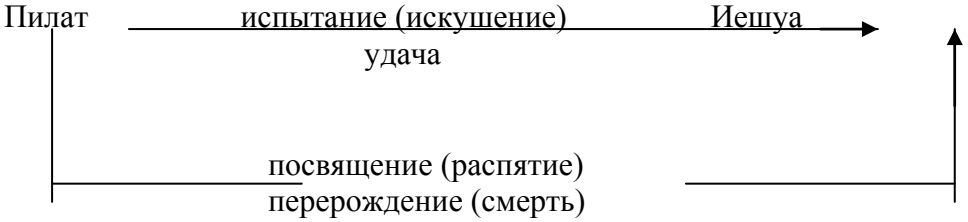


Жирным курсивом на схеме показана та часть архетипической цепи, которая прореагировала в первой главе романа.

* * *

Во второй главе романа берет свое начало вторая сюжетная линия романа, которая можно условно назвать: «Понтий Пилат». Главным его отличием от основного сюжета является отсутствие в нем элементов персонифицированной фантастики (это парадоксальный элемент, поскольку содержание второго сюжета как раз и должно быть более фантастическим, ведь это вариант евангельской легенды об Иисусе Христе, хотя и несколько видоизмененый).

В этой главе мы имеем дело с двумя архетипами: архетипом Духа и Антиподов (где последний архетип представлен не Иешуа и Пилатом, а Иешуа и Воландом, который также является героем этого повествования (хотя и не активным), что выясняется из третей главы). Кроме того, все действие данной главы представлено слабым архетипом испытания (которое здесь приняло форму искушения Иешуа Пилатом. Посвящением станет распятие, а перерождением – обожествление, беатификация):



Из схемы видно, что именно Пилат (порок) способствует обожествлению Иешуа.

Очевидно, что архетипическое, бессознательное (но отнюдь не сюжетное и не философское) содержание обоих сюжетов является аналогичным (если точнее: во втором сюжете повторяется та же архетипическая цепь, что и в первом).

* * *

В рамках данной статьи невозможно проанализировать весь роман, поэтому мы ограничились анализом начала действия и главных архетипических цепей (связок, ситуаций), теперь же я приступаю к исследованию свободных сильных архетипов в романе.

Наиболее интересной группой архетипов является свита Воланда, состоящая из героев, не считая его самого: 1)Бегемот; 2) Коровьев (Фагот); 3) Гелла; 4)Азазелло. Здесь мы имеем дело, в первую очередь, с архетипами троицы и кватерниона (кватерниона, потому что число объединенных в группу персонажей равно четырем; троицы, потому что Гелла не является архетипом). Начать анализ этих двух архетипов можно лишь проанализировав их составляющие:

Бегемот. Он единственный из всех слуг Воланда имеет нечеловеческий облик. Это (а также его черный цвет) говорит о его взаимосвязи с архетипом Тени (К.

Г. Юнг в работе «Психология и Алхимия» утверждал, что говорящие и человекоподобные животные заключают в себе архетип Тени. В данном случае это становится тем более очевидно, что Бегемот связан с Дьяволом. Кроме того, Бегемот – это одно из имен Дьявола). Кроме этого, Бегемот содержит и некоторые черты Трикстера. Что также немаловажно, вообще для творчества Булгакова характерна «анимализация» отрицательных «теневых» персонажей (Шариков). См. также Иероним Босх «Увенчание терновым венцом» (на этой картине лицам палачей приданы животные черты);

Коровьев (Фагот). Этот герой романа представляет собой архетип Трикстера (Юнг в работе, посвященной этому архетипу, писал, что Трикстер имеет отношение к архетипу Тени. Очевидно, все персонажи «Мастера и Маргариты», входящие в свиту Воланда, и, являющиеся архетипами, так или иначе связаны с архетипом Тени). Можно сказать, что Бегемот и Коровьев объединяются в архетип Близнецов;

Азазелло. Он представляет собой Тень в чистом виде, без каких-либо дополнительных черт. Этот персонаж любопытно было бы рассмотреть и с позиций классического психоанализа. Его наиболее примечательной чертой является его единственный клык. Зуб, по Фрейду довольно часто является фаллическим символом. Однако данный случай выглядит несколько необычно: с одной стороны у Азазелло лишь один клык, что могло бы быть аллегорией кастрации (отсутствие второго), с другой – достаточно и одного, так как фаллос – непарный орган (в отличие от клыков). Здесь я бы хотел ненадолго отвлечься от «Мастера и Маргариты» (вначале я бы хотел сказать читателю, что Азазелло, помимо всего прочего наделен некоторыми чертами архетипа духа – не случайно именно он должен был сообщить Маргарите об ее избрании. Можно сказать, что Азазелло более инфернален по своей сути, чем вся свита Воланда и даже, чем сам Воланд) и вновь обратиться к роману Ф.Герберта «Дюна», ведь текст этот может сослужить хорошую помощь юнгианскому аналитику, так как содержит большинство описанных Юнгом архетипов, причем в новых модификациях (известно, что Герберт сам был последователем Юнга). В этом тексте присутствует своеобразная модификация архетипа Духа – *ментат* (автором этого названия является Герберт). Это (дословная цитата) – *класс имперских граждан, специально обученных для выполнения высших логических вычислений; живой компьютер.* Они не имеют никакого отношения к Азазелло, но весьма интересным образом связаны с архетипом, который он содержит. *Ментаты* наделены особенностью, по которой их всегда можно узнать в толпе и отличить от обычного человека: у них ярко красные губы. Если Азазелло наделен единственным клыком (фаллический символ; в «Толковании сновидений» З.Фрейд писал, что, когда речь идет об одном зубе, то имеется ввиду фаллический символ, а, когда о нескольких, то – символ женского начала (в качестве примера Фрейд привел фантазию коллективного бессознательного о «зубастой» вагине, vagina dentata)), то *ментаты* имеют губы красного цвета (цвет крови – символ кастрации; существуют многочисленные примеры, доказывающие это. Наиболее очевидным примером является мода красить губы и ногти (в красный цвет) среди женщин, а не среди мужчин. Другой пример – мода среди женщин же красить ногти преимущественно в этот цвет (ногти являются фаллическим символом, как и волосы, только потому, что могут быть отрезаны; характерная для детей младшего возраста фобия «стрижки» волос)). Основные признаки (клык и красные губы) не героя, но архетипа (в случае с *ментатами* это становится тем более очевидно потому, что *ментат* – это не

один человек, а популяция людей) сосредоточены в одной и той же зоне (оральной) и имеют родственный бессознательный смысл. Вместе с тем второстепенные признаки этих архетипов, напротив, могут быть противопоставлены по содержанию (однако, в «Мастере и Маргарите» поручают, помимо прочих, и такое задание, с которым лучше бы справился имеющий признаки *ментата* – сообщить Маргарите об ее избрании). Можно предположить, что мы имеем дело с двумя разными, но взаимосвязанными архетипами (такими, как, например архетипы «дитя» и «enfant terrible», «Вовочка») или архетипом антиподов. Последний вариант отпадает, так как мы работаем с разными текстами, значит это два разных сильных архетипа или, что еще более вероятно, один и тот же архетип. Можно бы сказать, что это именно так, и мы имеем дело с двумя разными аспектами архетипа Анимуса (Азазелло является первым из свиты Воланда, с кем познакомилась Маргарита, и встреча с ним так или иначе доставила Маргарите наиболее сильные ощущения сексуального характера (крем), результатом же их встречи стало перерождение Маргариты. *Ментат*, в свою очередь, наделен одним психическим женским признаком, который принял физическую форму (то есть лишен зависимости от сознания). Таким образом, Азазелло является, помимо прочего, Анимусом по отношению к Маргарите). Существует и еще один образ коллективного бессознательного (его вряд ли можно назвать архетипом), который имеет явное отношение к Азазелло (а также к *ментату*) – это *вампир* (с одной стороны он, как правило, наделен большими клыками, с другой чаще всего изображается с красными губами. Как не вспомнить Пушкина: «это, видно, кости гложет *красногубый* вурдалак» (что особенно важно, красные губы *вампиров* – не есть их врожденный признак – они красны от крови. Красные губы *ментата* также не являются его врожденным признаком (губы *ментата* становятся красными вследствие приема особого наркотика, стимулирующего умственные способности). Уже одно это свидетельствует о наличии определенного сходства между ними. Разница заключается в том, что *вампир* может контролировать цвет своих губ, а *ментат* – нет. Это свидетельствует о том, что красный цвет губ (психологический женский половой признак) *вампира* является сознательным, а ментата – бессознательным (не может контролироваться сознанием). Может ли это свидетельствовать о изначальной женственности такого образа коллективного бессознательного как *вампир?* В какой-то степени, вероятно, да. Известно, что образ *вампира* связан прежде всего с архетипом Тени (*вампиры* часто изображаются как люди, имеющие анималистические признаки (способность превращаться в летучую мышь) – это главный признак их связи с Тенью) и то, что архетип Анимы (главный женский архетип коллективного бессознательного) в психике примитивного мужчины часто отождествляется с архетипом Тени. Также очень типична феминизация вампиров в кинематографическом искусстве (в гениальном фильме Нила Джордана «Интервью с вампиром», вампиры изображаются как a priori гомосексуальные существа);

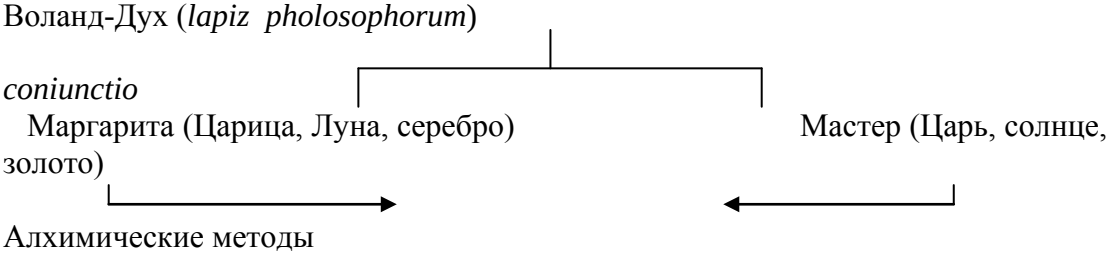
И, наконец, самый сложный самый неоднозначный инфернальный персонаж «Мастера и Маргариты» - *Воланд* (о самой Маргарите будет сказано отдельно). Ясно, что Воланд – это, в первую очередь, архетип Духа. Но он имеет признаки и некоторых других архетипов; в первую очередь, архетипов Тени и Трикстера. Но оба эти признака являются слабовыраженными, хотя бы потому, что Воланд – неотрицательный персонаж.

Следующие персонажи, анализом которых будет завершена эта работа, вероятно, тоже могут быть отнесены к «инфернальной» группе героев - Мастер и Маргарита. Мы считаем, что анализировать их следует в таком порядке, в каком они появились в тексте как действующие лица, поэтому и начну с Мастера.

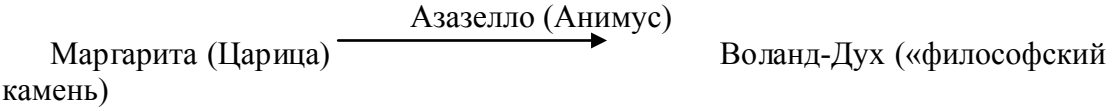
Мастер, в первую очередь представляет собой проекцию личности автора. По сюжету «Мастера и Маргариты», именно Мастер был автором романа о Понтии Пилате. Роман этот входит в «Мастера и Маргариту», а автором последнего текста (и, значит, романа о Пилате тоже) является Булгаков. На основании этого мы можем утверждать, что Мастер является проекцией М.Булгакова (подобно тому как, например, Юрий Живаго является проекцией Б.Пастернака в его романе «Доктор Живаго).

Если рассматривать образ Мастера независимо от реальности, то это архетип Царя (короной в данном случае является шапочка Мастера. Любой головной убор – это символ власти (известный пример – терновый венец Христа) и Царицы (двойной архетип), где Царицей (и Анимой) является Маргарита. Кроме того, шапочка Мастера напоминает кардинальскую шапку и, вдобавок, на ней вышита буква «М» (зубцы короны).

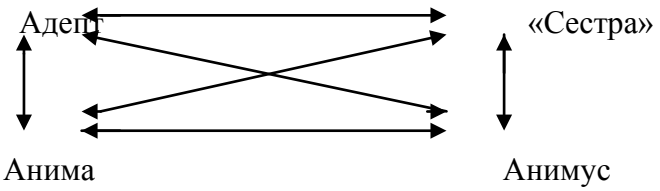
Воланд выполняет функцию *lapiz philosophorum*, «философского камня», соединяющего в алхимическом браке (процесс *Coniunctio* (слияния, соединения)) Царя и Царицу (характерно, что герой-архетип Дух часто бывает обладателем «философского камня» или же сам способен выполнять его функции, занимаясь алхимией (см. работы Юнга «Дух Меркурий» и «Феноменология Духа в сказке»). С другой стороны, часто «Дух», «Маг» неспособен помочь своей магией самому себе – и только самому себе – см. Туве Янсон «Мумии-тролль и Шляпа волшебника»)). Помимо этого, Воланда можно назвать обладателем тайны «философского камня» еще и потому, что является «звеном», соединяющим два временных отрезка (машина времени). Наглядно действия Воланда, носящие «алхимический характер, можно продемонстрировать так:



Из схемы видно, что отношения Мастера и Маргариты могут быть отождествлены с некоторыми алхимическими процессами (*coniunctio*). Царь и Царица стремятся соединиться и без помощи «философского камня» (на схеме: «алхимические методы»). Те способы, которые они для этого используют, могут иметь своей целью как непосредственно соединение, так и нахождение «философского камня», способного осуществить это соединение:



Таким образом, чтобы соединиться с мастером, Маргарита должна была обратиться к своему Анимусу, который помог ей получить философский камень (архетип брачного кватерниона):



(Схема из работы К.Г. Юнга «Психология Переноса»)

«Адептом» в данном случае является Мастер, а «Сестрой» - Маргарита. Юнг в «Психологии переноса» писал, что брак царя и Царицы – это всегда инцест. Он также привел несколько примеров из народных сказок, причем в каждом из этих примеров брак Царя и Царицы не осуществлялся (боязнь и, одновременно, желание инцеста на уровне коллективного бессознательного) по каким-либо причинам, а в дальнейшем Царица (Сестра) заменялась на свою двойницу, которая всегда была наделена некоей связью с магией или потусторонним миром. В «Мастере и Маргарите» все происходит схожим образом, но несколько иначе: 1) Царь и Царица не являются братом и сестрой, то есть их брак не будет инцестом; 2) В финале, наоборот, невеста из потустороннего мира (Маргарита, ставшая ведьмой) добывает себе жениха из реального.

Логично было бы предположить, что, в этом случае, Мастер является двойником некоего, не появившегося в тексте, жениха Маргариты (происходящего, как и она, из магического мира), связь с которым была бы инцестом. Известно, что сама Маргарита была выбрана хозяйкой бала Сатаны неслучайно (об этом ей сообщает Коровьев), поэтому мы можем говорить, что она принадлежала миру магии, еще до того, как она узнала об этом. Но при этом она находилась в реальном мире (кстати, в примерах Юнга было то же самое). Следовательно, ее жениха, связь с которым была бы инцестом и искать следует в реальном мире, но при этом он, как и Маргарита, должен принадлежать миру магии. На наш взгляд, этим женихом является, как это ни странно, сам Мастер, до момента сожжения его романа о Пилате. На принадлежность его в этот момент миру магии указывает то, что он с абсолютной точностью описал события, свидетелем которых обыкновенный человек быть не мог. Но после этого он сжег свой роман, то есть отрекся от магии. Затем, по просьбе Маргариты, ему была предоставлена возможность вернуть магию, и он вторично отказался (сказал: «Он мне ненавистен, этот роман»). Помимо этого Иешуа через Левия Матвея просил Воланда дать Мастеру покой, причиной отсутствия которого и стал роман Мастера (магия)). Таким образом, Мастер неоднократно переходил от реального мира к миру магии. Следовательно, отношения Мастера и Маргариты представляют собой «зеркальное» отражение архетипа брачного кватерниона (или описанием переноса на уровне коллективного бессознательного, где Анимой Мастера является его жена).

«Мастер и Маргарита» на бессознательном уровне представляет собой описание того, к каким результатам может повлечь коллективное бессознательное, глобальное отторжение «магии» на уровне бесконечного множества личных сознаний и бессознательных.

Литература:

1. М Булгаков «Мастер и Маргарита».
2. К.Г.Юнг «Архетип и символ», «Психология переноса», «Дух Меркурий», «Феноменология Духа в сказке», «Алхимия снов» (отрывок из работы «Психология и Алхимия»), «Введение в психологическую проблематику алхимии», «Психологические типы»
3. Дж.Дж.Фрезер «Золотая ветвь».
4. З.Фрейд «Толкование сновидений».
5. Ф. Герберт «Дюна».

ВИДЫ КРИЗИСОВ И ПСИХОЛОГИЧЕСКИХ ПРАКТИК РЕАБИЛИТАЦИИ КРИЗИСНОЙ ЛИЧНОСТИ

О.В. Кузнецова (Ярославль)

Кризисная личность рассматривается как сложная, многоуровневая система, дисбалансированная под воздействием внутренних или внешних факторов. В этой связи можно выделить следующие ситуации: ситуационные кризисы, кризисы переходного периода, кризисы, вызванные катастрофой, несчастными случаями или болезнями. Травмирующие факторы могут быть единичным катастрофическим происшествием или серией небольших неудач, которые обладают кумулятивным эффектом.

В настоящее время круг состояний, относящихся к кризисным и требующих помощи, достаточно широк. К ним в первую очередь относятся кризисные состояния, сопровождающиеся патологической или непатологической ситуативной реакцией, психогенной, в том числе невротической депрессией, психопатической или патохарактерологической реакцией. В основном службы кризисной реабилитации специализируются на помощи детям и подросткам, ушедшим из семьи, наркоманам, ветеранам войны и другим группам риска. Соответственно потребность в кризисной помощи возрастает в ситуациях катастроф, стихийных бедствий, социальных потрясений, терактов.

По мере того, как кризисное состояние личности и кризисная личность все более интегрируются в практику социальной работы, становится очевидно, что термин «кризис» употребляется в двух смыслах:

- закономерные, которые являются эволюционными этапами онтогенеза. К ним можно отнести следующие возрастные кризисы: новорожденности, 1-го года, 3-х лет, 7-ми лет, экзистенциальный юношеский кризис, кризис середины жизни, пенсионный, смерти. Развитие, по мнению многих ведущих отечественных психологов, характеризуется , прежде всего, качественными изменениями, появлением новообразований, новых механизмов, новых структур, новых процессов. Выгодский считал, что возрастной кризис обусловлен возникновением новообразований предшествующего стабильного периода, которые приводят к разрушению одной стабильной системы и возникновению другой, адекватной новому психологическому облику человека.
- вероятностные (ситуативные) которые могут случится и могут не случится с любой личностью. К ним относятся такие неожиданные непредсказуемые события, как смерть близкого человека, потеря значимого статуса, развод, насилие, катастрофа и др.

Ситуативное кризисное состояние на уровне личности или малых групп может иметь различные формы:

- соматический кризис (болезнь, старость);

- нервно-психологический кризис (фрустрации, стрессы, конфликты между базовыми структурами личности, фобии, депрессии, астении);

- социально-психологические нарушения коммуникативных функций и адаптационных механизмов к социальной среде;

- кризисные состояния, вызванные изменениями факторов среды – жилищно-бытовых условий, уровня материального благосостояния, физических условий на работе и т.д.;

- кризисы отношений – семейные кризисы, ценностные конфликты, ресурсные конфликты, ролевые конфликты;

- кризисные состояния души – страх, горе, гнев, кризис утраты, они могут быть вызваны несчастными случаями, катастрофами и др.

- экзистенциальные кризисы, связанные с поиском смысла жизни;

- мотивационные кризисы – кризис осознания побуждения, кризис принятия мотива, кризис реализации мотива, кризис закрепления мотива, кризис актуализации побуждения.

Кризис – это зов перехода в новое качество, это некая прерывность в линейной области эволюции личности как сложной системы. При этом существует полярная противоположность векторов дезинтеграции:

- скачек в развитии и в психодуховной эволюции, когда происходит исчезновение старого, изжившего себя образа Я и его обновление, возрождение и замещение его новым, более действенным. Позитивную дезинтеграцию можно рассматривать как некое возрождение, процесс обновления является естественным циклом, обладающим благотворным потенциалом для роста и трансформации личности.

- углубление кризиса с потерей витальности, т.е. негативная дезинтеграция с преобладанием отрицательных эмоций, носящих астенический, пассивно-бессильный характер. Человеком овладевает тоска, отчаяние, неверие в возможность выхода из тяжелой ситуации с возможным переходом в невроз, срыв. Наступают те негативные последствия, которые кризисное состояние оставляет в организме – депрессия, начальные стадии психосоматических заболеваний, которые могут перейти из стадии обратимых нарушений в стадию нарушений стойких, органических.

Широкая распространенность кризисных состояний и тенденция к их хронизации вызвали большой интерес психологов, психиатров, психотерапевтов, социальных работников. Разработаны кризисные теории, на основе которых создаются различные методы и технологии, помогающие справиться с кризисом. Классифицировать психологические практики можно по различным критериям. Естественная классификация различает психологические практики по видам на основе деятельностнообразующего аспекта: психотерапия, психокоррекция, психологическое консультирование, психотренинг, просвещение, практики личностного роста, обучающие практики. Уровень концептуальных оснований задает целый ряд возможных критериев классификации. Во-первых, это те психологические направления и школы, которые являются для тех или иных психопрактик их концептуальными основаниями. В связи с этим естественным образом психологические практики подразделяются ан психоаналитические (психодинамические), бихевиоральные, гуманистические, когнитивные, трансперсональные. Внутри них возникают классификации по школам.

Онтологические основания разделяют психопрактики по онтологическим уровням воздействия, например, психика и тело. Уровень ценностей указывает на манипулятивные и гуманистические (актуализирующие внутренний потенциал человека) методики. Экзистенциальные основания задают социальный и трансцендентный типы психопрактик.

Методологически методы коррекции кризисных состояний можно разделить на:

- рефлексивные – работа с психикой происходит через осознание психического содержания. Важными элементами являются: замена негативных мыслей позитивными, техника позитивных утверждений – аффирмаций, технология переключения психических состояний, медитация, сопровождающаяся словесным самовнушением и визуализациями.

- нерефлексивные, где компонент саморефлексии выражен слабо – это многие телесно-ориентированные, ролевые и шоковые практики.

- интегративные практики – оказывающие комплексное воздействие.

- целевые - решающие определенные узкие задачи или формирующие конкретные качества.

- метапсихотехнологии – обучающие овладению психотехнологиями, методологически и практически грамотному применению практик.

В практическом и операциональном отношении в человеке можно выделить пять уровней: телесный (физический, соматический), Энергетический (витальный), эмоциональный (чувственный), ментальный (интеллектуальный) и духовный (психодуховный). С каждого из этих уровней может быть осуществлена интервенция на любой другой уровень и, соответственно, психологические практики могут быть различимы по базисному уровню, с которого осуществляется воздействие, и уровню, на котором по преимуществу происходит трансформация, хотя многие практики по существу полиномны. По базисным уровням воздействия существуют следующие виды психологических практик:

- Телесные. С телесного плана возможно осуществлять интервенцию на уровень энергетики или в психические сферы. К этого рода процедурам относятся: различные бихевиоральные методики, телесно-ориентированные техники, (танцевально-двигательные, техника аутентичного движения, театр прикосновений, холлистический палсинг, биоэнергетика по А. Лоуэну и др.), дыхательные техники (холотропное дыхание, ребефинг, вайвейшн, свободное дыхание и тп.), разного рода йогические практики, психоделические, звукотерапия, музыкотерапия, цветотерапия, аромотерапия, массаж, биосинтез и др.

- Энергетические: цигун, некоторые техники раджа-йоги, кундалини-йога, биоэнерготерапия, аутотренинг, большой ряд дыхательных техник и др.

- Эмоционально образные: игровые, ролевые, визуализации, элементы аутотренинга, частично техники пересмотра, вербальные методики, часть техник раджа-йоги и др.

- Ментальные: психоаналитические, когнитивные. Ментальная визуализация, медитация, самоанализ, рационализация, структурализация, частично пересмотр, вербальные методы и др.

- Духовные: молитва, медитация, техники ряда эзотерических духовных и религиозных течений и др.

В определенных практиках те или иные уровни являются преобладающим модусом действия, но на практике обычно имеет место

определенное сочетание разноуровневых способов воздействия, иногда неотделимых друг от друга.

СОЦИАЛЬНО-ПСИХОЛОГИЧЕСКИЕ ФОРМЫ ОДИНОЧЕСТВА В ИСТОРИЧЕСКОМ АСПЕКТЕ

О.В. Лазарянц (Ярославль)

С древних времен, когда само существование людей было сугубо общинным, коллективным, родовым, существовало три основные формы одиночества. Во-первых, обряды, ритуалы, испытания, воспитание одиночеством, которые имели место практически у всех племен и народов.

Во-вторых, это наказание одиночеством, выражавшееся в изгнании из рода и обрекавшее наказанного почти на верную смерть. И в-третьих, это добровольное уединение отдельных индивидов, оформившееся в социальный институт отшельничества, просуществовавший многие тысячелетия.

Современные представления об одиночестве, его многоликости вырастают из этих исходных форм и в то же время сохраняют в себе их наиболее характерные черты.

Рассмотрим подробнее первую историческую форму одиночества – воспитание одиночеством. Подобные обряды имели громадное психологическое значение. В условиях полной жизненной растворенности индивида в своем племени или роде обряды изоляции были тем средством, которое позволяло человеку, пусть даже в самой примитивной форме, осмыслить и осознать себя, психологически обособиться. В то же время индивид обособлялся не как самоценная индивидуальность или личность, а как представитель рода. Таким образом, обряды изоляции не только обособляли индивида, но и «творили» его родовое самосознание или «Мы-сознание». Значение таких обрядов сохранилось на многие века и, в существенно измененном виде, дошло до наших дней.

Изоляция рассматривается как необходимое условие обособления индивида, становления его самосознания и в конечном итоге развития личности. Естественно, в этом случае изоляция не является полной и абсолютной. Она везде сохраняет следы ритуальности, некоторой условности, состоящей в обязательном, несколько театрализованном, отрыве индивида от привычных для него форм существования в социуме. Физическая изоляция индивида переживается им как одиночество и сопровождается чувством одиночества, однако не несет трагической окраски. Понимание человеком условности изоляции, ее временной ограниченности, непременности возвращения в привычные сферы общения, но уже в другом психологическом состоянии, создает общий положительный, благоприятный эмоциональный фон, сопровождающий переживание одиночества.

Эту позитивную особенность временного уединения в последние годы стали использовать в психотерапевтической практике. Так, американский психолог Дж. Лилли разработал и успешно осуществляет терапевтическую программу лечения депрессии, ожирения, алкоголизма, табакокурения, основанную на принципах воспитывающего одиночества. При этом он подчеркивает, что одиночество способствует развитию собранности и внутренней сосредоточенности и оказывает обновляющее действие на настроение. Сейчас известны и опыты с добровольной длительной изоляцией. Но все же для современного человека одиночество воспринимается как тяжелое

испытание. Он не может оценить в суете наших дней благотворное влияние на личность переживания одиночества.

Как уже отмечалось, воспитание одиночеством дошло и до наших дней. Этот прием используется в процессе социализации детей, когда родители начинают доверять им делать что-либо самим. Например, в какой-то момент родители говорят ребенку: «Ты уже большой, можешь играть сам!», «Посиди и придумай себе дело» и т. д.

Одиночество в таком процессе выступает учителем, формируя самостоятельную и полноценную личность.

Столь же древнюю историю имеет отчуждение индивида от общества путем насильственной изоляции или изгнания. На всех уровнях развития общества не было большего наказания, чем наказание одиночеством, изгнанием, лишением общения.

Нарушение жизненно важных для племени правил, табу у большинства первобытных народов каралось либо смертью, либо изгнанием, причем второе наказание считалось более тяжелым. Аналогичный механизм действует практически во всех общественных структурах. Так, религия при нарушении основных догматов во все времена использовала инструмент отлучения от церкви и предания анафеме. Для верующего человека такое наказание было равносильно духовной смерти, полному жизненному краху. Он оказывался вырванным из своей жизненной среды, из социума в целом, причем не временно, а навсегда и безвозвратно. Это положение усугублялось еще и тем, что в периоды преобладания религиозного сознания жизненная среда каждого конкретного человека была достаточно однородна и ограничена. Поэтому отлучение от церкви или предание анафеме фактически ставили человека вне общества, отчуждали его от людей.

Аналогичным образом действует и любое государство, вводя за нарушение законов наказание лишением свободы. Причем помимо прямого лишения свободы государство часто использует такие способы отчуждения индивида от общества, как высылка (ссылка) или лишение права проживать в определенной местности (как правило, в крупных городах), хотя эти формы наказания внешне предстают как более мягкие. Однако психологически они являются наказанием тем же одиночеством, ибо означают полный отрыв индивида от привычного для него круга общения, уровня культуры и т. д. И только огромная сила воли и высокий уровень культуры позволяют индивиду в этих условиях сохранить свою личность и преодолеть социальное отчуждение.

Но если у человека отсутствует способность противостоять внешнему принуждению и изоляции, то отчуждение становится и внутренним, психологическим. Очень быстро начинают проявляться все признаки одинокого бессмысленного существования. Без высокого уровня внутренней культуры отрыв индивида от привычного и близкого ему окружения часто приводит к распаду самой личности. Поэтому наиболее жесткие тоталитарные режимы стремились создать в местах заключения условия не просто тяжелые для физического существования, но направленные в первую очередь на разрушение культурных традиций личности, на обессмысливание ее жизни. И поэтому сохранение личности в условиях насильственного отчуждения во многом зависит от ее способности сохранить присвоенные нормы и традиции культуры.

Наконец, к этому же механизму психологического отчуждения относятся вырабатываемые в межличностных отношениях способы наказания за нарушение индивидом норм и правил морали данного социума. Это прежде всего

неформальные способы изоляции личности. Причем такие способы существуют на всех уровнях общества. Так, на уровне межличностных отношений человек, например, демонстративно прекращает общение с наказуемым. В традициях семейного воспитания наказание изоляцией («встань в угол!») является весьма распространенным, а иногда превращается в наказание полным изгнанием.

Особенно мощными средствами наказания отчуждением обладают социальные группы. Типичными примерами являются широко применяемые в малых группах бойкоты, групповые обструкции, вплоть до общественного остракизма. Все эти методы направлены на то, чтобы поставить индивида в ситуацию физической и, главное, психологической изоляции. Для индивида создается ситуация невозможности вступить в общение со значимыми для него людьми. Носителями наказания здесь выступают эти же значимые люди, что делает изоляцию особенно тяжелой. Психологическая тяжесть группового отчуждения заключается в том, что подвергается осуждению не просто тот или иной поступок индивида, а он сам как таковой, его личность, его собственные нравственные и культурные основания поступка. Это и есть ситуация полного личностного одиночества.

Прямо противоположной по своему социально-психологическому значению является третья историческая форма одиночества. Это добровольное физическое уединение человека, его уход от жизни в обществе. Обыденное сознание связывает добровольное уединение в основном с отшельниками. Исторически отшельничество возникает в период распада родоплеменных отношений и фактически предопределено возникновением мировых религий. Достоверно известно, что уже в середине первого тысячелетия до нашей эры отшельничество было достаточно распространенным в иудаизме. Примерно в это же время в Индии складывается особая каста жрецов — брахманы, которые вели строго уединенный отшельнический образ жизни. Сложные ритуалы, строгая регламентация жизни, аскетические подвиги и отшельничество рассматривались ими как лучшие средства освобождения души. Сверхчеловеческие, надличностные способности брахманов в постижении мира и управлении им, знание прошлого и предвидение будущего связывались в массовом сознании именно с особым способом существования — отшельничеством и аскетизмом. Уход от мирских дел, уединенность, предполагающая внутреннюю сосредоточенность и преодоление в себе низменных начал,— это неотъемлемые характеристики отшельнического образа жизни. Устремленность к познанию высшей сущности в то же время составляет обязательную часть всех мировых религий. Поэтому не случайна историческая связь между отшельничеством и религией, и само слово «монах» в точном переводе с греческого означает «отшельник» (человек, уединившийся в пустынных местах).

Отшельничество как социальный институт просуществовало не менее двух с половиной тысяч лет, в настоящее время это явление менее распространено и менее известно. Это произошло в силу того, что западное сознание не приемлет образа отшельника для достижения каких-либо духовных высот, здесь приоритетны материальные ценности. Отшельничество более характерно для Востока, где и поныне этот культ почитается и вызывает уважение и поклонение.

Смысл отшельничества в христианстве можно выразить словами игумена знаменитого Киево-Печерского монастыря отца Феофилакта, который говорил следующее: «Отшельничество существует до сих пор и будет существовать

столько, сколько будет жить в людях истинная вера и христианство. Такое положение определяется особым местом отшельничества в системе христианской духовности.

Отшельничество всегда рассматривалось как особый вид подвига, приводящий к спасению души и соединению с богом. Это высшая цель и апофеоз отшельничества. Именно поэтому оно не является самоцелью и его ни в коем случае нельзя путать с уединенностью анахорета и мизантропа. Нельзя также сравнивать отшельничество с жизнью человека, уединяющегося по каким-либо личным мотивам — будь то стремление проверить себя и свою волю или доказательство каких-то идей (как это делал, например, Торо, который, поселившись один в лесу, пытался на собственном опыте доказать «прелесть слиянья человека с его собственным природным первоначалом»). В любом случае это есть гордыня, несовместимая с подлинным подвижничеством.

Жизнь отшельника полна высочайшего смысла и значения именно потому, что она не только не сводится к обыденному существованию или борьбе за выживание в тяжелых физических условиях, а, наоборот, предполагает отречение от земных благ ради духовного очищения. Отшельничество неразрывно связано с самой суровой аскезой: преодоление плотского начала духовным — вот один из краеугольных камней христианства. В некотором смысле можно даже сказать, что отшельничество и аскетизм равны друг другу. Но в отшельничестве есть еще один момент, который возвышает его над аскетизмом и превращает в высший подвиг,— это борьба с помыслом, с собственными желаниями и мыслями, возжеланиями и устремлениями. Это подлинная борьба с духом зла, и только в случае победы в ней человек достигает чистоты духа и мысли, очищения и спасения души.

Очищение души, растворение индивидуально-личностного в божественном придает особую силу молитве, творимой отшельником. Чистота души и ее соединенность с богом делают отшельника особо значимым и притягательным для огромного числа людей. Их Слово и Жизнь невероятно высоко ценятся, и многие из них по справедливости причислены к сонму (лику) святых.

Смысл отшельничества как в рамках христианства, так и других религиозных течений примерно одинаков. Так, в буддизме существует такое понятие как правильный образ жизни, оно является составной частью «благородного восьмеричного пути». Правильный образ жизни подразумевает такой образ жизни, когда человек не приносит ущерба или опасности живым существам. А такое в принципе возможно в случае уединенного существования, т.е.отшельничества.

В социокультурном плане необходимость понимания, постижение через созерцание, рефлексия над жизнью общества были основными причинами возникновения и широкого распространения всех известных вариантов отшельничества — от буддийских брахманов до православных старцев. В келье отшельника рождалось понимание и хранилось знание. Но нельзя трактовать смысл действий и положение отшельника с точки зрения современного человека. Обладание особым уровнем понимания и знания не возвышало отшельника над другими людьми, а как бы ставило его ближе к богу. Невычлененность человека из общины, отсутствие развитой индивидуальности и личности делали психологически невозможным самостоятельный прорыв к знаниям и культуре. Но такой прорыв осуществлялся и обеспечивался как раз

обращением к богу как высшему существу и носителю абсолютного Знания, Разума и Совершенства. По сути, подобный уход от обыденной повседневности был уходом в сферу созерцания духа и творения культуры.

Исторически это оказалось возможным через уединение. Закрепление такой формы в культуре привело к тому, что уединение, одиночество стали реально необходимым условием полноценного обособления, развития личности. Однако, лишь осмысленность жизни и творчества дает человеку силы не только противостоять одиночеству, но и духовно расти в нем.

И этот факт был осмыслен представителями рода человеческого по меньшей мере пятьсот лет назад. Становление индивидуальной рефлексивности и созерцательности, духовного обогащения и способности к творчеству невозможно без уединения человека. Одиночество потенциально несет в себе возможность реализации всего лучшего, что сокрыто в человеке.

К концу эпохи средневековья сложился подлинный культ одиночества как условия сосредоточенного, интимного общения с богом. Но параллельно мистической направленности религиозного состояния светская культура уже с начала XVI века делает упор на творчески-созидательном начале одиночества. Одиночество воспевается как источник вдохновения, свободы и радости. Многие творческие личности средневековья и последующих эпох писали о своем понимании одиночества. Начиная с XVII века дворянская культура связывает тяготение к одиночеству с развитием духовности, и в первую очередь эстетических переживаний. XVIII век раскрыли еще одну грань одиночества как основы развития интеллекта и творчества в целом. В 1784 году вышел четырехтомный труд немецкого философа И. Г. Циммермана «Об одиночестве», где образ одинокого мыслителя был возведен в ранг идеала.

Все исторически складывающиеся трактовки добровольного уединения сохраняются и по сей день, не теряя своего значения. Уединение творчества является не просто условием собранности и сосредоточения, а скорее необходимым звеном в осмыслении мира и себя в нем. Уединение духовного поиска (назовем это условно) сейчас в нашем западном мире не так распространено, как первый вариант, т.к. требует огромных внутренних затрат и приложения титанических усилий воли, что вообще в направлении духовных исканий не пользуется популярностью на Западе.

ВНУТРЕННИЙ И ВНЕШНИЙ МИР РЕБЕНКА

О.А. Мошенская (Пенза)

Когда рождается ребенок, родные и близкие обычно обсуждают, на кого он похож – на маму или на папу, на дедушку или бабушку, имея в виду главным образом внешние черты. Но новорожденный наследует не только черты и особенности своих родителей и других предков. Он наследует опыт всего человечества, даже, пожалуй, больше – опыт всего живого на Земле.

Люди, являясь наследниками всего живого, весьма разнообразны, как разнообразно и все живое. Это не только внешнее разнообразие, но и великое разнообразие личностей, их устремлений, душевных склонностей, мировосприятий, поведения, проявлений добра и зла, достоинств и слабостей, добродетелей или пороков. Это также разнообразие черт характеров, способностей и талантов, воображения и памяти, вкусов и предпочтений и т.д.

Напоминание о том, что личность определяется множеством взаимодействующих на нее факторов, включая генетические и средовые, вновь

встречается в работах современных исследователей. В частности, об этом говорят американские психологи Л. Первин и О. Джон. Это разделение часто приводит к настоящим баталиям среди ученых. Что важнее для личности – природа или воспитание? Причем, под природой подразумеваются гены, а под воспитанием – воздействие среды.

Современные исследователи признают, что значение генетических и средовых факторов может быть различным для разных характеристик. Генетические факторы играют важную роль особенно в отношении того, что делает человека уникальной личностью. Так, генетические факторы, как правило, более существенны для таких характеристик, как интеллект и темперамент, и менее важны для формирования ценностей, идеалов и убеждений. Хороший пример индивидуальных различий по темпераменту, который касается уровней активности и робости. Некоторые дети более активны и более смелы, чем другие. Эти особенности могут сохраняться на протяжении многих лет: одни люди всегда хотят двигаться и действовать, а другие предпочитают почитать или подремать, одни решительны и бесстрашны, а другие робки и осторожны. Тот факт, что эти особенности появляются рано, сохраняются на протяжении длительного времени и, по-видимому, относительно не зависят от обучения, позволяет предположить, что они относятся к генетически обусловленным, наследственным характеристикам.

К средовым же факторам ученые относят опыт человека, связанный с принадлежностью его к определенной культуре. И опыт этот передается либо через обучение, либо впитывается ребенком в течение всей его жизни. Он пронизывает все стороны человеческого существования: то, как мы определяем наши потребности и способы их удовлетворения, наши переживания различных эмоций и то, как выражаем их, наши отношения с другими людьми и с самим собой, наше отношение к жизни и смерти, а также то, что мы считаем здоровым, а что больным.

Принадлежность к определенному социальному классу также относится к средовым факторам развития человека. Социальный класс определяет статус индивида, те роли, которые он исполняет в обществе, обязательства, которые на себя принимает и привилегии, которыми он пользуется. Этот фактор влияет на то, как индивид воспринимает себя и как он воспринимает представителей других социальных классов (как определяет ситуацию и как на нее реагирует).

Кроме того, к средовым факторам ученые относят влияние семьи. Этот фактор среды определяет значительное разнообразие личностного функционирования внутри какого-то класса, какой-то культуры. Родители могут быть теплыми и любящими, враждебными и отвергающими, опекающими и навязчивыми или понимающими потребность ребенка в свободе и автономии. Любое родительское поведение сказывается на личности ребенка. Родители влияют на поведение своих детей тремя основными способами: служат ролевыми моделями для идентификации; собственным поведением они создают ситуации, которые формируют определенное поведение детей; выборочно вознаграждают, подкрепляют определенные действия ребенка, тем самым, направляя его в действиях и поведении. Однако дети в одной семье могут тоже сильно отличаться друг от друга. Причина этих различий не только в различиях конституций детей, в различном опыте, пережитом ими в своей семье, и в различном опыте, пережитом за пределами семьи. Разница в личном опыте родных братьев и сестер, приобретенном в семье, может оказаться даже

более важной для развития личности, чем опыт, объединяющий их как членов данной семьи.

Дети многому обучаются у себя дома. Все же влияния эти сказываются по большей части в домашней среде, а на фоне мощного влияния группы сверстников часто тускнеют. Группа сверстников служит фактором социализации индивида, побуждая его принимать новые правила поведения и давая ему опыт, который оказывает длительное и устойчивое влияние на развитие личности.

Взаимодействие наследственных и средовых факторов выглядит, по мнению современных исследователей, следующим образом. Наследственность фиксирует некоторый набор возможных вариантов, а среда в итоге как бы выбирает один конкретный вариант. То есть наследственность может устанавливать диапазон, внутри которого дальнейшее развитие данного свойства определяется условиями среды. Возьмем, например музыкальные способности ребенка. Наследственность очерчивает пределы развития этих способностей, а среда определяет конкретную степень и форму их развития. Наследственность обеспечивает нас способностями, которые культура будет или не будет вознаграждать и культивировать. Подобное взаимодействие множества генетических и средовых факторов можно наблюдать буквально в каждом значимом аспекте личности.

Л.С. Выготский отмечал, что «…целостное изучение личности ребенка в его взаимодействии с окружающей средой должно лечь в основу всех исследований».

В свою очередь С.Л. Рубинштейн писал: «…чтобы понять сущность личности, надо попытаться ответить на три вопроса:

1) Что хочет человек? Ответ раскрывает направленность личности - ее потребности, мотивы, цели, интересы, идеалы, убеждения, мировоззрение, установки.

2) Что может человек? Это вопрос о способностях (общих и специальных), об уровне этих способностей, таланте и др.

3) Что он есть? Вопрос о характере человека: можно много желать, на многое быть способным, но не достичь успеха в жизни и деятельности из-за особенностей характера, который определяет нравственное и волевое отношение к себе, к людям, к миру.

4) Что чувствует человек? Эмоции, чувства, переживания лежат в основе внутреннего мира человека и делают этот мир богатым или скудным. Ребенок сначала чувствует отношение к себе людей и свое отношение к людям, предметам, миру, чувствует у себя способности к той или иной деятельности, а затем только осознает все это.

Только ответив на все эти вопросы, проанализировав все взаимосвязи и взаимовлияния обозначенных психологических явлений в контексте возраста и пола ребенка и с учетом индивидуального варианта его возрастных изменений, можно подойти к пониманию сути его проблем в психическом развитии и становлении личности.

КАРТОГРАФИЧЕСКИЙ ПОДХОД К СОСТОЯНИЯМ СОЗНАНИЯ.

А.М.Проворов (Ярославль)

«…если вы, находясь в определенном состоянии,
хотите сказать кому-то какую-то вещь, он должен быть

в том же состоянии. Или же вы должны знать, как обучить его на его уровне, на его ступени»

Д. Лилли «Центр циклона»

Целью данной работы является не описание различных картографий состояний сознания с последующим их анализом, а желание дать наглядную картину очередного глобального вопроса в системе, являющейся еще большим вопросом, т.е. в системе сознания, но и попытаться наметить выход из этого затруднения.

Мы можем привести очень характерную, очень знаковую мысль Августина Аврелия, который, в ходе рассуждений о феномене времени говорил примерно следующее: «Время? Что такое время? Я знаю до тех пор, пока кто-нибудь меня не спросит об этом». То же самое, на наш взгляд, мы можем утверждать и относительно природы сознания.

Мысль, конечно, глубокая, но как раз об ее глубине и можно порассуждать. Здесь явственно просматривается выход из рамок привычного мира в мир незнакомый, и вот уже то, что всегда казалось доступным, что всегда «держал за хвост», как держат воздушного змея, отрывается и улетает. И дело все даже не в том, что своим измененным взглядом Я-познающее скользнуло по трансцендентному фантому змея. Нет, куда уж там. На наш взгляд, глубина этого познавательного акта останавливается всякий раз, едва скользнув по руке, сжимающей хвост воздушного змея. «Оказывается, я и так могу» - говорим мы сами себе, не заметив, что стоило чуть отвлечься, и змей, подхваченный, очередным порывом ветра уже несется где-то в районе Сахалина, тогда как мы продолжаем заниматься самолюбованием, пребывая примерно на 6-7 небе от счастья.

«Хорошо,- продолжаем мы - хвост испарился, но я-то не такой дурак, чтоб попасться на эту уловку еще один раз». И, преисполненные здравым смыслом, попадаемся на нее и в следующий, и в сотый, и в N-ный.

Сознание варится в соку «реальных» фактов (оно настолько самоуверенно, что утверждает даже это!). Между тем, сталкиваясь с явлениями трансперсональными, оно становится «уязвимо» в самом щепетильном моменте. Моменте «реальности» этих «реальных» фактов, по поводу которых УЖЕ сформирована своя карта мира.

Мы всякий раз будем упускать хвост, пока не поймем, что начинать нужно не с любования цепкостью своей руки, а с прямого взгляда на сверкающего змея нашего сознания.

Безусловно, данная статья, на что бы она ни претендовала в своей нахальной попытке поймать тело змея, является не более чем попыткой узнать в какой руке мы вообще его держим. Но ведь все начинается с малого!

Сознание. Мы понимаем сознание, «как единое целое, пользующееся различными органами для восприятия разных видов объектов, подобно обезьяне, сидящей внутри дома и смотрящей вовне через множество разных окошек», следуя примеру небольшого числа буддистов, о чем пишет В.В. Козлов, с оговоркой на то, что данная точка зрения в самом буддизме не имела значительного резонанса.

Мы можем предложить определение сознания, которое дают В.И. Слободчиков и Е.И. Исаев: «Сознание – особое системное видение, свойство человека, формирующееся в общественном бытии, проявляющееся в способности человека осознавать условия и формы своей жизнедеятельности, и делать их предметом практических преобразований» [В.И.Слободчиков,

Е.И.Исаев «Психология человека»]. Это емкое определение, вполне пригодное для использования в рамках данной статьи, особенно если не учитывать факта допущенной тавтологии «сознание-… осознание».

Что мы видим в своей руке? Кажется, змей улетел…

В свете вышесказанного стоит напомнить слова, принадлежащие еще В. Вундту: «Все попытки определить сознание… приводят или к тавтологии, или к определениям происходящих в сознании деятельностей, которые уже потому не суть сознание, что предполагают его» [цит. по Леонтьев А.Н. Избранные психологические произведения, т. 1 с. 238] и «сознание – заключается лишь в том, что мы находим в себе, какие бы то ни было психические состояния» [см. там же, с. 107].

Выход из сложившегося тупика, как нам кажется, стоит искать, начиная с углубленного изучения уровня состояний сознания, т.к. любая ментальная активность, любое самоощущение, и т.д. задается именно их параметрами.

Нам кажется, что все состояния сознания (СС) имеют нечто общее. Это причастность к Сущности сознания, сакральной его сердцевине, наделенной способностью вызывать к жизни те или иные состояния, дающие им базис для дальнейшего развертывания психической реальности. Это нить, из которой выходит ткань состояний сознания, по площади которых вьется витиеватый узор психического существования. Благодаря этой причастности, или «принципу сознательности» существует возможность перехода между различными состояниями (см. рис. 1). Сущность сознания трансперсональна.

Рис.1

“ПИРАМИДА СОЗНАНИЯ”

Те или иные проявления сознания могут инициироваться в определенное время, но это не означает, что сознание в этот момент полностью представлено определенным его аспектом, как и этот аспект не может быть полностью исчерпанным в конкретном сознательном акте.

Состояния сознания. Мы последуем по стопам Ч. Тарта, заявив, что «Состояние сознания – это динамический процесс, его отдельные аспекты в своих частях могут изменяться, в то время как общие паттерны будут оставаться тем же самым». Функция же «состояний заключается в специфическом влиянии на формирование психических свойств и протекания психических процессов, а также на организацию психологической структуры… личности в целом», о чем пишет А. О. Прохоров [см. А.О.Прохоров, стр.115].

Измененные состояния сознания (ИСС). Мы воспользуемся определением ИСС Ч.Тарта, который оперирует им, подразумевая качественную перестройку в индивидуальном паттерне психического функционирования. Их неоценимая (до сих пор толком неоцененная?) роль заключается в том, что они позволяют увидеть мир из новой системы координат.

Картографии состояний сознания. Под картографиями мы понимаем описание состояний сознания с указанием их взаимной координации. Главным

вопросом здесь как раз и является то, как одно состояние переходит в другое. Современная психология (особенно трансперсональная) делает очень важные шаги для понимания связей между различными состояниями, соединяя знания восточных и эзотерических психопрактик с данными современных наук (см. труды С. Грофа, Ч. Тарта, К. Уилбера, и т.д.).

Виды картографий. На наш взгляд, следует различать 2 вида картографий: реальные и теоретические. Понятие «реальной» карты охватывает карты, существующие у каждого конкретного человека, причем мы используем это понятие безо всякой ценностной подоплеки («реальная» - значит правильная, теоретическая – значит не- или менее- правильная). Реальная карта описывается на «бытийном» уровне, подтверждается самим существованием субъекта - ее носителя и является максимально возможным соответствием, карты и реальности (субъективной реальности).

В отличие от «реальных» карт карты теоретические могут охватывать гораздо большее число состояний, быть более структурированными, но они не несут в себе той же изначальной бытийной оправданности, как и предыдущие. Она ускользает всякий раз при переходе от реального к теоретическому. Свою «бытийность» эти картографии черпают из общественного сознания.

В современном обществе неосознанная, бесконтрольная смена состояний сознания ведет к утрате способности произвольно их использовать (что является данностью для приверженцев восточных традиций). У современного человека их смена стихийна, поэтому главными в «пирамиде сознания» (см. рис. 1) начинает считаться то уровень состояний сознания, то психической деятельности. Но главным является именно третий уровень, как раз и создающий мистический ореол вокруг феномена сознания.

Ч. Тарт пишет, что объяснение любых явлений ретроспективных или проспективных объясняется исходя из парадигмы, главенствующей в настоящем. Например, опыт, полученный в ходе психоделической или любой другой практики, инициирующей измененные состояния сознания невозможно передать после выхода из него [см. Ч.Тарт Системный подход к сознанию //«Пути за пределы «эго»].

Г. Глобус, комментируя статью Ч.Тарта «Состояния сознания и науки, зависящие от специфических состояний сознания» напечатанную в журнале «Science» пишет: «Пик ИСС становится для меня полным сюрпризом, поскольку я забываю об уникальности этого опыта, пока не оказываюсь в нем вновь. Ясно, что если бы я начал рассказывать об этом кому-нибудь, кто находится в обычном состоянии сознания, он не смог бы понять моих нынешних уникальных переживаний, точно так же, как я сейчас предвижу, что мне самому не удастся сохранить полное понимание этого, когда я вернусь в свое обычное состояние.

Вновь пребывая в обычном состоянии,… я уверен, что могу вспомнить все, что происходило в ИСС, но не так, как это тогда переживалось, что свидетельствует о несовершенстве памяти. По-видимому, способа полностью восстанавливать опыт ИСС без возвращения в ИСС не существует».

Отсюда становится понятна роль именно картографий состояний сознания, которые описывают более высокий уровень системы, нежели уровень состояний сознания. Это поход в запредельное по В.В. Козлову (В.В. Козлов, 2001, с. 116-123). Это достижение просветления.

Познание третьего уровня начинается тогда, когда полностью осваивается алфавит дхарм, алфавит состояний сознания, ведь только когда в

совершенстве овладеваешь алфавитом, начинает открываться притягательная магия слов.

Литература:

1. Ахмедов Т.И. Практическая психотерапия: Внушение, Гипноз, Медитация. – М., АСТ; Харьков, Торсинг, 2003
2. Глобус Г. Разные взгляды из разных состояний / Пути за пределы «Эго» под ред. Р. Уолша и Ф. Воон. М., Изд-во ТПИ, 1996.
3. Козлов В.В. Природа сознания в буддийской психологии и европейское психологическое понимание восприятия.
4. Козлов В.В. Психотерапии изменённых состояний сознания. Личностный рост. Методы и техники. – М., Институт психотерапии, 2001
5. Леонтьев А.Н. Избранные психологические произведения. М., Педагогика,1983 в 2 Т.
6. Лилли Д. Центр циклона. – К., София, 1993
7. Прохоров А.О. «Неравновесные, неустойчивые психические состояния»// Психологический журнал. Т.2, №2, стр.115-124, 1999
8. Слободчиков В.И., Исаев Е.И. Психология человека. - М., Школа прессы,1995
9. Тарт Ч. Системный подход к сознанию / Пути за пределы «эго». Под ред. Р. Уолша и Ф. Воон. М. Изд-во ТПИ, 1996.
10. Тарт Ч. Состояния сознания. / Магический кристалл. – М.: Республика, 1992. – с. 180-248.

ПРОБЛЕМА СТРЕССА РАССТАВАНИЯ У ПРИЗЫВНИКОВ СРОЧНОЙ СЛУЖБЫ

С.В. Радионова, О.П. Фролова (Иркутск)

Ситуационные реакции дезадаптации у военнослужащих, проходящих военную службу по призыву, связывают с микросоциальными конфликтами, обусловленными неуставными взаимоотношениями.

Состояние стресса у военнослужащих срочной службы возникает уже на саму ситуацию призыва, смену среды привычного пребывания. Одной из причин того, что личность не может справиться со стрессом, является её незрелость, при этом формы поведения соотносимы с отклоняющимися поведенческими реакциями подросткового возраста. Для такой личности переживание расставания с родными может проявляться в форме депрессии и на её фоне сильного стресса**.**

В качестве стрессовых реакций психологами выделяются следующие состояния:

- Шок и отрицание ситуации, когда индивид может стать крайне активным или апатичным, беспомощным; состояние сознания - "все происходит как во сне". Такое состояние может сопровождаться различными психовегетативными проявлениями: болями разной локализации; нарушениями пищеварения, мочеиспускания, ритма дыхания; потливостью, сухостью во рту, дрожью в теле.
- Гнев и ожесточение, как защитная реакция на возникающий страх, когда начинается поиск «виновника».
- Стадии выставления условий и торговли, когда начинают делаться попытки привыкнуть к случившемуся.

- Пребывание и принятие состояния грусти. Индивидом может тратиться много энергии, чтобы сохранить в себе воспоминания о близких: рассматриваются фотографии, перечитываются письма и иногда ощущение близости может быть настолько живым, что возникает страх сойти с ума. В связи с несформированностью концепции смерти, может возникать чувство вины перед родными, выражающееся в преувеличенных страхах по поводу их здоровья и материального благополучия, желания немедленно лично оказать помощь, в случае отсутствия которой может произойти нечто «катастрофическое».

Для незрелой личности, как и для подростков, характерно отсутствие способности осмысления смерти, понимания ее необратимости. Доминируют представления, сформированные на основе дологического, магического мышления, ведущие к отождествлению смерти и сна, за которым следует пробуждение: смерть обратимое приятное состояние и с её помощью можно решить проблемы.

Для преодоления стресса незрелая личность особенно нуждается в эмоциональной опоре семьи и привычного окружения, разлука с которыми является одной из наиболее часто встречающихся причин ситуационной депрессии. При призыве на военную службу, возникает так называемый «страх расставания» - страх остаться вдали от близких, потерять их из виду (в детском возрасте уход близкого человека даже на короткое время воспринимается как смерть), встретиться с чем-то неизвестным. Депрессивные проявления у военнослужащих срочной службы имеют общие особенности с подобными проявлениями в подростковом возрасте: усталость; бессонница; волевое бессилие и др.

Судить о скрытой депрессии можно по следующими поведенческим нарушениям: рискованное или противоправное поведение – самовольное оставление части (СОЧ); агрессивное поведение; отступление от дружеских отношений; частые смены настроения и эмоциональные «взрывы» и др. Течение депрессии в относительно замкнутом воинском коллективе усугубляется сексуальными дисфункциями (неудачная любовь); знаками «белой вороны»: наличие очков, неуклюжесть и замедленность движений (по типу «тормоз») или наоборот чрезмерная активность; отклонениями в росте, весе и другими особенностями внешности: формы головы и ушей, половых органов, цвета волос; наличием «тяжелых» болезней; недостаточными социальными навыками: отсутствие умения защищаться от вербального и физического насилия; принятием на себя роли жертвы.

Существует всего две стратегии примирения с ситуацией расставания с близкими, как с ситуацией переживания смерти:

- возмужание личности и подчинение судьбе, что сопровождается ростом личности, ощущением своей силы;

- пассивное подчинение испытанию, превысившему силы человека, замыкание в себе, ожесточенность, склонность к развитию различных нервно-психических расстройств, в статусе которых можно обозначить проявления реакций траурного характера и спрогнозировать их течение в соответствии с глубиной личностной зрелости, сформированностью компенсаторных механизмов личности и клинической картиной заболевания.

Таким образом, диагностируемые депрессии военнослужащих в форме стрессовых реакций в период адаптации к военной службе, говорят о возможной личностной незрелости. Определение глубины личностной

незрелости военнослужащих, от которой зависит клинический диагноз, тактика лечения и прогноз в определении годности к военной службе, требует совместных усилий психиатров и психологов.

ОСОЗНАННАЯ САМОРЕГУЛЯЦИЯ И УСПЕШНОСТЬ ТРЕНИРОВОЧНОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ

С.А.Ракчеев (Н.Новгород)

Поскольку тренинговая деятельность, как и любая реальная деятельность человека, очень сложна и многогранна, то большинство исследователей в качестве факторов ее успешности выделяют разные психические предпосылки: наличие действенных мотивов; развитие познавательных процессов; эффективное взаимодействие между клиентом и лидером; развитая самоорганизация, которая проявляется в умении клиента управлять своей деятельностью, в сформированности рациональных способов умственной работы и т.д. Подобное многообразие выделенных причин, с необходимостью требует применения системного подхода к изучению данной проблемы.

Среди многих закономерностей процесса учения выделяют ведущую – переход от неосознанных, неуправляемых форм деятельности к осознанным, управляемым, предусматривающим не только управление извне, но и саморегуляцию. Иными словами, вместо действий по образцу выступают поисковые действия клиента; контроль над процессом учения, осуществляющийся извне, заменяется самоконтролем; «обратная связь», сигнализирующая о правильности (или ошибочности) процесса и результата, как бы возвращается к самому клиенту, побуждая его к коррекции выполненной работы.

На наш взгляд, необходимо рассмотреть проблему низкой результативности в тренировочной деятельности несколько с иной точки зрения, - не причины, заключающиеся в личности клиента (психологические особенности его мыслительной сферы, его познавательных процессов, мотивов, самооценки и т.д.), а причины неуспеваемости клиента в данной *деятельности*.

Несформированность саморегуляции – одна из причин неэффективности участия в групповой работе. Отсутствие способности самостоятельно организовать свою тренинговую деятельность, даже если клиент имеет необходимые когнитивные и мотивационные предпосылки к успешной учебе, как правило, приводит к невысокой успеваемости. Иными словами, все вышеперечисленные предпосылки могут реализоваться лишь при *общей рациональной организации и эффективном управлении целенаправленной активностью субъекта.* Следует отметить, что развитая самоорганизация возможна лишь в том случае, когда клиент является субъектом тренировочной деятельности.

В последние годы в образовании наметились тенденции гуманизации тренинговой работы. В связи с чем, мы наблюдаем так называемый личностно-ориентированный подход к клиенту. Этот подход предполагает дифференциацию и индивидуализацию тренингового процесса.

Требование индивидуализации обучения вынуждает изменить привычное для школы отношение к ребенку как к объекту, который обязан «стать таким, как мы хотим» в строгом соответствии с некоторыми обязательными нормами тренингового поведения.

Последователи школы Давыдова отмечают, что «субъектом» можно назвать того, кто способен «вступить в особые отношения» с самим собой,

обратиться к самому себе. Его характеризует гордое «*само…*», будь то: самосознание, развитое до уровня рефлексии, самостоятельность, самодеятельность, самообучаемость, за которой стоит более общее качество — открытость к самосовершенствованию и саморазвитию, и т.д.

Основополагающим при данном подходе является признание активной роли самого клиента в процессе тренинга, так называемая субъектность, а также учет индивидуальных особенностей клиента и дифференцированный подход к обучению и применению техник и методов в групповом пространстве. Следует отметить, что термин *субъектность* чаще понимается как атрибут субъекта или эквивалент этого понятия, однако в этот термин вкладывается и новое содержание.

Известно, что каждый клиент, приходя в Центр, попадает в тренинговую ситуацию, созданную групп-лидером. Эта учебная ситуация может определена как система внешних, не зависящих от клиента, условий и требований, побуждающих его к учению. Уже на этапе осмысления клиентами тренировочной ситуации, мы выделяем два типа ориентировки клиентов. Клиенты с первым типом ориентировки воспринимают тренинговую ситуацию как таковую, т. е. для этих клиентов задаваемая извне учебная ситуация приобретает личностный смысл. Клиенты со вторым типом ориентировки не воспринимают извне заданную ситуацию как тренинговую. Она имеет для них смысл ограничения их активности, не связанной с процессом групповой работы.

Таким образом, выделяется два типа осмысления тренировочной ситуации: выбор клиента быть субъектом или не быть (бесспорно, что данный выбор не должен зависеть от установки групп-лидера). Данный выбор предполагает: выполнять ситуативные требования групп-лидера или ставить перед собой задачу саморазвития в тренировочной деятельности; действовать в рамках ситуации или надситуативно, избыточно по отношению к ситуативным требованиям. Следует отметить, что в первом случае клиент, добросовестно исполняющий все требования групп-лидера, не является субъектом тренировочной деятельности. Мы говорим о репродуктивной деятельности. В данном случае не возникает полноценной тренировочной деятельности.

В случае проявления надситуативной активности клиент самостоятельно ставит цели тренировочной работы и как бы обучается сам (с помощью групп-лидера), становясь субъектом тренировочной деятельности.

Эффективность тренировочной деятельности зависит от признания активной роли клиента в тренинговом процессе, его инициативность и самостоятельность, иными словами *субъектность*. В данном аспекте нас будут интересовать умения саморегуляции.

Участник тренинга, являясь субъектом учения, должен овладеть собственной психической деятельностью в процессе приобретения и применения знаний, тем самым, обеспечивая саморегуляцию в ходе обучения.

Действительно, человек может развивать свои возможности лишь при эффективной самоорганизации своей деятельности (в частности, и тренировочной).

Формирование у клиентов навыков самостоятельности представляет большой практический интерес, так как осознанная саморегуляция необходима ему не только в тренировочной деятельности, но и в любой другой (иначе данный клиент будет устойчиво демонстрировать невысокие результаты в разных видах деятельности).

Таким образом, для успешного осуществления деятельности (в том числе и тренировочной) необходимо умение произвольно регулировать свою деятельность, т.е. достаточно сформированная система осознанной саморегуляции, что под силу лишь субъекту деятельности.

Основа развития саморегуляции – становление у клиентов процессов осознания своих индивидуально-психологических возможностей и особенностей.

Благодаря развитию и совершенствованию у клиентов системы саморегуляции у них формируется совокупность умений саморегуляции:

ставить цели и определять наиболее актуальные из них;

анализировать условия и выделять наиболее значимые для достижения поставленной цели;

выбирать способы действий и организовывать их последовательную реализацию;

оценивать промежуточные и конечные результаты деятельности, подбирая для этого наиболее подходящие критерии оценки, исправлять допущенные ошибки.

Стихийное формирование осознанной саморегуляции очень часто сопровождается как дефектами функциональной структуры регуляторных процессов, так и недостаточным развитием психических средств их информационного обеспечения.

Далее исследования, проводимые в данной области, подтвердили возможности развития регуляторных навыков у клиентов.

Как и все формируемые умения, умения саморегуляции могут быть предметом сознательного контроля. Именно на основе осознанной психической саморегуляции и формируются социально-опосредственные механизмы управления индивидуально приобретенным арсеналом непосредственно-чувственного и опосредствованного опыта.

Для того чтобы участник тренинга мог осуществить эффективное саморегулирование в процессе обучения ему необходимо не только знать рациональные правила самостоятельной тренировочной работы, но и научиться применять их в собственной практике. Необходимо отметить, что данные умения саморегуляции могут быть выработаны в процессе упражнений.

Следует отметить, что для данных умений характерно также и то, что они носят обобщенный характер, так как в этом случае имеет место овладение регуляторными умениями, применяемыми в различных областях деятельности и по отношению к разному содержанию. Широта переноса этих регуляторного опыта у субъектов свидетельствует об уровне их обобщенности, а, следовательно, указывает и на обобщенный характер сформированного умения. Это обстоятельство весьма важно для повышения результативности тренировочной деятельности. Иными словами, если клиент применяет регуляторные умения независимо от предмета, содержания изучаемого материала, тренера, то можно говорить о продуктивной самоорганизации его тренировочной деятельности.

ОСОБЕННОСТИ КОГНЕТИВНЫХ СТИЛЕЙ У ВОЕННОСЛУЖАЩИХ С АГРЕССИВНЫМ И АУТОАГРЕССИВНЫМ ПОВЕДЕНИЕМ

Л.В.Сенкевич (Москва)

Одной из наиболее актуальных тем междисциплинарных эмпирических и теоретических исследований является проблема агрессии и аутоагрессии вреди военнослужащих-призывников. В сухопутных войсках России в последние 8 лет каждый пятый погибший ушел из жизни в результате самоубийства. Одним из ведущих (хотя и не единственным) мотивом суицидальных действий призывников служит агрессивное по отношению к ним поведение сослуживцев. По мнению А.Д.Глоточкина. одного из ведущих специалистов в области исследований такого социального феномена, как дедовщина, ее основными факторами являются:

1) неспособность части старослужащих удовлетворять свои потребности в самоуважении и самоактуализации через социально-приемлемые формы;
2) примитивные потребности, потребительское отношение к жизни и к окружающим;
3) преобладание дисфорических (мрачно-злобных) эмоциональных состояний;
4) обедненная когнитивная сфера, дезадаптивные когнитивные стили.

Объектом экспериментально-психологического исследования особенностей когнитивных стилей у военнослужащих с дезадаптивным (агрессивным и аутоагрессивным) поведением послужили психодиагностические и экспериментальные материалы, полученные при обследовании 126 военнослужащих, попавших на стационарное лечение из армии в различные лечебно-профилактические учреждения г. Москвы (ГКПБ № 4 им. П.Б.Ганнушкина, Городской вегетологический центр, клиника нервных болезней им. Кожевникова).

В качестве контрольной группы были привлечены призывники воинской службы, адаптированные к условиям армии, в количестве 86 человек.

Испытуемые экспериментальной группы составляли возрастную категорию от 18 до 25 лет; возраст испытуемых контрольной группы – от 18 до 23 лет.

Для исследования особенностей когнитивных стилей испытуемых обеих групп использовались следующие методики:

1. методика Г.Уиткина «Включенные фигуры» - для выявления показателя полезависимости / поленезависимости (ПЗ/ПНЗ);
2. методика «Сравнение похожих рисунков» Дж.Кагана – для определения показателя импульсивности/рефлексивности;
3. тест УСК («Уровень субъективного контроля») – для диагностики экстернальности/интернальности.

Для выявления степени агрессивности/аутоагрессивности испытуемых использовались следующие методы:

1) опросник Басса-Дарки;
2) шкала депрессии;
3) пиктограмма;
4) рисунок несуществующего животного;
5) тест тематической апперцепции.

Проективные методы дополняли опросниковые, так как отсутствие мотива социальной желательности и неопределенность стимульного материала проективных тестов дает в ряде случаев более достоверные результаты.

Оценочные шкалы степени проявлений агрессии/аутоагрессии для проективных тестов были разработаны автором и верифицированы с помощью метода компетентных судей на кафедре нейро- и патопсихологии МГУ.

По результатам проведенного обследования были получены следующие результаты.

Выявлены достоверные различия (по Т-критерию Стьюдента) между испытуемыми экспериментальной и контрольной групп по всем трем показателям когнитивных стилей: полезависимости/поленезависимости, экстернальности/интернальности и импульсивности/рефлексивности, при этом испытуемые экспериментальной группы более экстернальны и импульсивны, но менее полезависимы, чем испытуемые контрольной группы.

Обнаружены достоверные различия между двумя группами по показателям аутоагрессии по всем методикам (шкала депрессии, аутоагрессия по ТАТ, РНЖ и пиктограмме): испытуемые экспериментальной группы значительно более аутоагрессивны, чем военнослужащие контрольной группы.

По большинству тестов не выявлено достоверных различий между экспериментальной и контрольной группами по показателю «агрессия»: то есть, уровень агрессивности у адаптированных военнослужащих столь же высок, как и у военнослужащих экспериментальной группы.

Полученные результаты свидетельствуют, что столь высокий уровень агрессии среди так называемых «адаптированных» военнослужащих является серьезным настораживающим фактором, свидетельствующим о бедственном состоянии морального и эмоционального климата в воинских коллективах Российской армии. Также по полученным результатам можно прийти к заключению, что высокая аутоагрессивность является главным дезадаптирующим фактором в личностной структуре призывников, приводящим к срыву защитных механизмов личности, а, в дальнейшем к пограничным и психотическим личностным расстройствам, что, в свою очередь, служит основанием для стационирования этих военнослужащих в психиатрические и неврологические клиники. Высокая аутоагрессивность испытуемых экспериментальной группы положительно коррелирует с поленезависимостью и отрицательно – с рефлексивностью. То есть, высокая импульсивность, как одна из существенных характеристик когнитивной сферы социально-дезадаптированных военнослужащих, является важным фактором риска суицидального поведения призывников.

Литература**:**

1) Суицидология. Прошлое и настоящее. – М., «Когито-Центр», 2001.
2) Кернберг О. Агрессия при расстройствах личности. – М., «Класс», 1998.
3) Холодная М.А. Когнитивные стили. – М., 2002.

ИНДИВИДУАЛЬНО-ПСИХОЛОГИЧЕСКИЕ ОСОБЕННОСТИ ЛИЦ, ОБРАЩАЮЩИХСЯ К НЕТРАДИЦИОННЫМ МЕТОДАМ ПСИХОЛОГИЧЕСКОЙ ПОДДЕРЖКИ

Л.Ф. Сенкевич (Москва)

Бесполезно отрицать, что некоторые наши современники верят в мистику, возможно, выражая своим интересом к парапсихологии своеобразный протест против непреложности и рациональности научного мышления. Своеобразный «бум» экстрасенсорики, разразившийся в нашей стране в начале девяностых годов прошлого века, не утихнул и поныне. Можно много говорить

о негативных последствиях массового увлечения людей религиозной мистикой, классическим эзотеризмом, современной магий и мифологией, основными из которых являются увод человека из обычной жизни в контркультуру или в никуда, в результате чего его сознание становится неадекватным окружающему реальному миру, деформация мировоззрения, дрейф от рациональной картины мира к субъективной или магической, или соскальзывание в весьма упрощенный эзотеризм. Тем не менее, данный социальный феномен существует, и проведенный нами обзор исследований по этой проблеме показывает противоречивость результатов и малоисследованность проблемы. Между тем, многие исторические факты свидетельствуют о том, что в определенные временные периоды социальной нестабильности, мировоззренческих кризисов на уровне всего общества. ломки старых стереотипов, осуществления резких социальных, экономических и политических перемен в обществе создается некая умственно-эмоциональная атмосфера, способствующая психологической готовности больших масс людей к психическому заражению и внушаемости, к восприятию различных форм ненаучного, вненаучного, паранаучного мировоззрения. Достаточно вспомнить предреволюционную ситуацию в России в начале XX века, феномен Распутина, мистико-эзотерические кружки Г.Гурджиева и Е.Блаватской, пользовавшиеся огромной популярностью среди русской интеллигенции того времени. Не напоминает ли это «явления» Чумака и Кашпировского в СМИ начала перестроечного периода в СССР?

Ясно одно: данное социальное явление существует и нуждается в соответствующем научном изучении. Запретами и санкциями невозможно остановить мировоззренческие дрейфы части населения от научной картины мира к вненаучной и мифологической. В качестве объекта нашего эмпирического исследования послужили 102 клиента специалистов в области народной медицины-сотрудников ОПМАСТНМиЦ (Общероссийской общественной организации, профессиональной медицинской ассоциации специалистов в области народной медицины и целителей). Нами было выдвинуто предположение, что лица, обращающиеся за психологической помощью к представителям нетрадиционных методов лечения будут отличаться следующими индивидуально-психологическими особенностями:

Низкой (или неустойчивой) самооценкой, трудностями в установлении социальных контактов, или, напротив, чрезмерной общительностью, высокой тревожностью, впечатлительностью и эмоциональной лабильностью, а также характеризующиеся замедленным темпом психической деятельности и слабостью логического мышления. Для выявления данных индивидуально-психологических характеристик испытуемых использовались следующие методики:

1) тест MMPI;
2) «16-тифакторный личностный опросник Кеттела»
3) Шкала оценки уровня реактивной и личностной тревожности (Ч.Д.Спилберг, Ю.Л.Ханин).

Для оценки темпа психической деятельности и способностей к логическому мышлению использовались следующие методики:

1) Корректурная проба
2) Тест Мюнстербергера
3) Методика «Выделение существенных признаков»
4) Методика Равена

Для исследования самооценки использовался сокращенный вариант методики А.Уэссмана и Д.Рикса «Самооценка эмоциональных состояний», причем особое внимание уделялось показателям по шкале «Уверенность в себе – беспомощность».

По итогам проведенного экспериментально-психологического исследования были получены следующие результаты. У 80% обследованных обнаружены выраженные личностные акцентуации, в основном по 2, 7 и 3 шкалам MMPI, что свидетельствует о преобладании депрессивного (тревожно-депрессивного) и истероидного радикалов в личностной структуре лиц, предпочитающих нетрадиционные методы лечения и психологической поддержки. По методике Спилберга-Ханина у 62% испытуемых была диагностирована высокая личностная тревожность и у 71% - высокая ситуативная тревожность. По данным 16-тифакторного личностного опросника у большинства испытуемых низкие оценки были получены по факторам C («эмоциональная неустойчивость – эмоциональная устойчивость»), G («подверженность чувствам – высокая нормативность поведения»), высокие – по факторам I («жесткость – чувствительность»), O («уверенность в себе – тревожность»). Эти результаты свидетельствуют о низкой толерантности к фрустрации, высокой чувствительности, эмоциональной лабильности, зависимости от группы, депрессивности, ранимости, впечатлительности. Примерно 50% испытуемых продемонстрировали неуверенность в себе, чувство беспомощности по показателям методики «Самооценка эмоциональных состояний». По результатам исследования когнитивных особенностей у 59% обследованных были выявлены признаки непоследовательности суждений, сниженные возможности абстрагирования. Существенного снижения темпа психических процессов обнаружено не было.

Таким образом, в целом наше предположение о таких индивидуально-психологических предпосылках формирования вненаучного мировоззрения, как высокая тревожность, впечатлительность, эмоциональная неустойчивость, определенные особенности когнитивного стиля, в целом, подтвердилось. Безусловно, проблема индивидуально-психологических и социальных факторов обращения людей к нетрадиционным и парапсихологическим методам психологической поддержки нуждается в дальнейшем изучении.

Литература:

1. Бехтерев В.М. Гипноз. Внушение. Телепатия. – М.: Мысль, 1991.
2. Бехтерева Н.П. О мозге человека. – С.- Пб.: «Нотабене», 1994.
3. Васильев Л.Л. Таинственные явления человеческой психики. – М.: Госполитиздат, 1959.
4. Цуладзе А. Политические манипуляции или покорение толпы. – М.: Кн. Дом «Университет», 1999.

ОБМАН, КАК СОЦИАЛЬНОЕ И ПСИХОЛОГИЧЕСКОЕ ЯВЛЕНИЕ

И.Точилкина (Москва)

Обман – феномен, присущий в основном человеческому обществу. В природе встречаются своеобразные формы приспособления к обстоятельствам, например, маскировка и мимикрия, которые напоминают обман, но, несмотря на внешнее сходство с ним, в основе отличаются по своей сути.

Как ни прискорбно это осознавать, но ложь и обман сопровождают человека всю жизнь, и каждому из нас в своей жизни не раз приходилось вольно или невольно обманывать других. Для человека такое состояние неприятно, оно вызывает душевный дискомфорт и желание либо исправить ложь, либо найти ей какое-то оправдание.

За тысячелетия существования человечества люди придумали тысячи способов обмана и дали ему десятки различных имен и названий. Вот только несколько синонимом глагола «обмануть», выписанных из словарей: ввести в заблуждение, втереть очки, взять на пушку, заморочить или задурить голову, замазать глаза, охмурить, перехитрить, одурачить, провести, обойти, обхитрить, обвести вокруг пальца, наставить нос, обморочить, обдурить, околпачить, облапошить, обставить, объегорить, оболванить, обжулить, обвести, обмишурить, обштопать, обуть, нагреть, навешать лапшу на уши, сделать лохом и т.п.

История лжи и обмана начинается с ранних стадий развития человеческого общества. Подтверждения этому мы встречаем в истории всех времен и народов, много событий и фактов упоминается в мировой литературе. Этот факт признают и психологи. Например, Эрик Берн пишет «Большая часть человеческих взаимоотношений основана на обманах и уловках, иногда веселых и забавных, иногда низких и злобных. Лишь немногие счастливцы, такие, как матери и младенцы, истинные друзья и любящие, совершенно искренни друг с другом».

До сих пор остается открытым вопрос, существует ли наследственная, генетически запрограммированная склонность к обману или же все решают обстоятельства жизни человека, воспитание и окружающий его социум.

Обман вездесущ, чтобы можно было оставить его без серьезного внимания. Особенно в наши дни, когда масштабы различных видов мошенничества впечатляют, когда каждый из нас попадается на ту или иную уловку, страдая психологически и материально. Обман стал социальным явлением.

В истории человечества было предпринято несколько попыток классификации обмана. Все они были основаны на различных подходах, т.к. обман, как явление, очень разнообразен. В зависимости от подхода различают несколько видов классификации. Например, при коммуникативном подходе – то есть обман как передача ложной информации, возможно выделение чистой правды, полуправды, лжи по умолчанию, чистой лжи и т.д. Если подойти к этому вопросу со стороны морали и нравственности, то возможно выделение обмана злонамеренного и добродетельного, как это делает в своей монографии «Обман» Д.И. Дубровский.

«Прагматический» подход в классификации предложил Ю.В.Щербатых, анализируя, кто в основном извлекает пользу из ложного сообщения. Такая классификация предполагает наличие пяти групп. К первой относятся все виды обмана, при котором «обманывающий извлекает выгоду за счет нанесения вреда другому человеку или группе людей. Ярким примером может служить недавнее обещание населению высоких доходов по вкладам некоторыми банками и финансовыми группами типа «МММ», а также уклонение от уплаты налогов государству путем искажения (занижения) данных о доходах многими коммерческими структурами. Большое количество обманутых граждан насчитывается при совершении сделок с недвижимостью, а также на автомобильном рынке.

Во второй группе – «извлечение выгоды от обмана без нанесения вреда другому». Можно привести пример опоздавшего, который оправдывает свое опоздание отсутствием транспорта или застрявшим лифтом. А также те случаи, когда обманываемый как бы сам напрашивается на неверную информацию, ожидает ее, при этом обманывающему остается только подыграть его ожиданиям и сообщить то, что тот хочет слышать, а не то, что имеет место на самом деле.

В третью группу входят все виды обмана «без извлечения выгоды», например, из вредности, зависти или глупости.

Четвертая группа представлена обманами «в пользу другого человека», например из благих побуждений врач обманывает больного.

Пятая группа представлена «безобидными видами обмана», например, фантазиями, мечтами, различными трюками иллюзионистов и фокусников и т.п. Фокусов существует множество, но их можно разделить на две категории. В основе одной является какое-либо техническое устройство (ящики с двойным дном, зеркала, пружины). В другой категории фокусов главным является ловкость рук. Этим пользуются карточные шулеры.

Можно также подразделить обман в зависимости от того, где происходить искажение информации, на каком этапе общения. Условно можно назвать «индуктором» субъекта, передающего информацию и «реципиентом» субъекта, ее воспринимающего. При этом искажение может произойти как по вине индуктора, так и реципиента. В Толковом словаре С.И.Ожегова написано: «Обмануть – ввести в заблуждение, поступить недобросовестно по отношению к кому-нибудь. Обмануться – ошибиться в своих оценках, чувствах, ожиданиях». Люди редко задумываются, насколько часто причиной непонимания нами друг друга служат ошибки и погрешности, возникающие при передаче сообщения. Неверно понятое слово, неправильно истолкованный жест могут в корне изменить наше представление о настоящем.

Бывает так, что обман происходит при наличии только реципиента, без обманывающего индуктора. Это «иллюзии», связанные с особенностью наших органов чувств, а также «самообман», когда человек сознательно или невольно обманывает сам себя. Это часто является одной из форм психологической защиты. Вообще-то иллюзии – неотъемлемая часть любого человеческого сознания. Они есть у всех, люди отличаются только их количеством и силой воздействия на личность. Одна из самых распространенных иллюзий – необоснованная вера в светлое будущее. Самообман может нанести и пользу и вред; особенно это наблюдается в медицине. Известны случаи, когда наблюдаются различные симптомы, свойственные тому или иному заболеванию, при этом возможный диагноз не подтверждается. Ярким примером является эффект плацебо, при котором таблетка «пустышка» действует также как настоящее лекарство. А «Аутогенная тренировка» Шульца сейчас применяется во многих лечебных заведениях.

В отдельную форму можно выделить «групповой» и «массовый» виды обмана, когда один человек обманывает многих или же одна группа людей вводит в заблуждение другую группу. К видам группового обмана можно отнести рекламу, по крайней мере значительную ее часть. Она использует один из универсальных методов обмана – искажение пропорций. Умело скрывает недостатки и выпячивает достоинства. Этот принцип универсален – он касается и сверхдорогой рекламы на центральных телеканалах и бесплатных объявлений на столбах и заборах. К видам группового обмана можно отнести такие формы

общественной жизни, как религия и идеология. В обоих случаях группа людей извлекает пользу из заблуждений, которые она же и насаждает. Остальная масса людей, привлеченная лживыми обещаниями (рая, утешения, справедливости и т.п.) кормит и содержит служителей культа и идеологии.

Существует также и такой вид обмана, как «взаимный обман», основанный на сильных взаимных чувствах (любви, ненависти и т.п.), при котором негативные или позитивные эмоции искажают взаимное восприятие людей друг другом, в результате чего объективная оценка становиться невозможной.

Способность к обману индивидуальна. Она зависит от воспитания и жизненного опыта, влияния родителей, семьи, школы, социума. Но существуют и общие тенденции, связанные с особенностями психофизиологического состояния, с полом и возрастом и психологическими установками. Ребенка обмануть трудно, потому что он во все верит. Сами дети, несмотря на безудержную фантазию, врут еще неумело, и способность к сознательному обману постепенно увеличивается с возрастом. Люди с годами становятся более скрытными.

А вот кто более склонен к обману – мужчины или женщины, до сих пор не определено. Мужчин во все времена выводила из себя способность женщин «достаточно вольно» обращаться с фактами. Для женщины очевидно, что, даже обманывая, она действует во благо того, кого обманывает. Поэтому мужчины всегда плохо понимали или неверно интерпретировали поведение женщин.

Помимо возраста и пола, на восприятие человеком получаемой информации, а также на склонность его к обману влияет общее психофизиологическое состояние организма, так и воздействие на него со стороны других людей и окружающей среды. Известно, что утром, сразу после пробуждения, и вечером, перед засыпанием, человек наиболее внушаем, а значит подвержен обману. Под влиянием алкоголя более подвержен обману и сам чаще врет. Упорство человека в утаивании правды видоизменяется под действием некоторых химических препаратов.

В заключении хочется отметить, что существует огромное количество видов и форм обмана. Но наиболее полезным и интересным является вопрос изучения технологии обмана, его инструмента, влияния на психику и последствия этого влияния, чему и будут посвящены следующие исследования.

СОЦИАЛЬНО-ПСИХОЛОГИЧЕСКИЕ МЕХАНИЗМЫ ФЕНОМЕНОЛОГИИ НЕОБЫЧНЫХ СОСТОЯНИЙ СОЗНАНИЯ

М.И. Фаерман (Ярославль)

Тренинги в рамках трансперсональной школы психологии находят все большее применение среди групповых методов работы. Интенсивные интегративные психотехнологии (ИИПТ), как методический арсенал таких тренингов, используются групп-лидерами в работе с широким спектром клиентов: это группы личностного роста, группы навыков и умений, дивиантные группы, даже в корпоративных бизнес-семинарах (стресменеджмент, тайм-иенеджмент, командообразование и др.). Такая универсальность применения объясняется воздействием вызываемого с помощью ИИПТ необычного состояния сознания или измененного состояния сознания (Козлов В.В. Истоки осознания, стр. 6,7) на интеграцию, психокорекцию и трансформацию личности. При этом затрагиваются

мотивационные, потребностные, ценностные, трансцендентные пласты личности. Использование расширенного состояния сознания как составляющего измененного состояния сознания обладает высокой скоростью и интенсивностью воздействия (В.В. Козлов, Истоки осознания, стр. 18), а значит, эффективно способствуют управлению личностью и группой.

Несмотря на это, у многих специалистов и клиентов существуют сомнения относительно возможности достижения ИСС и влияния на личность с помощью предлагаемых психотехнологий, в частности особые вопросы вызывают техники связанного дыхания.

Имея определенную практику участия и проведения тренингов в рамках трансперсональной школы психологии (более 40 тренингов), мы выстроили определенную систему психологических механизмов, воздействующих на группу в тренинге и, соответственно, социально-психологических феноменов, возникающих в группе. В классическом трансперсональном подходе отмечается влияние состояния сознания, достигаемого с помощью ИИПТ, на социально-психологические закономерности групповой динамики, взаимоотношения внутри группы и с ведущим. Выделенные нами социально-психологические механизмы - феномены, напротив, влияют на возникновение проявлений, характерных для ИСС или, более точно, РСС.

Пользуясь семикомпонентной моделью целостностей психической реальности (В.В. Козлов, Истоки осознания, стр. 37) как рабочей схемой для отображения процесса и результатов взаимодействия с клиентом в трансперсональном тренинге при использовании ИИПТ, мы сможем составить представление о возможной и встречающейся феноменологии – реакциях клиентов в РСС.

- Психофизиологическое состояние (интенсивность нейрогуморальных процессов, изменение в функционирование внутренних органов),
- Мышечное напряжение (возникновение нового необычного рисунка мышечного напряжения),
- Паттерн дыхания (особенности направления, глубины, силы и др.),
- Структура мотивационно-потребностных процессов (может проявляться в различных формах: от перенесенных в сферу осознаваемого озарений и влечений до эмоциональных состояний),
- Содержание эмоционального состояния (связанно с предыдущим пунктом, весь спектр переживаний),
- Образное пространство (перцептивная форма знания)
- Ментальный компонент (мысли, идеи, анализ и синтез воспоминаний)

Подробней каждый из семи элементов раскрыт в книге В.В. Козлова «Истоки осознания».

Имея приблизительную картину возможной феноменологии РСС, приводим рабочую модель спектра некоторых механизмов, создающих данную феноменологию. Причем, в модели используется шкала спектра механизмов от социально-психологических до собственно трансперсональных:

1. **Ожидания**. Ожидания участников трансперсональных групп, имеющих предыдущий опыт, или имеющих представление о таких группах, чаще всего можно выразить, как ожидания чего-то необычного, таинственного,

нового, сакрального и т.д. Такие ожидания подпитываются контекстом тренинга: музыкальное сопровождение, ритуальные атрибуты, ароматические вещества, одежда ведущего, определенные ритуалы. Вот почему такое сопровождение трансперсональных тренингов является неотъемлемой частью. Хотя функция формирования определенных ожиданий не единственная у контекстуальных сопровождающих элементов.

2. **Установка**. Этот механизм переплетается с предыдущим, но в большей степени является результатом настроя ведущего. Лидер тренинга нередко рассказывает примеры из предыдущей практики, дает информативные блоки, раскрывает свой духовный опыт, тем самым формируя установку на определенный эффект от трансперсональных практик, в частности от дыхательных процессов. В трансперсональной практики групп-лидер является неким духовным наставником, и его слово очень авторитетно для участников. В продолжение этой мысли, отметим некоторые конкретные общенческие механизмы взаимодействия лидера и группы, формирующие действенную установку:

- Использование категоричных оборотов, таких как «в не сомнения», «безусловно», «однозначно» и т.п.
- Расположение ведущего относительно группы на возвышение, в позе превосходства.
- Ссылка на авторитеты и в том числе на собственный опыт.

3. **Социальное заражение.** Язык измененного сознания, вызванного связанным дыханием, выражается у некоторых участников яркими реакциями, такими, как необычная и неадекватная двигательная активность, телесные ощущения, визуальные образы, эмоциональные состояния. При всем разнообразии, такие реакции обладают большой энергетикой, поэтому легко транслируются на остальную группу. Нередко в дыхательных процессах у участников возникаю спонтанные эмоциональные реакции: неудержимый смех или плач, эти состояния транслируются на остальных дыхальщиков, и все группа начинает испытывать коллективный катарсис. Опытный ведущий может подхватить состояние, к примеру, рассмеяться в след за инициатором, для усиления эффекта.

4. **Социально-психологический климат** как интегративный механизм (социальное сближение; контекстуальная социальная близость; смещение межличностных границ). Тренинг в традициях трансперсональной школы предполагает сценарии, включающие множество методик, влияющих на смещение межличностных границ. Начиная от традиционных для социально-психологического тренинга представления участников и «каруселей», где участники взаимодействуют в меняющихся парах, разделения на мини-группы и другие процедуры, позволяющие наладить индивидуальный и групповой контакт с разными участниками. Затем, различные ритуалы, такие как ритуалы приветствия, ритуалы разделения на пары, телесные техники, широко применяющиеся в ТПТ (трансперсональный тренинг), танцевально-двигательные техники, позволяющие изменить, как физические границы взаимодействия, так и психологические. И, наконец, практика ситтерства, в которой один участник группы фасилицирует дыхательный процесс другого участника. Здесь создается сразу множество условий для смещения межличностных границ: ответственность, физическая близость, сензитивность, детско-родительский сценарий, и эффект «присутствия при свершении чуда». «Ситтера» и «холонавта» объединяет единая сакральная тайна, они находятся

на едином потоке энергии, что создает устойчивую близость между ними. Еще один механизм - пребывание в интенсиве, т.е. совместное проживание изолированной от внешнего мира реальности, создает общий смысловой, духовный, энергетический ареал, объединяющий участников. Таким образом, ТПТ обладает мощным социально-психологическим эффектом, может быть, превышающим все другие группы. И этот эффект, в свою очередь, оказывает влияния на другие феномены РСС. Возвращаясь к началу статьи, заметим, что явление особого климата в ТПТ есть отчасти следствие социально-психологических механизмов и формирует у частников определенную феноменологию РСС, но, с другой стороны, и вхождение в ИСС и РСС создает такой особый климат в группе. Т.е. воздействие взаимное, а следовательно феномен климата может считаться переходным, разделительным на континууме социально-психологические механизмы – трансперсональные механизмы феноменологии РСС.

Отдельно необходимо указать влияние на усиление всех вышеуказанных механизмов особой внешней атмосферы – «спецэффектов». Опытные лидеры заранее подготавливают пространство группы. Кроме определенных ритуалов, влияние которых можно отнести и к социально-психологическим механизмам, и к трансперсональному опыту, подготовка группового пространства в трансперсональной традиции часто включает использование ароматических палочек, использование ритуальных предметов (свечи, лампады, другие источники фокусирующего света), музыкальные инструменты (шаманский бубен, там-там), наргиле и др. Ведущий может быть одет в специфические одежды, пользоваться четками, используется определенное расположение участников по отношению к помещению и ведущему. Особое место в создание группового пространства занимает использование специальной музыки. Все эти компоненты в совокупности призваны влиять на групповое сознание и создавать определенную атмосферу.

5. Физиологические изменения в организме. Например, связанное интенсивное дыхание может вызывать гипервентиляцию легких, что приводит к некоторым физическим ощущениям и состояниям.

6. Энергетический аспект. Это может быть и обмен энергетическими потоками между участниками тренинга, интеграция внешней энергии или управление внутренней.

7. **Паттерн дыхания.** Этот механизм, как становится понятно, одновременно является и феноменом. Это объясняется тем, что «дыхание является связующим звеном между телом и душой». Любое состояние человека имеет рисунок дыхания. Соответственно, паттерн дыхания может стать языком, т.е. феноменом РСС, но в то же время механизмом входа в него.

8. **Слияние с абсолютом.** Нам представляется, что этот механизм труднее всего поддается расшифровке и относится к крайней отметке по нашей шкале. Результатом действия этого механизма может стать полное просветление – состояние, также не поддающееся точному однозначному описанию и осмыслению для обычного сознания.

Мы намеренно подробно не раскрывали физиологические и трансперсональные механизмы работы, т.к. основная идея нашей статьи и излагаемой в ней модели заключается в раскрытие традиционных социально-психологических механизмов формирования феноменов РСС, влияющих на личностную структуру самосознания. Тем самым мы хотим смягчить некоторое критическое отношение сторонников традиционных методов

воздействия на личность и группу, показав уникальные механизмы воздействия, не противоречащие традиционному подходу, но возможные лишь в контексте ТПТ. А, с другой стороны, продемонстрировать возможность альтернативного толкования феноменологии ИСС и РСС приверженцев ортодоксального трансперсонального подхода.

ТЕХНОЛОГИИ СОЦИАЛЬНОЙ РАБОТЫ С ИНВАЛИДАМИ В СОВРЕМЕННОЙ РОССИИ

В.И. Юркина (Ярославль)

Сегодня в России насчитывается 11 миллионов 400 тысяч инвалидов. Такие данные привел представитель департамента социальной защиты Министерства здравоохранения и социального развития Российской Федерации Валерий Воеводин. Он отметил, что на сегодняшний день сохраняется высокая инвалидность среди детей, которых насчитывается 685 тысяч. По его словам, в 1992 году число инвалидов в России составляло 4,7 миллиона человек, в том числе 268 тысяч детей-инвалидов. Ежегодно России становятся инвалидами более 1 миллиона 200 тысяч человек, причем 95—97 % из них пожизненно останутся инвалидами.

По данным отделения Пенсионного фонда Российской Федерации по Ярославской области на 30 сентября 2004 года 47,5 тысячи граждан оформили и получают пенсии по инвалидности. Однако общая численность инвалидов в области несколько выше, так как действующее в настоящее время законодательство предоставляет право выбора вида пенсии при наличии соответствующих оснований.

За последние восемь лет на 11,5% увеличилось число первичных обращений граждан в Ярославскую государственную службу медико-социальной экспертизы. В результате первичных освидетельствований у 90% обратившихся устанавливается инвалидность. Иными словами, ежегодно каждый сотый житель области признается инвалидом. Численность лиц, впервые признанных инвалидами, в расчете на 10000 человек населения в 2003 году составила 96 человек. Из числа впервые признанных инвалидами более 43,4 % составляют лица трудоспособного возраста.

Деятельность государственной службы медико-социальной экспертизы не ограничивается установлением инвалидности. Социальной службой ежегодно разрабатываются индивидуальные программы медицинской, профессиональной и технической реабилитации.

За период с. 1997 по 2003 год в рамках программы профессиональной реабилитации 15569 инвалидов получили рекомендации по трудоустройству, 1427 - помощь в профессиональном обучении и переобучении. Через органы социальной защиты населения за эти годы инвалиды приобрели 1043 автомобиля «Ока», 3996 кресел-колясок и 48 малогабаритных тележек.

Начиная с 01.01.2005г. все медико-социальные экспертизы (областные, городские, районные) прекратят свое существование. Вместо них будет создан департамент государственной медико-социальной экспертизы со своими отделениями и новыми едиными государственными стандартами. Именно эта структура будет разрабатывать новые технологии и методы работы с инвалидами I, II и III групп с учетом степени их ограничения к трудовой деятельности.

В результате процесса монетизации льгот для разных групп инвалидов резко уменьшается число функций и направлений деятельности департаментов социальной защиты и их районных отделов, значительно сократится число штатных работников этих структур, часть функций возьмут на себя отделы Пенсионного фонда Российской Федерации.

В этих условиях принципиальным становится вопрос о роли негосударственной социальной работы с данной категорией граждан, месте и функциях различных общественных объединений, фондов, организаций, ассоциаций, союзов и клубов.

Например, в Ярославской области существует достаточно большое количество организаций, созданных инвалидами и членами их семей. Как и везде, в области работают Ярославские отделения Всероссийских обществ инвалидов, глухих, слепых, созданы их районные отделения, активно развиваются организации молодых инвалидов, создаются уникальные, совершенно автономные организации, объединяющие инвалидов разного профиля и разных категорий. К их числу можно отнести Ярославскую региональную общественную организацию женщин-инвалидов "Мы и общество", созданную преподавателями вузов г. Ярославля, имеющих разные группы и типы инвалидности. Организация, открытая для всех видов сотрудничества как с государственными, коммерческими и некоммерческими структурами, считает принципиально важным иметь независимые ресурсы, использовать инновационные социальные технологии в своей деятельности, развивать свою организационную структуру как субъекта социальной работы с инвалидами и членами их семей. Члены организации активно осваивают фандрайзинг и деятельность в области паблик-рилейшнз, разрабатывают уникальные методики реабилитации и интеграции инвалидов в общество.

В 2002-2004 годах члены ЯРОО "Мы и общество" продолжили реализацию многоцелевой долгосрочной программы "Женщина-инвалид и ее права в современной России". Особое внимание было уделено подпрограмме "Женщина-инвалид в сельском социуме", суть которой заключается в изучении проблем охраны и реализации прав женщин-инвалидов, проживающих в сельских общинах, а также оказании им правовой, медицинской и психосоциальной помощи и поддержки.

Члены организации в течение 2002 – 2004 гг. проводили опросы сельских женщин-инвалидов, изучали их проблемы и образ жизни, была начата подготовка пособий по правам инвалидов и сборника международно-правовых документов по правам женщин (Конвенция о ликвидации всех форм дискриминации в отношении женщин, Конвенция о политических правах женщин, Конвенция о гражданстве замужней женщины, Конвенция о запрете дискриминации в области труда и занятости, Конвенция о борьбе с торговлей людьми и с эксплуатацией проституции третьими лицами, Пекинская декларация, Декларация об искоренении насилия в отношении женщин, Декларация о защите женщин и детей в чрезвычайных обстоятельствах и в период вооруженных конфликтов, Декларация ООН о правах человека). В рамках этого направления при поддержке ОАО "Феникс" (30 тыс. руб.) были изданы два учебно-методических пособия: "Психологические особенности людей с ограничениями по зрению" и "Проблемы людей с ограничениями по слуху в условиях современного российского общества" (ксерокопии титульных листов прилагаются).

Основной акцент в подпрограмме "Женщина-инвалид в сельском социуме" был сделан на развитии юридической поддержки женщин-инвалидов в целях улучшения их положения в обществе, правовом просвещении женщин в области защиты и реализации своих прав, осуществлении контроля за соблюдением прав женщин-инвалидов при обращениях в административные и социальные государственные структуры на местах.

При этом был разработан и частично внедрен механизм взаимодействия с местными государственными органами и бизнес-структурами в сельской местности в области поддержки системы независимого правового консультирования; определения методов влияния на законотворческий процесс и принятия правовых актов, направленных на защиту прав женщин и соблюдение принципа равных прав и возможностей мужчин и женщин.

Составной частью программы и ее отдельным направлением является работа по активизации существующих и инициирования создания в 17 сельских районах Ярославской области общественных структур, занимающихся реализацией и охраной прав женщин-инвалидов. Именно с этой целью в течение 2002 – 2004 гг. членами организации проводилась работа по рекрутированию новых членов и волонтеров из числа женщин-инвалидов, проживающих в сельской местности, были налажены тесные взаимодействия с местными советами женщин, определены основные направления работы.

Таким образом, общественные организации, созданные инвалидами и членами их семей, являясь негосударственными, неполитическими и некоммерческими организациями, создают принципиально новую технологическую основу для решения социальных задач. Мобильная организационная структура, свободная от стереотипов психология членов организаций данного типа, ограниченность финансовых средств (а скорее, их отсутствие), объективно способствуют разработке и внедрению инновационных технологий решения социальных проблем инвалидов.

Дальнейшее развитие инвалидских общественных организаций, расширение сферы их деятельности оказывает непосредственное влияние на рост многообразия организационных форм социальной работы и развитие ее технологических основ.

ГЛАВА 2. ПСИХОТЕХНОЛОГИИ

ТЕХНОЛОГИИ ФАНДРАЙЗИНГА В ДЕЯТЕЛЬНОСТИ ОБЩЕСТВЕННЫХ ОРГАНИЗАЦИЙ

И.Ф. Албегова (Ярославль)

В настоящее время в России активно работают более 300 тысяч некоммерческих общественных объединений, которые своей деятельностью оказывают огромную материальную и психологическую помощь нуждающимся в поддержке слоям населения. Основным целям и задачами НКО являются содействие решению важных социальных проблем в обществе, создание условий для развития потенциала личности, а так же развитие связей между основными сферами жизни общества.

Гармонизируя отношения между личностью, группой, государством и бизнесом, НКО консолидируют российское общество, развивают демократию, способствуют ослаблению социальной напряжённости и являются важным фактором становления гражданского общества в России.

Обладая правом юридического лица, экономической обособленностью и самостоятельностью хозяйственной деятельности НКО, выступают в России как инновационная организационная форма социальной работы с населением. Они постоянно разрабатывают принципиально новые технологии решения социальных задач, чему во многом способствует их мобильная организационная структура, свободная от стереотипов психология членов НКО, ограниченность финансовых средств. Философия существования некоммерческих организаций современное положение НКО в обществе, новизна задач и нестандартные пути их решения, позволяют третьему сектору выступать общественным генератором идей, реализация которых не требует особых материальных затрат, но даёт значимый положительный социальный эффект. В связи с этим для НКО принципиально важным является применение уже имеющихся технологий менеджмента, а также активная разработка новых и их апробирование.

Само решение о создании общественной, негосударственной, неполитической, некоммерческой организации ставит будущих её членов перед задачей разработки организационной структуры НКО, органов её управления, основ институционального развития, определение миссии, целей и задач. При этом любая организация должна ориентироваться на спрос и потребности рынка социальных услуг, чётко обозначить своих бенефициаров (благополучателей) и, в соответствии с этим, определить набор основных видов деятельности.

Конечно, рынок и изменяющиеся условия функционирования организации корректируют первоначальные замыслы, но основная уставная деятельность и её направления, как правило, остаются неизменными.

НКО, как организационная форма социальной работы, прежде всего обязаны оказывать разные виды помощи населению в решении их проблем. Любая помощь, независимо от её содержания, требует определённых финансовых вложений. Хозяйственная самостоятельность НКО, особенности финансирования их деятельности, а лучше сказать, его отсутствие, ставят любую организацию перед проблемой привлечения ресурсов или фандрайзинга.

Согласно ст. 26 ФЗ «О некоммерческих организациях», источниками формирования имущества некоммерческой организации в денежной и иных формах, являются:

регулярные и единовременные поступления от учредителей (участников, членов);

добровольные имущественные взносы и пожертвования, в том числе государственные, муниципальные гранты и гранты международных благотворительных фондов;

выручка от реализации товаров, работ, услуг;

дивиденды (доходы, проценты), получаемые по акциям, облигациям, другим ценным бумагам и вкладам;

доходы, получаемые от собственности НКО;

другие не запрещенные законом поступления.

Федеральный закон «Об общественных объединениях» также определяет источники формирования имущества. Имущество общественного объединения формируется на основе: вступительных и членских взносов, если их уплата предусмотрена уставом; добровольных взносов и пожертвований; поступлений от проводимых лекций, выставок, лотерей, аукционов, спортивных и иных мероприятий; доходов от предпринимательской деятельности; градажданско-правовых сделок; внешнеэкономической деятельности общественного объединения; других не запрещенных законом поступлений.

Следует обратить внимание на тот факт, что две из предусмотренных законом «О некоммерческих организациях» ОПФ (фонд и автономная не-коммерческая организация) создаются на основе имущественных взносов их учредителей. Однако Закон не устанавливает каких-либо требований к размеру и порядку внесения указанных взносов - они определяются учредителями.

Каждая НКО в своей деятельности может использовать разные виды ресурсов. К их числу относят финансовые средства (деньги). При этом их разделяют на внутренние ресурсы (экономия средств, совместные расходы с другими организациями или программами внутри одной НКО); членские взносы; заработанные средства (плата за услуги НКО плата за услуги НГО (деятельность, связанная с уставными целями); выполнение государственного (муниципального) социального заказа доходы от инвестиций и прочие внереализационные доходы; доходы от собственной деятельности, не связанной с уставными целями); сбор частных пожертвований, гранты, специальные мероприятия (марафоны, аукционы, ярмарки, акции и т.д.); запланированные пожертвования (наследство и т.д.); инвестиции и кредиты; пожертвования капиталов, приносящих доход.

Следующим ресурсом организации являются товары (как подержанные или неликвиды, так и новые товары – продукция). Товар может использоваться по-разному (продаваться со скидкой, раздаваться бесплатно или обмениваться по бартеру. Товар может быть заемным, а также приобретенный и используемый совместно с другими НКО.

К числу важнейших относятся человеческий ресурс (люди). Его составляют правление или совет организации, члены НКО, добровольцы (волонтеры), привлеченные работники, штатные работники, а также консультанты, направленные органами власти или предпринимательскими структурами.

Услуги организации также составляют ее ресурс. Они могут быть трех видов: бесплатные или льготные, совместные с другими организациями и бартерные.

Важным ресурсом является информация, которая может быть как официальной, так и неофициальной. Помещения и оборудование, стоящие на балансе организации также составляют ее ресурс.

Другим ресурсом НКО являются ее связи и влияние.

Для любой НКО возможными источниками финансовых и натуральных поступлений могут быть государство или муниципалитеты (бюджетное финансирование), частные пожертвования (люди), коммерческие структуры (корпоративный фандрайзинг), иностранные и отечественные фонды (гранты), членские взносы, собственные доходы от предпринимательской деятельности, связанной с уставными целями, собственные доходы от предпринимательской деятельности, не связанной с уставными целями, доходы от учрежденных предприятий, внереализационные доходы (депозиты, акции, сдача в аренду имущества), помощь от других некоммерческих организаций, а также прочие источники.

Ресурсы организации необходимо регулярно пополнять и рационально использовать, по-другому, каждая организация в своей деятельности должна осваивать и активно использовать технологию фандрайзинга.

Фандрайзинг – это деятельность некоммерческой организации, базирующаяся на ее уникальной миссии и стратегии, использующая эффективные и продуктивные способы получения ею ресурсов, необходимых для реализации ее программ и достижения стоящих перед ней целей, обеспечивающая желаемую удовлетворенность дарителю (источнику ресурсов) и имеющая конечным результатом укрепление благополучия общества в целом. Фандрайзинг - это наука и искусство, теория и практика, это определённая философия и психология, это и специфический вид деятельности.

Фандрайзинг заключается не только в привлечении и получении необходимых ресурсов для достижения целей организации и решения ее текущих задач, но и в укреплении благополучия общества в целом. Кроме того, необходимо отметить, что фандрайзинг не должен вступать в противоречие с миссией организации, а также ее базовыми стратегиями. Процесс привлечения ресурсов не должен приводить к потере идентичности организации, размыванию ее целей, отступлению от генеральной линии ее развития.

Учитывая необходимость использования эффективных и продуктивных методов, фандрайзинг предполагает определенные стратегию, тактику и методологию. Деятельность по фандрайзингу является продолжением стратегии и тактики организации по планированию и управлению. Эффективная работа по созданию положительного имиджа организации и обеспечению ее широкой известности безусловно будет содействовать более эффективному фандрайзигу.

Философию или идеологию фандрайзинга НКО составляют следующие постулаты: отсутствие денег у НКО - не проблема! Проблема - это то, для решения чего НКО создана; фандрайзинг - не поиски денег, а работа организации по решению конкретных проблем, для выполнения которой нужны деньги; фандрайзинг - не искусство: каждый может научиться вносить свой вклад в поиск ресурсов для организации; фандрайзинг - продажа Вашего дела; фандрайзинг - долгосрочные отношения между людьми!!!

Фандрайзинг - нужный человек в нужном месте в нужное время. Просите!!! Вы никогда не получите того, о чем не

просите!!!; фандрайзинг - радость, воодушевление, которые надо передать и тому, кто может оказать поддержку организации.

Как теория фандрайзинг имеет свой особый понятийный аппарат. Существует достаточное количество терминов, смысл которых помогает раскрыть суть фандрайзинга. К числу основных относятся следующие: благотворительность, меценат, спонсор, донор, грант, бесприбыльный (некоммерческий) проект и т.д.

Благотворительность - добровольное бескорыстное пожертвование физических и юридических лиц в форме предоставления получателям минимальной финансовой, организационной и иной благотворительной помощи. Формы благотворительности - меценатство и спонсорство.

Меценат - физическое лицо, оказывающее материальную, финансовую, организационную и иную благотворительную помощь на бескорыстной добровольной основе.

Спонсор - юридическое или физическое лицо, оказывающее на добровольной и бесприбыльной основе материальную поддержку благотворительной деятельности в целях популяризации исключительно своего имени (названия), торговой марки и т.д.

Донор - юридическое или физическое лицо, оказывающее материальную, финансовую, организационную и иную благотворительную помощь неприбыльным организациям на добровольной бескорыстной основе.

Грант - благотворительный взнос или пожертвование, имеющее целевой характер, предоставленное физическими и юридическими лицами в денежной и натуральной формах.

Бесприбыльный (некоммерческий) проект - комплекс запланированных мероприятий, объединенных общими задачами, целью которого является достижение социально значимого эффекта, а не получение прибыли.

Фандрайзинг в широком смысле представляет собой технологию поиска источников финансирования, которой в основном занимаются общественные организации. В связи с этим можно сказать, что фандрайзинг - это поиск источников финансирования, необходимых для осуществления деятельности НКО, включая реализацию неприбыльных программ и проектов.

Как правило, фандрайзинг бывает "внутренним" и "внешним". В первом случае речь идёт о внутреннем менеджменте НКО, когда разработкой и реализацией стратегии поиска финансирования сотрудники НКО занимаются самостоятельно.

Во втором случае - это одно из направлений консалтинговой деятельности, когда поиск финансирования осуществляется посредством привлечения профессиональных консультантов по фандрайзингу. В данном случае в этой роли могут выступать как независимые эксперты, так и специализированные фандрайзинговые фирмы.

Основной целью НКО в сфере фандрайзинга является разработка и реализация разнообразных фандрайзинговых стратегий, итогом которых должно быть получение средств. Отсюда задачи фандрайзинга: подготовка проектов для донорских организаций, социальное партнёрство с органами власти, развитие корпоративности, связей с общественностью.

Сама технология сбора средств довольно сложна, но именно от степени её освоения зависит решение вопроса о жизнеспособности некоммерческих организаций.

В современных российских условиях существует пять традиционных источников финансирования НКО. Это - благотворительные фонды и международные донорские организации; предпринимательские структуры; органы исполнительной власти и местного самоуправления; физические лица; другие НКО. Для работы с каждым из них НКО использует особые технологии и методики.

При этом надо отметить, что работа с донорами и спонсорами в России затруднена из-за недостаточного количества организаций и лиц, способных оказать реальную помощь, а также ещё достаточно распространённого стереотипа восприятия НКО как просто просящих организаций, не способных в свою очередь компенсировать её своими услугами. Определённую роль играет и то, что "новые русские" отнюдь не торопятся тратить свои капиталы на дела благие, делиться ими с малоимущими слоями населения, забывая при этом, что завоевать общественное признание, сформировать привлекательный образ и благоприятное отношение к себе можно только через благотворительность. История отечественного меценатства является ярким тому доказательством.

Сложно обстоит дело и с получением заказов от государственных структур, хотя имеется опыт их распределения на конкурсной основе среди НКО в Москве, Нижнем Новгороде, Ярославле и др.

В России, в отличии от других стран, основными источниками финансирования НКО являются пожертвования от физических лиц и гранты от донорских организаций.

Донорскими организациями, как правило, выступают благотворительные фонды (как отечественные, так и зарубежные). Существуют несколько классификаций фондов данного типа. Исходя из источников финансирования, они подразделяются на ассоциированные (корпоративные) фонды, которые создаются и финансируются определенной коммерческой структурой (например, IBM Foundation). Это наиболее распространенный вид БФ; государственные (межгосударственные) фонды (донорские организации), которые создаются и финансируются правительством одной или нескольких стран (USAID, TACIS); независимые (частные) фонды, которые создаются и финансируются частным лицом или группой лиц, как правило, связанных родственными узами (MacArthur Foundation).

Существуют и другие классификации БФ, например, по сфере интересов они подразделяются на экологические, фонды развития местного сообщества, социальной адаптации и т.д.; по социальной ориентации выделяются фонды, оказывающие помощь инвалидам, пенсионерам, женщинам, ученым.

В связи с широким развитием в последнее время международной информационной сети Интернет стали возникать виртуальные фонды - благотворительные организации, осуществляющие программы грантов непосредственно в режиме on-line.

Основные формы финансирования, осуществляемые БФ:

- грант - благотворительное пожертвование (взнос), предоставляемое донорской организацией для реализации неприбыльного проекта или программы;
- беспроцентная возвратная финансовая помощь (возвратный грант) предоставляется НКО для реализации проектов, предполагающих получение доходов в результате осуществления деятельности по проекту. Возвратная финансовая помощь предполагает полный или частичный возврат предоставленного финансирования;

• оплата услуг - оплата (на договорной основе) услуг, предоставляемых НКО донорской организации (проведение семинаров, исследований).

Наиболее распространенной формой финансирования НКО донорскими организациями являются гранты. Они предоставляются в результате проведения грантовых программ - конкурсов, объявляемых среди НКО. Грантовые программы могут быть открытыми или закрытыми. В первом случае к участию в конкурсе допускаются все организации, которые отвечают определенным требованиям донорской организации (например, НКО должна быть внесена в Реестр неприбыльных организаций). К участию в закрытых конкурсах допускаются только те НКО, которые соответствуют особым условиям грантовой программы (например, только региональные партнеры донорской организации или НКО, ранее получавшие (или не получавшие) гранты от БФ).

Таким образом, российские общественные организации активно осваивают и используют в своей деятельности инновационные технологии фандрайзинга, укрепляя тем самым свой статус и положение в обществе.

ТЕХНОЛОГИИ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ ОБЩЕСТВЕННЫХ ОРГАНИЗАЦИЙ В РАЗРАБОТКЕ И РЕАЛИЗАЦИИ СОЦИАЛЬНОЙ ПОЛИТИКИ В ОТНОШЕНИИ ПОЖИЛЫХ ЛЮДЕЙ

И.Ф. Албегова, Е.Б. Воробьев (Ярославль)

В последние годы достаточно актуальной является проблема разработки и реализации социальной политики. При этом принципиальными являются вопросы о ее субъектах и объектах. Среди инновационных субъектов социальной политики особое место стали занимать общественные объединения и организации, которые активно действуют на уровне как всего российского общества, так и его отдельных регионов и областей. Весьма разнообразными стали и объекты современной государственной социальной политики. Учитывая, что группа пожилых и старых людей в современной России постоянно увеличивается, то они выступают достаточно представительным объектом социальной политики и социальной работы.

Несмотря на многообразие определений социальной политики, на наш взгляд, довольно привлекательным является ее понимание как деятельности, рассчитанной на управление социальным развитием общества, удовлетворение материальных и духовных потребностей его членов и регулирование процессов социальной дифференциации населения.

Социальная политика - это составная часть внутренней политики государства, воплощенная в его социальных программах и практике, регулирующая отношения в обществе в интересах и через интересы основных социальных групп населения (профессиональных, национальных, половозрастных и т.д.).

Социальную политику можно рассматривать как причинно обусловленную, ситуативную, динамичную по форме и ориентации деятельность по практической организации социальной безопасности людей, стремящихся реализовать свои потребности и интересы в обществе. По сути, социальная политика стремится создать предпосылки для адаптации человека, групп, всего общества к изменчивым во времени и в пространстве условиям жизнедеятельности.

Она представляет из себя совокупность правил, определенных принципов и подходов к решению социальных проблем на данном этапе развития общества, является регулятором отношений между индивидом и обществом, индивидом и группой, индивидом и индивидом.

Как правило, социальная политика направлена на удовлетворение потребностей, соблюдение интересов основных социальных групп общества. Чем глубже изучены и осмыслены жизненные потребности различных групп населения, условия и возможности их реализации, тем точнее и полнее они формируются в задачах социальной политики, а следовательно, и успешнее решаются. Пожилые люди как полноправная социальная группа населения современной России в этом плане не является исключением.

Основная (идеальная) цель социальной политики – это разрешение противоречия между текущими и перспективными интересами общества и, как правило, несовпадающими потребностями социальных групп. При этом закон возвышения потребностей, процесс их непрерывного развития, увеличения типов и видов с неизбежностью ставит вопрос об адекватной социальной политике в число утопических. Тем не менее, в отношении отдельных категорий граждан она должна быть объективно обусловленной и субъективно привлекательной.

Социальная политика в любом обществе призвана решить следующие задачи: гармонизировать общественные отношения, обеспечить политическую стабильность, создать и упрочить гражданское согласие. Основными путями решения поставленных задач являются поддержание баланса между денежными доходами населения и товарными ресурсами, создание условий для решения жилищной проблемы; удовлетворение спроса населения на количество и качество товаров и услуг; создание базы для укрепления здоровья населения, роста его духовности, образованности и культуры. При этом решение перечисленных стратегических задач невозможно без учета и своевременного разрешения проблем отдельных социально-демографических групп.

Среди всех задач выделяется главная, отражающая общее направление современной социальной политики: стабилизация уровня жизни граждан Российской Федерации с дальнейшим повышением уровня развития экономики страны.

Данная задача объективно определяет необходимость создания экономических, правовых и социально-психологических условий, стимулирующих членов общества на трудовую деятельность, как основу личного благосостояния и благополучия всего общества, формирование среднего класса, как основной части населения страны.

Не менее важной является задача поддержания оптимальных соотношений между доходами активной части населения и нетрудоспособных граждан

Актуальной стала и задача усиления адресности социальной поддержки наименее защищенных групп населения, что, несомненно, положительно повлияет на решение проблемы бедности, ее сокращения и обеспечения основных социальных гарантий в области доходов населения.

Определение социальной политики как особого вида деятельности предполагает рассмотрение ее субъектов и объектов.

Субъекты социальной политики - это участники процесса разработки ее основ, концепций, направлений и те, кто непосредственно занимается ее реализацией. В условиях современного российского общества диапазон

субъектов социальной политики довольно широк и может быть представлен государством, политическими партиями, общественно-политическими объединениями и движениями, отдельными общественными организациями, различными благотворительными фондами и даже частными лицами (спонсорами, донорами, меценатами). Например, общественные некоммерческие негосударственные организации (НКО) с середины 90-х гг. XX в. активно выступают инновационными субъектами социальной политики. Они содействуют решению важных социальных проблем в обществе, выполняя тем самым функции социальной работы. К их числу относятся: охрана и реализация прав человека, участие в законотворчестве и совершенствовании законопроектов, воздействие на правотворчество путем наблюдения за деятельностью правительственных и государственных структур. НКО создают условия для развития потенциала человеческой личности, способствуют возрождению духовных и нравственных основ российского общества, помогают людям в сложных жизненных ситуациях. Ряд общественных организаций проводят научно-исследовательскую работу, занимаются просветительской и издательской деятельностью, часто они первыми диагностируют социальные проблемы, выступают в СМИ с информацией о них, привлекая тем самым к ним внимание широкой общественности, находят оптимальные пути их решения за счет разработки, апробации и внедрения инновационных социальных технологий.

При этом члены НКО формируют у граждан установки на решение своих задач и проблем самостоятельно, без надежды на помощь со стороны государства. НКО проводят обучающие мероприятия (тренинги, семинары, консультации) по овладению различными техниками выживания в условиях стресса, безработицы, безденежья, выходу из кризисных ситуаций. Тем самым они как бы инициируют активность людей, помогают им развить лидерские черты и качества, а по-другому, воспитывают и формируют субъектность. НКО создают организационные возможности для объединения людей с целью решения каких-либо вопросов. Устанавливая связи и нормализуя отношения между различными социальными группами, НКО консолидируют российское общество, способствуют ослаблению социальной напряженности, созданию благоприятного психологического климата.

Современное положение НКО в обществе, специфика психологии их членов и философии существования, особенности финансирования деятельности, а лучше сказать, его отсутствие, стимулируют разработку принципиально новых, подчас неожиданных и нестандартных способов решения социальных проблем. В связи с этим НКО выступают общественными генераторами идей, причем идей, которые для своей реализации не требуют особых материальных затрат, но дают значимый положительный социальный эффект.

Таким образом, негосударственные неполитические некоммерческие организации создают принципиально новую технологическую основу для решения социальных задач. Мобильная организационная структура, свободная от стереотипов психология членов НКО, ограниченность финансовых средств объективно способствуют разработке и внедрению инновационных способов решения социальных проблем. Дальнейшее развитие НКО, расширение сферы их деятельности оказывает непосредственное влияние на разработку и реализацию социальной политики в российском обществе.

Пожилые люди также достаточно активны в создании инновационных субъектов социальной политики: именно они создают партии (например, в 1997 году была создана партия пенсионеров), общественные организации и объединения (ветеранов ВОВ, МВД и т.д.). Ярким примером являются представители научного социума, которые и в 70-75 лет выступают генераторами идей, не теряют остроту восприятия и эмоциональность жизни, они также создают общественные организации в виде различных академий, центров, институтов.

Основными целями данных общественных организаций являются содействие адаптации пожилых людей к условиям рыночной экономики; создание условий, способствующих их независимости, сохранению достоинства личности, помощь в преодолении болезней, бедности, и максимальное нахождение пожилых в привычной обстановке.

Общественные организации весьма активно работают с пожилыми людьми. От других социальных институтов они отличаются: проникновением в те сферы их жизни, которые не затрагиваются или слабо затрагиваются существующими государственными структурами и максимальной активизацией деятельности и поведения их членов – пожилых людей.

Общественные организации, созданные пожилыми людьми, не только оказывают реальную действенную социально-психологическую и материальную помощь своим членам, но и достаточно активно участвуют в процессе разработки социальной политики. Исследования, проведенные авторами 2000-2004 гг., были посвящены изучению технологий деятельности общественных организаций Ярославского региона в разработке и реализации социальной политики в отношении пожилых людей, а также обобщению опыта их взаимодействия с органами государственной власти и местного самоуправления в области реформирования социальной политики.

Прежде всего речь идет о том, что органы власти и общественные организации по-разному представляют роль НКО в разработке социальной политики. Так, 64% опрошенных представителей общественных организаций (руководители, члены и волонтеры) полагают, что участие организаций данного типа в разработке социальной политики, в принятии новых законопроектов важно в той же мере, как и остальные направления деятельности НКО. Лишь 25% представителей органов власти (депутаты, руководители департаментов и их отделов) назвали данную работу одним из основных направлений деятельности НКО. Обе категории представителей полагают, что добиться набольших успехов в разработке социальной политики можно, взаимодействуя преимущественно с законодательной властью на региональном и муниципальном уровнях. При этом представители НКО практически одинаково оценивают важность работы как с законодателями на уровне субъектов РФ, так и с органами местного самоуправления. Представители же власти считают, что НКО могут добиться наибольших успехов в разработке социальной политики, сотрудничая именно с региональной властью.

Практика показывает, что степень взаимодействия общественных организаций с представителями региональной власти выше, чем с представителями федеральных структур. В соответствии с приведенными исследованиями, только 14% представителей НКО отметили, что они вообще не сотрудничали с региональными законодателями.

На региональном уровне НКО чаще всего апеллируют к следующим субъектам: депутатам (указали 64% представителей НКО); представителям

органов законодательной власти в целом (законодательные собрания, думы, народные собрания и др.(52%); губернаторам (46%); отдельным департаментам и отделам органов законодательной власти (35%).

При выработке решений по социальным вопросам на муниципальном уровне представители обеих групп отмечают наиболее частое взаимодействие общественных организаций с мэрами городов, их заместителями, советниками, сотрудниками администраций и отдельными структурными подразделениями муниципальных образований.

Проведенные исследования выявили разнообразные формы участия общественных организаций в разработке социальной политики на разных уровнях. К числу основных относятся следующие: участие в подготовке законопроектов; подготовка поправок к законам; участие в рабочих органах законодательных структур (рабочие группы, круглые столы); участие в парламентских или общественных слушаниях; участие в работе рабочих групп и переговорных площадок, созданных по результатам работы Гражданского форума 2001 года; организация общественных советов при законодательных органах власти; прямая работа с представителями законодательных органов (контакты с депутатам); участие в разработке региональных целевых программ; вовлечение заинтересованных групп населения в процесс обсуждения и поддержки инициатив (общественные кампании, слушания, сбор подписей, акции давления).

Большинство представителей обеих категорий отметили, что в 2000-2004 годах взаимодействие НКО и органов законодательной власти всех уровней усилилось, стало более интенсивным. Подобную точку зрения разделили 50% представителей органов власти и 64% представителей НКО.

В Ярославской области наиболее успешный опыт такой работы (по результатам исследований авторов) был у Ярославского отделения Общероссийской общественной организации "Союз социальных педагогов и социальных работников", некоммерческого объединения "Голос", ЯРОО "Центр социального партнерства", городская организация женщин, ЯРОО женщин-инвалидов "Мы и общество", ООЯО "Социум" и др.

Таким образом, роль общественных организаций в разработке и реализации социальной политики, в том числе и в отношении пожилых людей, на современном этапе развития российского общества проявляется достаточно ярко. НКО не только стали активными субъектами социальной политики, но и сами участвуют в ее разработке, изучении механизмов реализации и выработке инновационных социальных технологий реализации основных направлений. Более того, ярославские общественные объединения и организации достаточно активно разрабатывают, апробируют и внедряют инновационные социальные технологии работы с пожилыми людьми.

СЛАВЯНСКИЙ ОБРЯД КАК ИНТЕГРАТИВНАЯ ПСИХОТЕХНОЛОГИЯ

Н.В. Ананьичева (Ярославль)

На сегодняшний день существует широкий спектр древних духовных практик, которые разработаны с целью обеспечить доступ к трансперсональным областям. Весь этот эмпирический спектр описан историками, антропологами, специалистами по изучению религии в виде различных шаманских процедур, славянских ритуалов, мистерий смерти и возрождения, трансовых танцев различных религий.

С точки зрения современного городского человека славянское язычество- это что-то вроде сказки или же собрание старинных народных суеверий, не имеющих никакого отношения к реальности и тем более к современности. Описания «странствий души» не воспринимаются как реальность, за которой может стоять какой-либо опыт. На протяжении многих веков славянское язычество воспринималось как проявление примитивного магического мышления.

В настоящее время «мы начинаем понимать, что наука поспешила с вынесением обвинительного приговора» (Гроф) древним практикам. Современные исследования сознания позволяют сделать серьезный пересмотр древнего опыта и синтез древней мудрости и современной науки.

На наш взгляд, славянский ритуал представляет собой реальную картографию необычных состояний сознания, испытанных в процессе его протекания. В современной практике славянский обряд может использоваться не только как способ вхождения в измененное состояние сознания, но и как трансформационная и интегративная психотехнология. В нашем понимании, интегративная психотехнология - система теорий, концепций, моделей, методов, которые ведут человека к большей целостности, к меньшей раздробленности сознания, деятельности, поведения.(Козлов В.В.) Цель трансформации в славянском обряде, на наш взгляд, заключается в достижении «изначального» состояния, т. е. в достижении людьми большей гармонии, сбалансированности в жизни.

Использование славянских практик в современной психологии предполагает не уход человека из того материального мира, где он живет, а повышение его адаптивности и эффективности в каждой конкретной ситуации. Приведем пример: в технике славянского рукопашного боя существует практика «ломания», которая заключается не в открытом столкновении с противником, а в «прощупывании» открытых зон тела и нахождении «провалов» внимания. Данная идея проявляется в своеобразной гибкости тела, которое, в свою очередь, отражает гибкость сознания. Побеждает не сильнейший, а гибкий. В современном контексте потребность в практике боя отпала, но осталась потребность в гибкости, как тела, так и сознания.

Славянский обряд, как интегративная психотехнология, обладает системностью, комплексностью, целостностью, которые проявляются в его психологических техниках, работающих на разных уровнях психики:

- Физическом и психофизическом (хождение по углям, прыганье через костер);
- Психологическом (личностная трансформация через различные практики, например инициация смерти в игре «в умруна»; психотерапия, например, хоровым пением; достижение целей интеграции личности)
- Социально-психологическом (разрешение проблем коммуникации и социальной адаптации- практики «ломания», «круга-коло», различные игры);
- Разрешение проблем самоактуализации;
- Удовлетворение потребности личности в трансцендировании и т. д.

Таким образом, славянский обряд как интегративная психотехнология включает в себя широкий спектр психологических техник, общим для которых является использование личностного ресурсного потенциала.

Приведем конкретный пример славянской практики, которая позволяет личности трансформироваться. Игра в «умруна»- своеобразная инициация смерти, в основном проводилась среди молодежи. Рассмотрим ее в соответствии с предложенными стадиями ритуала смерти С. Грофа. Первая стадия- отделение. На этой стадии человек выводится из привычных ему социальных связей. Человека, выбранного в «умруна», т. е. готового пережить смерть и возрождение, готовили к обряду: произносились специальные заговоры и наветы, целью которых являлась визуализация смерти и подготовка человека к новому состоянию. Переходную стадию следует рассматривать с точки зрения внешних символов и действий, обрамляющих прохождение испытания и с позиции переживаемых субъективных впечатлений. В течение переходной фазы используются всевозможные методы для расширения сознания инициируемого путем снижения или полного снятия психологических барьеров. К таким методам можно отнести плач-причитание, траурные белые одежды, имитация гроба, траурная процессия, имитация признаков смерти (бледность лица, неподвижность, задержки дыхания). В такой ситуации человек и социальная группа оставляют один стиль поведения («живой») и вступают в другие условия существования. Границы личности раздвигаются «до степени включения в себя сверхъестественных сил» (Гроф С.). Целью приемов перехода является создание условий для символического переживания смерти и трансформация личности. На стадии воплощения «умрун» возвращается к непосредственному социальному окружению и обладает новой концептуалистикой. Во время процессии, шествующей от одной избы к другой, покойника оживляли, дав испить «живой водицы»; произносили заветы «на жизнь» (Грановский). Согласно славянским представлениям, человек, переживший смерть и возвратившийся к жизни, является дважды рожденным, озаренным, посвященным (подтверждение можно обнаружить практически во всех русских народных сказках).

Славянский обряд в современной его реконструкции включает в себя достаточно большой набор различного плана психотехник, таких как: «гудение», «ломание», хоровое песнопение, различные виды кологодов, игры, заветы, наветы, различные инициации, самая сильная из которых – имянаречение, дыхательные практики, борьба и непосредственно ритуальные действия, которые сохранили во многом архаичные черты (например, бросание венков воду- у этого обычая сексуально-эротическое содержание: река олицетворяет мужское естество, венок - женское, а бросание имитирует их соитие). Полную индетификацию с женщиной-матерью можно обнаружить в практике вождения женского хоровода вокруг березы на праздник Макоши. Береза символизирует таинство жизни, олицетворяемое женщиной, а круг (коло) имеет оберегательные функции женской утробы (Демин В. Н.).

Слово в славянском обряде занимает важное место и им нужно уметь пользоваться. В прошлом прибегали к помощи профессиональных посредников- жрецов, волхвов, оракулов, шаманов, колдунов, которые по сути обладали различными психотехнологиями. На первый взгляд наветы и заветы – метаморфически насыщенный набор не слишком связанных друг с другом предложений, но дело не в самом содержании текста, а в использовании в нем ключевых архетипичных символов.

Хоровое пение и «гудение» используют слово и звуковой ряд. Основной задачей пения является введение неподготовленного человека в определенное психоэмоциональное состояние и управление им. В настоящее

время данной техникой владеют в основном женщины. В основе «гудения» лежит способ управления собственным звучанием, что подразумевает «умение звучать» (Андреев А.) практически любой частью тела. Это метод передачи «возникшей вибрации в определенном месте в голос, что вызывает при правильном исполнении прекращение поющим контроля над музыкальной правильностью пения» (Адамович Г. Э.). Со стороны же «гудение» звучит как мелодия. В звуковом ряде используются в основном общие для многих культур архаичные звуки (например, МА – мать, Макошь, Махаяна, Махатма, Махараджа). В «гудении» применяется брюшной тип дыхания.

Дыхательные практики позволяют входить в определенные психофизические состояния. В славянских психотехниках используются различные виды дыхания:

– Брюшное дыхание – осуществляется при помощи мышц живота: «втягивание» живота способствует выдоху, «выпячивание» живота – вдоху.

– Диафрагменное дыхание – обеспечивается мышцами диафрагмы, которая, сокращаясь, становится плоской, а расслабляясь – куполообразной

– Грудное дыхание – обеспечивается за счет сокращения и расслабления мышц груди, поднятия и опускания ребер грудной клетки.

– Полное дыхание – объединяет все вышеописанные методы дыхания

Важными условиями, необходимыми для вхождения в ИСС, являются: расслабленность, следование за дыханием, регулирование дыхания, легкость тела.

Таким образом, в весьма сжатом виде мы сделали попытку передать всю уникальность, комплексность, целостность славянского обряда. На современном этапе углубленное понимание процессов трансформации и интеграции в славянских практиках могло бы иметь огромные последствия для психотерапии. Введение человека в духовную историю его культуры приводит к соприкосновению с древнейшей сакральной традицией и пониманию непосредственного отношения к этой традиции психики.

Литература:

1. Козлов В.В. Психотехнологии измененных состояний сознания. М.,2001
2. Адамович Г.Э. Тренинг в системе подготовки славянских воинов. – Минск, 2003
3. Андреев А. Очерки русской этнопсихологии. – Спб, 2000
4. Демин В. Н. Русь гиперборейская. – М.,2002
5. Гроф С. Человек перед лицом смерти. – М.,2003

Семенова А. Мы - славяне. – М.,1998

ГЕНДЕРНЫЕ ПРОБЛЕМЫ В ЖЕНСКОЙ ПСИХОТЕРАПЕВТИЧЕСКОЙ ГРУППЕ

Л.В. Бызова (Иркутск)

Гендерные исследования – достаточно новая область научного знания. Они разрабатывались в основном, в философии, социологии, истории, политологии, антропологии, лингвистике и т.д. В психологии эти проблемы пока мало представлены. Термин "гендер" появился в 70-е гг. прошлого века в терминологии западных теоретиков феминизма, происходит от английского слова и буквально означает "род", "пол". В отечественной психологии термин появился в начале 90-х гг. *Гендер* – это сложный социо-культурный

понятийный объект, конструируемый обществом и указывающий на различия в ролях, поведении, ментальных и эмоциональных характеристиках между мужским и женским [2].

Нас интересуют ворсы, как в процессе жизни, в процессе социализации девочки, при взаимодействии физиологии, культуры и бессознательных процессов формируется психология женщины как женщины. При этом перед каждой из женщин встаёт вопрос, каким образом она может в обществе отстаивать интересы своей личности и наиболее конструктивно использовать свои возможности для развития. Наблюдается множество самых разнообразных аспектов, касающихся того, как социальное положение женщины (отличное от мужского) может влиять на её психическое здоровье.

По данным североамериканских исследователей [1] каждая седьмая женщина на протяжении своей жизни хоть раз попадает на лечение в психиатрическое учреждение. В отношении наших женщин тоже можно сказать, что многие из них являются потребителями психотропных препаратов; курение и употребление алкоголя среди женщин продолжает распространяться. Что касается невротических нарушений питания, то женщины в настоящее время ими страдают так часто, что это можно считать эндемией. Психическое здоровье современных женщин оставляет желать лучшего. Причины же их эмоционального неблагополучия разнообразны и, помимо психологических, имеют отношение к комплексу политических, экономических и социальных факторов.

Главными детерминантами гендерных характеристик поведения служат *социальные ожидания, роли и конвенциональные требования половой идентификации поведения* [2]. Отношения женщины с обществом не лишены проблем. В процессе своего воспитания женщины формируют определённые представления о себе и о дозволенном. От этого зависит, смогут ли они воспользоваться предоставленными им в настоящее время новыми возможностями, не испытывая при этом чувства вины и тревоги. В нашем обществе, с элементами обновления и освобождения личности от излишнего государственного давления, мы наблюдаем множество негативных факторов, влияющих на гендерную идентификацию. Женщины делают попытки воспользоваться новыми возможностями для личной самореализации. Хотя неудачные попытки могут вызывать у женщин сложные чувства, использование ими старых форм социального поведения также не приносит им удовлетворения.

В процессе трехлетней работы женского социально-психологического клуба нами замечено, что основной проблемой, мешающей социальной активности женщин является незнание или неосознавание своей гендерной роли и паттернов женского поведения. Этот вывод был сделан на основании наблюдения за поведением членов клуба, по результатам решения психологических задач и проигрывания типичных жизненных ситуаций. Чаще всего наши женщины были склонны проявлять агрессивность, настойчивость, конкурентность, жесткость, авторитарность и независимость, то есть качества, связанные с мужским типом реагирования.

Исходя из этого, нами была подготовлена программа психокоррекционной работы, под названием "К истокам женственности". В группу могли ходить все желающие женщины. Оказалось, что половина участниц были просто подругами, начав работу "за компанию", явились хорошим скрепляющим звеном, хотя и не остались в ней надолго. Остальные

участницы, те кто обратились к психологам за помощью в разное время с разнообразными проблемами, входили и выходили в группу по мере решения психологических проблем. За три года существования группа перешла в статус психотерапевтической. На начальном этапе достижение основной цели возвращения к женственности намечалось через осознание проявления женских форм поведения, наработку умений отличать и сочетать женские и мужские качества. В дальнейшем, на запрос продолжить работу и с приходом новых членов группы, были поставлены психотерапевтические задачи.

Известно, что женщины обращаются к психологам и психотерапевтам, когда страдают, испытывают чувство отчаяния, не могут решить проблем повседневной жизни либо не получают от жизни удовлетворения. Решать эти вопросы, надо было совместно с участницами через широкое изучение историко-культуральных особенностей в целом женского поведения, образно-символическое выражение в мифах, сказках, былинах ролевого поведения мужчин и женщин и проигрывание этих ролей, через формирование индивидуального Я-образа женщины, уточнение её семейно-ролевых особенностей и т.п.

Мы пришли к выводу, что гендерный вопрос звучит для всех женщин одинаково, но понимается индивидуально, по-своему. Как реализовать свой потенциал в обществе, чтобы получить удовлетворение от жизни, от общения в социуме, контактов со своими партнёрами? И решается он индивидуально, когда каждая женщина занимается собственным жизнетворчеством. Весь этот процесс разворачивается в трех слоях окружения личности, которые входят один в другой как матрёшки с личностью в сердцевине. Во-первых, это самый широкий круг – культурный слой жизнеустройства, где живёт и развивается личность. В него входит весь накопленный багаж знаний об отношениях мужчин и женщин, их ролях в обществе, семье, соподчинении и ответственности в воспитании детей и т.д., знания о котором усваиваются ребёнком через сказки, былины, мифы. Второй, социальный слой, содержит весь спектр взаимоотношений полов на момент созревания человека, со всеми положительными сторонами и издержками в гендерной политике общества, идеологии, экономике, воспитании и т.п.

Третий, самый близкий слой к личности, через который в большей степени и происходит трансляция всех накоплений двух предыдущих слоёв, семья. Она может быть полной, неполной, с одним родителем, совсем отсутствовать, оставаться постоянной, изменяться по составу и качеству отношения к ребёнку. Семьи подразделяются на нормальные и аномальные [3]. В "нормальной" семье ответственность за семью, жену, детей несёт мужчина. Как отмечает В.Н.Дружинин, в аномальной семье ответственность за семью, детей (и - мужа) несёт жена или - в редких случаях – старший из детей. Сценарий социализации ребёнка определяется культурой, к которой принадлежит семья, в которой он воспитывается. Классическим вариантом аномальной семьи является российская семья советского периода, результаты которой мы и отмечаем у наших клиенток. Христианская модель семьи предлагает доминирование мужчины, в отличие от языческой, где может доминировать женщина. По последнему типу и продолжают строиться наши семьи, однако, с возложением ответственности за семью в обществе на мужчину. При таком нарушении распределения доминирования и ответственности в семьях ведет к аномалии воспитания детей в семье. Аномалия же в воспитании ведет к аномалии в структуре личности.

При анализе женских историй участниц психотерапевтической группы было выявлено, что 80% женщин воспитывались в неполных семьях (с одной матерью), остальные выросли в конфликтных семьях. В их детском базовом опыте не был заложен опыт конструктивного взаимодействия мужчины и женщины, продуктивного проявления эмоционально-психологической близости между членами семьи.

Слои социализации создают определенную кумулятивную среду, условия разворачивания внутренних потенций и устремлений девочки и затем превращения её в женщину. В свою очередь, изменение внутренних условий должно повлечь за собой изменение внешних условий. В психотерапевтических условиях принятие позиции, что пол не является первопричиной психологических характеристик поведения и социальных ролей, позволяет реконструировать Я-образ и жизненные сценарии, навязанные системой полоролевых представлений, даёт возможность переоценить свои возможности и притязания, определить перспективы жизнетворчества, активизировать личностные ресурсы для выбора субъективных стратегий самореализации

Центральным в гендерной психологии является ответ на вопрос, насколько ребенок в процессе своего развития может осознавать различия между полами, не пытаясь при этом воспринимать представителей другого пола как существ более низкого порядка. В ключе психоаналитической теории это связано с вопросом, каким образом девочка может сформировать свою психическую автономность и уверенность в собственной ценности? В рамках гуманистической психологии это звучит как женская самореализация. Так по представлениям Т.Д.Зинкевич-Евстигнеевой и Е.А.Тихоновой женщина проходит четыре этапа своей реализации, проявляясь в трех ипостасях - эго, инстинкт и душа [4]. Нулевой этап (от рождения до достижения половой зрелости) характеризуется накоплением опыта, впечатлений, знаний о жизни; идёт подражание моделям женского поведения. Собственно женский путь начинается с инициации, посвящения в женщину. Это определенный феномен в жизни женщины, когда она осуществляет переход от стадии девушки к стадии зрелой женщины. Традиционно в обыденном сознании признаком того, что женщина прошла первую инициацию, считается начало сексуальной жизни, замужество, рождение детей – то есть социальная атрибутика. В своей практике мы обнаружили, что наши клиентки, обладая перечисленными признаками, реально не чувствуют себя взрослыми зрелыми женщинами.

Первый этап: "священный брак", поиск духовного партнёрства, - связан с поиском или ожиданием партнёра. Главный объект самореализации – построение взаимоотношений с партнёром. Второй этап: осознание родовой идентичности. Третий этап: социальная самореализация и четвёртый: жизнь в соответствии с природными циклами.

С нашей точки зрения, начало каждого этапа сопровождается своей инициацией. Для реальной инициации недостаточно формальных признаков. Необходима психологическая инициация женщины, то есть не внешний, а внутренний переход из одной стадии в другую. Увы, если в первобытном обществе для этого существовали обряды и ритуалы, оберегающие человека и общество от дезинтеграции, то "единственным процессом инициации, который живет и фактически практикуется сегодня на Западе, является анализ бессознательного, используемый врачом в терапевтических целях" (К.Г.Юнг).

Этим своим наблюдениям мы нашли подтверждение у других исследователей, которые, проводя психотерапевтические сессии, посвященные

психологической инициации женщин, обнаружили, что все они укладываются в определенную схему. Сама схема запечатлена в сказках, а в сказки она пришла из обрядов инициации, существовавших в первобытных обществах. Использование материалов традиционных и психотерапевтических сказок, проигрывание и разбор жизненных ситуаций, применение системной семейной расстановки позволило нам вывести большинство женщин на усвоение мирового и культурного национального опыта взаимоотношений полов, обогатить знанием особенностей женского и мужского ролевого поведения, провести инициации перехода на определенные этапы женской самореализации, пересмотреть жизненные сценарии, сделать переоценку своих притязаний, наметить и уточнить субъективные стратегии самореализации.

Итогом работы явилось повышение качества жизни участниц группы за счет повышения уверенности в себе, осознание предназначения женщины в ориентировании на цель мужчины и в эмоциональной поддержке его, адекватного проявления собственных чувств и их выражения. Улучшились взаимоотношения женщин с мужьями, сексуальными партнерами, детьми, родителями, сослуживцами и начальниками. Появилось осознание правильности линии своего женского поведения.

Литература:

1. Орбах С. Развитие женщины в семье // Психотерапия женщин /Под ред. М.Лоуренс, М.Магуир. – СПб.: Питер, 2003. – С.37-52.
2. Алхимова И.В. Проблема гендера в социальной психологии // Психотехнологии в социальной работе. Выпуск 9 / Сб. под ред. Козлова В.В. – Ярославль: МАПН, ЯрГУ, 2004. – С.49-54.
3. Дружинин В.Н.. Психология семьи. М.: "КСП", 1996. - 160с.
4. Зинкевич-Евстигнеева Т.Д., Тихонова Е.А. Проективная диагностика в сказкотерапии. - СПб.: Речь, 2003. – 208с.

РОЛЬ ДЕЛЬФИНОТЕРАПИИ В ПРЕОДОЛЕНИИ ПОСЛЕДСТВИЙ ТРАВМЫ РОЖДЕНИЯ

С.Д. Дороганич (Москва)

Одной из глубинных причин многих психосоматических и эмоциональных расстройств является родовая травма (травма рождения). Многочисленные исследования глубинной психологии и психотерапии подтверждают, что без доступа и проработки травмы рождения невозможно никакое реальное исцеление. Человеческая психика изначально травмирована мучительным актом рождения. Поведение человека определяется в конечном счете стремлением вернуться в потерянный рай внутриутробного состояния, но это желание блокируется воспоминанием об «ужасе рождения». Страх рождения является прообразом всех последующих ситуаций опасности. Для нормального развития личности требуется преодоление травмы рождения, что и является целью разработанной «Центром кризисных состояний» программы «Осознанное новое рождение».

Для доступа в околородовые (перинатальные) области бессознательного мы используем такие мощные дыхательные техники, как холотропное дыхание по Ст. Грофу, водный ребефинг и некоторые крийи из практики кундалини-йоги.

Во время дыхательной сессии наши пациенты через переживания прорываются сквозь уровень воспоминаний младенчества и детства и доходят

до своего рождения. Они сталкиваются с чрезвычайно сильными чувствами и физическими ощущениями, подчас превосходящими все, что могло ранее происходить с человеком.

Данные, полученные в ходе дыхательных сессий, показывают, что на каждой стадии биологического рождения ребенок переживает особый однотипный набор сильных чувств и физических ощущений. Эти переживания оставляют глубокие бессознательные отпечатки в психике, которые в жизни индивида в последующем будут играть важную роль. Усиленные эмоционально важными младенческими и детскими переживаниями, воспоминания рождения могут оформлять наше восприятие мира, глубоко влиять на повседневное поведение и вносить свою лепту в развитие различных эмоциональных и психосоматических нарушений.

Этот бессознательный материал может всплывать на поверхность и полностью переживаться во время дыхательных сессий. Полное сознательное переживание этого материала дает возможность освободиться от страхов, связанных с рождением, а также от причин многих психосоматических и эмоциональных расстройств, истоки которых лежат в травме рождения.

И в этот момент необходимо смоделировать ситуацию глубокой релаксации, связанной с внутриутробным существованием, непосредственно предшествующем рождению, как образец комфортной и безопасной жизни. Необходимо создать место покоя, к которому человек будет возвращаться в дальнейшем в ходе самостоятельной работы. Т.о., мы создаем у пациента отдельный переживательный образец, связанный с внутриутробным существованием (I Базовая Перинатальная Матрица по Ст. Грофу).

Когда человек переживает события ненарушенного эмбрионального существования, он часто сталкивается с образами обширнейших пространств, не имеющих ни пределов, ни границ, отождествляет себя с галактиками, межзвездным пространством, океаном. Очень часто происходит переживание плавания в океане и общение или даже превращение в дельфинов или китов. Образ китообразных несет в себе колоссальный целительный потенциал. Поэтому общение с дельфинами в морской воде, близкой по составу к околоплодным водам, телесный контакт с гладкой, теплой кожей дельфина, напоминающей на ощупь внутреннюю поверхность матки, состояние релаксации способствуют активизации I Базовой Перинатальной Матрицы (I БПМ). Именно для активизации этого целительного для человека состояния мы используем дельфинотерапию.

Кроме того, дельфины легко вступают в контакт с человеком, они дружелюбны и общительны. Общение с дельфинами, телесный контакт с ними необходим людям с нарушенными отношениями с родителями и другими людьми. Очень часто задержки развития и отклоняющееся поведение у ребенка объясняется недостатком материнской ласки, телесного контакта с ней; непосредственное общение с теплокровным дружелюбным существом во многом восполняет этот дефицит.

Во время сеанса дельфинотерапии используются природные особенности дельфина: сочетание физических данных, высокого интеллекта, способность к эхолокации, потребность в общении, способность к межвидовому общению, использование невербальных средств общения, игровое поведение, а также особое отношение человека к дельфину: он является одним из ярких символов самого первого начала вещей, т.е. он архетипичен. Это порождает сильную положительную установку. На стыке установки и

реального восприятия появляется т.н. «эффект дельфина», выступающий мощным лечебным фактором.

ТЕХНОЛОГИИ СОЦИАЛЬНОЙ РАБОТЫ С ЛЮДЬМИ СУИЦИДАЛЬНОГО ПОВЕДЕНИЯ

Т.В. Дробинина (Ярославль)

Важным фактором, влияющим на динамику суицидального поведения, является его профилактика.

Сложность и многозначность проблем, возникающих перед работниками социальных служб, предполагает серьезный и вдумчивый подход к поиску путей их решения. Множество связей и отношений, существующих в обществе, прямая и опосредованная взаимосвязь происходящих изменений, обусловленных сугубо определенными причинами, требуют в каждом конкретном случае глубокого понимания их природы, характера и сущности, выявление которых и составляет суть социальной диагностики. Эффективность решений любой социальной задачи или проблемы во многом будет зависеть от того, насколько точно была проведена диагностика, в какой степени объективно было оценено состояние социального объекта и насколько верно были выбраны ориентиры, нормативы диагностируемой сферы жизнедеятельности, служащие основой социального исследования и измерения. Принятые на основе социальной диагностики решения и рекомендации реализуются через различные процедуры технологии социальной работы. Одной из таких процедур является социальная профилактика.

«Под профилактикой подразумеваются научно обоснованные и своевременно предпринимаемые действия, направленные на: предотвращение возможных физических, психологических или социально-культурных коллизий у отдельных индивидов и групп риска; сохранение, поддержание и защита нормального уровня жизни и здоровья людей; содействие им в достижении поставленных целей и раскрытие их внутренних потенциалов» (2, стр. 40).

Профилактические мероприятия важны во всех сферах жизнедеятельности людей. Всемирная организация здоровья определила основным направлением охраны здоровья населения профилактическое, призванное искоренять причины возникновения и развития болезней, создавать наиболее благоприятные условия охраны здоровья, воспитания физически и духовно крепких людей. Профилактика является обязательной составляющей повседневной работы не только лечебно-профилактических учреждений, но и всех социальных организаций и учреждений в проведении мероприятий по охране, оздоровлению окружающей среды, соблюдению гигиенических норм и требований, улучшению социально-экономического положения членов общества. Реализация задач профилактики возможна лишь при участии самого населения и широком проведении превентивных мероприятий, в которых наравне с медиками призваны принимать участие и социальные работники.

Методами профилактики предотвращения самоубийств являются постоянные наблюдения за лицами с суицидальными настроениями, наличие телефонов доверия и анонимных психологических консультаций, а в известной ситуации - незамедлительная помощь психиатра. В России сегодня появился ряд суицидологических центров и кабинетов социально-психологической помощи, где люди, оказавшиеся в критической ситуации, могут получить профессиональную помощь.

Исключительно ответственным этапом профилактики самоубийств выступает оказание помощи суициденту со стороны социального работника. Особенно это направление важно в работе с пожилыми и одинокими людьми. На основе проведенного исследования в одной из служб срочной социальной помощи г. Ярославля из 200 пожилых людей двое высказали желание покончить жизнь самоубийством с описанием подробного плана действия, семь человек говорили о желании поскорее умереть. Эти цифры лучше всего говорят о важности социальной работы как фактора динамики суицидального поведения.

Вузы и учреждения, занимающиеся подготовкой специалистов по социальной работе, должны ввести наряду с курсами «Социальная работа с группами риска», «Социальная работа в экстремальных ситуациях», курс «Социальная работа с суицидентами и их окружением». Это связано с тем, что, во-первых, не все суициденты входят в группы риска, во-вторых, не все самоубийцы являются «лицами с патологией», в-третьих, судя по опросу специалистов по социальной работе, тех знаний, которые даются по работе в экстремальной ситуации или с группами риска, не хватает для адекватной помощи суицидентам; и, в-четвертых, в связи с ростом уровня самоубийств в мире.

Социальный работник должен заниматься реабилитацией суицидента не только после того, когда последнему будет оказана первая медицинская помощь («телесная реанимация»). «Специфика организации социальной работы с лицами, склонными к суициду, должна заключатся в проведении мероприятий, способствующих изменению социальной изоляции «пациентов» и уменьшению суицидальных тенденций. Прежде всего, это устранение отрицательных факторов внутрисемейных отношений. Затем необходимо оптимизировать межличностные отношения, подключить к оказанию помощи суицидентам различные учреждения, «общества по интересам», соседей. Но главные усилия социального работника должны быть направлены на выяснение и ликвидацию конфликтной ситуации, которая привела к суициду» (1). Кроме этих мероприятий, социальный работник оказывает содействие в предоставлении клиентам необходимой социальной помощи (материальной, социально-бытовой, социально-психологической). Также социальный работник оказывает социальную помощь близким и родственникам суицидента.

Как уже было сказано, наиболее необходимым направлением является организация социальной работы по профилактике самоубийств, т.к. это сохранит человеческую жизнь, не принесет страданий близким и окружающим. Любовь к жизни, умение преодолевать возникающие трудности необходимо формировать уже с детских лет, например, через мультфильмы, сказки, детскую художественную литературу и др. Таким образом, организация социальной работы по борьбе с самоубийством идет по двум основным направлениям:

- реабилитация и адаптация суицидентов и их окружения;
- профилактика самоубийств

В свою очередь, эти направления подразделяются на более «мелкие», такие как: организация мероприятий по работе с группами риска, пропаганда психологических и правовых знаний, в том числе и введение в школах спецкурса «Преодоление трудностей», проведение суицидологических исследований, взаимодействие со средствами массовой информации, органами власти, с различными национальными и международными организациями и др.

Эти направления в соответствии с меняющимися условиями жизни, с получением новых данных о суициде и приобретением опыта специалистами, необходимо разрабатывать и совершенствовать далее.

Суицидогенные факторы современного социума столь многочисленны и разнообразны, что их невозможно преодолеть лишь усилиями кризисных и превентивных служб, деятельностью только специалистов по социальной работе. Следовательно, задача заключается в том, чтобы ограничить распространение самоубийств, научиться предупреждать их. Задача эта сложная, требующая разработки масштабных социальных программ, т.к. для ее решения нужно добиться кардинальных позитивных сдвигов в общественных отношениях как на микро-, так и на макросоциальных уровнях.

Литература:

1. Гарифулина Э. Специфика организации социальной работы с лицами, склонными к суициду/ www-ic.dcn-asu.ru
2. Суслова В. Социальная диагностика: методы и способы ее осуществления. - М.- 1993. С.40.

РЕАБИЛИТАЦИЯ ЛЮДЕЙ С ПСИХИЧЕСКИМИ ПРОБЛЕМАМИ В ЦЕНТРАХ СОВМЕСТНОГО ПРОЖИВАНИЯ

А.Л.Зусман, С.В.Радионова (Иркутск)

Русская психиатрия 20 века развивалась не только как клиническая, но и как социальная. Основы ее заложены ведущими социальными психиатрами – С.С. Корсаковым, П.П. Кащенко. Уже в 30-е годы была создана широкая многоступенчатая сеть учреждений занимающихся восстановительной терапией, социальным и бытовым устройством психически больных и инвалидов (организация восстановительных и лечебно-трудовых учреждений промежуточных между лечебным учреждением и обычным производством) [Т.В.Зозуля, 2003]. *Внестационарные* формы помощи явились способом решения проблемы реабилитации контингента больных, которые находились вне стен психиатрических больниц. В конце 60-х годов 20 века начали появляться специальные общежития для психически больных, выписанных из стационара (для таких больных общежития становились этапом реасоциализации, подготовкой к жизни в обществе). Однако с 1990г. объем социореабилитационной помощи в отечественной психиатрии резко сократился за счет ухудшения социально-экономических условий.

В последние годы в отечественной психиатрии повысилось внимание к социальным аспектам нервно-психических расстройств в рамках единой системы охраны психического здоровья. За рубежом в ходе развития социореабилитационного направления в психиатрии возникло понятие общественной психиатрии. Под этим термином подразумевается внестационарная помощь, которая включает в себя лечебные учреждения, социальные службы, общественные организации. Этот аспект общественной службы психического здоровья отражает суть психосоциального подхода к работе с лицами, страдающими психическими расстройствами. Главной целью общественной психиатрии является интеграция больного в общество, взаимодействие больного в обществе или сообществах с членами этого общества. Актуальна в настоящее время необходимость реорганизации отечественной системы психиатрической помощи и главной целью реформирования является создание службы психического здоровья, в которой

приоритетным направлением в отношении лиц с нарушением психического здоровья явится развитие социальной поддержки и реабилитации.

Одним из направлений реабилитации психически больных, имеющих неудовлетворительные или утерянные родственные связи, является создание специальных форм защищенного жилья (специализированных отделений – общежитий промежуточного типа, реабилитационных центров, общежитий на «полпути» и так называемых реабилитационных квартир, кемпингов, пансионатов; имеется «Федеральная программа по неотложным мерам совершенствования психиатрической помощи», принято постановление о расширении форм помощи лицам, утратившим социальные связи, и разработан ряд мероприятий, направленных на его реализацию. Однако по данным Т.В.Зозуля в настоящее время в России функционируют всего 64 общежития для психически больных на 4230 мест, в нашей же области подобных форм социальной реабилитации психически больных нет.

Мы, группа заинтересованных психиатров совместно с психологами, хотим в Иркутске создать частное не коммерческое учреждение по восстановлению и социальной реабилитации психически больных. Для этого построить дом в городе Иркутске для опекаемой группы совместного проживания, где бы находились от 5 до 10 человек, нуждающихся в реабилитации. И такой же дом – загородом, для проживания еще 5-10 человек (терапия средой). Кроме того, мы хотим оборудовать мастерские, где наши подопечные будут работать и получать профессиональные и социальные навыки. Два дома дадут возможность менять обстановку и осуществлять эффективный процесс реабилитации, подключая разных специалистов.

Психологическое содержание социальной реабилитации для нас сливается с созданием поддерживающей среды, позволяющей выздоравливающим людям постепенно повышать свои адаптационные возможности через развитие коммуникативных, профессиональных, организаторских, творческих способностей посредством привлечения их к совместному время провождению, труду, общению.

Люди с психическими проблемами нуждаются в эффективной социальной помощи в виде совместного проживания еще и потому, что терапевтическая действенность перемены окружения позволяет исключить влияние семьи как фактор, поддерживающий развитие психического заболевания. Так как в домашних условиях уже сложились патологические связи, и нужны другие условия для создания новых, более эффективных социальных коммуникаций. Эта помощь будет оказываться в группах совместного проживания специально подготовленными людьми.

Актуальность такого подхода очевидна. Мы намерены перенимать полезный и заграничный опыт. За границей таких домов много, например, только в одном катоне (административная единица) в Швейцарии, таких групп более 20. Многие больные и опекуны с энтузиазмом откликнулись на нашу идею. На начальном этапе нашей работы выделены следующие основные программные положения:

1. Ведущая цель - совместное проживание в центре (не более 5 лет для социальной реабилитации, в случае недостаточности 5 лет, предлагаются другие условия).
2. Главной задачей является выявление наклонностей и привитие профессиональных навыков в различных мастерских центра (столярная, слесарная, гончарная, художественная, швейная).

3. Для каждого жильца в Центре совместного проживания и реабилитации (СПиР) будет отведена отдельная комната.
4. В центр планируется привлечь 2-3 специалиста по социальной работе, которые будут осуществлять основное взаимодействие с проживающими. Они будут подотчетны руководству попечительского совета центра.
5. Жильцы будут участвовать в уборке, приготовлении пищи и т.д. под руководством работников центра.
6. В центр будут привлекаться специалисты, как психиатры и психотерапевты, так и врачи различного профиля, в качестве консультантов.
7. Проживание, реабилитация и комплекс лечебных воздействий будет проводиться на договорной основе.

Практическая работа нашей группы строится в тесном контакте и на основе постоянно действующего семинара швейцарских коллег, специалистов, возглавляющих подобные собственные центры в Швейцарии.

ПРОБЛЕМЫ ТРУДОУСТРОЙСТВА МОЛОДЫХ СПЕЦИАЛИСТОВ

Д.В.Козин (Ярославль)

Непростая социально-экономическая ситуация в современной России, все больше и больше негативно сказывается на эмоциональном самочувствии выпускников, особую озабоченность вызывает проблема неопределенности будущих перспектив для молодых специалистов, которая в основном выражается в проблеме удачного/неудачного трудоустройства, низкой возможности самореализации, нехватке материальных ресурсов.

Неоднозначность будущих перспектив карьеры вызывает у молодых специалистов дискомфортное состояние, что в свою очередь приводит как снижению самооценки и появлению фобических состояний связанных с боязнью не самореализоваться как специалист.

Некоторые психологи считают, что молодые люди наряду с хорошим образованием и предприимчивостью, необходимыми для жизненного успеха, отмечают и способности к постоянному саморазвитию и самосовершенствованию в целях успешного существования в динамично изменяющейся социально-экономической реальности, однако даже небольшая неудача на начальном этапе своей карьеры может "сломить" молодого специалиста, и преодолеть состояние "я - неудачник" оказывается совсем непросто. Для того чтобы не происходило подобных ситуаций, на наш взгляд, необходима слаженная система профориентационного и психологического сопровождения, которая бы сопутствовала молодым людям, начиная со школьной скамьи и до выпуска из профессионального учебного заведения.

Нельзя не отметить такой факт, что в настоящее время большая часть выпускников не работает по своей специальности. Основной причиной этого можно считать: пробелы в профориентационой работе, невысокий личностный уровень оценки профессионального потенциала, а также низкий уровень информированности о перспективах своей трудовой деятельности.

Многие считают, что государство должно более активно способствовать профессиональному становлению молодежи. Основными средствами помощи называются следующие: создание дополнительных рабочих мест, расширение форм занятости молодежи; расширение сети профориентационных услуг

(создание служб психологической поддержки и социального консультирования, карьерных центров); создание системы льгот для молодежи, мониторинг рынка труда.

Рынок труда формируется, естественно, под влиянием процессов, происходящих в социально-экономической жизни региона**.** Деятельность различных структур и самих граждан должна быть направлена на повышение конкурентоспособности и активности граждан на рынке труда путем содействия в выборе оптимального вида занятости в соответствии с потребностями, возможностями, интересами человека и учетом социально-экономической ситуации на рынке труда.

Одной из серьезных социальных проблем, связанных ныне с изменениями на рынке труда, является угроза безработицы для молодых специалистов, окончивших вузы, техникумы, училища. Выпускники учебных заведений оказываются одной из самых слабозащищенных в этом отношении категорией населения. С отменой обязательного распределения выпускников, которое гарантировало постоянное рабочее место и необходимый минимум социальных гарантий, молодой специалист стал чуть ли не самым беззащитным перед угрозой безработицы.

Причина высокой безработицы среди молодежи – в ее низкой конкурентоспособности на рынке труда, неподготовленности к новым экономическим отношениям, несоответствии профессиональной подготовки потребностям рынка труда, недостаточной мотивации к труду, в этой связи все чаще поднимается вопрос о профессиональном ресурсе выпускников вузов как составной части личностного ресурса.

По нашему мнению, личностный ресурс – это совокупность теоретических знаний и практических умений в различных областях; а также набор личностных характеристик, способствующих успешной интеграции индивида в социум и общественное производство. Личностный ресурс может повышаться за счет: прохождения производственной практики и активной жизненной позиции индивида. Это понятие необходимо рассматривать во взаимосвязи с такой категорией как соответствующая компетенция - осознание человеком себя как индивида соответствующего по профессиональным и деловым качествам своей группе. На наш взгляд, именно в этих свойствах индивида заключается его успешность в самореализации себя как профессионала.

Экономика города способна трудоустроить только дипломированных специалистов с накопленным личностным потенциалом.

Проблема всестороннего развития личности особенно остра в муниципальных округах, где не так широк выбор мест практики. Всё это приводит к тому, что молодые люди не нашедшие себе приложение у себя на малой родине едут в крупные города, тем самым повышая и без того сложное положение на рынке труда.

Сложность проблемы заключается в том, что в связи с изменениями, произошедшими в общественной жизни и экономике, существенные изменения претерпела и психология людей, особенно молодых, их жизненные ценности, нравственные ориентиры и устремления, утрачена мотивация к труду. Обучить человека какой-либо специальности – задача посильная. Гораздо сложнее подготовить его психологически, настроить на мобилизацию внутреннего ресурса, направленного на производительный труд. Необходима система представляющая собой комплекс социальных мер содействия человеку в

планировании и реализации карьеры, в формировании успешных адаптационных моделей поведения на рынке труда.

Выход из подобной ситуации заключается, прежде всего, во внедрение комплексной программе, которая бы способствовала решению этих проблем.

Такая программа может содержать следующие моменты:

1. Разработка концепции по повышению личностного ресурса выпускников вузов.
2. Разработка методик и программ по психологическому сопровождению образовательного процесса
3. Проведение тренингов личностного роста.
4. Тренинги по коммуникативной культуре
5. Разработка программ, способствующих успешной адаптации молодых специалистов.
6. Уделить больше внимания таким аспектам деятельности как поведение индивида в стрессовых ситуациях, ведение деловых переговоров, устойчивость к внешнему давлению, коснтсруктивное взаимодействие в команде, управление и планирование, правовые аспекты деятельности своей организации.

Важнейшим положением выступает приоритет опоры на внутренний потенциал субъекта, следовательно, на его право самостоятельно совершать выбор и нести за это ответственность. Однако декларация этого права еще не является гарантией. Для осуществления права свободного выбора различных альтернатив развития необходимо научить человека выбирать, помочь ему разобраться в сути проблемной ситуации, выработать план решения и сделать первые шаги.

На государственном уровне можно выделить следующие задачи:

- трудоустройство, в том числе на квотируемые рабочие места;

- проведение трудовой стажировки на предприятиях;

- взаимодействие с органами образования, социальной защиты населения, военкоматами, правоохранительными органами, молодежными, общественными организациями и другими заинтересованными ведомствами в работе по содействию занятости выпускников учебных заведений всех типов;

- разработка и осуществление совместно с органами местного самоуправления и работодателями конкретных мер по созданию условий для развития самозанятости и предпринимательства, содействию в развитии и поддержке малого бизнеса, поддержанию интересов к занятости в личном подсобном хозяйстве, имея в виду молодежь, проживающую в сельской местности;

- профессиональная ориентация и психологическая сопровождение образовательного процесса.

ПРОБЛЕМА ПСИХОЛОГИЧЕСКОГО СОПРОВОЖДЕНИЯ РИГИДНОЙ ЛИЧНОСТИ

В.В.Козлов (Ярославль), В.Н.Выходцева (Москва)

Первый опыт проведения социально–психологической реабилитации в групповой работе с ригидными личностями нами был получен в 1997-м году. В процессе группой работы с ригидными личностями с различными нарушениями (когнитивной, аффективной и мотивационной сферах).

Нарушение когнитивной сферы, тесно связано с нарушениями аффективной (эмоциональной) и мотивационной (поведенческой) сфере. Т.е. восприятие клиента базируется на его мыслительном процессе, который в дальнейшем формирует эмоциональные и поведенческие реакции. Суждения клиента, как правило, основаны на чувстве вины; агрессии; повышенном уровне тревожности; страхе перед осознанием собственного «Я».

Нарушение аффективной сферы, заключается в затруднении отражения и осознания положительных эмоциональных реакций, таких, как радость и интерес. Так как на первый план выходят негативные эмоциональные состояния, такие как разочарование, страх, стыд и т.д.

Нарушения мотивационной сферы, так же тесно связано с нарушениями аффективной сферы. Т.е. поведение клиента обусловлено его эмоциональным реагированием. Таким образом, ригидная личность с нарушением такого характера, испытывает стыд перед признанием беспомощности (при этом, ей сложно, порой не возможно обратиться за помощью), страх перед собственной слабостью в осуществлении какой либо деятельности, страх общения с окружающими, отсутствия желания самореализации, вследствие страха получения отрицательного результата, снижении активности. Часто эти симптомы вызваны получением вторичной выгоды (привлечения дополнительного внимания к своей личности, вследствие «сложных жизненных проблем»).

Главной задачей при работе с различными нарушениями сферы личности, является осуществление помощи клиенту в осознание и отражение своих чувств (особенно негативных). Полученный опыт лег в основу концепции работы с ригидными личностями. Что позволило провести исследовательскую работу в данной области и выявить закономерности. На основе полученных данных, сформировалась модель внутри групповой интеракции, построенная на социально-психологическом сопровождении. С каждым годом, эта модель получала более конкретные очертания. К июню2003 году более 1200 клиентов с недостаточной гибкостью психических процессов, прошли групповые занятия, направленные на социально-психологическую реабилитацию. Социально-психологическая реабилитация включает в себя развитие эмоциональной сферы личности через общее соматическое расслабление и осознания своего «Я», что способствует снижению тревожности.

Главная задача сопровождения, состоит в создании социально-психологических условий для успешного развития и коррекции эмоциональной сферы ригидной личности в ситуации внутригруппового взаимодействия. Развитие эмоциональной сферы предполагает глубокое знание своеобразия личности с недостаточной гибкостью психических процессов. Для этого нами было использовано целенаправленное диагностическое исследование, индивидуальных особенностей личности (тип темперамента, уровень тревожности, уровень агрессивности и недоверия к людям).

Основным содержанием работы с ригидными личностями стал комплекс мероприятий социально-психологической работы, который представляется как неразрывное единство трех основных направлений: психодиагностических мероприятий, психокоррекционных мероприятий, мероприятий по развитию социально-психологической реабилитации ригидной личности. Все клиенты, обратившиеся за помощью, прошли комплексное психодиагностическое исследование, как при обращении, так и при завершении групповой работы. Изменения в количественных показателях выполненных методик и позволили судить об эффективности проводимых мероприятий по развитию эмоциональной сферы ригидной личности.

В основу психодиагностических мероприятий с ригидными личностями легли следующие методики: тест Айзенка, шкала тревожности Тейлора, тест Лири (шкалы агрессивности и недоверия к окружающим) и шкала эмоциональной зрелости Уилокби.

В основу психокоррекционных мероприятий – легли следующие техники: телесно-ориентированная психотерапия, сказка терапия, арттерапия, ауторелаксационные техники, психогимнастика, психологическое консультирование и другие. При реализации выше перечисленных техник был использован основной принцип – учет индивидуально-психологических особенностей каждого члена группы. Одной из самых эффективных техник психологической коррекции ригидной личности стала сказка терапия, которая подкреплялась выше перечисленными техниками. Сказка терапия позволила членам группы, сделать важные шаги по изменению жизненных сценариев и найти внутренние ресурсы для дальнейших изменений. Это была одна из сложных задач в процессе групповой работы. Так как специфика поведения ригидной личности заключается в затруднении принятия нового решения и изменения намеченного сценария. Таким образом, для развивающей работы с ригидными личностями необходимо сформировать каждому члену группы новые представления и стратегии поведения. Не только расширить диапазон этих стратегий, но и сформировать представление об изменении стратегий в результате меняющихся условий окружающей среды.

Практика показала, что проведение мероприятий по социально-психологической реабилитации ригидной личности не должно ограничиваться текущими задачами: восстановить психическое здоровье (снизить уровень тревожности, агрессивности, расширить диапазон эмоциональной сферы). Система мероприятий только тогда может стать целостной и законченной, когда ригидная личность уже в процессе групповой работы получит уверенность в завтрашнем дне, которая может базироваться в возможности дальнейшего без барьерного общения с окружающими. В связи с этим было продуманно групповое время досуга (обеденный перерыв и т.д.) и знакомство с другими группами, через специально приготовленные задания. Планируется дальнейшее расширения диапазона общения клиентов.

Таким образом, целенаправленная и систематическая работа по социально-психологической реабилитации ригидной личности с различными нарушениями личностных сфер, оказывает существенное влияние на динамику развития эмоциональной сферы в процессе групповой работы.

АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ ПСИХОЛОГИИ СОВРЕМЕННОГО МЕНЕДЖЕМЕНТА

Г.М. Мануйлов (С.Петербург)

Кардинальные изменения в современной России затронули буквально все сферы её жизнедеятельности особенно сферу производства и экономики в целом.

В этой связи, переход в управлении от планово-административных методов к рыночным кардинально изменил экономическую, социальную, политическую и психологическую обстановку в стране. Как правило, осуществление радикальных социально-экономических реформ связано с определенной дегуманизацией отношений между людьми, включенными в различные системы управления. Ситуация в России – не исключение. Тем не менее, преодоление возникающих на этом этапе кризисов не возможно без отказа от игнорирования проблем отношения с персоналом, от желания манипулировать кадрами. И все более управление персоналом признается одной из наиболее важных сфер жизни организации, способной многократно повысить ее эффективность, а само понятие *«управление персоналом»* рассматривается в достаточно широком диапазоне: от экономико-статистического до философско-психологического (Т.Ю. Базаров, Б.Л. Еремин, П.В. Малиновский и др.). Это, безусловно, требует существенной перестройки и стратегии, и тактики, и методов управления.

В такой ситуации существенно повышается роль психологии, ибо резко обостряется поиск новых способов решения вопросов управления и руководства человеческими организациями.

Изменение форм собственности, переход на рыночные отношения с иной системой ценообразования, финансовой, кредитной и налоговой жесткостью оказал существенное влияние на психологию субъектов деятельности - менеджеров и исполнителей.

Не случайно, все чаще раздаются призывы к оптимизации социально-психологического климата в каждом конкретном коллективе: такая альтернатива многим представляется единственной возможностью нейтрализации нарушенных экономических отношений. Однако подобные призывы выглядят, скорее, благими пожеланиями: малообоснованными и проблематичными. К сожалению, не только в отечественной психологической науке, но и в самом российском обществе до сих пор не решен принципиальнейший вопрос о том, как добиться, чтобы каждый конкретный член этого общества стал не только объектом, но и субъектом трудовой и общественно-политической деятельности. Не решив этот вопрос, невозможно коренным образом преобразовать общество, сделать его демократическим и гуманным. В последнем ежегодном Послании Президента России Федеральному собранию поставлена задача удвоения ВВП уже в ближайшие годы. Эта задача традиционным менеджментом явно невыполнима.

Как известно, совершенствование производственных, информационных и управленческих технологий, а также глобальная переоценка индивидуальных и общечеловеческих ценностей позволили наиболее близко подойти к решению центральной проблемы человечества: *преодолению противоречия между человеком и организацией*. Сегодня лишь ленивый еще не понял, что сила его организации, прежде всего в человеческом капитале (Т.Ю. Базаров, А.И. Донцов, А.Л. Журавлев).

Именно человеческий фактор, - как полагает А.Л. Свенцицкий, - во многом определяет жизнеспособность той или иной организации. Квалификация персонала, его мотивация, социально-психологический климат, характер руководства – вот лишь некоторые важные составляющие, обеспечивающие эффективность любой организации.

Даже высокий уровень технической оснащенности персонала не поможет ему успешно выполнять свои функции, если в организации не проводится соответствующего психологического отбора и профессиональной подготовки работников, низка их трудовая мотивация, постоянно высок уровень конфликтности во всех подразделениях, а руководитель не может найти общего языка со своими подчиненными.

Очевидно, что, ставя перед собой задачу повышения эффективности организаций, необходимо обязательно учитывать психологические стороны их жизнедеятельности.

Гуманистическая трактовка человека как субъекта не только подтверждает данное положение, но и противостоит тоталитаристскому пониманию его как пассивного существа, отвечающего на внешние воздействия (стимулы) лишь системой реакций, являющегося «винтиком» государственной производственной машины, элементом производительных сил, продуктов (то есть только объектом) развития общества. Иначе говоря, лишь общество влияет на индивида, но не индивид как член общества - на это последнее.

Общество, вообще социум - всемогущая сила, которая путем обучения и воспитания навязывает всем определенные знания, взгляды, идеи и т.д. Такое антигуманистическое понимание человека, ведущее к идеологии и практике тоталитаризма, до сих пор сохраняется - часто неосознанно - во многих распространенных у нас теориях (А.В. Брушлинский, А.Л. Журавлев).

На наш взгляд, подобное положение в обществе и науке будет сохраняться еще немало времени. Повинны в этом обе стороны. И, тем не менее, сегодня от самой науки зависит многое, хотя ссылки на её невостребованность внешне выглядят убедительно. Между тем, невостребованность эта вполне объективна: у той же психологии сегодня совсем не много «рыночного товара», который мог бы служить обществу в целом и каждому из его членов, в частности.

В годы кризисного развития общества закономерным становится интенсификация психологических исследований, рассматривающих частные и глобальные проблемы происходящей трансформации.

Как отмечает А.В. Карпов, это и хотя и правильно, но не точно. Речь в действительности идет не о «буме» управленческих исследований, а о том, теория и психология управления наконец-то и у нас начинают обретать свое истинное – нормальное место – то, которое им по праву принадлежит и в науке и в менеджменте.

Современный менеджмент – феномен междисциплинарный и системный. Его структура сложная и разноуровневая. Вместе с тем, понятие менеджмента до сих пор не определено и чаще всего определяется как система управления (Т.Ю. Базаров, А.А. Деркач, П. Друкер, А.Л. Журавлев, А.Н. Занковский, А.В. Карпов, А.И. Китов, Б.Ф. Ломов, Г.С. Никифоров, В.В. Новиков, Н.Н. Обозов, В.И. Пефтиев, Т. Питерс, А.Л. Свенцицкий, А.И. Субетто, Р. Уотермен, Т. Оучи и др.). В эту систему входит разработка философских, социологических, экономических, правовых, психологических и многих других проблем.

В рассматриваемой ситуации особую значимость приобретают исследования психологии современного менеджмента, т.е. управления человеческой составляющей организаций всех форм государственной и негосударственной собственности. Менеджмент – понятие сложное, фактически до сих пор никем строго не определенное, хотя существует множество различных определений, но чрезвычайно широко распространенное и произвольно толкуемое. Ясно, что это явление не только социально-экономическое, но и психологическое.

Можно со всей ответственностью утверждать, что, несмотря на огромное обилие мировой литературы по менеджменту, буквально каждый современный российский менеджер организации любой формы собственности и любого уровня функционирования: индивидуально-частного, муниципального, областного или федерального, - постоянно нуждается в научно обоснованных рекомендациях при выработке, принятии и реализации своих управленческих решений. Эту, далеко не новую, мысль ученые повторяют довольно часто, и в ее подтверждение называют десятки имен классиков отечественной и зарубежной науки управления, в которой давно и прочно многое ожидается от психологии. Столь же ответственно можно утверждать и то, что никто, нигде и никогда не сможет дать такого универсального совета, который был бы безоговорочно применим во всех конкретных жизненных обстоятельствах. Управленческая деятельность настолько сложна и многообразна, что давным-давно априори бытует постулат: «Управление – это не только наука, но и искусство!». В наше время управление – прежде всего наука. И составляющей этой науки давно является психология.

К сожалению, абсолютное большинство психологических исследований выполняется на специфическом языке описания объекта конкретной науки. Этот язык не позволяет решать многообразные, нередко противоречивые, управленческие задачи, адекватные той реальной ситуации, в которую, чаще всего, неожиданно попадает конкретный объект.

В тесной связи со всем сказанным, перманентно актуальна задача выделения и определения понятий, а потом и создания некоторой системы этих понятий, позволяющих изначально планировать и выполнять конкретное прикладное психологическое исследование под совершенно реальное управленческое задание.

На наш взгляд, названному требованию уже сегодня вполне отвечает такое направление в современном менеджменте, которое определилось трудами Ю.М. Забродина, А.В. Карпова, В.В. Новикова, их соратников и учеников.

В нынешних общественно-политических и экономических условиях возникло противоречие между новыми требованиями, объективно предъявляемыми обществом к управлению (в самом широком смысле) и отсутствием реальных инновационных концепций, моделей, которые помогли бы обеспечить оптимальное развитие названных явлений. Данное противоречие обусловило основную проблему нашего исследования: теоретическое обоснование и апробация принципиально новой парадигмы оптимального управления производственными организациями в условиях кризисного общества.

ПСИХОЛОГИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ КОЛЛЕКТИВА В УСЛОВИЯХ РЫНКА

Г.М. Мануйлов (С.Петербург), В.В. Новиков (Ярославль)

Изменения, произошедшие в России в политической сфере, повлекли за собой изменения в экономической политике государства, появились на свет новые формы хозяйствования, новые организационные структуры. Переход к рыночным отношениям, обусловившим свободные цены, расширение частнособственнических и арендных предприятий как бы уничтожает привычную иерархичность, позволяет решать вопросы на горизонтальном уровне без обязательных согласований с высшими и низшими инстанциями внутри некоей иерархии.

Руководители таких организаций действуют теперь на основе договоров с подчиненными, другими организациями и с потребителями.

При всей сходности и даже однотипности управленческих функций в государственных и негосударственных организациях: стратегическое и оперативное планирование, подбор и расстановка кадров, стимулирование, контроль, организация снабжения и сбыта и т.д., коренные отличия в управленческой деятельности негосударственных (предпринимательских, прежде всего) организаций состоят в самообеспечении заказов, найма рабочей силы, сбыта продукции и т.п. И самое, может быть, существенное заключается в том, что руководитель предпринимательской организации не ограничен в своих действия «сверху», не выполняет «указаний» каких-либо органов. Он ориентируется только на потребителя при соблюдении законодательства страны проживания. На него «сбрасываются» лишь налоговые обложения, а не готовые приказы и распоряжения, которыми, по-прежнему, определяется деятельность руководителя государственного предприятия. Однако такое утверждение верно лишь в абстракции. На деле же, вся сложность состоит в том, что любой предприниматель существует, как уже отмечено, в реальной не только психологической, но и правовой и, главное, экономической ситуации. И нередко все стороны этой ситуации оказываются против него.

Понятие «управление» является весьма широким и изучается различными науками.

Отечественные экономисты, философы, юристы, социологи, психологи (А.Г. Аганбегян, В.Г. Афанасьев, Д.М. Гвишиани, А.И. Китов, Г.Х. Попов, В.Ф. Рубахин, А.В. Филиппов и др.) внесли существенный вклад в разработку теории управления процессами функционирования общества и его народного хозяйства. Они раскрыли комплексный характер управленческой деятельности, включающей такие аспекты как политический, экономический, организационно-технический, административно-правовой, социальный, психологический и др.

Эта аспекты представлены в различных соотношениях на всех основных уровнях управления: общество в целом, отрасль народного хозяйства, регион, основное звено (объединение, предприятие), первичный трудовой коллектив.

Аспекты управления – это, своего рода, абстракции. Большинство практических проблем управления – комплексные. В реальном управлении все признаки, присущие управлению любой организацией, переплетены в разных аспектах, взаимодействуют и взаимовлияют.

Выделение аспектов управления целесообразно только в целях углубленного теоретического анализа проблемы.

В данной работе нами рассматриваются лишь специфические аспекты психологического управления, которые стали изучаться значительно позднее политических, экономических и некоторых других.

В нашей стране было немало интересных публикаций по социально-психологическим проблемам управления. Благодаря исследованиям О.И. Зотовой, А.Л. Журавлева, Е.С. Кузьмина, В.И. Михеева, В.В. Новикова, А.Л. Свенцицкого, А.В. Филиппова и некоторых других ученых, сложилась оригинальная теория социального управления. В ее основу положено три методологических вывода:

1) социальное управление есть важнейший структурный элемент системы экономического управления;

2) необходимое условие социального развития и самоуправления организаций;

3) специфическая управленческая деятельность, т.е., собственно, менеджмент.

Учитывая многогранность, комплексность психологического управления, мы намерены рассматривать те его аспекты, которые в большей степени оказывают влияние на эффективность управленческой деятельности и имеют теоретико-практическое значение.

С точки зрения социальной психологии, управление – понятие, означающее направленное воздействие на систему или отдельные процессы, происходящие в ней, с целью изменения ее состояния или придания ей новых свойств и качеств.

Как мы уже отмечали, имеется несколько уровней управления: от общества в целом до конкретной личности. Для нас нет вопросов: какой уровень взять за основополагающий для рассмотрения психологического управления? Он определен названием данной диссертационной работы – конечно же, уровень производственной организации и той ее составляющей, которую принято называть коллективом.

В любом случае, понятие «коллектив организации» - это люди, составляющие, собственно, лицо и основную «производительную, научную, творческую, спортивную..., словом реальную силу формализованного объединения «людей, машин и технологий» целевого назначения. При этом, словосочетание «коллектив организации», разумеется, употреблен в бытовом, расширительном смысле. На деле же, в той или иной организации он еще может и не сложиться, и его формирование может стать или быть самым болезненным процессом в этой организации.

Коллектив любой организации не складывается сам собой и, тем более, сразу. Группа индивидов на пути становления коллектива непрерывно развивается и в своем развитии проходит ряд этапов. Любая формализованная группа прежде, чем достичь уровня развитого коллектива (согласно концепции Л.И. Уманского), должна пройти несколько стадий: номинальная, ассоциация, кооперация, коллектив. Эту концепцию разделяет и использует в своей практической работе с коллективами разных сфер деятельности автор.

Социальные психологи, чаще всего, рассматривают коллектив как определенную стадию развития организованной контактной группы людей, характеризующуюся специфическими признаками.

Любому руководителю государственной или предпринимательской организации, чтобы эффективно управлять, нужно знать, на какой стадии

развития находится возглавляемый им коллектив. Остановимся коротко на этих стадиях.

1. *Номинальная формальная группа* создана целевой необходимостью. У членов группы нет опыта совместной работы. Органы руководства только что созданы, нет четкого плана работы на перспективу, не ясна неформальная ее структура, не четки контуры формализации. Группа живет ситуациями, определяемыми ближайшей целью.

Предпочтительными способами воздействия на такую группу являются - высокая требовательность, преобладание единоначалия, четкость в формулировке конкретных задач, тщательный контроль за деятельностью группы. Одновременно нужно вести подбор актива.

2. *Группа-ассоциация*. На этой стадии уже известны ближайшие и некоторые отдельные цели деятельности группы. Созданы реальные органы самоуправления. Но группа еще разъединена, каждый добивается цели индивидуально. Преобладают чисто деловые отношения. Предпочтительные способы управляющего воздействия на этой стадии - сочетание требований руководителя с опорой на актив.

3. *Группа-кооперация.* Цели группы разделяются всеми ее членами. Наряду с деловыми отношениями преобладает сотрудничество, взаимопомощь, появляются общие интересы, единое общественное мнение. Группа стремится к сплочению.

Оптимальные способы управленческого воздействия направлены на расширение самоуправления, на актив, на расширение взаимосвязей с другими группами.

4. *Коллектив.* В подлинном коллективе каждый член группы осознает себя частицей целого, общая цель значима для всех. Органы самоуправления авторитетны. Развита взаимопомощь, взаимная требовательность, ответственность, инициатива.

Сегодня возникают новые идеи и критерии развития группы в коллектив. Одну из таких идей высказал психолог Б. Басаров, который сформулировал ее в следующих основных положениях своей докторской диссертации:

1. Истоками структурного строения психической жизни коллектива выступают различные соотношения в ней деятельности и ценностно-ориентационных образований.

2. Каждому такому уровню свойственна своя гармония и относительная самостоятельность развертки актуальных и потенциальных сторон структурной организации.

3. Функциональные пределы актуальной и потенциальной сфер психологических феноменов коллектива варьируют в зависимости от динамики объективно задаваемых в обществе целей и средств, а также субъектно-значимостного изменения в общественном мнении и ценностных ориентациях членов группы...

4. Жизнедеятельность группы, организованная с учетом диалектического соотношения в ней актуальной и потенциальной сфер, предполагает, с одной стороны, относительную адекватность субъективно задаваемой цели деятельности общим возможностям группы, а, с другой - внутригрупповую индивидуализированность этой цели, в соответствии с реальными возможностями каждого члена группы. Все эти положения - есть несомненное продвижение в теории коллектива.

На наш взгляд, коллектив - это специально организованная группа людей, объединенная позитивными задачами деятельности, выходящими за ее рамки, прошедшая в своем становлении определенный путь развития и достигшая высокого уровня отношений взаимной помощи, взаимной требовательности и взаимной ответственности.

В отличие от традиционного, макаренковского взгляда, мы, проработав в различных организациях немало лет, пришли к выводу, что в коллективе вовсе не обязательны отношения руководства и подчинения, структурной иерархии, опосредованной деятельностными отношениями. Например, в творческом, спортивном, научном коллективе! Но выделенные отношения взаимопомощи, взаимной требовательности и ответственности - обязательны.

«В коллективе, - справедливо отмечает А.В. Петровский, - соотношение между эффективностью деятельности и благоприятным характером эмоционально-психологических взаимоотношений... оказалось положительным, в слаборазвитых группах - отрицательным» [Петровский А.В. Психологическая теория групп и коллективов на новом этапе // Вопросы психологии. 1977. № 5. С. 57]. Этот факт он установил экспериментально, работая над концепцией деятельностного опосредования межличностных отношений в коллективе. Сначала он назвал ее стратометрической концепцией интрагрупповой активности в коллективах.

Стратометрия позволяет выделить группы различного уровня развития. Согласно А.В. Петровскому, диффузные группы отличаются от других более высокоразвитых групп отсутствием, прежде всего, опосредованности межличностных отношений при групповой деятельности. Чем выше такие отношения, тем выше уровень развития группы.

А.В. Петровским и его учениками «выделены три критерия оценки группы как коллектива (так называемые ядерные образования в коллективе!):

1) оценка выполнения коллективом основной общественной функции (успешность участия в общественном разделении труда);

2) оценка соответствия группы социальным нормам;

3) оценка способности группы обеспечить каждому ее члену возможности для полноценного гармоничного развития личности» [там же, с. 58].

Все психологические характеристики коллектива оказываются зависимыми от этих ядерных образований. Социально-психологическое является детерминирующим, по отношению к психологическому...

«Выделение вышеуказанных блоков оценки коллективной предметной деятельности, - утверждает А.В. Петровский, - позволяет валидизировать социально-психологические параметры групп разного уровня развития, относя (при достаточно высоких показателях по каждому из трех критериев) группу к коллективам» [там же].

Любой коллектив: творческий, воинский, спортивный, научный и, конечно же, производственный - это сложный социальный организм, обладающий совершенно специфическими свойствами. Об этом же пишет Б.Б. Басаров в своей монографии «Психология деятельностной и ценностной опосредованности жизнедеятельности коллектива [Ашхабад, 1990. 242 с.].

К сожалению, вопросы функционирования крупных коллективов в размере хотя бы среднего предприятия и, тем более, вопросы психологического управления развитием и жизнедеятельностью многотысячных коллективов и прежде изучались не часто, а теперь рассматриваются чрезвычайно редко.

Длительный опыт научных исследований и практической работы в различных организациях убедительно свидетельствует о том, что каждый трудовой коллектив обладает относительно самостоятельной общественной психологией. Психология производственного коллектива - многоплановое образование, представляющее собой определенную совокупность внутриколлективных социально-психологических явлений, дополняющих его идеологию.

Как уже отмечалось, у общественной психологии коллектива нет специального материального «носителя». Доказано, что психология коллектива не может быть ни суммой индивидуальных психологий, ни быть равной индивидуальной психологии. Взаимодействие между общественной и индивидуальной психологиями не только многообразно, но, чаще всего, и спонтанно.

Каждый производственный коллектив - это, как уже отмечалось, сложный живой социальный организм, обладающий многими, только ему присущими свойствами. Он имеет свою биографию, свой стиль деятельности, свои традиции, свои конвенциальные нормы, свою социально-демографическую, профессионально-квалификационную, организационную и психологическую структуры, свой психологический статус, «характер», потребности, социально-психологический климат и т.п., т.е., все то, что составляет его, и только его, общественную психологию.

Разумеется, в общественной психологии конкретного производственного коллектива имеется многое, свойственное психологии всего общества (*общее*). Вместе с тем, в ней достаточно элементов *особенного*, что характеризует психологию довольно большой социальной общности. Но, как уже сказано, здесь наличествует и немало *единичного*, что отмечает психологию только конкретной группы. Психология подлинного коллектива относительно самостоятельна, устойчива и может быть изменена лишь постепенно, в результате противоборства нового со старым, лишь в результате количественных накоплений новых для этой психологии явлений, которые затем породят и новое качество.

И, все-таки, общественная психология любого коллектива развивается и обогащается, прежде всего. самими членами этого коллектива. Всякий раз, изучая конкретный коллектив, мы отмечаем, что индивидуальная психология служит развитию общественной, и наоборот.

Управление социальным развитием любого коллектива обязательно должно использовать механизм взаимодействия единичного, особенного и общего, рассматриваемый широко, на разных уровнях общественной психологии, в различных аспектах жизнедеятельности основных ячеек общества.

Действительно, психология, например, элементарного трудового коллектива (единичное), как правило, имеет существенные отличия от психологии первичного коллектива (особенное) и от психологии вторичного или основного коллектива (общее).

Четкое выявление и измерение названных отличий позволяет успешно использовать их в принятии управленческих решений. Вооружение практических работников знанием этого механизма – действенный инструмент в планировании социального развития, в подборе и расстановке кадров, в оптимизации социально-психологических отношений. Так, всякое позитивное, но единичное психологическое явление может стать в процессе работы с

коллективом особенным и общим. В свою очередь, единичное негативное явление может быть локализовано.

ТЕХНОЛОГИИ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ НОРСКОГО ГЕРОНТОПСИХИАТРИЧЕСКОГО ЦЕНТРА ЯРОСЛАВСКОЙ ОБЛАСТИ ПО РЕАБИЛИТАЦИИ ЛИЦ СТАРШЕЙ ВОЗРАСТНОЙ ГРУППЫ

А.В. Попова (Ярославль)

Проект создания Норского геронтопсихиатрического центра разрабатывался Департаментом социальной защиты населения и труда Администрации Ярославой области с 2003 года. В соответствии с постановлением Администрации № 193 он начнет свою работу с 01.01.2005 г.

Проектом предусматривается следующая структура центра: отделения милосердия, социально-медицинское и социально-психологическое отделения, а также организационно-методический кабинет. Каждая из перечисленных структур будет выполнять ряд предписанных им функций, апробировать и внедрять новые методы и технологии лечения, социально-психологической реабилитации и релаксации.

Основными клиентами центра являются лица старшей возрастной группы (начиная с 75 до 90 лет и старше), имеющие соматические возрастные заболевания с психотическим расстройствами.

Старость- это особый период в жизни человека, в котором или вообще нет планов на будущее, или их круг резко сужается, ограничиваясь желанием удовлетворить только витальные потребности. Этот период жизни характеризуется появлением множества старческих недугов, которые обуславливаются не только, а может быть и не столько наличием соматической патологии, сколько снижением жизненного тонуса, определением будущего пессимистическими оценками, его бесперспективностью. Налицо явное доминирование социально-психологических факторов, усиливающих свое влияние в принципиально новой для данной категории граждан среде обитания.

В процессе старения, как правило, проявляются ярко выраженные особенности психической деятельности, а также ряд психологических феноменов, выступающих как реакции стареющего человека на возрастные изменения или на новую внешнюю среду и ситуации, возникающие в ней в результате воздействия различных психосоциальных факторов.

Решение данной проблемы невозможно без знаний особенностей психологии пожилых людей. К сожалению, психологии именно этого возраста в отечественной науке уделялось незаслуженно мало внимания. Лишь, начиная с конца 90-х годов, в России появился интерес к этой проблематике. 1997 год, к примеру, оказался знаменательным по числу конференций, заседаний и «круглых столов» по проблемам людей старшего поколения. Актуальность этих мероприятий заключается в настоятельной необходимости подробно рассмотреть на фоне новой демографической ситуации роль возрастных изменений психологии, медико-социального обслуживания и процесс социально-психологической адаптации людей позднего возраста в современных социально-экономических условиях.

Несомненно, основу состояния и динамики изменения психологии пожилых людей составляют естественные физиологические процессы старения организма (перестройка вегетативно-эндокринной системы, постепенное наступление климакса и т.д.), что неизбежно вызывает изменения эмоционально-волевой сферы личности. Было отмечено, что относительно эмоционального старения среди ученых не существует единого мнения. С одной стороны, выявлены биохимические сдвиги, располагающиеся по мере старения к более частому проявлению депрессивного и тревожного состояния, а с другой - не обнаружено существенного изменения высших эмоций у людей позднего возраста, хотя и подчеркивается полиформизм их эмоциональной характеристики.

Пожилые люди склонны к негативным эмоциям, в основе которых лежат различные физиологические и социально-экономические факторы. Эти реакции порождают стресс. К тому же, в психике пожилого человека находят свое отражение практически все те физические недуги, которые к этому времени развиваются постепенно, а иногда даже и незаметно. Каждая из соматических нарушений отражается либо прямым, либо косвенным образом в сознании человека. Более четко осознаваемым является комплекс изменений, вызываемых социальными коллизиями. К ним авторы относят такие социальные изменения, как уход на пенсию, проблемы семейных отношений, утрата воспитательных функций, социальных ролей, социального престижа.

Изменения, происходящие на уровне индивида, состоят в том, что у пожилых людей значительно снижаются социальная и биологическая адаптивность, работоспособность, продуктивность деятельность, ухудшается общее самочувствие. Более сложными оказываются изменения на уровне личности, касающиеся системы отношений к самому себе, окружающим людям, к миру в целом. При этом соблюдается существенное снижение самооценки, неудовлетворенность собой, неуверенность в силах, обостряется чувство беспомощности, происходит снижение интересов.

Психосоматическое состояние лиц старшей возрастной группы объективно требует особых методов и технологий работы с ними со стороны персонала геронтопсихиатрического центра (врачей, медицинских сестер, социальных работников, психологов и младшего обслуживающего персонала).

В этих условиях принципиальное значение имеет уровень квалификации сотрудников данного учреждения и персонализационный фактор, включающий в себя гуманистическую составляющую (эмпатию, душевность, лояльность, доброту, неконфликтность, коммуникабельность и т.д.).

Несомненную роль в работе с лицами старшей возрастной группы играет степень информированности персонала центра о новых социальных технологиях, применяемых в геронтологических учреждениях как в России, так и за рубежом.

Учитывая инновационность созданной структуры для Ярославской области, ее социальную значимость и роль в жизнедеятельности лиц старшей возрастной группы, изучение, освоение и регулярное внедрение методов и технологий является постоянной составляющей деятельности геронтопсихиатрического центра Ярославской области.

ПСИХОЛОГИЧЕСКИЕ ПРОБЛЕМЫ ОБРАЗОВАНИЯ ВЗРОСЛЫХ

Д.А.Прохорова (Казань)

Изменения в обществе и в социально-экономических условиях жизнедеятельности приводят к необходимости внедрения на предприятия новых инновационных технологий. Часто эти нововведения не воспринимаются адекватно сотрудниками предприятия, так как им приходится вновь осваивать новые для них профессии, проходить переквалификацию, иначе есть риск быть пониженным в должности или, в худшем варианте, быть уволенным с рабочего места.

Было замечено, что за студенческие парты в основном садятся люди, наиболее ориентированные в рыночной экономики, достигшие высокого социального статуса и имеющие соответственно высокий уровень материального обеспечения. Это и «первые лица» банков, крупных коммерческих фирм, государственных предприятий, и представители властных структур и т.п., т.е. это руководители, от которых практически полностью зависят инновационные процессы. Их потребность в продолжении образования обусловлена часто нехваткой современных конкретных знаний для принятия безошибочных решений, грамотного управления людьми.

Таким образом, все большую распространенность и актуальность в повседневной жизни приобретает проблема образования взрослых, особенно ее психологические аспекты. Требования к профессиональности человека увеличиваются с каждым днем, тем не менее, содержание системы образования несколько не соответствует этим прогрессивным движением производства, как и сами взрослые часто оказываются «не готовыми» вновь обучаться и переобучаться. Многие внешние и внутренние факторы выступают в качестве помех, стоящих на пути непрерывного образования взрослого человека. Одна из них – социально-психологические барьеры.

Суть непрерывного образования сводится к постоянному развитию профессионала, вызванного стремлением соответствовать требованиям современного производства. Высококвалифицированные сотрудники являются важнейшим капиталом компании, и без их профессионализма даже самая совершенная техника теряет смысл.

Важной особенностью обучения взрослых, включенных в систему дополнительного профессионального образования, либо проходящих переподготовку по новой для них специальности, является то, что у них уже имеется определенный багаж профессионального опыта, взглядов и установок. Часто овладение новой специальностью означает не просто расширение, а изменение, трансформацию привычной картины мира и переосмысление своего места в нем, что может привести к когнитивному диссонансу и, как следствие, психологическому дискомфорту и неприятию нового.

Поступающая из внешней и внутренней среды информация, прослеживается системой ценностей и барьеров человека. Эти барьеры препятствывают освоению новых знаний, создавая своего рода фильтр, через который бывает сложно воспринять новые и оригинальные идеи.

В психологической науке «барьер» большинство авторов понимают и определяют как мотив, препятствующий выполнению определенной деятельности или действий, в частности, общению с определенным человеком или группой людей. Другие ученые определяют «психологический барьер» как психическое состояние, проявляющейся как неадекватная пассивность, препятствующая выполнению тех или иных действий. Некоторые авторы

понимают под психологическим барьером субъективное переживание трудностей в деятельности человека.

Психологический барьер – наиболее частая причина внутренних конфликтов.

Новая «учебная» ситуация, как и любое нововведение, порождает напряжение в субъекте, при этом человек стремиться спрятать несовместимые с установками среды переживания, что может привести к глубинному конфликту с самим собой.

Положительная функция психологического барьера – защитная – проявляется в следующем. Каждый человек из совокупности внешней информации выбирает только ту, которая может быть усвоена, не разрушая и не внося существенного разлада в его душевную жизнь. Противоречащая информация не воспринимается субъектом, в противном случае будет страдать образ «Я» и самооценка. Однако, если рассматривать учебный процесс взрослого человека, данная функция барьера может стать серьезной помехой. Возникает проблема ослабления внутреннего барьера, препятствующему творческому процессу и обучению вообще.

Стратегия построения новой деятельности, в данном случае учебной, как содержание поведенческого компонента профессиональной «Я-концепции», представляет собой специфическую систему действий, предназначенных для адаптации человека в новых для него условиях, и, соответственно, обуславливает появление новой роли, новой социальной функции личности взрослого. Известно, что «Я» включает в себя социальную идентичность, которая состоит из социальных ролей, принадлежности к различным группам и т.д. Социальная роль раскрывает механизм усвоения человеком социального опыта, переход обуславливает вхождение в новые социальные позиции. Иными словами, чем быстрее взрослый овладеет новой для него социальной ролью, тем успешнее будет усвоение научных дисциплин. К тому же, доминирующая роль у взрослого в учебном процессе должна быть «Я-обучаемый», а не «Я-менеджер», «Я-специалист», «Я-руководитель» и т.д. Возникающее в подобной ситуации противоречие в «Я-концепции» взрослого, между позициями «Я-обучаемый» и, скажем, «Я-руководитель» может отразиться на самооценке человека.

Чем быстрее руководитель овладеет новой для него социальной ролью «Я-студент», тем успешнее будет усвоение социального опыта, научной дисциплины. Известно, что роль – это соответствующая принятым нормам способ поведения человека в зависимости от его статуса или позиции в обществе, то не полное принятие роли может привести к неадекватному поведению, или же к образованию личностного барьера.

Сам педагогический процесс должен протекать как процесс сотрудничества, а не воспитания в случае учения детей, с позиции «взрослый-взрослый» или «обучающий-обучаемый».

Как уже неоднократно отмечалось, взрослый человек приходит на курсы повышения квалификации, имея за спиной немалый профессиональный опыт, установки и стереотипы. Они, профессиональные стереотипы человека, могут препятствовать освоению новых профессиональных знаний и осложнять процесс профессионализации, создавая своего рода фильтр, через которые бывает сложно воспринять действительно новые и оригинальные идеи. По своей сути это не что иное, как «кризис профессиональной идентичности»,

который отражается на отношении учащегося к процессу переподготовки и к своему будущему «Я».

Непринятие стереотипизированной роли обучающего взрослым человеком будет сопряжено с образованием социально-психологического барьера. В другом случае, если субъект, взрослый человек со своей системой ценностей и установок, пассивно приспосабливается к новой ситуации, действуя шаблонно, будет стремиться спрятать несовместимые с установками среды переживания, то растет вероятность образования более глубокого внутреннего конфликта.

Стереотип, как затвердившийся отпечаток прошлых подходов, стоит на пути новых идей. Любой стереотип, будучи истинном в одном случае, в другом может оказаться ложным и меньше отвечающим действительности.

Часто установки носят негативный характер. Под установкой понимается готовность взрослого действовать определенным образом по отношению к той или иной ситуации, в нашем случае, в процессе обучения. Негативизм установки обусловлен стрессогенностью условий, прошлым неудачным опытом, сложившимся негативизмом как чертой характера.

Решить проблему между негативных установок, затвердившихся стереотипов, с одной стороны, и новой учебной ситуацией, ролью и социальной функции с другой, и как следствие, возникающих социально-психологических барьеров, можно за счет ослабления последних.

Под «социально-психологическим барьером» мы понимаем системное образование, находящийся в зависимости от специфики деятельности, определенной целями существования организации и типом организационной культуры, в рамках которой реализуются эти цели; а также находящийся в зависимости от ценностно-мотивационной структуры личности.

Как отмечает М.Г.Рогов (2003), основная проблема, с которой сталкиваются преподаватели на курсах повышения квалификации – это проблема мотивации.

Большое значение имеет собственно мотивация, связанная с осознанием значимости собственного развития и стремлением добиться успеха в деятельности. В случае достижения более высоких уровней в профессиональной деятельности и успеха в ней у человека усиливается его общая мотивация, происходит творческое развитие себя как личности средствами профессии. Как отмечает Ю.В.Филиппова (2004), именно уровень развития внутренней мотивации и определяет стремление человека к самосовершенствованию через получение дополнительного образования. К тому же профессиональная переподготовка взрослых выполняет не только социальную и образовательную функцию, но и функцию психологической защиты.

Таким образом, если ситуация, по предположению взрослого, включенного в образовательный процесс, будет удовлетворять его ведущие потребности, и не будет противоречить основным личностным ценностям, то и проблема психологического барьера будет решена.

ИСПОЛЬЗОВАНИЕ МЕТАФОР В ДИАГНОСТИКЕ ПСИХИЧЕСКИХ РАССТРОЙСТВ У ВОЕННОСЛУЖАЩИХ

С.В. Радионова, О.П. Фролова (Иркутск)

Изучая контингент военнослужащих срочной службы в процессе обследования, лечения, освидетельствования, проведения судебно-психиатрической экспертизы в условиях гарнизонного госпиталя и судебно-медицинской лаборатории (в том числе лиц находящихся под следствием в связи с самовольным оставлением части - СОЧ), целесообразно выделить нескольких блоков индивидуально-личностных, поведенческих характеристик, обусловленных личным отношением к военной службе молодых людей и определяемых при сборе анамнестических сведений. На наш взгляд, выявленные личностно обоснованные отношения и установки к военной службе имеют латентную связь с диагностируемой впоследствии психопатологией и, соответственно, прогностичны в отношении определения категории годности к военной службе.

Уже на этапе доврачебной и неспециализированной врачебной помощи (в медицинских пунктах воинских частей) подобные особенности можно обнаружить и обозначить. Для этого мы предлагаем использовать несколько понятных и удобных для запоминания культурально обусловленных метафор, имён персонажей сказок, мультфильмов, несущих в себе психологическое содержание.

1. Так наиболее часто встречающийся синдром «Привычных уходов» можно обозначить через комплекс психологических характеристик сказочного **«Колобка»**. Синдром может сформироваться как при смене военнослужащим 3-х и более воинских частей при служебных переводах, так и в связи с неоднократными СОЧ или самовольными отлучками.

Клиническая картина психического состояния таких лиц представлена аффективными и поведенческими нарушениями в форме ситуационных реакций дезадаптации, личностных расстройств. Можно выделить основные варианты течения синдрома "Колобка" в соответствии с типичными объяснениями военнослужащими причин своего поведения:

- «Не хочу (служить)», как комплекс психологических характеристик персонажа мультфильма «**Нехочуха**»;

- «Не знаю (почему совершил СОЧ)», психологический портрет персонажа «**Незнайка**» из произведений Е.Носова, часто проявляется у тех, кто был отправлен в отпуск и не вернулся в часть или проходил службу вблизи от дома.

2. Синдром **«Спасителя»** в основном встречается в рамках расстройств невротического регистра, может свидетельствовать о выраженной астенизации, аутизации, часто включает в себя наличие демонстративных и истинных суицидальных попыток с целью привлечения внимания к своему состоянию. Варианты течения синдрома связаны с субъективной оценкой военнослужащего "Не могу (служить)" по ряду "объективных причин", требующих от него реализации "миссии спасения":

- «**Спаситель других**» (матери, девушки, семьи в целом). В подобном случае депрессивные расстройства могут быть обусловлены возникновением чувства вины, в связи с невозможностью исполнения своего долга по отношению к близким и компенсаторным страстным желанием оказать любую помощь, пусть даже ценой «смерти» самого «помощника».

- **«Спаситель себя»**. В рамках данного симптомокомплекса возможно проявление а) ипохондрических симптомов, сформировавшихся до призыва на военную службу (в виде адаптационных расстройств) или в результате возникновения синдрома госпитализма (при длительном или частом стационарном лечении); б) чувства вины перед сослуживцами, что они выполняли за служащего в период его отсутствия воинские обязанности, и страха наказания за это; в) симулятивных расстройств (энурез, афония, сверхценные идеи, неадекватное поведение установочного характера), принимающих гротескные формы. Страх собственной смерти, страх потери себя в результате нарушения самоидентификации – ведущее чувство, сопровождающее синдром.

3. Синдром «Правильной службы» представлен психологическим комплексом персонажа «**Знайка**» из произведений Е.Носова. Характеризуется тем, что военнослужащий лучше других представляет, как необходимо «правильно выполнять обязанности военной службы». Знает, что именно ему и обязательно надо служить в местах боевых действий; может знать, что он сделает со своими обидчиками после службы и т.д. Часто диагностируется при ранних проявлениях эндогенных заболеваний и транзиторных расстройств у эпилептоидов.

Данные характеристики понятны для военнослужащих, не имеющих не только психиатрического, но и медицинского образования, что позволяет им вовремя обратиться к специалистам с целью профилактики нарушений адаптации, ранней первичной диагностики психических расстройств, проведения психокоррекционных мероприятий, предотвращения случаев суицидального поведения у военнослужащих срочной службы.

ВЛИЯНИЕ ТЕМПО-РИТМИЧЕСКОЙ СТРУКТУРЫ МУЗЫКИ НА ПСИХОФИЗИОЛОГИЧЕСКОЕ СОСТОЯНИЕ ЧЕЛОВЕКА

Ю. Рыжов (Москва)

Музыкальная культура в своем глубинном значении давно вышла за пределы круга любителей музыки в современном мире. Широкое использование музыки в целях воздействия на состояние человека сейчас приняло почти тотальный характер. Свойство музыки влиять на состояние человека применяется сейчас в терапевтических сеансах, рекламе, кино и т.д. Недостаточно глубоко изученное современной психологической наукой направление музыкотерапии и музыкосуггестии приносит, в том числе, неожиданные результаты использования музыки для воздействия на состояние сознания, особенно в массовом масштабе. Отсутствие рекомендаций, обоснованных научными исследованиями, позволяет выбирать новоявленным музыкальным «Кашпировским» и «Чумакам» дилетантский подход, при котором позиционируется авторитарность, подразумевающая, что любой продукт деятельности этой личности имеет обозначенное свойство, не зависимо от соблюдения технологии производства. Что выхолащивает саму идею правильного использования музыки в процессах позитивирования, терапии, реабилитации и профилактики стрессовых, депрессивных и патологических тенденций психики.

В настоящий момент изучение влияния музыки как отдельное направление выделено в «музыкотерапию». Здесь исследуется связь изменений течения болезни с музыкой, применявшейся в период лечения. При этом акцент

ставится не столько на музыке, как «сложной многоуровневой матрице» (Ю. Рыжов), а на вибрациях звуковых колебаний. Часто выделяется именно звуковые колебания с указанием числовых значений звуковых частот, которые резонируют с определенным участком мозга. Например, «низкий бета-ритм частотой 15 Гц интенсифицирует нормальное состояние бодрствующего сознания. Высокий бета- ритм частотой 30 Гц вызывает состояние, сходное с тем, которое возникает после употребления кокаина. Альфа-ритм частотой 10,5 Гц вызывает состояние глубокой релаксации. По ряду предварительных данных в этом состоянии мозг производит большое количество нейро-нептидов, повышающих иммунитет. Тета-ритм частотой 7,5 Гц способствует возникновению состояния, характерного для глубокой медитации. При низком тета-ритме частотой 4 Гц возникает иногда переживание, получившее в литературе название "путешествие вне тела". При частотах ниже 4 Гц возникает сильное стремление заснуть, трудность сохранения бодрствующего сознания» (А. Гончаров, 2003).

Практически все разработки в области музыкального воздействия осуществляются медиками или, в лучшем случае, психологами. Но почти каждая работа содержит ссылки на результаты аппаратных исследований, где измеряется влияние отдельных звуковых частот или их совокупности, которая не является музыкой по определению. В словаре Даля «МУЗЫКА – это искусство стройного и согласного сочетания звуков, как последовательных (мелодия, напев, голос), так и совместных (гармония, соглас, созвучие), равно искусство это в действии».

Отсюда название направления как «музыкотерапия» является поспешным и необоснованным, хотя многие терапевты применяют на своих сеансах лечения и реабилитации именно музыку в классической формулировке, но предпочитают говорить о положительном влиянии звуков скрипки или органа.

На наш взгляд, влияние музыки на состояние человека необходимо изучать с учетом всех аспектов музыкальной структуры. В структуре музыкального произведения мы можем выделить следующее:

Телесно-двигательный аспект
Эмоционально-динамический аспект
Рефлексивно-медитативный аспект
Суггестивно-трансовый аспект

Все аспекты имеют прямое отношение с компонентами внутренней структуры музыки. Компонентно-структуральный анализ музыки дает возможность выделить темпо-ритмическую, гармоническую и мелодическую структуру, которые в свою очередь также имеют свойства подчеркивать нюансы изменений психофизического состояния. Это позволяет нам наблюдать изменения в психофизическом состоянии человека на протяжении звучания всего музыкального произведения. Воздействие музыкой мы рассматриваем в данном случае только как связь музыкального звучания с психофизической реакцией человека.

Телесно-двигательный аспект влияния музыки самый древний по хронологии возникновения элементов музыкальной структуры. Это обусловлено простотой воспроизведения замысла – достаточно постучать палкой по выгнившему изнутри бревну, и уже возможен темпо-ритмический

рисунок. Древний человек сделал такое открытие и использовал результаты для сопровождения ритуалов посвящения в воины, подготовки к охоте, которые подразумевали активное включение в себя телесно-двигательного компонента.

Мы связываем его с темпо-ритмической компонентой музыкального произведения. В теории музыки темп - это скорость исполнения музыкального произведения. То есть одно и то же произведение можно исполнять в разном темпе. Здесь изменение состояния зависит от скорости восприятия музыки конкретным человеком. По нашему мнению, несовпадение скорости воспроизведения музыки с замыслом автора снимает значительную часть влияния музыкального произведения. Например, если «Лунную сонату» Бетховена проиграть в танцевальном темпе, то она уже потеряет свою романтичность и глубину, которая несколько столетий погружает слушателя в особое состояние сознания. Значит, очень важно накладывать все структуры музыки на соответствующий, правильный темп. Выбор темпа должен быть обусловлен целями автора. Темп марша, примерно 90 - 100 ударов в минуту. Естественной телесной реакцией в экспериментальных группах, на концертах при звучании марша была произвольная имитация марширования «на месте». Но, если в случае с концертом у слушателей мог «сработать» стереотип восприятия музыки, то нужно сказать, что вообще-то марш создавался именно с целью вызвать такую реакцию у тех, кто слышал его. Естественно возникнув из традиции коллективного марширования, марш пробуждает это желание совершенно естественно. Более тонкую организацию двигательной активности создают в музыке ритмические рисунки. Ритмом называется соотношение длительностей звуков в их последовательности. Объединяясь в определенных последовательностях, длительности звуков образуют ритмические группы (фигуры) из которых складывается ритмический рисунок.

Темпо-ритм создает свое особое поле влияния на психотелесные реакции человека. Самой распространенной реакцией человека в поле темпо-ритмической музыкальной структуры является танец. На молодежных дискотеках многие танцевальные композиции начинаются со звуков ударников(барабанов), что сразу же обозначает темп, на который постепенно накладывается ритмический рисунок. Молодежь начинает танец сразу же, ведь для их танца не нужно больше ничего, эмоционально-двигаельный «выброс» произойдет даже, если барабаны будут звучать в одиночестве на протяжении всей композиции без гармоническо-мелодической поддержки. Впрочем, африканские племена и сохранившиеся племена северных народностей, а также индусы, в своих знаменитых рагах, успешно используют свойства разнообразных темпо-ритмических сочетаний, исполненных исключительно на барабанах.

Барабанный бой – лучшая иллюстрация прямой связи состояния человека с темпо-ритмической структурой музыки. В ходе экспериментов, которые были проведены нами в группах добровольцев (30 – 120 чел.), было сделано открытие, что монофоническое звучание барабана, в виде отбивания простого ритма способно пробудить телесно-двигательный аспект реакции человека(заставить танцевать тело – «тело в пляс пустилось»), когда темп достигает или превышает скорость биения сердца (130-140 ударов в минуту). При этом медленный темп, который в 2 – 3 раза медленнее сердечного, способен ввести человека в состояние транса. Этим свойством пользуются шаманы для введения в подобные состояния людей, участвующих в шаманских ритуалах.

Одним из основных элементов холотропной сессии является побуждающая музыка (В. Козлов). Сессии, проведенные под музыку барабанов, проходили преимущественно с повышенной двигательной активностью. Даже те из «холонавтов», кто был пассивен в своих телесных проявлениях, рассказывали, что они представлялись себе шаманами или индийскими божествами (в зависимости от звучащей музыки). Но они не позволяли себе телесно включаться в воспроизводимый в сознании танец из-за разного рода внутренних запретов, которые на тот момент не были еще достаточно проработаны. То есть степень внутренней раскрепощенности предопределяет соотношение внутренних(эмоционально-образных) и внешних(активных двигательных) реакций на звучание барабанов в зажигательных ритмах.

Темпо-ритмическая структура музыки может употребляться как способ диагностики эмоциональной закрепощенности и запретов, связанных с телом. Нами замечено, что человек, позволяющий своему телу соответственно реагировать на танцевальные ритмы, имеет меньше запретов, связанных с телом. Так сказать, вокруг его тела меньше морали. Но, если человек не позволяет себе включиться в звучащий ритм, то постепенно, оставаясь в зоне воздействия ритма(звучания музыки), его проблемные зоны(зоны контроля) дают о себе знать. Например, если импульс, запущенный танцевальным ритмом, не проходит в тело из-за эмоциональной подавленности, то человек очень скоро начинает раздражаться, поскольку возрастает напряжение именно в зоне его защиты. То есть потоки импульсов, направленных к телу должны блокироваться привычным способом, тратя на это больше ресурсов, чем обычно из-за увеличения интенсивности импульсов.

Особенности влияния музыкальной темпо-ритмики помогает быстрее погрузиться в измененные состояния сознания. Темп, поддерживаемый только звучанием барабанов, с наложением часто повторяющихся ритмических рисунков не нуждается в подробной эмоционально-ментальной обработке. Эту информацию сможет «обработать» и тело. Эмоциональность и мышление освобождаются от участия в процессе реагирования, отдавая приоритеты телу. Если реакции тела совпадают с темпо-ритмическим звучанием, то тело «завоевывает» доверие и не требует дополнительного контроля. Смещение акцента в этом случае уже не является обычным явлением, и сознание оказывается в измененном состоянии, что можно определить по изменению мимики и движений тела. Особенно это касается экстремальных темпо-ритмических сочетаний. Не зря, так называемая «кислотная» молодежь, увлекающаяся употребляющая наркотики, предпочитает дискотеки в стиле «Хаус», «Транс» и «рэйв», где темп танцевальных композиций достигает 170-180 ударов в минуту, а звук ударных инструментов всегда звучит на переднем плане и громче, чем любые другие звуковые сочетания.

В одной из телепередач о глухонемых инвалидах был сюжет о танцовщицах, которые не могли слышать музыку, но ориентировались на вибрацию пола, которую создавало громкое звучание барабанов. Их танец ничем не отличался от танцев их здоровых коллег, хотя строился только лишь на темпо-ритмической структуре музыки, под которую они танцевали.

Дальнейшие исследования в этой области, мы уверены, дадут дополнительные сведения и позволят еще подробнее разобраться в вопросах влияния музыки на состояние человека в целом и выделить аспекты, наиболее эффективно погружающие сознание в нужные состояния.

ОЦЕНКА ПЕРСОНАЛА ОРГАНИЗАЦИИ С ИСПОЛЬЗОВАНИЕМ КОМПЕТЕНЦИЙ

Ю. Сергеев (Москва)

Существуют разные виды оценок персонала в коммерческих компаниях. Наиболее распространенной является Итоговая оценка, которая обычно проводится по окончании отчетного периода (полугодия, года). Итоговая оценка позволяет провести сравнение, что и как каждый сотрудник выполнил по сравнению с утвержденным ранее планом. При определенной организации процесса (включение дополнительных вопросов в анкеты и интервью и т.п.), такой вид оценки позволяет получить определенную дополнительную информацию, например:

- как оценивают коллеги коммуникативные навыки сотрудника,
- как сам сотрудник видит свой потенциал и перспективы карьерного роста,
- как оценивает руководитель возможности сотрудника с точки зрения его продвижения по служебной лестнице,
- чему и кого нужно учить,
- как лучше организовать систему мотивации и многое другое.

Однако подобный вид оценки не может быть использован при подборе новых сотрудников и может быть использован только частично при формировании кадрового резерва, продвижении и ротации персонала. В этом случае приходит на помощь метод, который позволяет оценить компетенции сотрудников.

Что же такое «компетенция»? Существует много определений компетенций. Приведу, на мой взгляд, самое простое и в то же время самое емкое определение. Компетенция – это устойчивая форма поведения (совокупность или группа поведенческих реакций) сотрудника, которая позволяет достичь результата в профессиональной деятельности.

Компетенция имеет следующие три обязательные особенности:

Компетенция - некая базовая характеристика индивида, стабильно проявляющаяся его в профессиональной деятельности

Компетенция однозначно влияет на эффективное выполнение профессиональной деятельности

Компетенция можно наблюдать и оценивать, в том числе и количественно, как в профессиональной деятельности, так и в искусственно смоделированных ситуациях

В понятие «компетенция» включаются способности, интересы, побуждения, черты характера, самооценка, ценности и другие характеристики, которые проявляются в профессиональной деятельности сотрудника. Т.е. это совокупность индивидуальных качеств, которые существенным образом отличаются в лучших, обычных и плохих работниках. Эти качества описываются в поведенческих паттернах и могут быть измерены количественно.

Считается, что термин «компетенция» впервые появился в статье Девида МакКлеланда «Тестирование: компетенции против интеллекта». В этой статье МакКлеланд утверждал, что обычно используемые личностные тесты и тесты IQ плохо справляются с задачами прогнозирования успешности человека в профессиональной деятельности. МакКлеланд изучал характерные особенности людей в двух выборках сотрудников, выполняющих одну и ту же работу: В

первую группу он включал однозначно успешных и выдающихся, во вторую – средних и плохо справляющихся со своими обязанностями. Дальнейшие исследования в этой области привели к формулированию понятия «компетенции» и к написанию стандартных методик их разработки и измерения. В результате в 80-х годах появился новый конструкт – «компетенция».

Компетенция - это интегральное понятие. Наличие одной и той же компетенции у разных людей может быть обусловлено различными психологическими конструктами. Компетенция – это понятие поведенческое, а не внутренне-психологическое.

Если в организациях возникает необходимость провести оценку компетенций сотрудников, то можно пойти двумя путями:

1. Пригласить консалтинговую компанию, специализирующуюся на ассессменте сотрудников.

Преимущества: специалисты ассессмент центра более профессиональны, плюс они являются сторонними представителями и не имеют сформировавшегося мнения о ком-либо из оцениваемых сотрудников.

Недостатки: занимает много времени (специалисты ассессмент центра должны изучить большой объем информации, касающейся структуры компании, взаимодействия сотрудников, особенностей корпоративной культуры и т.п.) и это очень дорогая процедура.

2. Провести оценку компетенций сотрудников собственными силами (эту работу обычно выполняют специалисты Службы по работе с персоналом с привлечением внутренних экспертов).

Преимущества: специалисты Службы по работе с персоналом находятся «в материале»: хорошо знают цели и задачи оценки, структуру компании и т.п., т.е. такая процедура будет однозначно проведена быстрее и стоить много дешевле.

Недостатки: специалисты Службы по работе с персоналом нуждаются в специальном обучении, они имеют более низкую квалификацию, чем специалисты ассессмент центра, плюс они могут иметь уже сложившееся мнение о том или ином сотруднике, что будет влиять на результаты оценки.

Однако сама процедура оценки по компетенциям имеет стандартные этапы и практически не зависит от того, кем оценка проводится внешними или внутренними специалистами.

Рассмотрим вариант, когда оценка производится силами специалистов, работающих в самой компании.

Сотрудника занимающего определенную должность, чьи компетенции оцениваются, обычно называют «Держатель позиции» (далее по тексту «ДП»).

Стандартная процедура оценки включает в себя следующие этапы:

1. Постановка целей и задач оценки. Разработка и утверждение формы отчета по результатам оценки.

2. Определение группы специалистов, которые будут проводить оценку.

В группу обычно включаются сотрудники Службы по работе с персоналом, руководители, не являющиеся непосредственными начальниками оцениваемых сотрудников, сотрудники компании, которые могут выступать в роли экспертов. Все участники группы должны предварительно пройти специальную подготовку.

3. Составление графика выполнения работ

4. Анализ деятельности ДП.

4.1. Изучение должностной инструкции ДП.

4.2. Проведение интервью по методу 360 градусов с цель уточнения реально выполняемых функций ДП. Это интервью обычно проводится с непосредственным руководителем ДП, с самим ДП, с его коллегам, смежниками, подчиненными.

4.3. Проведение интервью с непосредственным руководителем ДП и самим ДП с целью выявления критических ситуаций, в которые может попадать ДП, и выявления того, что может помочь удачно выйти из сложной ситуации

4.4. Проведение наблюдения за работой ДП

4.4. Анализ собранного материала

4.5. Выделение набора компетенций

5. Утверждение набора компетенций.

Утверждение перечня компетенций должностным лицом/лицами, уполномоченными принять решение. Такими лицами в компании, как правило, являются руководители и лица, выдвинутые в качестве экспертов.

6. Прописывание компетенций по уровням (этот этап будет рассмотрен более подробно - см. ниже по тексту).

7. Выбор методов оценки компетенций.

Оценка компетенций внутри компании может проводиться двумя методами. Каждый из этих методов может использоваться самостоятельно или они могут использоваться совместно, дополняя друг друга.

7.1. Оценка методом опроса с помощью специально разработанных анкет. Этот метод обычно используется в том случае, когда оцениваемые сотрудники уже имеют достаточно большой опыт работы в аналогичной области, а вновь открываемая должность предполагает повышенный уровень сложности выполнения задачи.

7.2. Разработка упражнений (игр), кейсов (индивидуальных заданий) и интервью, позволяющих оценить выбранные компетенции.

8. Окончательная доработка процедуры проведения оценки

9. Разработка и размножение материалов, необходимых для проведения оценки

10. Обучение/инструктаж лиц, участвующих в проведении оценки

11. Проведение процедуры оценки

12. Обработка материалов, представление руководству Заключения по итогам оценки.

Приведу пример выбора метода оценки. В одном из крупных холдингов имеется несколько давно работающих торговых центров: холдинг владеет зданиями, а в обязанности директора центра входит привлечение арендаторов/сдача в аренду торговых площадей и организация технической эксплуатации здания. Открывается новый центр гораздо более крупный, чем любой из ныне действующих. Совет директоров холдинга принимает решение одного из ныне существующих директоров перевести на должность директора нового центра, а не приглашать специалиста извне. Есть две особенности у вновь открывшегося торгового центра: он значительно более крупный, чем любой из имеющихся, оснащен новейшим техническим оборудованием и его нужно «раскручивать». Перед службой по работе с персоналом поставлена задача разработать процедуру оценки работающих директоров, которая позволит выбрать «правильного» кандидата на замещение вакантной должности. Для решения этой задачи наряду с оценкой производственных показателей и опыта прошлой деятельности (имеется ли опыт открытия новых

торговых центров или директор приглашался на уже успешно работающие объекты) была разработана специальная анкета. Эта анкета позволяла оценить уровень развития необходимых компетенций у директоров торговых центров и сравнить их между собой. Анкеты заполнялись владельцами холдинга, членами совета директоров, вице президентами и рядом руководящих сотрудников материнской компании. Специально разрабатывать деловые игры, кейсы и т.п. не было целесообразным, т.к. каждый директор торгового центра имел достаточный стаж работы в должности, а руководство компании было хорошо знакомо с теми методами, которые директора использовали в своей деятельности.

Ниже приведу перечень компетенций, который был разработан и использовался для оценки деятельности директоров торговых центров:

Обработка информации – умеет находить источники информации. Знает, с кем следует связаться. Держит в курсе тех, кому нужна данная информация. Тщательно изучает информацию, полученную от службы маркетинга, из средств массовой информации, от государственных служащих соответствующих инстанций (сотрудников налоговых органов, районной управы в т.ч. о планах развития района, и др.).

Навыки вербальной коммуникации – общается с другими по телефону или лично, один на один или в присутствии других людей (на совещаниях), как ведет себя на презентациях

Управление отношениями – выступает посредником между отдельными сторонами. Устанавливает связи с «нужными» людьми. Оценивает и использует отношения с другими людьми в бизнес-процессах. Успешно налаживает отношения с людьми, индивидуально и в группах. Работает с большим количеством людей на всех уровнях, применяя различные стили - внутри и вне организации.

Дальновидность – предвидит трудности и выявляет возможности.

Координация – отслеживает развитие ситуации, доводит дело до конца, координирует свою и чужую работу. Организует деятельность. Инициирует действия для корректировки отклонения от плана.

Управление временем – может работать как при наличии, так и при отсутствии помех. Устанавливает приоритеты, укладывается в сроки.

Навыки влияния – умеет оказывать влияние на других и получать от нужных людей помощь и информацию. Решает проблемы без ущерба рабочим взаимоотношениям.

Коммерческое чутье – разбирается в бизнесе клиентов и своей организации. Выясняет потребности клиентов. Подбирает под их потребности имеющиеся возможности и услуги. Выявляет ограничения ресурсов и финансов.

Теперь рассмотрим вопрос о прописывании компетенции по уровням. При оценке компетенций обычно выделяют два, три или четыре уровня. Наиболее удобным в практической работе является трехуровневая система оценки компетенций. Она предполагает выделение начального уровня, уровня квалифицированного специалиста и уровня мастера. Переход на каждый последующий более высокий уровень возможен только при условии, что все параметры предыдущего уровня достаточно хорошо развиты у оцениваемого специалиста.

Привожу пример трехуровневой оценки компетенции Управление отношениями.

Уровень 1: Строит отношения внутри группы	Приспосабливает личный стиль к развитию отношений с коллегами. Приспосабливает форму представления информации к потребностям респондентов. Устанавливает и поддерживает постоянный контакт с людьми, которые влияют на его собственную результативность
Уровень 2: Строит отношения вне группы	Учитывает свою роль при установлении внешних контактов. Поддерживает регулярно двусторонние внешние связи. Устанавливает и поддерживает внешние контакты, которые могут быть полезны для бизнеса
Уровень 3: Поддерживает внешние связи	Учитывает и различает стили общения во внешних отношениях. Активно управляет бизнес контактами в бизнес сети. Организует и использует любую ситуацию для развития внешних связей.

ПСИХОТЕРАПЕВТИЧЕСКИЕ УСЛОВИЯ ЖЕНСКОЙ САМОИДЕНТИФИКАЦИИ

О.П. Фролова, С.В. Радионова (Иркутск)

В процессе социализации девочки, при взаимодействии с одной стороны, внутренних условий - физиологии, бессознательных, сознательных процессов и, с другой стороны, внешних условий - культуры, истории, социальных и семейных установок формируется психология женщины как женщины. При этом перед каждой из женщин встаёт вопрос, каким образом она может в обществе отстаивать интересы своей личности и наиболее конструктивно использовать свои возможности для развития. Наблюдается множество самых разнообразных аспектов, касающихся того, как социальное положение женщины (отличное от мужского) может влиять на её психическое здоровье.

По данным североамериканских исследователей [1] каждая седьмая женщина на протяжении своей жизни хоть раз попадает на лечение в психиатрическое учреждение. В отношении наших женщин тоже можно сказать, что многие из них являются потребителями психотропных препаратов; курение и употребление алкоголя среди женщин продолжает распространяться. Что касается невротических нарушений питания, то женщины в настоящее время ими страдают так часто, что это можно считать эндемией. Психическое здоровье современных женщин оставляет желать лучшего. Причины же их эмоционального неблагополучия разнообразны и, помимо психологических, имеют отношение к комплексу политических, экономических и социальных факторов.

Главными детерминантами поведения служат *социальные ожидания, роли и конвенциональные требования половой идентификации поведения* [2]. Отношения женщины с обществом не лишены проблем. В процессе своего воспитания женщины формируют определённые представления о себе и о дозволенном. От этого зависит, смогут ли они воспользоваться предоставленными им в настоящее время новыми возможностями, не испытывая при этом чувства вины и тревоги. В нашем обществе, с элементами обновления и освобождения личности от излишнего государственного давления, мы наблюдаем множество негативных факторов, влияющих на гендерную идентификацию. Женщины делают попытки воспользоваться новыми возможностями для личной самореализации. Хотя неудачные попытки

могут вызывать у женщин сложные чувства, использование ими старых форм социального поведения также не приносит им удовлетворения.

В процессе трехлетней работы женского социально-психологического клуба нами замечено, что основной проблемой, мешающей социальной активности женщин является незнание или неосознавание своей гендерной роли и паттернов женского поведения. Этот вывод был сделан на основании наблюдения за поведением членов клуба, по результатам решения психологических задач и проигрывания типичных жизненных ситуаций. Чаще всего наши женщины были склонны проявлять агрессивность, настойчивость, конкурентность, жесткость, авторитарность и независимость, то есть качества, связанные с мужским типом реагирования.

Исходя из этого, была подготовлена программа психокоррекционной работы, под названием "К истокам женственности" на базе проработки сказочных мотивов. В группу могли ходить все желающие женщины. Оказалось, что половина участниц были просто подругами, начав работу "за компанию", явились хорошим скрепляющим звеном, хотя и не остались в ней надолго. Остальные участницы, те кто обратились к психологам за помощью в разное время с разнообразными проблемами, входили и выходили в группу по мере решения психологических проблем. За три года существования группа перешла в статус психотерапевтической. На начальном этапе достижение основной цели возвращения к женственности намечалось через осознание проявления женских форм поведения через сказочные, архетипические образы, наработку умений отличать и сочетать женские и мужские качества. В дальнейшем, на запрос продолжить работу и с приходом новых членов группы, были поставлены психотерапевтические задачи.

Известно, что женщины обращаются к психологам и психотерапевтам, когда страдают, испытывают чувство отчаяния, не могут решить проблем повседневной жизни, либо не получают от жизни удовлетворения. Решать эти вопросы, надо было совместно с участницами через широкое изучение историко-культуральных особенностей в целом женского поведения, образно-символическое выражение в мифах, сказках, былинах ролевого поведения мужчин и женщин и проигрывание этих ролей, через формирование индивидуального Я-образа женщины, уточнение её семейно-ролевых особенностей и т.п.

Вопрос, как реализовать свой потенциал в обществе, чтобы получить удовлетворение от жизни, от общения в социуме, контактов со своими партнёрами, стоит перед каждой женщиной. И решается он индивидуально, когда каждая женщина занимается собственным жизнетворчеством. Весь этот процесс разворачивается в пространственно-временных и социальных условиях, в трех слоях окружения личности, которые входят один в другой как матрёшки с личностью в сердцевине. Во-первых, это самый широкий круг – культурный слой жизнеустройства человеческого общества (или отдельной культуры - цивилизации), где живёт и развивается личность. В него входит весь накопленный багаж знаний об отношениях мужчин и женщин, их ролях в обществе, семье, соподчинении и ответственности в воспитании детей и т.д., знания о котором усваиваются ребёнком через сказки, былины, мифы. Второй, социальный слой, содержит весь спектр взаимоотношений полов на момент созревания человека, со всеми положительными сторонами и издержками в гендерной политике общества, идеологии, экономике, воспитании и т.п.

Третий, самый близкий слой к личности, через который в большей степени и происходит трансляция всех накоплений двух предыдущих слоёв, семья. Она может быть полной, неполной, с одним родителем, совсем отсутствовать, оставаться постоянной, изменяться по составу и качеству отношений к ребёнку. Семьи подразделяются на нормальные и аномальные [3]. В "нормальной" семье ответственность за семью, жену, детей несёт мужчина. Как отмечает В.Н.Дружинин, в аномальной семье ответственность за семью, детей (и - мужа) несёт жена или - в редких случаях – старший из детей. Сценарий социализации ребёнка определяется культурой, к которой принадлежит семья, в которой он воспитывается. Классическим вариантом аномальной семьи является российская семья советского периода, результаты которой мы и отмечаем у наших клиенток. Христианская модель семьи предлагает доминирование мужчины, в отличие от языческой, где может доминировать женщина. По последнему типу и продолжают строиться наши семьи, однако, с возложением ответственности за семью в обществе на мужчину. Такое нарушение распределения доминирования и ответственности в семьях ведет к аномалии воспитания детей в семье. Аномалия же в воспитании ведет к аномалии в структуре личности.

При анализе женских историй участниц психотерапевтической группы было выявлено, что 80% женщин воспитывались в неполных семьях (с одной матерью), остальные выросли в конфликтных семьях. В их детском базовом опыте не был заложен опыт конструктивного взаимодействия мужчины и женщины, продуктивного проявления эмоционально-психологической близости между членами семьи.

Слои социализации создают определенную кумулятивную среду, условия разворачивания внутренних потенций и устремлений девочки и затем превращения её в женщину. В свою очередь, изменение внутренних условий должно повлечь за собой изменение внешних условий. В психотерапевтических условиях принятие позиции, что пол не является первопричиной психологических характеристик поведения и социальных ролей, позволяет реконструировать Я-образ и жизненные сценарии, навязанные системой полоролевых представлений, даёт возможность переоценить свои возможности и притязания, определить перспективы жизнетворчества, активизировать личностные ресурсы для выбора субъективных стратегий самореализации

Центральным в гендерной психологии является ответ на вопрос, насколько ребенок в процессе своего развития может осознавать различия между полами, не пытаясь при этом воспринимать представителей другого пола как существ более низкого порядка. В ключе психоаналитической теории это связано с вопросом, каким образом девочка может сформировать свою психическую автономность и уверенность в собственной ценности? В рамках гуманистической психологии это звучит как женская самореализация. Так по представлениям Т.Д.Зинкевич-Евстигнеевой и Е.А.Тихоновой женщина проходит четыре этапа своей реализации, проявляясь в трех ипостасях - эго, инстинкт и душа [4]. Нулевой этап (от рождения до достижения половой зрелости) характеризуется накоплением опыта, впечатлений, знаний о жизни; идёт подражание моделям женского поведения. Собственно женский путь начинается с инициации, посвящения в женщину. Это определенный феномен в жизни женщины, когда она осуществляет переход от стадии девушки к стадии зрелой женщины. Традиционно в обыденном сознании признаком того, что женщина прошла первую инициацию, считается начало сексуальной жизни,

замужество, рождение детей – то есть социальная атрибутика. В своей практике мы обнаружили, что наши клиентки, обладая перечисленными признаками, реально не чувствуют себя взрослыми зрелыми женщинами.

Первый этап: "священный брак", поиск духовного партнёрства, - связан с поиском или ожиданием партнёра. Главный объект самореализации – построение взаимоотношений с партнёром. Второй этап: осознание родовой идентичности. Третий этап: социальная самореализация и четвёртый: жизнь в соответствии с природными циклами.

С нашей точки зрения, начало каждого этапа сопровождается своей инициацией. Для реальной инициации недостаточно формальных признаков. Необходима **психологическая** инициация женщины, то есть не внешний, а внутренний переход из одной стадии в другую. Не просто изменение внешних условий, а именно, внутренних, для дальнейших шагов развития здоровой личности. Если в первобытном обществе для этого существовали обряды и ритуалы, оберегающие человека и общество от дезинтеграции, то "единственным процессом инициации, который живет и фактически практикуется сегодня на Западе, является анализ бессознательного, используемый врачом в терапевтических целях" (К.Г.Юнг).

Этим своим наблюдениям мы нашли подтверждение у других исследователей, которые, проводя психотерапевтические сессии, посвященные психологической инициации женщин, обнаружили, что все они укладываются в определенную схему [5]. Сама схема запечатлена в сказках, а в сказки она пришла из обрядов инициации, существовавших в первобытных обществах. В групповых сессиях, мы используем материалы традиционных и психотерапевтических сказок для рассмотрения и анализа, проигрываем и разбираем жизненные ситуации. Это позволило нам вывести большинство женщин на усвоение мирового и культурного национального опыта взаимоотношений полов, обогатить знанием особенностей женского и мужского ролевого поведения, провести инициации перехода на определенные этапы женской самореализации. Применение системной семейной расстановки (Б.Хеллингер, В.Вебер) и других современных психотехник и технологий помогло каждой женщине пересмотреть жизненные сценарии, сделать переоценку своих притязаний, наметить и уточнить субъективные стратегии самореализации.

Итогом работы явилось повышение качества жизни участниц группы за счет повышения уверенности в себе, адекватного проявления собственных чувств и их выражения. Произошло осознание, с одной стороны, предназначения женщины в ориентировании на цель мужчины и в эмоциональной поддержке его, а с другой, развитие личной силы для возможности чувствовать себя не зависимой от незрелых отношений мужчины. Улучшились взаимоотношения женщин с мужьями, сексуальными партнерами, детьми, родителями, сослуживцами и начальниками. Появилось осознание правильности линии своего женского поведения.

Литература:

1. Орбах С. Развитие женщины в семье // Психотерапия женщин /Под ред. М.Лоуренс, М.Магуир. – СПб.: Питер, 2003. – С.37-52.
2. Алхимова И.В. Проблема гендера в социальной психологии // Психотехнологии в социальной работе. Выпуск 9 / Сб. под ред. Козлова В.В. – Ярославль: МАПН, ЯрГУ, 2004. – С.49-54.
1. Дружинин В.Н.. Психология семьи. М.: "КСП", 1996. - 160с.

2. Зинкевич-Евстигнеева Т.Д., Тихонова Е.А. Проективная диагностика в сказкотерапии. - СПб.: Речь, 2003. – 208с.
3. Ефимкина Р.П., Горлова М.Ф. Психологическая инициация женщины //Семейная психология и семейная терапия.- М., 2000.-№4.

ЭКСТРАЛИНГВИСТИЧЕСКИЕ ПРЕДПОСЫЛКИ ВОЗНИКНОВЕНИЯ РЕСУРСНОГО СОСТОЯНИЯ ПРИ ПЕРЕВОДЕ ХУДОЖЕСТВЕННОГО ТЕКСТА

Н.В. Шилова (Челябинск)

Ряд исследований показал, что возникновение ресурсного состояния (В.В. Козлов, Ю.А. Бубеев), или состояния «потока» (М. Чиксентмихали), – состояния мобилизации различных сил, определяющих существование человека (физических, неврологических, интеллектуальных, интуитивных и т.д.), в котором расширяется круг возможных решений проблемы, что позволяет с легкостью преодолевать любые препятствия на пути к цели – в процессе трудовой деятельности влияет на ее продуктивность. На этот счет были исследованы различные области искусства, спорта, операторская работа и т.д.

Кроме того, высказывалось гипотетическое мнение о том, что ресурсное состояние может возникать при любой деятельности с одним из следующих условий или более: 1) возможность завершения задачи, 2) способность концентрации на задаче, 3) ясные цели и обратная связь о результате, 4) глубокая, но не требующая усилий вовлеченность, вытесняющая повседневные проблемы, 5) контролируемость, 6) ослабленное ощущение границ эго во время выполнения деятельности, но его усиление после получения опыта ресурсного состояния, 7) потеря чувства времени (М. Чиксентмихали).

Анкетирование студентов, обучающихся на факультете лингвистики и перевода, на предмет присутствия определенных признаков ресурсного состояния во время перевода художественного произведения позволило нам предположить, что в самой структуре деятельности скрыты лингвистические и экстралингвистические предпосылки возникновения этого состояния. В данной статье мы хотели бы остановиться на последних.

Переводческая деятельность многогранна и изучается не только переводоведением, но и филологическими дисциплинами (лингвистикой текста, литературоведением, стилистикой, семасиологией и т.д.), и смежными науками (социолингвистикой, психолингвистикой, семиотикой, нейропсихологией и т.д.). Это подтверждают и те факты, что еще в начале 80-х годов 20-го века Г. Тури отмечал переводоведение как интегративную дисциплину (Toury: 1980, с. 103), Ю. Найда убедительно обосновал ее междисциплинарный статус (De Waard, Nida: 1986, с 182-185), а Н.Я. Цвилинг говорит о зарождающемся «универсалистком» переводоведении (Цвилинг: 1999, с. 36).

Это в свою очередь, подразумевает рассмотрение различных экстралингвистических аспектов переводческой деятельности, которые теоретически являются предпосылками возникновения ресурсного состояния. Мы выделяем три группы экстралингвистических предпосылок: ситуативные, коммуникативные и психолингвистические – и исходим из тех моделей перевода, которые имеются в переводоведении.

Ситуативные предпосылки

Согласно ситуативной модели перевода, одна и та же предметная ситуация может быть описана различными средствами разных языков. Это

позволяет нам выделить как минимум три группы предпосылок, связанных с описываемой реальной действительностью:

- связанные с «погружением» в текст. При переводе художественного текста существенную роль играют фоновые знания: осведомленность переводчика об особенностях описываемой эпохи, жизни и творчестве автора произведения и т.п. В этом переводчику могут помочь различного рода энциклопедии, справочники, ресурсы интернета, общение с автором. Углубленный поиск информации способствует «окунанию» в атмосферу описываемой действительности и создает фокусировку внимания на поле познания.

- содержательные, т.е. связанные с познанием предметной ситуации. Речь идет не просто об уяснении содержания оригинала, а о том, что оно становится реальной действительностью и описывается соответствующим образом. «Предполагается, что переводчик описывает этот фрагмент реальности средствами языка перевода точно так же, как он описал бы этот фрагмент, если бы узнал его не из текста оригинала, а каким-либо иным путем, например, с помощью своих органов чувств» (А. Паршин). Подобное требование является, по сути, требованием получения трансперсонального опыта, т.е. трансцендирования личностных и пространственно-временных границ, а это, в свою очередь, является признаком и условием «вызова» ресурсного состояния.

- связанные с метафоричностью и неоднозначностью текстов художественного стиля. Часто для художественных текстов характерна высокая степень метафоричности значений ввиду специфики жанра. То есть верное восприятие текста в некоторой степени зависит от способности мыслить по-авторски, метафорически. Переводчик сталкивается зачастую с новым рисунком мышления, две концептуальные системы – авторская и переводческая – накладываются друг на друга. Для того чтобы это наложение произошло успешно, т.е. было найдено адекватное понимание, необходим гибкий и нестандартный для привычного эго переводчика способ познания. Таким образом, с одной стороны, происходит трансценденция эго переводчика, с другой – имеет место «вызов» ситуации, связанный с познанием нового и неизвестного.

Коммуникативные предпосылки

Можно было бы сказать, что коммуникативность присутствует и в ситуативных аспектах перевода – существует отправитель (автор) и получатель (переводчик как читатель). Однако здесь мы будем отталкиваться от понимания коммуникативного аспекта перевода в рамках динамической модели перевода Швейцера-Найды, когда существуют два акта коммуникации, сливающиеся в одну коммуникативную ситуацию при вступлении переводчика в общение. Важно, что переводчик здесь выполняет двойную функцию – получателя и отправителя. Он не только воспринимает и понимает, но и оформляет свое понимание внутри другой культуры, другого языка, другой предметной ситуации с учетом особенностей получателя текста на языке перевода

Таким образом, кроме «реальной действительности-1», которая становится контекстом произведения, существует еще и «реальная действительность-2», которая становится контекстом перевода. Она может быть более или менее близкой, родственной или совсем далекой, с совершенно другими представлениями о мире (в какой-то мере это связанно с родственностью языков, поскольку языковая картина мира включает в себя

концептуальную картину мира и базовые представления о мире). Чем более далеки языки в родственном плане, тем более трудная задача стоит перед переводчиком: в случае с родственными языками часто в качестве проблемы выступает объем того или иного понятия, в случае с неродственными языками – поиск самих понятий.

В любом случае, основными предпосылками возникновения ресурсного состояния, которые несут коммуникативные аспекты перевода, являются поиск и соотношение, которые являются одним из решающих «вызовов» в переводческой деятельности.

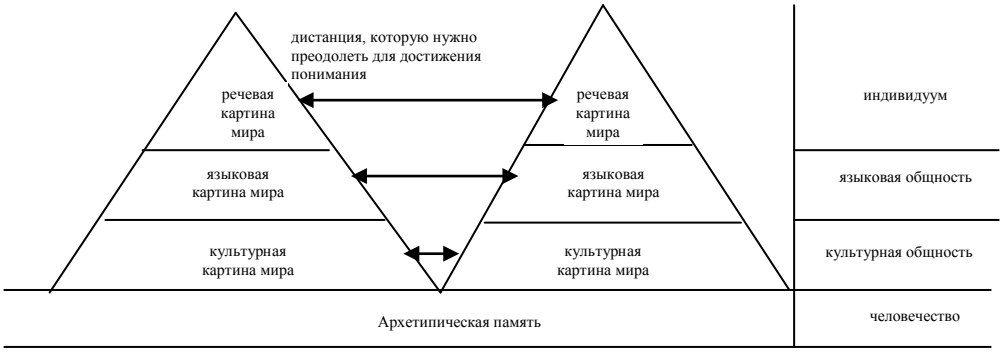
Психолингвистические предпосылки

Перевод – это вид речевой деятельности, который не исчерпывается операциями с языковыми знаками, а имеет более сложную структуру, где задействованы внешний (языковой) и внутренний (мыслительный) коды. Посредник сначала выступает в роли реципиента и осуществляет понимание художественного текста, т.е. пытается раскрыть смысл, стоящий за значениями слов, а затем осуществляет языковое перекодирование.

Так как смысл, возникая в деятельности, тем не менее, является единицей сознания, путь, который проходит сообщение, нелегко проследить. В общих чертах его можно было бы описать следующим образом: от сознания автора через языковые знаки к сознанию переводчика; от сознания переводчика через языковые знаки к сознанию адресата. Однако языковые знаки – это лишь один из языков, на которых «говорит» сознание, а познать смысл сообщения – это познать все компоненты картины мира автора (затем переводчика), т.е. те ощущения, эмоции, образы и символы, которые стоят за сообщением, тот культурный и языковой опыт, на основе которых оно родилось.

Само смысловое содержание сознания можно рассматривать на нескольких уровнях: человечества, культурной общности, языковой общности, индивидуума. Базовый уровень – это уровень, где потенциально в любом представителе общества существуют все смыслы, когда-либо существовавшие. Мы можем обозначить его как уровень архетипической памяти. Второй уровень – уровень культурной общности, имеющий более суженный характер и основанный на культурной картине мира человека. Третий уровень – уровень языковой общности, когда способом восприятия и выражения сознания становится язык, навязываемый всем его носителям в качестве обязательной системы взглядов или предписаний, заключенных в значении разных слов и выражений, и образующий языковую картину мира. Еще более узким содержанием обладает сознание на четвертом уровне – уровне индивидуума, на котором складывается речевая картина мира, отражающая опыт отдельной личности и ее индивидуальный способ мышления, поведения, восприятия, выражения и т.д.

Чем ниже уровень, тем более неосознаваемы смыслы, чем выше уровень, тем более индивидуализированы смыслы. Из схемы видно, что дистанция, которую должны «пройти» коммуниканты, увеличивается с преодолением коллективности: человечество – культурная общность – языковой коллектив – индивидуум.



Задача переводчика как посредника состоит в расширении культурного и языкового пласта знаний и опыта, которое позволит в свою очередь сблизить «речевые картины» мира автора на языке оригинала и автора на языке перевода (которого создает переводчик). Это значит не только проштудировать книги и выучить язык, но и изменить свои прежние представления, начать истолковывать какое-то явление по-новому, способом, отличающимся от предыдущего опыта. Иными словами, новый способ мышления и говорения при осуществлении перевода должен стать фактом внутренней жизни переводчика, новый опыт, получаемый от автора переводчиком, должен привести к тому, что переводчик художественной литературы заговорит по-авторски на другом языке. Приведем лишь одно из многих высказываний переводчиков, подтверждающих необходимость этого: «…когда я, например, переводил Ирвинга, я долгое время говорил не свойственными мне фразами и оборотами. Это было скорее речевое влияние» (В.С. Муравьев). Это свидетельствует о необходимости «ослабления» границ эго переводчика и, часто, о выходе за его пределы.

То, как сознанием переводчика осуществляется посредническая функция, попытался отразить в своей психолингвистической модели перевода немецкий профессор Крингс: она является неким алгоритмом, по которому следует переводчик (зачастую бессознательно). При всей сложности алгоритма, он не отражает полностью мыслительные процессы переводчика и больше является некой механической картиной, результатом более глубоких мыслительных процессов. Им определены шаги и тот факт, что путь к осуществлению перевода не является прямым.

Но этого достаточно, чтобы сделать вывод о том, что деятельность переводчика неизбежно включает в себя постоянный и глубокий поиск: с одной стороны, существуют четко определенные предписания (т.е. ясные задачи), с другой стороны, трудность поиска решения (учебники, словари и справочники не дают решения для конкретного произведения, автора, эпохи, литературной традиции и др. аспектов, которые в сочетании образуют уникальную задачу, требующую уникального решения).

Таким образом, мы выделили две психолингвистические предпосылки – познание смысла произведения как познание картины мира (смыслового содержания сознания) и разветвленность алгоритма действий переводчика.

Если мы посмотрим на три группы предпосылок с точки зрения признаков ресурсного состояния, выделенных В.В. Козловым, и условий его возникновения, определенных М. Чиксентмихали, то увидим, что объективно к деятельности переводчика художественной литературы существуют следующие требования: устойчивая концентрация, «вызов ситуации», растворение сознания в деятельности, трансперсональность опыта, трансценденция эго, трансцендентные переживания, метафоризация сознания. Субъективно о других признаках высказывались многие известные переводчики: Д.Ю. Веденяпин, Н.Н. Федорова, М.Л. Гаспаров, Е.В. Витковский, И.Я. Волевич, А.М. Ревич и другие.

Всегда существует некий скрытый компонент, делающий процесс перевода непредсказуемым. Ни одна существующая модель перевода (лингвистическая или коммуникативная) не может описать данный компонент полностью. Доступ к нему открывается при определенных условиях, которые потенциально существуют внутри переводческой деятельности.

Выделенные экстралингвистические предпосылки не претендуют на всеохватность, но являются некоторыми базовыми пунктами, которые, с одной стороны, описывают некоторые особенности процесса перевода, с другой – являются теоретическими основаниями для обоснования предположения о возможности возникновения ресурсного состояния в процессе переводческой деятельности. Следующим шагом должно стать практическое исследование, проверяющее данное предположение.

ГЛАВА 3. ЭКСПЕРИМЕНТАЛЬНЫЕ ИССЛЕДОВАНИЯ

МОТИВАЦИЯ ОБРАЗОВАНИЯ КАК ФАКТОР ПОДГОТОВКИ СПЕЦИАЛИСТОВ ПО СОЦИАЛЬНОЙ РАБОТЕ

Ю.В.Бабак (Ярославль)

Подготовка специалистов по социальной работе для российской высшей школы является новым направлением, в связи с чем необходимо выявить все факторы и условия, способствующие или препятствующие данному процессу. Несомненно, что мотивация студентов к процессу обучения по данной специальности выступает важным фактором.

Исследование, проведенное автором в 2003-2004 гг. на факультете социально-политических наук ЯрГУ им. П.Г. Демидова, отделении "социальная работа", показало, что среди студентов, будущих социальных работников доминируют мотивы «желание помочь людям» и «стремление общаться с людьми». Тем не менее, 30% опрошенных указали на стечение обстоятельств, случайность при выборе профессии и желание получить высшее образование. Так, этот мотив («желание получить высшее престижное образование», «корочек») превалирует над другими у студентов-юношей, они же отметили мотив «уход от военной службы».

Таким образом, большинство юношей выбирают не специальность «социальная работа», а пытаются получить диплом о высшем образовании, в то время как девушки в большинстве случаев выбирают профессию социального работника сознательно, исходя из своих потребностей, способностей и интересов. Примечателен тот факт, что, если девушки при ответах ссылались на рекомендации психологов-профконсультантов, то из юношей диагностику на профпригодность практически никто не проходил.

Данные факты напрямую связаны с мотивацией к обучению: как правило, у девушек она значительно выше, чем у юношей, а соответственно выше и успеваемость. После окончания ЯрГУ им. П. Г. Демидова 70% девушек и 30% юношей собираются работать по специальности, то есть социальными работниками. При анализе анкет была выявлена следующая зависимость: чем дольше обучаются студенты по специальностям «социальная работа», тем меньше они хотят работать по ней после окончания вуза. На наш взгляд, одной из причин такого положения является слабая информированность студентов о данных профессиях, отсутствие ранней, хорошо отлаженной профориентационной работы.

В ходе исследования мотивации изучалась и профессиональная направленность респондентов. При этом им задавался вопрос: «О какой профессии Вы мечтали в детстве?». Ответы показали, что большинство опрашиваемых (75%) хотели бы работать с людьми, что особенно важно для наших профессий. Для нас особый интерес представляет тот факт, что среди множества названых профессий лидирует учитель (ее назвали каждая третья респондентка), юристов и врачом хотели быть каждая шестая опрошенная женщина. Мужчины отметили следующие профессии: летчик (21, 4%), космонавт (21, 4%), директор (14, 2%).

На наш взгляд, реальной причиной того, что девушки с детства мечтают о таких профессиях, как учитель, врач, продавец, адвокат, парикмахер и т. д., а юноши хотят быть директорами, летчиками, космонавтами является действием стереотипов в отношении роли мужчин и женщин, которые закладываются в процессе социализации личности.

В соответствии с этими стереотипами мальчики и мужчины должны быть сильными, активными, логичными и рациональными. Девушек считают пассивными, эмоциональными, призванными опекать и воспитывать ближних, и поэтому с детских лет их приучают выполнять те роли, которые от них ожидают. Это, в свою очередь, имеет прямое отношение и к социальной работе, которую воспринимают как женскую профессию. От специалистов здесь требуется такие качества как доброта, эмпатия, умение сочувствовать, сопереживать, заботливость, что вполне совпадает со стереотипными представлениями о женщинах. «Настоящему» же мужчине лучше заниматься делами, которые оцениваются в обществе как наиболее значимые, следовательно, мужские.

Анализ работ-эссе «Почему я хочу быть социальным работником?» показал общее неадекватное представление о профессии, определенное пренебрежение к ее сути: мне все равно кем быть – социальным работником, педагогом, экскурсоводом, главное, чтобы работать с людьми». Имеет место экзальтированный тон, подчеркнуто гуманистические мотивы: «Сейчас столько несчастных… Люди должны помогать друг другу. Я всегда мечтала помогать людям, место добро». Морализация и рационализация: «В наше время порядочные люди не должны оставаться в стороне. Элементарная порядочность требует присутствия там, где трудно». В работах имеет место злоупотребление безличными предложениями, описание собственных успехов дается через подчеркивание неудач и несостоятельности других, в рассуждениях о собственных предыдущих неудачах наблюдается употребление фраз в пассивном залоге. Некоторые работы просто не могли быть проанализированы, так как их объем составлял менее 300 слов.

Таким образом, исследование мотивации к образованию у студентов отделения "социальная работа" факультета социально-политических наук ЯрГУ им. П.Г. Демидова как фактора подготовки высококвалифицированных специалистов по социальной работе показало, что чем старше курс обучающихся, тем ниже уровень мотивации к обучению. Весьма различны мотивы выбора специальности у юношей и девушек, на процесс обучения накладывает отпечаток проведенная ранее профориентационная работа. Полученные в ходе исследования данные говорят о необходимости создания эффективной системы профориентационных мероприятий, поиска «своего» абитуриента, включения в процессы вузовского образования и воспитания инновационных педагогических технологий, а также повышения социального статуса профессии «социальный работник».

ВЛИЯНИЕ ВИДА РЕАБИЛИТАЦИИ НА ИЗМЕНЕНИЕ СТЕПЕНИ САМООЦЕНКИ ИНВАЛИДОВ

Т.В. Бирюкова (Киров)

Одной из основных социальных проблем, имеющих важное государственное значение, является проблема инвалидности.

История развития проблемы инвалидности привела к тому, что постепенно общество подошло к пониманию того, что лиц с физическими дефектами, патофизиологическими синдромами, психосоциальными нарушениями следует не отторгать от себя, а наоборот, создавать условия их реинтеграции.

Инвалидность – это проблема не одного человека и даже не части общества, а всего общества в целом.

Сущность этой проблемы заключается в правовых, экономических, производственных, коммуникативных, психологических особенностях взаимодействия инвалидов с окружающей средой. Научно-технический прогресс ведет к интенсификации использования человеческих ресурсов. В связи с этим резко возрастает общественно-политическая и социально-экономическая цена потерь, связанная с нарушением жизнедеятельности человека, независимо от его медико-биологических или социально-средовых характеристик.

Процессы гуманизации в современном обществе предусматривают необходимость создания для каждого человека, а тем более для инвалидов, равных прав и возможностей на получение образования, на развитие их индивидуальных способностей, на интеграцию личности в социуме.

В последние годы наметилась тенденция к улучшению социальной поддержки инвалидов, совершенствование нормативно-правовой базы социальной поддержки, развитие реабилитационных центров для инвалидов (взрослых и детей). Правительство РФ выделяет средства на создание реабилитационных центров для инвалидов в разных регионах. В городе Кирове в 1997 году также открыт областной Центр медико-социальной реабилитации для взрослых инвалидов. Несмотря на определенные улучшения в практической сфере, проблема адаптации и реабилитации инвалидов требует дальнейшего теоретического исследования.

Человек-инвалид, особенно если он приобрел инвалидность в зрелом возрасте, постоянно находится в состоянии эмоционального стресса. На протяжении жизни человека этот стресс не уменьшается. Возникают неровные, часто конфликтные отношения с окружающими людьми. Состояние хронического стресса приводит к повышенной раздражимости, чувству постоянного внутреннего беспокойства, тревоги, снижению самооценки человека. Состояние инвалидности оказывает сильное влияние на личность. Повышенная возбудимость, агрессивность, импульсивность, эгоцентризм в дальнейшем вызывают различные формы дезадаптации в обществе.

Одной из значимых характеристик личности является самооценка, подразумевающая оценку себя, своей деятельности, своего положения в группе и своего отношения к другим членам группы.

От нее зависит активность человека и стремление к самоусовершенствованию. При значительных отклонениях самооценки от адекватной у человека нарушается душевное равновесие и меняется весь стиль поведения.

С целью более полного, детального выявления социально-психологических особенностей процесса реабилитации и социальной адаптации инвалидов в Центре реабилитации инвалидов г. Кирова было проведено ряд исследований.

В данной статье мы обратим внимание на изменение степени самооценки инвалидов в процессе прохождения определенного вида реабилитации (психологической, медицинской, социально-бытовой).

Объектом исследования являлись инвалиды, проходящие психологическую, медицинскую, социально-бытовую реабилитации в областном Центре социально-медицинской реабилитации г. Кирова в количестве 60 человек (3 группы по 20 человек).

Первичная диагностика инвалидов, нуждающихся в разных видах реабилитации (психологической, медицинской, социально-бытовой) проводилась по методикам САН, Будасси, «Уровень самооценки» и исследование самооценки по методике Т.В.Дембо и С.Л.Рубинштейн.

Результаты первичной диагностики во всех 3-х группах показали, что по методикам Будасси, Дембо-Рубинштейн и «Уровень самооценки» уровень самооценки 100% испытуемых является низким.

Активность, самочувствие и настроение (Методика САН) снижены также у 100% испытуемых. Причем, показатели активности и самочувствия ниже показателей настроения, что свидетельствует об определенной жизненной усталости.

После формирующего этапа нашего исследования, мы вторично провели психологическую диагностику на выявление уровня самооценки инвалидов. Целью вторичной диагностики являлось выявление динамики уровня самооценки в группах и определение эффективности того или иного вида реабилитации.

Вторичная диагностика по методике Будасси выявила, что во всех трех группах после реабилитационных мероприятий существенно изменился уровень самооценки инвалидов.

При вторичной диагностике по данной методике заниженную самооценку выявили: в 1 группе – 25% инвалидов (95% при первичной диагностике), во 2 группе – 35% (100% при первичной диагностике), 25% - в 3 группе (95% при первичной диагностике). Адекватную самооценку выявили 70% инвалидов 1 группы (5% при первичной диагностике), 65% инвалидов 2 группы (0% при первичной диагностике), 70% инвалидов 3 группы (5% при первичной диагностике).

При анализе результатов исследования самооценки по методике Т.В.Дембо, С.Л.Рубинштейн получились следующие данные

Низкий уровень самооценки продемонстрировали в 1 группе – 35% (85% при первичной диагностике), во 2 группе – 40% (95% при первичной диагностике), в 3 группе – 40% (85% при первичной диагностике). Средний уровень самооценки выявили 60% инвалидов 1 группы (15% при первичной диагностике), во 2 группе – 55% (5% при первичной диагностике), в 3 группе – также 60 % (по сравнению с 15% при первичной диагностике). Высокий уровень самооценки выявился в 1 и 2 группах – по 5% инвалидов (при первичной диагностике испытуемых с высоким уровнем самооценки не выявлено).

Вторичная диагностика по методике «Уровень самооценки» подтвердила тенденцию роста самооценки инвалидов после реабилитационных мероприятий

Низкий уровень самооценки выявили 35% инвалидов, проходивших психологическую реабилитацию, 25% инвалидов, проходивших медицинскую реабилитацию и 55% инвалидов, проходивших социально-бытовую реабилитацию (при первичной диагностике – 100% инвалидов во всех группах имели низкий уровень самооценки). Средний уровень самооценки выявили в 1 группе – 60%, во 2 – 70%, в 3 – 45% (при первичной диагностике ни у кого из инвалидов не выявлено среднего уровня самооценки). Высокий уровень самооценки выявлен у 5% в 1 и 2 группах и 0% в 3 группе (при первичной диагностике высокого уровня самооценки не наблюдалось ни у кого).

Результаты вторичной диагностики по методике САН во всех трех группах превысили средние ориентировочные показатели.

По самочувствию, активности и особенно настроению во всех группах выборке результаты резко поднялись по сравнению с результатами первичной диагностике и оказались выше ориентировочных показателей. Такие данные свидетельствуют о присутствии у инвалидов после реабилитации уверенности в своих силах, хорошем настроении и даже некоторой эйфоричности.

Следует заметить, что данные об уровне самооценки инвалидов и ее динамике, полученные по выше изложенным методикам коррелируют друг и с другом.

По каждой группе инвалидов, проходивших психологическую, медицинскую и социально-бытовую реабилитацию были высчитаны средние показатели уровня самооценки до и после реабилитации по методикам Будасси, Дембо-Рубинштейн и «Уровень самооценки»: уровень самооценки инвалидов после реабилитации существенно повысился в основном за счет солидного (до 50%) увеличения количества инвалидов, имеющих среднюю самооценку. При первичной диагностике эта категория инвалидов составляла от 2 до 7 %, при вторичной диагностике – от 58 до 63%. Также следует отметить, что по сравнению с отсутствием при первичной диагностике инвалидов, имеющих высокую самооценку, при вторичной диагностике выявилось от 2% до 5% этой категории инвалидов.

К сожалению, у части инвалидов (от 32 до 40%) уровень самооценки не изменился, но по отношению к этой категории инвалидов имеется благоприятный прогноз, подтверждающийся результатами вторичной диагностики по методике САН, а именно наличие хорошего настроения и самочувствия, физического и психологического.

Эффективность всех видов реабилитации очевидна. По степени влияния можно выделить психологическую и медицинскую реабилитации, немного отстает от них по эффективности (по нашим данным) социально-бытовая реабилитация. Это связано, на наш взгляд со следующим. Самооценка в «медицинской» группе поднимается, в основном, за счет появившейся уверенности человека в восстановлении своих физических способностей. Кроме того, в этой группе средний «стаж» инвалидности меньше, чем в других – 5.4 года. В группе, прошедшей психологическую реабилитацию, показатели улучшаются за счет роста уверенности в себе, снятия негативных эмоций, проявлений хронического стресса. Особенно хорошую динамику личностных изменений демонстрируют в этих группах инвалиды, имеющие небольшой срок инвалидности. Эти люди полны надежды на реинтеграцию в общество. Средний стаж инвалидности в этой группе самый большой – 6.9 лет. Наряду с высокими показателями динамики самооценки, это является еще одним фактором мощной эффективности психологической реабилитации.

В группе инвалидов, проходивших социально-бытовую реабилитацию средний стаж инвалидности – 6.4 года. Результаты экспериментальных исследований достаточно хорошие, но немного ниже, чем в 1-х 2-х группах. Самооценка инвалидов в этой группе поднимается за счет овладения новым трудовым навыком, который будет «кормить» человека, будет давать средства к существованию. Именно процесс адаптации, ситуация освоения нового и обуславливает более низкие показатели среди инвалидов этой группы. Но, повторимся, что результаты ниже не на порядок, снижение показателей не существенны. И эффективность этого вида реабилитации также очень высока. Инвалиды после прохождения реабилитации отмечают, что у них появилось ощущение «нужности», ощущение, что они «еще что-то могут».

Таким образом, можно сделать вывод, что реабилитационная работа в Центре реабилитации жизненно необходима людям, получившим инвалидность, она существенно облегчает адаптацию к новой социальной ситуации, помогает снять эмоциональное напряжение, восстановить, возможно, не полностью, физические способности и приобрести новые трудовые навыки.

Эти виды реабилитации имеют высокую степень эффективности и облегчают инвалидам их реинтеграцию в наше общество. Помочь им в этом, принять их – наша задача, решение которой послужит делу оздоровления современного российского общества.

ТРАНСФОРМАЦИЯ ПОВЕДЕНИЯ РИГИДНОЙ ЛИЧНОСТИ В ПРОЦЕССЕ ГРУППОВОЙ РАБОТЫ

В.Н.Выходцева (Москва)

Данная работа посвящена исследованию изменений в поведении у личностей с недостаточной гибкостью психических процессов. Цель данной работы состоит в выявлении изменений в поведении в сторону эмоциональной зрелости у лиц с недостаточной гибкостью психических процессов (эмоционального реагирования, мышления, поведенческих установок). Как правило, это выражаются в затруднении эмоциональной переключаемости, подвижности, изменчивости в соответствии с меняющимися условиями среды. В исследовании принимали участие 80 человек (в возрасте от 23 до 45 лет), с проявлением ригидности.

Анализ проблемы позволил нам сформулировать гипотезу, что целенаправленная групповая работа, основанная на психологическом сопровождении клиента по пути конгруэнтного развития, влияет на изменение в поведение ригидной личности, в частности развитие эмоциональной сферы, повышения уровня эмоциональной зрелости (ЭЗ) и изменении восприятия к окружающему миру.

Для проверки выдвинутой гипотезы нами были предприняты следующие шаги.

1. Проведение комплексного психодиагностического исследования личностных особенностей клиента (типа темперамента, тревожности, агрессивности, недоверия к окружающему миру).

2. Сопоставление полученных данных и выявление закономерностей.

3. До групповой работы клиенту предложено оценить свое поведение по Шкале ЭЗ.

4. Членам контрольной группы так же предложено оценивают свое поведение по Шкале ЭЗ.

5. В конце групповой работы клиенту снова предложено оценить свое поведение по Шкале ЭЗ.

6. По истечению 100 дней членам контрольной группы так же предложено оценить свое поведение по Шкале ЭЗ.

7. Члены соответствующей контрольной группы оценивали свое поведение по Шкале ЭЗ соответственно тем делением Шкалы, которые использовались клиентами группы.

Исходя из этого, перед нами стоят следующие задачи:

1. Условно сформировать подгруппы по типам темперамента, для удобства анализа.

2. Проанализировать полученные результаты в области исследований по изучению индивидуальных особенностей клиентов и на основе этого моделировать внутригрупповую интеракцию.
3. Сравнить оценки поведения клиентов до групповой работы и после нее.
4. Определить произошедшие изменения в поведении клиентов.
5. Сравнить оценки поведения членов контрольной группы (первичные и по истечению 100 дней).
6. Определить произошедшие изменения в поведении контрольной группы.
7. Проанализировать изменения в поведении клиентов и контрольной группы, сделать выводы.

Комплексное психодиагностическое исследование, начиналось с установления у всех испытуемых экстраверсии и возбудимости, условно назовем ее типом темперамента (тест Айзенка), уровня тревожности (шкала Тейлора), уровня агрессивности и недоверия к окружающему миру (методика Лири).

Анализ полученных результатов, в процессе исследования, показал. Испытуемые с сангвиническим и флегматическим типом темперамента, менее тревожны, чем испытуемые с холерическим и меланхолическим типом. При этом уровень агрессии и недоверия к окружающему миру у меланхоликов и холериков так же выше, чем у сангвиников и флегматиков. Анализ корреляционной матрицы показал взаимосвязь уровня тревожности и проявления недоверия у холериков. Это положительная связь, что говорит о том, что при увеличении тревожности, увеличивается недоверие к окружающему миру. Так же взаимосвязь прослеживается у флегматиков, но она отрицательная, т.е. при повышении недоверия к окружающему миру, снижается агрессивность, что говорит об усилении защитной реакции. Взаимосвязь появляется и у меланхоликов, это взаимосвязь агрессивности и недоверия. Чем выше уровень недоверия, тем выше уровень агрессивности. Исследование с помощью кластерного анализа показывает распределение между кластерами недоверия и агрессивности и уровнем тревожности. На основе полученных данных определена, модель внутри групповой интеракции, для трансформации комплексной программы по развитию эмоциональной сферы, которая позволит ригидной личности повысить уровень эмоциональной зрелости и по-другому посмотреть на мир.

После проделанного анализа, до групповой работы каждому клиенту было предложено оценить свое поведение по шкале ЭЗ (9-ти бальная шкала Уилокби). Такая же процедура была предложена контрольной группе. После чего с экспериментальной группой была проведена внутри групповая интеракция.

Модель внутри групповой интеракции включает в себя:

Игровое знакомство, направленное на сближение членов группы и ведущего;

Психогимнастика, позволяет расслабиться и включиться в внутри групповую работу;

Арт работа, направленная на раскрытие творческого потенциала, который помогает испытуемому эмоционально выразиться;

Телесно-ориентированная работа, направлена на получение информации, которая помогает изменить психическое функционирование клиента с помощью ориентированных на тело методических приемов;

Работа со сказками и написанием рассказов, позволяет сделать важные шаги по изменению жизненного сценария и найти внутренние ресурсы для дальнейших изменений.

Завершение, направленное на получение ресурсного подарка.

Курс групповой работы составляет 20 сеансов. Первые две недели частота встреч - 2раза

в неделю, последующие встречи 1 раз в неделю.

По завершению внутри групповой работы, был проведен повторный анализ полученных результатов по шкале ЭЗ. Результаты исследования, были обработаны с помощью статистического анализа и получены следующие данные. В целом изменения в поведении 80-ти человек произошли, в сторону возрастания ЭЗ на 1,23 балла. Изменения у I подгруппы (сангвинического типа темперамента) произошли в сторону возрастания ЭЗ на 0,94 балла. Изменения у II - подгруппы (холерического типа темперамента) произошли в сторону возрастания ЭЗ на 1,87 балла. Изменения у III подгруппы (флегматического типа темперамента) произошли в сторону возрастания ЭЗ на 0,17 балла. Изменения у IV подгруппы (меланхолического типа темперамента) произошли в сторону возрастания ЭЗ на 0,57 балла.

Так же, был проведен повторный анализ полученных результатов контрольной группы по шкале (ЭЗ). Результаты исследования, были так же обработаны с помощью статистического анализа и получены следующие данные. В целом изменения в поведении контрольной группы не произошли.

Таким образом, из полученных данных, в результате исследования, можно сделать выводы:

В результате групповой работы произошли изменения в поведении клиентов;

Эти изменения положительны;

Наибольшие изменения произошли у подгрупп с холерическим типом темперамента;

Наименьшие изменения произошли у подгруппы с меланхолическим типом темперамента.

У контрольной группы изменения не произошли.

Таким образом, целенаправленная и систематическая работа по развитию эмоциональной сферы повышает уровень ЭЗ ригидной личности, оказывает существенное влияние на ее конгруэнтное развитие.

ИЗУЧЕНИЕ ОСОБЕННОСТЕЙ ОСОЗНАНИЯ ИНДИВИДАМИ СТАТУСНОЙ СТРУКТУРЫ ГРУППЫ И ВЛИЯНИЯ ГРУППОВОЙ СТРУКТУРЫ НА ХАРАКТЕР МЕЖЛИЧНОСТНЫХ ОТНОШЕНИЙ

И.В. Демчук (Ярославль)

Большое влияние на успешность деятельности группы и возможность личностного развития оказывает факт адекватного осознания индивидом как место других в групповой иерархии, так и своего положения. Наиболее остро данная зависимость отражается в тренинговой группе, когда участники ранее незнакомые друг другу на протяжении некоторого времени находятся в непосредственном взаимодействии.

Общеизвестным является и мнение, что развитие доверительных отношений в группе приводит к более успешному погружению в само тренинговое пространство, формированию благоприятного психологического климата, достижению высокой степени социальной и эмоциональной идентификации с группой. Это приводит и к получению положительных результатов участниками от самого тренинга.

Все, что происходит в группе – происходит спонтанно. Интерес представляет то, как функционирует группа в ходе тренинга, каковы ее динамические процессы, более того, как влияет групповая структура на развитие межличностных отношений и насколько адекватно члены группы осознают ее статусную структуру?

В течение 2002-2004 гг. нами было проведено исследование тренинговых групп по интенсивным интегративным психотехнологиям с целью выявления переменных, влияющих на изменение сплоченности группы, где наиболее значимыми оказались факторы «половозрастной состав» и «изначальная целостность группы», и особенности рангового распределения – динамика лидерства и аутсайдерства. Опираясь на предыдущие результаты, на втором этапе мы планируем выявить зависимости между групповой структурой и сплоченностью и особенностями межличностных отношений, осознанием индивидами статусной структуры группы.

С целью решение данных вопросов нами было проведено пробное исследование тренинговой группы тренинга *ИНСАЙТ (Insight),* проходившего в г. Ярославле с 17 по 23 октября 2004 года. Группа состояла из 32 человек и групп-лидера. Половозрастной состав имел следующие характеристики:

Таблица №1

Пол	**Возраст**	**19-26**	**30-55**
жен	19	13	6
муж	14	5	9
	кол-во	**18**	**15**

Разделение на соответствующие возрастные группы обосновывается количественным доминированием того или иного возраста.

В исследовании использовались Психометрический метод Дюке[4] для выявление индекса сплоченности и рангового распределения по группе, тесты А.А.Руковищникова[5] и Т.Лири для изучения особенностей межличностных отношений и три шкалы для определения особенностей статусной структуры группы.

В ходе исследования были определены следующие эмпирические референты:

1. уровень групповой сплоченности (ГС) – оценивая место каждого участника группы, респонденты определяли дальность расстояния между собой и ними (метод Дюке);

[4] Рабочая книга практического психолога: Пособие для специалистов, работающих с персоналом / Под ред. А.А. Бодалева, АА. Деркача, Л.Г. Лаптева. – М.: Изд-во Института психотерапии, 2001. – 640 с. илл.

[5] Фетискин Н.П., Козлов В.В., Мануйлов Г.М. Социально-психологическая диагностика развития личности и малых групп. – М., Изд-во Института Психотерапии. 2002. – 490 с.

2. групповая оценка статуса каждого члена группы (групповое мнение - ГМ) – определялась в соответствии со средним местом, занимаемым каждым индивидом по степени авторитета в группе на основе всех индивидуальных оценок (метод Дюке);
3. самооценка собственного статуса в группе (СО) – определяя распределение мест в группе, респондент указывал и свое положение в статусной структуре (метод шкалирования);
4. прогноз групповой оценки (ПГ) – респондент отмечал, на каком месте он находится с точки зрения группы (метод шкалирования);
5. уровень притязаний (УП) – место, которое респондент желал бы занимать в статусной структуре группы (метод шкалирования);
6. особенность межличностных отношений (диагностика межличностных отношений А.А. Рукавишникова и диагностика межличностных отношений Т.Лири).

Для определения точности осознания респондентами статусных отношений в группе была определены следующие корреляционные связи в их динамике:

- между групповыми оценками и самооценкой (ГМ-СО).
- между групповыми оценками и их прогнозами (ГМ-ПГ);
- между самооценкой и прогнозами групповой оценки (СО-ПГ).
- между групповым мнением и уровнями притязаний, что позволяет судить о степени расхождения между ними (ГМ-УП).
- между самооценкой и уровнями притязаний, что позволяет судить о степени расхождения между ними (СО-УП).

Для выявления уровня ГС в динамике применялся метод Дюке. Критерий различия - критерий знаков G – показал, что полученный в эксперименте положительный сдвиг, соответствующий изменению уровня ГС, статистически достоверен. Изменения происходят в сторону улучшения сплочения [*График №1*], однако сам коэффициент дисперсии как в начале тренинга, так и в конце высокий, что отражает низкий уровень взаимоприемлемости в группе в целом. Таким образом, динамика в группе незначительна (сдвиг составляет 6,26%).

Распределение ранговых позиций в группе отражено в таблице № 2 и графике № 2. В числе лидеров группы на протяжении всего тренинга оставались групп-лидер, женщины 39 и 22 лет и мужчина 55 лет (самый старший в группе). Представители молодого поколения (юноши и девушки), занимающие лидерские позиции в начале тренинга, «понизились» в ранговом распределении. К группе лидеров к концу тренинга присоединились мужчины 49 и 50 лет и девушка 30 лет. Распределение мест в группе аутсайдеров произошло следующим образом: на протяжении всего тренинга «не популярными» остаются девушки и юноши 19-22 лет.

Таблица №2

Лидеры	**33, 11, 18, 15**, 26, 25, 19	**33, 15,** 23, **11, 18**, 30, 14

Аутсайдеры	**32, 3, 31, 29,** 8, 28, 22	**32, 3, 31,** 17**, 29**, 4, 5

График №1

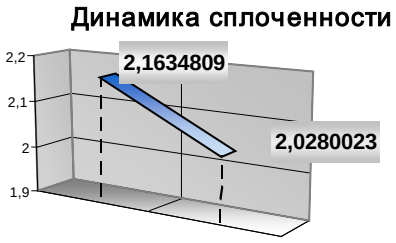


График №2

Для выявление показателей СО, ГП, УП и их корреляционных связей респондентам были представлены три шкалы.

Низкий показатель выявлен по шкале «Оценка своего места в статусной иерархии группы с т/зрения самого участника» (1; СО) в начале и в конце тренинга. Участники «ставят» себе относительно невысоки позиции в группе. Аналогичная тенденция наблюдается и по шкале «Оцените свое желаемое место в статусной структуре группы» (3; УП). Участники не стремятся занимать высокие позиции. По шкале «Оценка своего места в структуре группы с т/зрения членов данной группы» средние значения по группе относительно высокие (2; ПГ) [*График № 3*]. Респонденты придают особое значение мнению группы.

Корреляционные связи между выделенными ранее референтами отражены в графике № 4: **1** - ГМ-СО; **2** - ГМ-ПГ; **3** - ГМ-УП; **4** – СО-ПГ; **5** - СО-УП.

График № 3

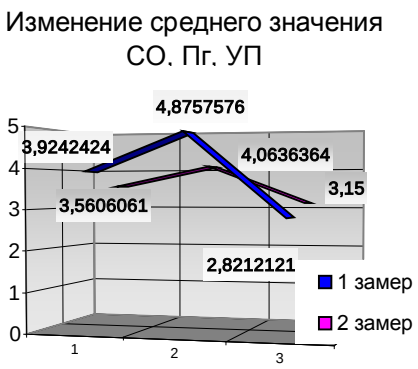
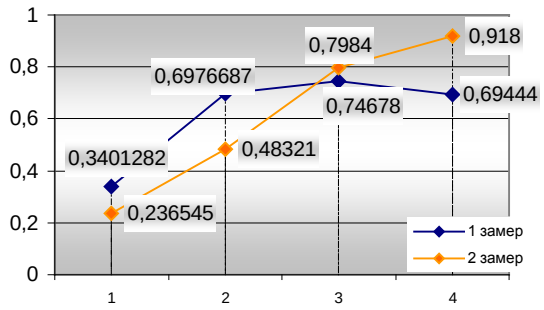


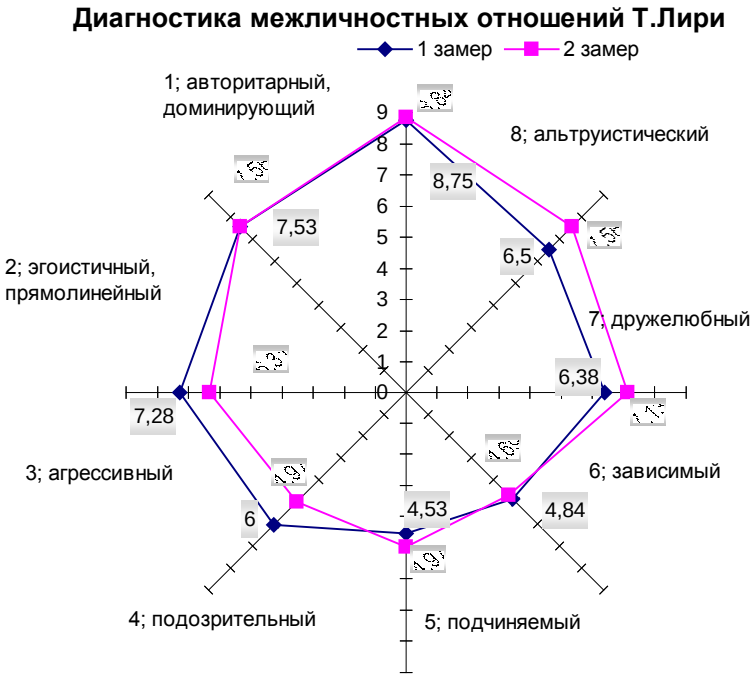
График № 4



Результаты исследования особенностей межличностных отношений по двум методикам Т.Лири и А.А. Руковишникова в динамике (средние балы) приведены в диаграммах №№ 1, 2.

Диаграмма № 1

Диаграмма № 2



Обобщая полученные результаты в ходе исследования, мы может сделать следующий вывод об особенностях структуры группы, межличностных отношений и осознанности участниками своего положения в статусной иерархии в динамике.

Группа имеет низкий коэффициент сплочения. Изменение, происходящие в сторону его улучшения, незначительны. Данный факт явился следствием двух факторов. Во-первых, на протяжении всего тренинга (семь дней) к группе присоединялись на время новые участники, что нарушает изначальную целостность, замкнутость группы. Во-вторых, - своеобразия половозрастной структуры. Половой состав оптимален – практически равное количество мужчин и женщин (предыдущие исследования особенностей динамики и структуры тренинговых групп показали, что данная переменная является одной из существенной в формировании группы). Значимым дезинтегрирующим фактором во взаимоотношениях оказался фактор «возраст». Удельный вес в группе занимают представители молодого поколения, в среде которых было дальнейшее деление на более мелкие группировки. Отмечено явное непринятие взрослыми участниками тренинга, сфера общение которых в подавляющем большинстве ограничивалась своим же окружением, «молодой подгруппы».

Большинство из молодых участников тренинга «попали» в число аутсайдеров или имеют низкие позиции в ранговом распределении. Лидерские позиции в группе у участников тренинга, не принадлежащих к каким-либо «группировкам», те, кто равно взаимодействовали и с молодой и со взрослой частью тренинговой группы без явной демонстрации своей личности и желания активной коммуникации.

Лидер-групп имеет лидирующее положение. Следует отметить, что это не является закономерным. Предыдущие исследования тренинговых групп показали, что позиция групп-лидера не всегда соответствует первому месту, не происходит явного отождествление формального и неформального лидерства.

Это характерно для групп, где среди его участников есть личности, своим поведением, харизмой, нестандартным мышлением, равным уважительным отношением ко всем, привлекают внимания и вызывают высокий уровень доверия и почтения, коими являются либо мужчины зрелого возраста, либо молодые девушки. Внутренняя природа данной исследуемой группы не ставит под сомнения неформальное лидерства групп-лидера.

Отсюда следует также, что переменная «личность», точнее проявление особенностей личностного поведения, имеет весомое значение при формировании коммуникативных сетей в группе.

Наиболее уверенно «чувствуют» себя в группе личности с одной стороны без явного демонстративного поведения, с другой - незамкнутые сами по себе. Лидирующее положение в группе всегда занимают сильные личности, открытые для общения для принятия отличных от собственных взглядов и суждений, отзывчивые, эмпатийные, гибкие и терпимые, легко вступающие во взаимодействие с другими, с адекватной самооценкой, не проявляющее дерзость, жесткость по отношению к согруппникам. Необходима и привлекательность ведущего как образца, модели оптимально функционирующего участника.

При рассмотрении общегрупповой картины типов отношений к окружающим [Диаграмма №2], мы видим, что наблюдается тенденция «смягчения» группы. В целом группа демонстрирует умеренное адаптивное поведение: по всем восьми шкалам показатели варьируются от 4 до 9 (мах: 16). Наблюдается уменьшение агрессивности и подозрительности; снижаются упорство и настойчивость, а также критичность по отношению к окружающим людям. Положительная динамика по показателям «дружелюбие», «альтруистичность» отражает стремление участников налаживать отношения с согруппниками, быть в согласии с чужим мнением, сознательно комфортным, гибким. Признание и любовь, чувствование себя в центре внимание, проявление деликатности, ответственности по отношению к людям, симпатии и отзывчивость – важные устремление индивидов. В группе неизменно высокими по сравнению с другими показателями остается общегрупповая склонность к соперничеству, ориентация на себя, упорство и настойчивость.

Наиболее ярко в исследуемой группе на протяжении всего тренинга проявлено стремление участников контролировать и влиять на остальных, брать в свои руки руководство и попытки решать, что и как будет делаться. Члены группы стараются брать на себя ответственность, соединенную с ведущей ролью. Это четко выраженное поведение контроля (Ce) [Диаграмма №1 здесь и далее].

Участники имеют среднюю выраженность потребности быть принятыми остальными и принадлежать к ним, чувствуют себя хорошо среди людей и имеют тенденцию их искать, но не зависимы от этого. Они стараются, чтобы остальные приглашали их принимать участие в своей деятельности и стремились быть в его обществе, даже когда он не прилагает к этому усилия (Lw). Также стремятся принимать остальных, чтобы те имели интерес к ним и принимали участие в их деятельности (Le). Положительная динамика показателя Lw и отрицательная – Le свидетельствует, что участники стремятся к общению, но только с небольшим кругом людей. Поведение включения в группу не является прерогативой.

Для группы в целом не характерно желания контроля над собой и влияния со стороны других, указания, что им надлежит делать (Cw). Они осторожны при установлении близких интимных отношений и при выборе лиц, с которыми создают более глубокие эмоциональные отношения (Ae). Данные показатели имеют отрицательную динамику. Одновременно участники склонны требовать от остальных членов группы, чтобы те стремились быть к ним более близкими и делились с ними интимными чувствами (Aw).

Характеризуя группу с точки зрения ее осознания ею своей статусной структуры, можно с полной достоверностью сказать, что уровень осознанности индивидами своего положения в группе низкий и имеет отрицательную динамику. Степень объективности самооценки личностью своего статуса в группе невысокая [График № 4 здесь и далее] (1; СО-ГМ). Большинство представителей лидерской группы оценивают себя значительно ниже реальных показателей. Аутсайдеры более склонны к адекватному самовосприятию себя в статусной структуре группы.

Корреляционная связь между референтами ГМ-ПГ (2) в начале тренинга высокая, что свидетельствует об адекватности собственных представлений каждого отдельного члена группы о мнении группы в целом. Изначально они достаточно четко спрогнозировали свои позиции, основываясь, очевидно, на своем первом впечатлении о согруппниках. В дальнейшем наблюдается снижение связи между выделенными референтами (значение все же сохраняется на приемлемом уровне): влияние оказало сформированное в процессе тренинга мнение о каждом участнике, особенности восприятия, выступающие в роли «шелухи» при оценке.

Степень осознания членами группы уровня соответствия собственного и группового мнения высокий и имеет тенденцию к росту к концу тренинга (3; СО-ПГ). Корреляционная связь между двумя этими показателями отражает степень совпадения между мнениями личности и представленного в его сознании образа группы, косвенно показывая и степень принятия индивидом представляемого группового эталона. Зная мнение группы, участники более точно прогнозируют свои позиции в статусной иерархии.

Наиболее высокая корреляционная связь наблюдается между референтами СО и УП (4). Повышение значимости данного показателя к концу тренинга свидетельствует, с одной стороны, о стабильности структуры группы и об удовлетворенности индивидами своим положением в статусной иерархии группы. Но, с другой стороны, следует иметь в виду низкие результаты по взаимосвязи референтов СО-ГМ и низкий средний бал по шкале УП [*График № 3*]. Соответственно, участники тренинга заведомо не стремятся к лидирующим позициям в группе, что по всей вероятности и влияет на их самооценку, но одновременно, они стабильно точно прогнозируют свои позиции в статусной иерархии.

Таким образом, для группы в целом характерна независимость в установлении коммуникаций, ориентация на общение с небольшими группами, от которых в то же время требуют полную отдачу чувств и действий. Это подтверждается и невысоким коэффициентом группового сплочения. Контроль и доминирование выступают в роли первостепенных ценностей, желаний в

сфере взаимоотношений. Стремление к лидерству на уровне занятия высоких рангов для группы не характерно. Статусная структура дифференцирована и достаточно четко представлена в сознании ее членов. При этом группа дружелюбна, доброжелательна, проявляет уважение при общении, стремиться к налаживанию хороших отношений.

В целом можно говорить о благоприятной психологической атмосфере в группе, сознание которой направленное в первую очередь на получение положительных результатов от самого тренинга, а потом уже на внутригрупповое общение.

В дальнейшем планируется расширить объем выборки, что даст возможность выявить зависимости между особенностями групповой структуры, ее сплоченности и характером межличностных отношений в группе. Необходимо и изучение зависимости между фактом адекватного осознания индивидами как места других в группе, так и своего положения и успешной деятельности группы и возможности личностного развития. Наиболее остро данная зависимость отражается в тренинговой группе, когда участники ранее незнакомые друг другу на протяжении некоторого времени находятся в непосредственном взаимодействии.

Мы полноправно можем сказать, что изучение динамики групповых процессов дает возможность определить уровень организации группы, оценить результативность ее функционирования. Интерес представляет сам процесс формирования особого типа связей в группе, который позволяет превратить внешне заданную структуру в психологическую общность людей, сложный психологический механизм, живущий по своим собственным законам, в котором с момента формирования и на протяжении всей «жизни» протекают различные социально-психологические процессы, изменяется уровень интегрированности, положение отдельных индивидов, характер взаимоотношений взаимосвязей между членами и т.д.

НАРУШЕНИЕ ПРОИЗВОЛЬНОГО ВНИМАНИЯ У ДЕТЕЙ С СИНДРОМОМ ДЕФИЦИТА ВНИМАНИЯ И ГИПЕРАКТИВНОСТЬЮ (СДВГ) В МЛАДШЕМ ШКОЛЬНОМ ВОЗРАСТЕ

М.С.Дьячкова (Ярославль)

Синдром дефицита внимания с гиперактивностью (СДВГ) представляет исключительно актуальную проблему, во-первых, в связи с высокой распространенностью среди детей младшего школьного возраста, достигающей по данным зарубежных и отечественных эпидемиологических исследований от 2-3 до 15-20% [2,3,6,8,12]; во-вторых, выраженными трудностями произвольной регуляции учебной деятельности: двигательная расторможенность, импульсивность поведения и расстройство активного внимания.

Внимание является одной из важнейших психологических функций. Степень развития произвольного внимания во многом определяет успешность обучения ребенка в школе. Произвольное

внимание развивается постепенно по мере развития отдельных его свойств, таких, как концентрация, устойчивость, переключение, распределение и объем. Недостаточность внимания у детей чаще всего обнаруживается в школьном возрасте вследствие повышения требований к данной функции в процессе обучения. Так, около 70% обычных детей, считающихся здоровыми и обучающихся в массовой школе, по приблизительной оценке имеют нарушения внимания. Это может быть связано с самыми разными причинами, в том числе и с СДВГ. По данным исследований СДВГ наблюдается у 7,2% учащихся младших классов [2,3,6,12]. Поэтому выявление специфики нарушения внимания у детей с СДВГ может способствовать лучшему пониманию проблем ребенка в процессе школьного обучения и организации обучения с учетом имеющихся проблем.

В задачу нашего исследования с учетом сказанного входило сравнительное изучение динамики основных свойств внимания у детей с нормальным психологическим развитием и у детей с СДВГ.

В исследовании мы изучали пять основных свойств произвольного внимания: концентрация, устойчивость, переключение распределение и объем. Для этого использовались следующие хорошо известные диагностические методики: «Корректурная проба» (Тест Бурдона) – на исследование степени концентрации внимания; «Переплетенные линии» - на определение степени устойчивости внимания; «Корректурная проба» (Измененный тест Пьерона-Рузера) – на выявление скорости распределения и переключения внимания; «Цифровая таблица» - на определение объема внимания (учитывалось знание ребенком цифр). Проведение всех методик позволило получить как целостную характеристику внимания, так и определить особенности различных свойств внимания. Обнаружение совпадения уровней по большинству свойств, рассматривалось как общая характеристика произвольного внимания в целом. Расхождение уровней свидетельствовало об отставании или более успешном развитии того или другого свойства. Выборка включала 30 испытуемых семи лет, обучающихся в обычном классе и в классе коррекции. Были получены следующие основные результаты.

Изучение интенсивности (концентрации) внимания показало, что детей с СДВГ с высоким показателем этого свойства вообще нет. В то же время у детей с нормальным психологическим развитием отсутствует низкий уровень развития концентрации внимания. Детей с СДВГ с высоким уровнем развития устойчивости и переключаемости в три раза меньше, чем детей с нормальным развитием. У детей с нормальным развитием не выявлено низкого уровня по этим показателям. Незначительные различия между этими группами испытуемых были обнаружены при изучении таких свойств произвольного внимания как распределение и объем. Это позволяет сделать вывод о неравномерности формирования атенционных свойств произвольного внимания у детей с СДВГ: о дефиците одних и развитии других.

В обобщенном виде полученные результаты представлены в таблице №1, из данных которой видно, что показатели всех свойств внимания выше у испытуемых с нормальным развитием, тогда как у испытуемых с СДВГ показатели концентрации, устойчивости и переключаемости гораздо ниже, чем у их сверстников с нормальным

психологическим развитием. Тем не менее, распределение и объем имеют показатели близкие к показателям этих свойств у детей с нормальным развитием.

В целом же уровень развития произвольного внимания, как это видно из таблицы №2, в начале обучения существенно различался в группах испытуемых: у детей с нормальным психологическим развитием в 62% случаев был обнаружен высокий его уровень, тогда как у детей с СДВГ - в 30% случаев, причем в группе испытуемых с нормальным развитием вообще не было выявлено детей с низким уровнем произвольного внимания, а детей с СДВГ, имеющий низкий уровень этого показателя, было 26%.

Процентное соотношение уровней развития свойств произвольного внимания у испытуемых с нормальным развитием и с СДВГ в начале школьного обучения.

Таблица №1.

Основные свойства внимания	Уровни раз-вития свойств внимания	Испытуемые	
		с нормальным развитием	с СДВГ
Концентрация	Высокий	60	-
	Средний	40	60
	Низкий	-	40
Устойчивость	Высокий	60	20
	Средний	40	45
	Низкий	-	35
Распределение	Высокий	65	55
	Средний	35	35
	Низкий	-	10
Переключение	Высокий	60	20
	Средний	40	45
	Низкий	-	35
Объем	Высокий	65	55
	Средний	35	35
	Низкий	-	10

Процентное соотношение уровней произвольного внимания у детей с нормальным развитием и с СДВГ в начале школьного обучения.

Таблица №2

Уровни развития произвольного внимания	Испытуемые	
	с нормальным развитием	с СДВГ
Высокий	62	30
Средний	38	44
Низкий	-	26

Процентное соотношение уровней развития свойств произвольного внимания у испытуемых с нормальным развитием и с СДВГ в начале школьного обучения и через год.

Таблица №3

Основные свойства внимания	Уровни развития свойств внимания	Испытуемые			
		с нормальным развитием		с СДВГ	
		Начало обучения	Через год	Начало обучения	Через год
Концентрация	Высокий	60	40	-	-
	Средний	40	55	60	55

	Низкий	-	5	40	45
Устойчивость	Высокий	60	40	20	10
	Средний	40	55	45	35
	Низкий	-	5	35	55
Распределение	Высокий	65	55	55	45
	Средний	35	40	35	35
	Низкий	-	5	10	20
Переключение	Высокий	60	40	20	10
	Средний	40	55	45	35
	Низкий	-	5	35	55
Объем	Высокий	65	55	55	45
	Средний	35	40	35	35
	Низкий	-	5	10	20

Процентное соотношение уровней произвольного внимания у детей с нормальным развитием и с СДВГ в начале школьного обучения и через год.

Таблица №4

Уровни развития свойств внимания	Испытуемые			
	с нормальным развитием		с СДВГ	
	Начало обучения	Через год	Начало обучения	Через год
Высокий	62	46	30	22
Средний	38	49	44	39
Низкий	-	5	26	39

Для выполнения поставленной задачи в конце учебного года были проведены повторные исследования основных свойств произвольного внимания, причем учитывалось лишь влияние фактора обучения. Основные результаты повторных исследований в обеих группах испытуемых представлены в таблицах №3 и №4.

Исходя из данных таблиц, следует, что у детей с СДВГ ухудшились результаты по всем показателям произвольного внимания. Так, изучение динамики концентрации показало определенное снижение и без того невысокого его уровня. Вероятно, дефицит этого свойства связан с определенным нейрофизиологическим и анатомическим дефектом передних отделов коры больших полушарий мозга, т.к. клиническими исследованиями доказано, что за концентрацию внимания и регуляцию произвольного поведения отвечает блок программирования и контроля действий, расположенный в передних отделах коры больших полушарий.[7,11,12] Показатели устойчивости и переключаемости у детей этой группы отстают в среднем на один год от аналогичных показателей у здоровых детей. Их возрастная динамика характеризуется значительным сходством, что, по всей видимости, объясняется наличием общих структур мозга, участвующих в их реализации.[12] У детей с СДВГ практически нет недостатка объема и распределения внимания. Несмотря на некоторое ухудшение показателей этих свойств, дети одномоментно способны охватить довольно большое количество однородных предметов и некоторое время рассредоточивать свое внимание на них, или совершать несколько видов действий. В группе испытуемых с нормальным развитием также не выявлено улучшения показателей произвольного внимания. В наличии даже снижение результатов почти у 20% детей. Это позволяет сделать вывод, что учебный процесс не обеспечивает целенаправленного влияния на формирование произвольного внимания, а также и на компенсацию его у детей с СДВГ

Из сказанного следует, что к нарушению произвольного внимания у детей с СДВГ относится определенный дефицит основных его свойств: концентрации, устойчивости и переключения. Так, детям этой группы очень трудно в течение длительного времени сохранять состояние внимания, не отвлекаясь и не ослабляя его. Они не могут настойчиво продолжать выполнять неинтересное задание, даже если хотят, и выполнение этой работы с течением времени ухудшается (по сравнению со здоровыми детьми). С другой стороны, если ребенок занят делом, с которым успешно справляется, то он способен сосредотачиваться на несколько часов. Кроме этого, при выполнении заданий дети с СДВГ больше других отвлекаются на очень яркие стимулы, а также на постороннюю информацию, присутствующую в задании. Дефицит произвольного внимания особенно очевиден в новых для ребенка ситуациях, когда ему необходимо действовать без посторонней помощи.

Литература:

1. Вергелес Г.И., Матвеева Л.А., Раев А.И. Младший школьник: помоги ему учиться. С.-Пб.: Союз, 2000.
2. Заваденко Н.Н., Суворинова Н.Ю. Тревожность у детей с гиперактивностью и дефицитом внимания.// Педиатрия, 2002, №3, Т.4.
3. Заваденко Н.Н. Как понять ребенка: дети с гиперактивностью и дефицитом внимания. М.: Школа-Пресс, 2000, вып.5.
4. Забрамная С.Д. Ваш ребенок учится во вспомогательной школе. М.: Педагогика-Пресс, 1993.
5. Ильина М.Н. Подготовка к школе. С-Пб.: Дельта, 1998.
6. Кучма В.Р., Платонова А.Г. Дефицит внимания с гиперактивностью в России. М., 1997.
7. Лурия А.Р. Основы нейропсихологии. М., 1973.
8. Мэш Э., Вольф Д. Нарушения психики ребенка. С-Пб., 2003.
9. Познавательные процессы и способности в обучении./ Под ред. В.Д.Шадрикова. М.: просвещение, 1990.
10. Практическая психология в тестах. М.: АСТ-Пресс Книга, 2003.
11. Семенович А.В. Нейропсихологическая диагностика и коррекция в детском возрасте. М., 2002.
12. Шевченко Ю.С. Коррекция поведения детей с гиперактивностью и психопатоподобным синдромом. Практическое руководство для врачей и психологов. М., 1997.

НАРУШЕНИЕ СПОСОБНОСТИ К РАСПОЗНАВАНИЮ ПСИХИЧЕСКИХ СОСТОЯНИЙ ДРУГИХ ЛЮДЕЙ У ДЕТЕЙ С СИНДРОМОМ ДЕФИЦИТА ВНИМАНИЯ И ГИПЕРАКТИВНОСТЬЮ В СТАРШЕМ ДОШКОЛЬНОМ ВОЗРАСТЕ

М.С.Дьячкова (Ярославль)

Важное значение для понимания природы детей с синдромом дефицита внимания и гиперактивностью, и для своевременной коррекции отдельных ее проявлений является изучение нарушения эмоциональной сферы.

Распознание, интерпретация и передача эмоций – достаточно сложный процесс, требующий от ребенка определенных знаний, определенного уровня

развития. Чем больше ребенок знает, какие бывают эмоции, тем точнее он поймет состояние другого.

В дошкольном возрасте большое внимание следует уделять развитию эмоциональной сферы, эмоциональной саморегуляции в становлении личности растущего человека, так как никакое общение, взаимодействие не будет эффективным, если его участники не способны, во-первых, «читать» эмоциональное состояние другого, а во-вторых, понимать собственные эмоции и чувства и управлять ими.

В задачу нашего исследования с учетом сказанного входило сравнительное изучение способности к распознаванию эмоциональных состояний других людей по внешним проявлениям у детей с нормальным психическим развитием и у детей с синдромом дефицита внимания и гиперактивностью.

В исследовании мы изучали способность к распознаванию таких эмоциональных состояний как: радость, страх, грусть, удивление, гнев, спокойствие, имеющих внешние проявления.

В ходе исследования выделено 3 этапа:

- изучение способности к распознаванию эмоциональных состояний (настроений) по мимике.
- изучение способность к распознаванию эмоциональных состояний (настроений) по интонации голоса
- изучение способность к распознаванию эмоциональных состояний (настроений) по пантомимике

Использовались апробированные методы («Угадай эмоцию», «Лото настроений» Калининой Р.Р., «Мои эмоции» Родионова В.А. - на выявление способности к распознаванию психических состояний по мимике, интонации, пантомимике). Выборка включала 30 испытуемых шести лет подготовительной группы детского сада. Были получены следующие основные результаты.

Исследования способности к распознаванию эмоциональных состояний по мимике и интонации показали, что дети старшего дошкольного возраста с нормальным психологическим развитием в целом способны правильно воспринимать эмоциональное состояние человека. При этом они более точно определяют радость, страх, гнев, спокойствие и затрудняются в определении грусти, удивления и отвращения (эти эмоциональные состояния правильно определила только половина опрошенных дошкольников). (Табл. 1, 2)

Дети с синдромом дефицита внимания и гиперактивностью испытывают значительные трудности при определении всех эмоциональных состояний человека. Однако, способность к определению страха, грусти, удивления и отвращения почти в два раза ниже, чем у детей с нормальным психологическим развитием. (Табл. 1, 2)

Процентное соотношение способности к распознаванию эмоциональных состояний по мимике у испытуемых с нормальным развитием и испытуемых с СДВ и гиперактивностью

Таблица №1

	Эмоциональные состояния человека	Испытуемые	
		С нормальным развитием	С СДВ и гиперактивностью
	Радость (веселье)	90	70
	Страх	90	40
	Грусть (печаль)	60	30

	Удивление	50	20
	Гнев	90	60
	Спокойствие (ничего)	80	60
	Отвращение	50	20
	Средний показатель	73	42

Процентное соотношение способности к распознаванию эмоциональных состояний по интонации голоса у испытуемых с нормальным развитием и испытуемых с СДВ и гиперактивностью

Таблица №2

	Эмоциональные состояния человека	Испытуемые	
		С нормальным развитием	С СДВ и гиперактивностью
	Радость (веселье)	90	60
	Страх	80	40
	Грусть (печаль)	60	30
	Удивление	50	20
	Гнев	80	60
	Спокойствие	80	50
	Отвращение	50	20
	Средний показатель	70	40

Показатели способности к распознаванию эмоциональных состояний по пантомимике значительно снижены и у детей с нормальным психологическим развитием и у детей с синдромом дефицита внимания и гиперактивностью по сравнению с показателями способности к распознаванию эмоциональных состояний по мимике и интонации (Табл. 3).

Тем не менее, дети с синдромом дефицита внимания практически не способны определять по пантомимике такие психические состояния как страх, грусть, удивление, отвращение в отличие от их сверстников с нормальным развитием.

Таким образом, старшие дошкольники при определении внутренних состояний людей прежде всего обращают внимание на выражение лица (мимику) и интонацию голоса, в меньшей степени придавая значение пантомимике (поза, жесты).

Процентное соотношение способности к распознаванию эмоциональных состояний по пантомимике у испытуемых с нормальным развитием и испытуемых с СДВ и гиперактивностью

Таблица №3

	Эмоциональные состояния человека	Испытуемые	
		С нормальным развитием	С СДВ и гиперактивностью
	Радость (веселье)	80	50
	Страх	80	30
	Грусть (печаль)	60	20
	Удивление	50	20
	Гнев	80	40
	Спокойствие	80	40

	Отвращение	50	10
	Средний показатель	55	30

Таким образом, можно сделать следующие основные *выводы:*

1. Изучение способности к распознаванию и интерпретации эмоциональных состояний других людей у детей с нормальным развитием и у детей с синдромом дефицита внимания и гиперактивностью показало их качественные различия.

2. Дети с нормальным развитием в целом способны правильно оценивать настроение и состояние человека по внешним проявлениям (мимике, интонации), несколько хуже определяют эмоциональные состояния по пантомимике.

3. Дети с синдромом дефицита внимания и гиперактивностью испытывают значительные трудности при определении психических состояний по мимике и интонации, не способны определять эмоциональные состояния по пантомимике.

4. Дети с нормальным развитием затрудняются в определении грусти, удивления и отвращения.

5. Значительные трудности дети с синдромом дефицита внимания и гиперактивностью испытывают при определении таких эмоциональных состояний как страх, грусть, удивление, отвращение.

6. Дети старшего дошкольного возраста с нормальным развитием имеют недостаточные представления об эмоциональных, внутренних состояниях человека и их проявлениях.

7. Дети с синдромом дефицита внимания и гиперактивностью имеют дефицит навыка распознавания и интерпретации эмоциональных состояниях других людей.

ИССЛЕДОВАНИЕ ВЗАИМОСВЯЗИ ДОМИНИРУЮЩИХ МЕХАНИЗМОВ ПСИХОЛОГИЧЕСКОЙ ЗАЩИТЫ И ТИПОВ ТЕЛЕСНОГО ОБРАЗА

Н. А. Зеленская, Н.Г. Богданович (Иркутск)

Не для кого уже давно не секрет, что когнитивные, эмоциональные и телесные составляющие индивида представляют взаимодействующие между собой части одного целого. Значительные изменения в одной области непременно повлекут за собой перемены в другой. Важную роль в этом процессе играют механизмы психологической защиты. Понятие психологической защиты было введено З. Фрейдом, который считал, что конечной целью защиты является избегание негативных переживаний связанных с внутренними психическими напряжениями. В то же время следует отметить, что согласно положениям психоанализа любой внутренний конфликт сопровождается так называемым "телесным напряжением".

Цель настоящего исследования заключалась в выявлении отражения характерных для человека механизмов психологической защиты в телесном образе.

Большинство психоаналитиков склоняются к мнению, что психологические защиты подразделяются на две категории: зрелые и незрелые. Незрелые (первичные) определяются ими как защиты, которые формируются на

первом году жизни, когда ещё нет границ между "Я" и внешним миром. В это время, у ребёнка познание окружающего мира происходит через непосредственно-чувственную сферу, через телесные ощущения и опосредованно энергией влечения бессознательного Id (оно).

Зрелые же защиты, наиболее позднее формирующиеся в онтогенезе, "работают" между внутренними инстанциями, т.е. между Ego, Super-Ego и Id. Следует отметить, что формирование зрелых защит происходит в период, когда у ребёнка переработка информации, поступающей из вне, осуществляется преимущественно на вербально-логическом уровне.

В связи с этим, наше исследование основывалось на предположении о том, что примитивные защитные механизмы определяют преобладание непосредственно-чувственного телесного образа, а зрелые механизмы – преобладание вербально-логического телесного образа.

В исследовании приняли участие двадцать студентов психологического факультета. Были использованы следующие психодиагностические методики: "Диагностика типологий психологической защиты" Плутчика и "Рисунок человека" в интерпретации Коха.

Полученные данные подтвердили, выдвинутое предположение. Обнаружилось наличие положительной взаимосвязи на уровне тенденций между наглядно-чувственным телесным образом и незрелыми защитными механизмами.

Также оказались взаимосвязаны на (уровне тенденций) зрелые защитные механизмы и вербально-логический телесный образ.

Слабая корреляция, т.е. взаимосвязь на уровне тенденций, объясняется в первую очередь спецификой выборки (студенты психологи, которые в той или иной мере знают интерпретацию методик). Кроме того, известно, что защитные механизмы личности тесно между собой связаны и взаимодополняемы.

Анализ преобладания одного из телесных образов и наличия соответствующих защитных механизмов осуществлялся по выбранным нами параметрами.

Например, явная диспропорциональность в рисунке испытуемого и преобладание размеров головы над туловищем позволяет нам предположить, что испытуемому присущ вербально-логический телесный образ, а характерными защитными механизмами для личности являются рационализация, интеллектуализация и морализация. О регрессии может свидетельствовать изображение на рисунке фигуры ребёнка.

Напротив, непропорциональность в сторону преобладания размеров тела расценивалась нами как склонность к более чувственному реагированию на стрессовые ситуации и преобладание защитных механизмов более раннего генеза. Крупная, короткая шея, обособленная с двух сторон выраженной штриховкой показывает на активную функцию Ego по типу всемогущего контроля. Защиту по типу вытеснения мы можем наблюдать через расщепление верхней и нижней части тела, т.к. в классическом психоанализе эта защита рассматривается как вытеснение либидозной энергии. О доминировании защитного механизма отрицания мы можем судить по отсутствию либо слабой прорисовки глаз и ушей, т.е. ситуация, в которой явно отрицаются поступающие из вне стимулы. Яркое выделение рта, может указывает на оральную фиксацию (как раз тот самый период, когда формируется незрелые защитные механизмы).

Таким образом, результаты проведённого исследования служат ещё одним свидетельством того, что психика и тело слиты воедино. Понимание этого важно для выявления причины чувств и образа действий.

Осознание внутренних конфликтов и баланс между этими двумя областями может быть достигнут путём использования метода телесно-ориентированной психотерапии, направленного на осознавание и "переработку" телесных проявлений неотреагированных эмоций и травматичных воспоминаний, которые вследствие функционирования физиологических механизмов психологических защит запечатлеются в теле. Терапевтическая работа с телом помогает по принципу обратной связи проводить коррекцию психологических проблем клиента, способствуя осознанию и принятию вытесненных аспектов личности и интеграции их как части глубинной сущности.

К ВОПРОСУ О РОЛИ СИТТЕРА В ХОЛОТРОПНОМ ПРОЦЕССЕ

Т.Клименко (Ярославль)

Эффективность психотерапевтической работы с клиентом в расширенном состоянии сознания во многом зависит от грамотных действий со стороны ситтера. В роли ситтера выступает человек, который в течение всего процесса вхождения в расширенное состояние сознания (РСС) находится рядом с холонавтом (человеком, входящим в расширенное состояние сознания). Мы проводили исследование во время тренингов по ИИПТ (интенсивным интегративным психотехнологиям) и в результате пришли к выводу, что присутствие ситтера имеет для холонавта, как правило, очень важное значение. В опросниках, которые заполняли холонавты, было достаточно много упоминаний (61%) о том, что ситтер очень помогал им во время холотропного процесса. Помощь заключается в том, что, прежде всего, ситтер охраняет личное пространство холонавта, следит за тем, чтобы ему не мешали другие холонавты, а также, чтобы холонавт, находясь в РСС, не нанес повреждений сам себе. Некоторые холонавты вспоминали после процесса, что ситтер помогал им поддерживать нужный темп и глубину дыхания (8,2%). Еще одной важной функцией холонавта является эмоциональная поддержка холонавта и, если необходимо, телесная. Как показывают наши результаты, в поддержке ситтера во время процесса нуждаются и женщины и мужчины, примерно в равной степени. Как правило, холонавты, находясь в расширенном состоянии сознания, чувствуют присутствие рядом своего ситтера (75,2%) и это оказывает сильное влияние на их состояние. Но все же некоторые холонавты, вспоминая свой процесс, упоминали и о том, что холонавт не играл никакой роли на протяжении дыхательного процесса (24,3%). Однако такой информации было гораздо меньше.

Настораживает то, что некоторые холонавты вспоминали о том, что ситтер мешал им во время процесса (13,5%). При этом холонавты обычно описывали те ошибочные действия своих ситтеров, которые создавали им помехи во время холотропного процесса. Постараемся выделить наиболее часто встречающиеся среди них.

Первая ошибка, которую часто допускает ситтер – это излишнее вмешательство в процесс своего холонавта без его просьбы об этом. Так некоторые ситтеры пытаются "помогать" своему холонавту дышать

"правильно". Некоторым, действительно, очень важно и необходимо, чтобы ситтер помогал поддерживать нужный темп и глубину дыхания (об этом мы уже писали выше), однако, других это может сбивать, отвлекать и, наконец, не давать войти в расширенное состояние сознания настолько глубоко, насколько бы им этого хотелось. Кроме того, не все холонавты нуждаются в телесном контакте с ситтером во время процесса (прикосновения, объятия, сжимания рук и т.п.). Об этом ситтеру также необходимо помнить и относиться с пониманием.

Другая ошибка, которую часто допускает ситтер – это резкие, даже агрессивные попытки ограничить двигательные действия холонавта в процессе дыхания. В своих самоотчетах некоторые холонавты вспоминали, что такие грубые (по их выражениям) действия ситтера либо мешали им полностью проявить свои переживания, дать выход энергии, либо могли совсем вывести их из процесса. На наш взгляд, в случае, когда у ситтера еще мало опыта участия в подобных дыхательных процессах, лучше обратиться за помощью к находящимся рядом другим ситтерам или к ведущему.

Следующая ошибка, которую может допускать ситтер, заключается в том, что он покидает зал, где происходит холотропный процесс раньше своего холонавта. А между тем, большинство холонавтов говорят о том, что им особенно важно присутствие и поддержка ситтера не только во время самого дыхательного процесса, но и во время выхода из него и даже еще некоторое время после его окончания. Об этом ситтер не должен забывать и стараться проявить терпение.

Таким образом, мы видим, что роль ситтера требует проявление внимательного отношения, такта, внутренней мудрости, умения интуитивно чувствовать состояние своего холонавта во время дыхательного процесса. Скорее всего, это приходит с опытом прохождения многих подобного рода процессов вхождения в расширенное состояние сознания.

В любом случае, мы считаем очень важным, чтобы ситтер заранее, еще перед началом дыхательного процесса узнал у своего холонавта, какая помощь может ему понадобиться, а чего лучше избегать делать. Мы считаем, что это должно помочь привести к наиболее полному удовлетворению холонавта от своего дыхательного процесса, а также получить максимальный эффект от работы с человеком в расширенном состоянии сознания.

ИНТЕНСИВНЫЕ ТРЕНИНГИ – ПРОБЛЕМА ПСИХОЛОГИЧЕСКОЙ ЭФФЕКТИВНОСТИ

В.В. Козлов (Ярославль), Г. Шибаева (Москва)

Задача осмысления тренинговой работы и вычленение ее эффективности стоит как никогда остро. Это можно почувствовать и по объему информации о тренингах различного характера и по количеству печатной продукции.

Возможность выбора – это прекрасно, но остается нерешенной проблема адекватной оценки такого рода деятельности. Существует огромное количество фирм, пестрят приглашениями сайты всемирной сети, но на редком сайте вы найдете численные характеристики эффективности предлагаемых тренингов. Большей частью вас поразят списком широко известных фирм- клиентов и восторженными отзывами участников. Постепенно начинают появляться статьи, где один из тренеров данного центра или фирмы «популярным» языком осветит достоинства своего тренинга и даже представит критерии

оценки. Но, к сожалению, все это не превышает пока обыденный уровень. Библиографические источники, за очень редким исключением (Петровская Л. А., Большаков Ю. Н., Емельянов, Козлов), не представляют в своих книгах хоть малую часть конкретной, структурированной диагностической информации, которая проявила бы качество и успехи проведенных тренингов. Все остается на уровне «я делаю вот так», и не желает переходить на уровень «я делаю так, с такими результатами».

Диагностические методики, которые применяют для измерения тренинговых воздействий, за исключением контент-анализа, страдают примитивностью, чаще всего в книгах можно найти либо названия проведенного теста, либо сам тест плюс ссылка, что тренинг эффективен, так как параметр изменился.

Оценка эффективности интенсивных интегративных групповых тренингов психокоррекционной или психотерапевтической направленностей относится к числу важнейших аспектов методологии их проведения.

Работу ведущего нельзя признать однозначно эффективной или успешной, если он доволен своей работой, а те, на кого направлена работа, не удовлетворены.

В то же время участник группы может сам посчитать свою работу успешной и эффективной. С этим, однако, может быть не согласен ведущий, который в силу своего профессионального опыта видит, например, что участник на самом деле “ушел” от решения проблемы или сделал малую часть того, к чему он уже готов.

Эффективность оценивается как отношение полученного результата к затратам на его достижение. Применительно к условиям групповых занятий эффективной работой для участника можно считать достижение положительного эффекта или результата при минимизации его затрат.

Положительный эффект может быть ожидаемым или неожиданным. Ожидаемый эффект наблюдается в тех случаях, когда участник в результате занятий удовлетворяет свои надежды и ожидания, которые у него были перед началом занятия и, собственно, определяли цель прихода. В этом случае по степени удовлетворенности этих ожиданий можно судить об успешности занятия. Однако практика показывает, что до 2\3 из получаемого от занятий эффекта бывает для участника неожиданным.

Общий положительный эффект от занятия складывается из двух составляющих: непосредственного эффекта и косвенного.

Под непосредственным эффектом понимается осознаваемые участником изменения его психологического состояния в результате занятия. При этом к непосредственному эффекту относится осознавание полученного результата в ходе занятия или в конце занятия, в промежутках между занятиями в пределах одного цикла, в конце цикла или непосредственно по его окончанию.

Это может быть как ожидаемый эффект, так и неожиданный, который участник также осознал непосредственно в ходе занятий. Неожиданный непосредственный эффект может наступить в результате переформирования цели или задачи, с которой участник пришел на занятия, дополнение ее другими целями, выявленными в результате собственных процессов или под влиянием работы других участников.

Под косвенным эффектом от занятий понимается результат, который не ожидался участником до занятий, не был осознан им в конце занятий и сказался в иной неожиданной для участника области.

Независимо от того является ли эффект непосредственным или косвенным, ожидаемым или неожиданным, целесообразно его подразделить на краткосрочный и долгосрочный.

Краткосрочный - это эффект, длительность которого конечна во времени и максимально приближена ко времени занятий или их непосредственному окончанию. Краткосрочный эффект всегда конкретен и конечен. Долгосрочный эффект - это тот результат занятий, который сказывается в течение длительного срока, воздействуя на будущее участника, в том числе и отдаленное.

Эффект, результат, получаемый от занятий, по направленности, величине и виду у каждого участника свой. При этом их нельзя сравнивать между собой, поскольку то, что вполне удовлетворяет одного участника, может быть явно недостаточным для другого. Занятия для участника являются эффективными в том случае, когда его затраты физические, времени, финансовые соизмеримы со значимостью результата, который он получает.

Вне сомнения, на всех тренингах все еще важным остается проблема измерения психологического эффекта участия на тренингах. Особенно это касается долгосрочного эффекта. Именно по этой причине мы планируем провести психологическое исследование этого феномена при проведении дыхательных тренингов.

Поскольку каждый участник достигает своего результата, то (если принять, что затраты на занятия - время, стоимость, для всех участников равные) наибольший эффект получает тот, у которого его субъективный результат выше. Существует критический минимальный уровень эффективности, ниже которого участие в занятиях становится не выгодным, то есть затраты участника выше, чем получаемый результат.

Следует отличать эффективность занятия для каждого участника, от эффективности занятий для группы в целом.

Один из участников может получить от занятия очень много, например, вследствие большего внимания со стороны ведущего, в ущерб остальным, из - за чего эффективность занятия для них будет невысокой. Если средняя эффективность по группе опустится ниже критически минимального уровня, то группа, будучи в целом неудовлетворенной, может распасться.

Из определения эффективности следует, что она уменьшается при увеличении затрат участников. Например, перенос занятий в более отдаленное или неудобное территориально место потребует больше времени на дорогу и вызовет дополнительную усталость. Увеличение продолжительности цикла может вызвать неприемлемую длительность отсутствия участника в семье. Напрямую на затратах сказывается изменение стоимости цикла.

Одним из путей повышения эффективности занятий, на первый взгляд, становится уменьшение их стоимости. Однако, как показывает практика, это очень неоднозначный путь. Уменьшение стоимости занятий ведет к обесцениванию полученных знаний и опыта, росту потребительских настроений, проявлений недисциплинированности и в ряде случаев безответственности. В целом снижение стоимости может привести к снижению эффективности, а не к ее повышению, поскольку отрицательный результат от этого, может расти быстрее, чем снижается стоимость.

Не отрицая терапевтических возможностей бесплатного или за минимальную плату посещения занятий, оплату занятий организацией или спонсором, опыт работы показывает, что для того, чтобы материал был более ценен для человека, лучше усваивался, сильнее способствовал личностному

росту, человек должен осуществлять возмездный или эквивалентный обмен того, что он получает, с тем, что он отдает взамен.

Возмездный обмен подразумевает частичное возмещение затрат непосредственно лицу, от которого человек что - то получил для себя, что может быть расценено как положительный эффект. Возмещение другой части носит опосредованный характер, поскольку ее возвращают в “мир”, через который в той или иной форме, оно вернется к первоначальному лицу.

При эквивалентном обмене человек возвращает все непосредственно лицу, от которого он получил то, что явилось для него положительным результатом. При отсутствии возмездного или эквивалентного обмена ” не отданное” уходит или не идет впрок. Компенсация может осуществляться на любом уровне энергетики: денежном, услугами или помощью, выполнением другой работы и т.д.

Эффективность ведущего также определяется, как отношение достигнутого результата к затратам на его достижение. Как и для участника, положительный результат, эффект для ведущего, может быть непосредственным и косвенным, краткосрочным или долгосрочным.

Непосредственный эффект для ведущего разнопланов и касается различных сфер. Первый план непосредственного эффекта касается заработка ведущего, как оплаты его профессионального труда при платной системе работы группы, или получение альтернативного социального эффекта. К непосредственному эффекту для ведущего относится осознаваемые изменения личностного плана, происходящие с ним на группе, такие как личностный и духовный рост, углубление собственной проработанности, рост круга знакомых и.т.д. Неожиданными являются конкретные формы этих изменений. Косвенный эффект для ведущего может быть в виде неожиданных предложений по работе, знакомств и т.д.

Занятия являются эффективными тогда, когда они являются эффективными как для ведущего, так и для группы в целом, когда они проявляют ресурсные состояния как участников интенсивного тренинга, так и лидера.

В соответствии с поставленной проблемой мы решили провести исследование эффективности тренингового занятия в аспекте снижения тревожности.

Из практики проведения процессов использующих РСС известно, что дышащие клиенты сталкиваются с переживаниями стрессового характера, несущими в себе отрицательные эмоциональные заряды. От способности клиентов выразить в течении процесса подавленные эмоции и интегрировать поднявшиеся переживания зависит эффективность и самочувствие в послетренинговой обстановки.

Данное исследование было проведено с целью выяснения динамики психической сбалансированности клиентов после прохождения дыхательных процессов, их способности к нормальному функционированию после прохождения тренинга.

За критерий оценки был взят показатель интенсивности ситуационной тревоги восьмицветного теста Люшера ("Luescher Farbwahl Test").

Испытуемому дважды предлагается сделать последовательный выбор (в порядке предпочтения) восьми основных цветов: синего, зеленого, красного, желтого, фиолетового, коричневого, черного и серого. Цвета представлены на экране прямоугольниками, имитирующими цветные карточки,

которые предъявляются при классическом способе проведения теста. При выборе того или иного цвета соответствующий прямоугольник исчезает с экрана.

Между двумя выборками испытуемому нужно сделать перерыв около минуты. Во время второй выборки не следует пытаться вспомнить порядок цветов в первой. Выполнение теста занимает всего 3-4 минуты.

Анализ и интерпретация результатов зависят от номера позиции, занимаемой цветом в ряду, от сочетания пар цветов и от устойчивости выбора.

В группе, имеющей определенный дыхательный опыт, средний показатель интенсивности тревоги уменьшается после выхода из процесса. Причем степень его уменьшения на конечной стадии многодневного тренинга значительно выше, чем в первый день.

В отдельных случаях наблюдались резкие изменения степени интенсивности тревоги до и после процессов в сторону уменьшения или увеличения. В данных случаях имела место успешная интеграция актуализированного ранее материала или незавершенность процесса.

На основании обработки данных тестирования можно сделать вывод, что на изменение степени тревожности участников процессов влияют следующие факторы:

1. Наличие у участников опыта вхождения в РСС, умения осознать и эффективно интегрировать переживания (у подавляющего большинства участников, имеющих определенный опыт вхождения в РСС, отмечено снижение показателей интенсивности тревоги после выхода из процесса.)

2. Уровень квалификации лидера, его способность организовать положительный психологический климат в группе.

3 . На завершающих этапах тренинга происходит уменьшение уровня тревожности, что дает возможность сделать предположение не только о возрастании интегративных способностей участников, но и улучшении общего функционального состояния клиентов.

ПОЛЕТЫ ЖИЗНИ И СМЕРТИ. – ЭРОС И ТАНАТОС В ИНФАНТИЛЬНЫХ ФАНТАЗИЯХ О ЛЕВИТАЦИИ

С.Л. Копылов (Иркутск)

Принято считать, что сновидения (а равным образом и фантазии) в которых сновидец находится в состоянии полета (или падения) толкуются как проявления вытесненной сексуальности. Фрейд считал полет во сне символом полового акта. К этому можно добавить также, что в данном случае речь может идти и об аллегории мастурбации (для которой сновидцу не требуется партнер), если сновидец «летит» во сне один. – Типичный пример фантазии такого рода – фильм «Superman», главный герой которого (ярко выраженный носитель брутальной сексуальности) умеет летать и, вдобавок, во время полета всегда бывает чрезвычайно вызывающе одет (красные плавки поверх синего трико).

Насколько верен этот тезис? Насколько он полон?

Фантазия полета, левитации – одна из самых древних – и в онто-, и в филогенетическом смысле. Она типична для лиц детского возраста, встречается и у взрослых невротиков.

Попробуем привести пример такой фантазии и дать ему психоаналитическую интерпретацию. Поиски такого примера незатруднительны – ими изобилуют всевозможные художественные тексты:

«Мы в траншеях рыли *ямки*,
Мы скучали по *снарядам*,
На *границе бродят* янки
И не знают, что мы рядом.
А в небе *улыбнулись звезды*,
Ночью ты *всегда играешь*.
Мы пришьем друг другу крылья:
И я летаю, и ты летаешь».

(З. Рамазанова «Паранойя»)[6]

(Мы выделили особо характерные места цитированного текста курсивом, отсутствующим у автора).

Толкование:

Представляется вполне очевидным то обстоятельство, что цитированный текст насыщен инфантильными сексуальными переживаниями. «Ямки», «снаряды» - символы, соответственно, женского и мужского начала. Отсутствие как тех (их «рыли» - значит, их не было), так и других (по ним «скучали» - значит, их тоже не было) и указывает на инфантильность данного переживания. Далее следует особенно важная часть. «Янки», которые «*бродят* на границе» и «не знают, что мы рядом» - это важная составляющая того, что Фрейд называл «первичной сценой». Первичная сцена – это ситуация, в которой ребенок становится свидетелем полового акта родителей. «Граница» в данном контексте означает возрастной барьер, а «бродят» (действие) – coitus. «Брожение» - это действие в трактовке автора, a priori лишенное рациональной цели, поэтому оно и ассоциируется с действиями сексуального характера. Но поэта-фантазера такая позиция не удовлетворяет. Ему мало инфантильной роли в первичной сцене, а он жаждет пройти и роль взрослого. Для этого в текст вводятся «звезды», которые «в небе улыбнулись» (в данном случае – вообще в фантазиях и сновидениях – такой троп, как олицетворение, несомненно, означает одушевленность). Эти «звезды» подглядывают за тем, кто подглядывает сам (за «бродящими янки»). Сновидец достигает, тем самым, совершенно превосходного результата: он подглядывает за «янки», которые «не знают», что он «рядом», за ним самим подглядывают «звезды», что он, в свою очередь, знает очень хорошо (он даже знает, что они «улыбнулись»). Это можно проинтерпретировать в том смысле, что сновидцу психотравма была нанесена помимо его воли, тогда как он сам, «сдвигая» роли в первичной сцене, передает свою психотравму третьему лицу вполне произвольно.

Таким образом, фантазер-сновидец смещает распределение ролей в первичной сцене, избавляет себя от психотравмирующих переживаний[7],

[6] Текст взят из третьего альбома группы «Zемфира»; он называется «14 недель тишины».

[7] Мы, конечно, не утверждаем, что фантазер-сновидец действительно когда-то пережил первичную сцену и т.д. Мы лишь хотим сказать, что в продукте работы его бессознательного можно обнаружить следы типичной для такого случая психотравмы. Но это отнюдь не всегда означает, что описанные обстоятельства действительно имели место. Фантазия о первичной сцене тоже является психотравмирующей. Это, если можно так выразиться, «здоровая» психотравма, то есть такая, через которую в обязательном порядке проходит каждая вполне здоровая личность, подобно тому, как все переживают комплекс кастрации и эдипов (электры) комплекс, а также и травму «рождения».

переводя их на кого-то другого (трансфер, перенос). Результат – осуществление вытесненного желания! – снятие психотравмирующего переживания, с перенесением психотравмы на третьих лиц (это вообще классический «метод» снятия, а не разрешения, психотравмирующих переживаний, до которого додумываются буквально все невротики: например, многие лица, совершившие сексуальные преступления, сами в детстве оказывались жертвами таких преступлений).

За этим следует уже «золотая классика» психоаналитических символов: «ночью ты всегда играешь». Игра *вообще* (если в тексте нет дополнительных пояснений) – это классический символ сексуального акта:

«Но когда уже много времени он» (Исаак) «там прожил, Авимелех, царь Филистимский, посмотрев в окно, увидел, что Исаак *играет* с Ревеккою, женою своею» (Бытие 26:8; курсив наш).

Таких примеров можно было бы привести очень много; мы ограничились наиболее характерным. Можно добавить также, что мастурбацию иносказательно называют «*игра* своей плотью» (idem: Стивен Кинг «Бессонница». – Х.: «Дельта», 1995. См. с. 259). А если принять во внимание тот факт, что игра осуществляется «ночью», то ее истинный смысл становится особенно очевиден[8].

После отрицания (которому предшествует перенос), начинается сублимация (с этого места начинается отреагирование, катарсис). В этот момент сновидец, наконец, признает и свою «вину»: «мы пришьем друг другу крылья». Здесь действия фантазирующего приобретают довольно агрессивный характер, за что он расплачивается тем, что позволяет жертве своей агрессии, проявить её в том же качестве и количестве по отношению к самому фантазеру-сновидцу («пришьём *друг другу*»). – В тексте, впрочем, не сказано, кто будет «пришивать» первым. Во всяком случае, ясно, что это двусторонний обмен, и фантазер-сновидец не отрицает своего участия в этом обмене. Тут необходимо подчеркнуть следующее: казалось бы, признание в пришивании кому-то «крыльев» (что означают эти «крылья», мы увидим дальше) – это признание в гораздо более тяжком проступке, чем «ночные игры». Но мы знаем, что бессознательное никогда допускает к осознанию более значимых вытесненных переживаний, чем менее значимые. Другими словами, если в тексте (фантазии или сновидения) что-то осознается или, хотя бы, не отрицается (то есть, говорится от первого лица), а что-то не осознается или, хотя бы, отрицается, то мы можем с полной уверенностью заявить, что каковы бы ни были содержания этих сознаваемых или несознаваемых переживаний, первое субъективно значимее для данного индивида, чем второе.

Отсюда необходимо заключить, что, по всей видимости, основа данной психотравмы лежит именно в первичной сцене и мастурбации, которые, во исполнение вытесненного желания сновидца, снимаются. Для того чтобы обеспечить это снятие, «оплатить» его (компенсировать), сновидец признается себе (и другим) в объективно более тяжком проступке – в «пришивании»

[8] Между прочим, здесь, как и раньше, фантазирующий сновидец вновь снимает психотравму, которая причиняется воспоминанием о мастурбации, - он переводит это воспоминание на второе лицо. - Автор текста пишет: «ты». Но «ты» - это любой, кто читает данный текст. Таким образом, сновидец утверждает, что «ночью» «всегда» играет кто угодно другой, но никак не сам сновидец. Вообще, роль второго лица (попросту, всего остального человечества) в фантазии или сновидении – это роль «козла отпущения».

крыльев – который, впрочем, тоже смягчается тем, что сновидец не только пришивает крылья другому, но и позволяет этому другому пришить их себе. Результат вновь бесподобен: сновидец снял психотравмирующий аспект воспоминания о первичной сцене, снял психотравмирующее воспоминание о мастурбации, расплатился за это признанием в осуществлении агрессивного акта, но и здесь ухитрился уничтожить чувство вины, сделав одной из жертв этой агрессии также и себя самого.

Но творчество не было бы творчеством, если бы к нем не присутствовал катартический момент: в данном случае сновидец расплачивается признанием, разрешением менее значимого переживания за возможность и дальше вытеснять более значимое.

Проанализировав подробно мотивационную составляющую этого акта агрессии, перейдем к составляющей содержательной – собственно, к крыльями и левитиации. Начнем с того, что левитацию в фантазии и сновидении можно разбить на две разновидности: левитация обусловленная и левитация свободная. Под первой мы понимаем такую левитацию, которая осуществляется без применения каких-либо вспомогательных средств (например, крыльев). Сюда относятся также и полеты-падения. Такая левитация (иррациональная par excellence) более характерна для сновидений; в фантазиях встречается несколько реже (Питер Пэн, Superman, Маленький Принц, Иисус Христос, Валькирии и др.).

Вторая разновидность левитации осуществляется благодаря применению вспомогательных средств (крылья, «Летучий корабль», ковер-самолет, облако, крылатые сандалии Персея, волшебное помело или ступа и др.). Такая левитация встречается инфантильных фантазиях наиболее часто (напротив, в сновидениях этот вид левитации, по нашим представлениям, встречается гораздо реже, чем в мысленных видениях, фантазиях).

Речь здесь идет не только о возрасте фантазера-сновидца – понятно, что текст Нового Завета это не то же самое, что детский лепет – но также о преобладающем типе сексуальности в данной фантазии или в данном сновидении.

Итак, вернемся к толкуемому тексту. Там говорится о «пришивании» крыльев. Если их пришивают, значит их - нет. В пространстве инфантильного сновидения отсутствие крыльев не может препятствовать полету. Но в данном случае мы анализируем мысленное видение, фантазию, а не сновидение (в большинстве случаев анализы фантазий, мысленных видений ничем принципиально от анализов сновидений не отличаются. Выяснение того, какое же все-таки различие лежит между такими анализами, в нашу задачу не входит. Поэтому, за исключением особых случаев, в данной статье мы приравниваем фантазию к сновидению, и называем автора анализируемого текста «фантазер-сновидец»). Если в сновидениях (особенно детских) свободные полеты встречаются достаточно часто (имеются многочисленные непсихоаналитические гипотезы, объясняющие это явление), то в фантазиях (в т.ч., детских) они присутствуют гораздо реже. Данный текст является подтверждением этому: «крыльев» нет, поэтому их необходимо «пришить», и только так и можно левитировать. Хотя в фантазии, «в принципе», все возможно, фантазер-сновидец, даже в пространстве последней подчеркивает, что для полета необходимы «крылья» (хотя никто не мешает нафантазировать полет без «крыльев»). Отсюда нетрудно заключить: если крылья не требуются для полета, то, следовательно, - полет требуется для «крыльев». Другими

словами, фантазия о полете существует лишь в качестве предлога для пришивания «крыльев», которые без того были бы совершенно лишними, и могли бы навести на те мысли, которые только что были так старательно и так успешно вытеснены. Используя «крылья» по их прямому и тривиальному назначению, сновидец, тем самым, драпирует их истинную роль[9].

Постараемся выяснить, в чем эта роль заключается. Для этого необходимо обратиться к двум последним строкам (было бы, во всяком случае, ошибочно допускать, что последняя строка выполняет только маскирующую функцию и никакую больше, что она не обладает самостоятельным, только ей присущим значением, ибо подобное допущение противоречило бы принципу сверхдетерминации; а кроме того, для подобногой маскировки одной только, включение в стихотворный текст целой новой строки, было бы совершенно избыточным и неосторожным действием со стороны всегда аккуратного и труднопредсказуемого бессознательного).

Во-первых, эти «крылья» необходимо «пришить». Стало быть, здесь речь идет о нанесении травмы, влекущей к появлению крови. Последнее, конечно, нельзя однозначно трактовать как намек на кастрацию. Но здесь, во всяком случае, подчеркивается то обстоятельство, что полет – это состояние настолько неестественное, что совершить его иначе, как нанеся травму, невозможно. Можно предполагать, что травма, наносимая «пришиванием» «крыльев» является компенсацией не только за снятие психотравмирующих последствий первичной сцены и мастурбации, но и за возможность левитации. По крайней мере, полёт, осуществляемый посредством крыльев (NB, именно так), несомненно, представляет собой сексуальную символику (скульптура, изображающая крылатый penis – очень типичное явление для первобытных, точнее, для политеистических религиозных культов).

Примем это толкование как верное. Здесь автор текста констатирует то обстоятельство, что, хотя «ночью *ты* всегда играешь», но полет (в противоположность игре) осуществляют и первое, и второе лица (« и я летаю, и ты летаешь»). Что *неопределенная* игра (просто *игра*, без каких-либо пояснений) толкуется как символ мастурбации, это мы убедительно показали выше. Таким образом, игре осуществляемой одним только вторым лицом (то есть, мастурбации) противостоит *полет*, осуществляемый и автором фантазии, и вторым лицом. Причем, если игра осуществляется произвольно, то полет возможен только при добровольном участии и первого, и второго лиц. Он возможен лишь при условии, что «мы пришьем друг другу крылья» (именно «друг другу», так как если фантазер-сновидец вздумает пришить крылья себе сам, то он добьется не полета, а в лучшем случае «ночной игры»). На языке бессознательного: мастурбация versus левитация

Нетрудно заключить, что в данном случае полет (который, как нерасшифрованный бессознательный символ, противостоит игре,

---

[9] Поскольку в фантазиях о полете, крылья, как и другие вспомогательные средства, встречаются достаточно часто (ситуации, аналогичные анализируемой), мы считаем возможным экстраполировать этот вывод вообще на все фантазии и сновидения о полете; другими словами, если в фантазии или сновидении имеет место полет с применением вспомогательных средств, то основная, наиболее отдаленная от сознания, работа бессознательного в процессе сновидения или порождения фантазии, сосредоточена не на полете, а на этих вспомогательных средствах, тогда как функцией полета является сокрытие действительного назначения пресловутых вспомогательных средств.

расшифрованному бессознательному символу, означающему мастурбацию) символизирует все-таки сексуальный, половой акт quod erat demonstrandum.

В данном случае мы толковали фантазию сексуальную, эротическую par excellence. Танатоидное влечение в ней хотя и присутствовало, но не было непосредственно связано с полетом, с левитацией.

Возьмём другой пример, который также представляет собой художественный текст, инфантильную фантазию. Он отличается от предыдущего, главным образом, тем, что является стилизацией под детские переживания (грубо говоря, является произведением детской литературы). -

Рассказ известного детского писателя Б.С.Житкова «Девочка Катя». Мы просим извинения у читателя за длинную цитату; тем не менее, считаем целесообразным привести этот рассказ in extenso, так как он невелик по объему:

Девочке Кате захотелось улететь. Своих крыльев нет. А вдруг есть на свете такая птица - большая, как лошадь, крылья, как крыша. Если на такую птицу сесть, то можно улететь через моря в теплые страны.

Только птицу надо раньше задобрить и кормить птицу чем-нибудь хорошим - вишнями, например.

За обедом Катя спросила папу:

- Есть такие птицы, как лошадь?

- Не бывает таких, не бывает, - сказал папа. А сам все сидит и читает газету.

Увидала Катя воробья. И подумала: "Какой чудак таракан. Была бы я тараканом, подкралась бы к воробью, села бы ему между крыльев и каталась бы по всему свету, а воробей бы и не знал ничего".

И спросила папу:

- А что, если таракан на воробья сядет?

А папа сказал:

- Клюнет воробей и съест таракана.

- А бывает такое, - спросила Катя, - что орел схватит девочку и понесет к себе в гнездо?

- Не поднять орлу девочку, - сказал папа.

- А два орла понесут? - спросила Катя.

А папа ничего не ответил. Сидит и газету читает.

- Сколько орлов надо, чтобы понести девочку? - спросила Катя.

- Сто, - сказал папа.

А на другой день мама сказала, что орлов в городах не бывает. А по сто штук вместе орлы никогда не летают.

И орлы злые. Кровавые птицы. Поймает орел птичку - разорвет в кусочки. Схватит зайца - и лапок не оставит.

И Катя подумала: надо выбрать добрых белых птичек, чтобы жили дружно, летали бы стаей, крепко летали и махали бы широкими крыльями, белыми перьями. Подружиться с белыми птицами, таскать от обеда все крошки, не есть конфет два года - все отдавать белым птичкам, чтоб птички полюбили Катю, чтобы взяли ее с собою и унесли бы за море.

А в самом деле - как замашут крыльями, захлопают целой стаей - так что ветер подымается и пыль по земле пойдет. А птички выше, зажужжат, захлопочут, подхватят Катю... да так за что попало, за рукава, за платье, пусть даже за волосы схватят - не больно - клювиками схватят. Подымут выше дома - все смотрят - мама крикнет: "Катя, Катя!" А Катя только головой закивает и скажет: "До свиданья, я потом приеду".

Наверное, есть такие птицы на свете. Катя спросила маму:

- Где узнать, какие бывают птицы на всем свете?

Мама сказала:

- Ученые знают, а впрочем - в зоосаде.

Гуляла Катя с мамой в зоосаде.

Ну, их, львов - и не надо обезьянок. А вот тут в больших клетках птицы. Клетка большая, и птичку еле видно. Ну, это маленькая. Таким и куклы не поднять.

А вот орел. Ух, какой страшный.

Орел сидел на сером камне и рвал по клочкам мясо. Кусает, рванет, головой повертит. Клюв - как клещи железные. Острый, крепкий, крючковатый.

Совы сидели белые. Глаза - как большие пуговки, мордочка пушистая, а в пуху крючком спрятан острый клюв. Ехидная птица. Хитрая.

Мама говорит: "Совушка, совушка", - а пальчика ей не сунула.

А вот птички - и не знает Катя - может быть, попугайчики, беленькие, крылышки отточенные, машут, как веерами, носики длинненькие, летают по клетке, усидеть не могут и все ласкового цвета.

Мама за руку дергает. "Пойдем", - говорит. А Катя плачет, топает ногой. Видит ведь: те самые птицы, белые, добрые, и крылья большие.

- Как они называются?

А мама говорит:

- Не знаю я. Ну, птицы как птицы. Белые птицы, одним словом. А главное, обедать пора.

А дома Катя придумала.

А что придумала - никому не сказала.

Взять коврик, что висит над кроватью, и к этому коврику пришить по краям толстой ниткой конфеты, семечки, косточки, бусинки - весь-весь коврик кругом обшить, и белые птички схватят, замахают белыми крылышками, дернут клювиками за ковер.

А на ковре лежит Катя. Лежит, как в люльке, и птички ее любят, и всех птичек триста, все кричат, все наперебой хватаются, несут, как пушинку. Выше крыши над всем городом. Все внизу стоят, головы забросили. "Что, - говорят, - что такое?" Выше дерева подняли. "Не бойся, - кричат птички, - не пустим, ни за что не пустим. Держите крепче!" - кричат птички.

А Катя растянулась на коврике, и ветром волосы треплет. Облако навстречу. В мягкое облако влетели птички. Обвеяло облако и в самое синее небо - все кругом синее - и все дальше, дальше. А там далеко, а там далеко осталась мама, плачет от радости: "Катеньку нашу птички как любят - с собой взяли. Тоже как птичку".

А потом за море. Внизу ходит море и синие волны. А птицы ничего не боятся. "Не уроним, - кричат, - не уроним!" И вдруг стало тепло-тепло. Прилетели в теплые страны.

Там все теплое, и вода, как чай, теплая, и земля теплая. А трава совсем мягкая. И нигде нет колючек.

С этого дня Катя каждое утро клала за окно на подоконник сухарики, корочки, сахар. Била сахар на кусочки, раскладывала рядышком на подоконнике. Наутро ничего не было.

Птички знают - они ночью хватают, а днем, наверное, подглядывают: видят, что Катя их любит и своих конфет не жалеет.

Настало время. Покатились по небу тучи. Мама достала из корзины калоши. Катя сорвала со стены коврик - дошивала последние нитки. А птички ждали за крышей и тайком подглядывали - скоро ли постелет Катя свой коврик. Катя постелила коврик в комнате, легла и примерилась.

- Это что за фокусы, - сказала мама, - днем на полу валяться?

Катя встала и сразу заплакала. Мама схватила коврик.

- Это что за нитки? Это что за гадость - конфетки, объедки.

Катя заплакала еще сильней. А мама рвет нитки, ругается.

Катя подумала: "Расскажу - может, лучше будет". И все рассказала.

А мама села на ковер и сказала:

- А ты знаешь, бывают птицы вороны. Видала: черные, носы, как гвозди, долбанет носом - и глаз вон. Они злые, цыплят таскают. Налетят на твоих белых птичек, как начнут долбить злыми носами - вправо, влево, по перышку растаскают всех птичек. Из самой высоты, с самого верху полетишь ты, как кошка из окошка.

Утром рано прыгнул кот на кровать к Кате и разбудил. Катя кота не скинула, а сгребла платье со стула под одеяло, все, все: и чулки, и подвязки, и башмаки. Стала под одеялом тихонько одеваться. Чуть мама шевельнется - Катя голову на подушку, а глаза закроет.

Наконец оделась, тихонько слезла на пол. Надела шапку, натянула пальто, взяла в кухне хлеба - потом тихонько без шуму открыла дверь на лестницу и пошла по лестнице. Не вниз, а вверх. На третий этаж, на четвертый этаж, на пятый этаж и еще выше. Вот тут чердак начинается, а окно на крышу безо всяких стекол. Из окна мокрый ветер дует.

Катя полезла в окно. Потом на крышу. А крыша была скользкая, мокрая. Катя полезла на животе, руками хваталась за железные ребра, долезла до самого верху и села верхом на крышу у самой трубы. Накрошила хлеба, разложила и справа и слева и сказала себе:

- Буду сидеть, не шевелиться, пока не прилетят птички. Может быть, они меня и так возьмут. Я их очень начну просить. Так очень, что заплачу.

Мелкий дождик с неба шел, закапал всю Катю. Прилетел воробей. Посмотрел, посмотрел, повертел головкой, посмотрел на Катю, пискнул и улетел.

- Это он ко мне прилетал, это его птички послали посмотреть: ждет ли Катя. Полетит теперь и скажет, что сидит и ждет.

"Вот, - думает Катя, - я закрою глаза, буду сидеть, как каменная, а потом открою, и кругом будут все птицы, птицы".

И вот видит Катя, что она не на крыше, а в беседке. А к беседке прилетают птички, в клювиках цветочки - всю беседку усаживают цветочками. И у Кати на голове цветочки и на платье цветочки: а в руках корзинка, в корзинке конфеты, все, что надо в дорогу.

А птицы говорят:

- По воздуху ехать страшно. Ты поедешь в коляске. Птицы запрягутся вместо лошадей, а тебе ничего не надо делать - ты сиди и держись за спинку.

Вдруг слышит Катя - гром раздался. Скорей, скорей летите, птички, гроза сейчас будет.

Птички машут изо всей силы крыльями, а гром сильней, ближе - и вдруг Катя слышит: "Ах, вот она где".

Катя открыла глаза. Это папа идет по крыше. Идет, согнувшись - и гремит, хлопает под ним железо.

- Не шевелись, - кричит папа, - упадешь.

Ухватил папа Катю поперек живота и пополз с крыши. А внизу стоит мама. Руки под подбородком сжала, и из глаз капают слезы.

Будучи стеснены рамками статьи, мы, конечно, не сможем осуществить анализ вышеприведенного текста в таких подробностях, как это было бы необходимо; однако все наиболее существенное и связанное при этом с фантазией о левитации, будет нами проговорено.

Толкование[10]:

В приведенном тексте, в отличии от прежде анализированного, сексуальные мотивы отходят на второй план, а на первый выступают мотивы танатоидные. Главная героиня рассказа – собственно, «Девочка Катя» - ребенок, то есть, носитель инфантильных переживаний. О ее возрасте в тексте ничего не говорится, а поскольку психосексуальные характеристики в тексте обозначены схематично, нельзя сделать вывод о том, в какой именно стадии возрастного развития она находится (на момент описываемого действия). Во всяком случае, ясно, что это – догенитальная фаза. Ясно также, что речь не может идти ни об оральной, ни об анальной стадиях. Остаются стадия фаллическая и латентный период. Предположительно окончание первой или начало второго, так как именно для латентного периода типична такая «стертость» сексуальных показателей.

Итак, действие рассказа начинается с того, что

Девочке Кате захотелось улететь. Своих крыльев нет.

Здесь мы констатируем, во-первых, отсутствие четко обозначенного мотива последующего действия (неизвестно, почему «захотелось улететь»). Стало быть, этот мотив вытеснен. Во-вторых, левитация в данной фантазии (рассказе) – обусловленная. Героиня вполне отдает себе отчет в том, что улететь без крыльев невозможно. С другой стороны, на крыльях человек тоже улететь не сможет, так как крыльев у нет, да и не может быть, по определению. Этот факта «Девочка Катя» тоже сознает, но довольно смутно, на уровне неглубокого предсознания. Ведь по степени близости к реальности, эти допущения абсолютно идентичны. Если предположить, что на крыльях, которые у него отсутствуют, человек может улететь куда захочет, то почему бы не предположить, что он может улететь и без крыльев? В первом случае нужно допустить наличие у человека крыльев, что нелепо, во втором – что можно летать безо всяких крыльев, что столь же нелепо. Катя, таким образом, осознает, что невозможно летать без крыльев (в более широком смысле: без вспомогательных средств) и что у человека нет и не может быть «своих» крыльев. Исходя из сказанного, нетрудно заключить, что мы имеем дело с фантазией (или историей имевшей место в действительности), но никак не со сновидением, так как для сновидений типичен именно полет *без* «своих крыльев», без каких-либо вспомогательных средств.

Принимая отсутствие своих крыльев за непреложный и непреодолимый факт, Катя приходит к следующему заключению:

А вдруг есть на свете такая птица - большая, как лошадь, крылья, как крыша. Если на такую птицу сесть, то можно улететь через моря в теплые страны.

Только птицу надо раньше задобрить и кормить птицу чем-нибудь хорошим - вишнями, например.

Самое характерное в данном рассуждении то, что в нем самое тривиальное предположение («а вдруг…») тотчас же обращается в непреложный факт. – Мы предположили, что «а вдруг есть на свете такая птица и т.д.», и тотчас же заключаем, что действительно «есть» и «если на такую

[10] При толковании этого текста, - в противоположность предыдущему, - мы понимаем под объектом анализа бессознательные мысли персонажей рассказа, а не его автора. Анализ бессознательных переживаний автора текста мы сейчас оставляем в стороне.

птицу сесть, то можно и т.д.», причем имеется условие – ее «надо раньше задобрить и т. д.». Еще ничего неизвестно даже о том, *есть* ли эта птица вообще, но уже совершенно точно известно, что на нее «можно» «сесть» и что ее можно «задобрить» «вишнями». – Это, конечно, проекция в ее классическом представлении. Катя знает, что вишни – это хорошо для нее самой, и на этом основании заключает, что и для птицы это было бы хорошо. Отсюда видно, что посредством проекции действует здесь механизм вытеснения. Ведь если бы Катя могла вообразить, что она способна улететь без «своих крыльев» или что эти крылья у нее есть, то не возникло бы нужды создавать фантазию о птицах. Но этого она не может, и поэтому бессознательно подменяет себя в созданной фантазии птицей (первоначально ей просто «захотелось улететь» (принцип удовльствия), лишь потом следует беспощадная констатация того, что «своих крыльев нет» (принцип реальности), а в дальнейшем привлекается к делу птица «большая, как лошадь»). Но это делается бессознательно, и Катя не осознает того, что она и есть – птица. Поэтому она вводит в эту фантазию и себя самое в качестве действующего лица («если на такую птицу сесть»).

Продолжим наш анализ:

За обедом Катя спросила папу:
- Есть такие птицы, как лошадь?
- Не бывает таких, не бывает, - сказал папа. А сам все сидит и читает газету.
Увидала Катя воробья. И подумала: "Какой чудак таракан. Была бы я тараканом, подкралась бы к воробью, села бы ему между крыльев и каталась бы по всему свету, а воробей бы и не знал ничего".
И спросила папу:
- А что, если таракан на воробья сядет?
А папа сказал:
- Клюнет воробей и съест таракана.
- А бывает такое, - спросила Катя, - что орел схватит девочку и понесет к себе в гнездо?
- Не поднять орлу девочку, - сказал папа.
- А два орла понесут? - спросила Катя.
А папа ничего не ответил. Сидит и газету читает.
- Сколько орлов надо, чтобы понести девочку? - спросила Катя.
- Сто, - сказал папа.

Действие принципа реальности еще не было вполне преодолено («Есть такие птицы, как лошадь?»), когда он неожиданно начал действовать с новой силой («Не бывает таких, не бывает»). Но для инфантильной фантазии это не очень существенная проблема, как мы дальше увидим. Здесь лежит одно из наиболее существенных отличий фантазии от сновидения: если сновидение нарушает законы объективной реальности грубо, резко, то фантазия, как правило, осуществляется в рамках этих законов, хотя бы и лишь формально.

Далее в тексте фантазии следует небольшое «лирическое» отступление, которое позволяет нам сделать некоторые выводы об отношениях Кати с ее родителями; а именно, в данных детско-родительских отношениях отмечается дефицит эмпатии со стороны родителя («а сам все сидит и читает газету»).

После этого у Кати возникает локальная фантазия, весьма напоминающая сновидение:

"Какой чудак таракан. Была бы я тараканом, подкралась бы к воробью, села бы ему между крыльев и каталась бы по всему свету, а воробей бы и не знал ничего".

Данная «локальная» фантазия напоминает сновидение именно грубым нарушением принципа реальности. – Катя не могла представить себе полет без крыльев, но представить себя в образе таракана у нее не вызвало затруднений. Во-вторых, данная фантазия замечательно еще и в том отношении, что как раз у таракана-то есть «свои крылья», поэтому проекция здесь проявляется особенно ярко. Впрочем, поскольку данная фантазия по своему содержанию имеет много общего со сновидением, она вытесняется довольно быстро. По той же причине, она, в отличие от основной, не получает развития в тексте (мы увидим далее, что Катя зафиксировала свое внимание не на фантазии о превращении в таракана, а на фантазии о полете при помощи птиц).

Затем следует диалог, в котором впервые на передний план выступает танатоидный инстинкт:

И спросила папу:
- А что, если таракан на воробья сядет?
А папа сказал:
- Клюнет воробей и съест таракана.

Если перевести начало этого диалога с языка бессознательного на язык сознания, то получится примерно следующее: Катя спрашивает у своего отца, что будет, если она попытается улететь не посредством применения «своих крыльев», а с чьей-либо помощью. Тот отвечает ей на это, что она погибнет в таком случае. Таракан[11] – это проекция самой Кати.

Судя по тексту рассказа, отец Кати, давно разучившийся понимать язык бессознательного, ответил на ее вопрос исходя из объективной жизненной логики. Однако так вышло, что его ответ нашел свое «танатоидное» отражение и на языке бессознательного. Катя, понимая, что необходимо спрашивать прямо, не пользуясь такими утонченными намеками, решает поговорить со своим родителем начистоту:

- А бывает такое, - спросила Катя, - что орел схватит девочку и понесет к себе в гнездо?
- Не поднять орлу девочку, - сказал папа.
- А два орла понесут? - спросила Катя.
А папа ничего не ответил. Сидит и газету читает.
- Сколько орлов надо, чтобы понести девочку? - спросила Катя.
- Сто, - сказал папа.

Впрочем, и теперь в вопросе прозвучал лишь намек, хотя и весьма прозрачный. Катя спрашивает отца о том, может ли орел поднять абстрактную «девочку», лишенную имени. Но это вновь проекция, причем уже совсем банальная. Проективный «таракан», благодаря непонятливости Катиного отца, превратился в «проективную» девочку. Соответственно, проективный воробей – в проективного орла. Между тем, преобразовав свой вопрос в такую

[11] Вообще, «таракан» (насекомое – в более широком смысле) - характерный для детской литературы инфантильный символ негативной полярности. См. «Тараканище» Корнея Чуковского. Другой пример – анимационный фильм «Приключения Флика». Кроме того, «Превращение» Кафки, «Муха» Д. Кроненберга и проч.

«примитивную» форму, Катя дала своему отцу гораздо больше поводов для танатоидного ответа, нежели в первый раз. Обратим на это внимание: первый вопрос представлял собой более или менее сложную фантазию, тогда как во втором вопросе признаков фантазии было гораздо меньше. Следовательно, в первом вопросе более широко проявилась работа бессознательного, соответственно, в нем глубже было реализовано некоторое вытесненное желание, принявшее форму желания «улететь». Таким образом, ради выполнения этого желания, Катя соглашается на стресс танатоидных переживаний. Если бы, отвечая на первый вопрос, отец сказал бы ей, что воробей сначала полетает с тараканом на спине некоторое время, а только потом его «клюнет» и «съест», то второй вопрос и не прозвучал бы вовсе. Но Катя так просто позиций не сдает и решает поторговаться (даже отказ от жизни в обмен на полет), что звучит во втором вопросе (ведь понятно, что орел несет девочку к себе в гнездо не просто так, а, вероятно, для того, чтобы ее съесть – это исключительно типичное деяние сказочного демонического персонажа). В результате Кате удается добиться от своего прижимистого папаши компромисса, только совсем не того, какого она, собственно, и добивалась. – Он «снял» танатоидные намеки, но в возможности полета все равно ей отказал («не поднять орлу девочку»). И хотя, в принципе, эту возможность он допустил, нельзя этот допуск рассматривать как признание, позволение, как «санкцию». Слово «сто» (число орлов, необходимое, по мнению Катиного отца, для того, чтобы «поднять девочку») в данном контексте явно означает не число «100», а просто любое неопределенно большое число - ∞, если угодно.

Но Катина мать не так проста, как отец. Она никаких компромиссов допускать не намерена.

А на другой день мама сказала, что орлов в городах не бывает. А по сто штук вместе орлы никогда не летают.

И орлы злые. Кровавые птицы. Поймает орел птичку - разорвет в кусочки. Схватит зайца - и лапок не оставит.

Беспощадность преподобной родительницы совершенно восхитительна. Здесь танатоидные мотивы, которые сдуру согласился снять папаша, возрождаются сторицею. Мать, правда, проявляет волнение за фантазии своей дочери («на другой день» - стало быть, она размышляла о них не менее, чем целую ночь и утро следующего дня), но вместо того, чтобы попытаться понять язык бессознательного, она пытается использовать язык рациональной действительности. К языку бессознательного она прибегает лишь в целях устрашения. – Можно сказать, что первый абзац цитированной части рассказа содержит преимущественно рациональную, сознательную аргументацию, тогда как второй – иррациональную, бессознательную.

Констатация того, что орлы «кровавые птицы», «злые» etc, конечно, является констатацией вполне рационального, объективного факта. Но каков мотив выбора констатируемого факта в данной ситуации? Вместо того, чтобы объяснить Кате лишь то, что орел (или *орлы* во множественном числе) в городе не водятся, что они просто не станут хватать девочку ни с того, ни с сего и т.д., мать намекает на то, на что Катя изначально и рассчитывала: на то, что орел ее поднимет, унесёт и *съест* (как воробей таракана). В самом деле: если все равно орлы в городе не водятся, а по сто штук сразу никогда не летают, то какое значение имеют их нравственные качества («злые», «кровавые»)?

Это проявление садизма более или менее простительно. Катя была *бессознательно* согласна расстаться с жизнью в обмен на возможность полета. Мать, узнав об этом, отвечает (если перевести с языка бессознательного): пожалуйста, только потом не хныкать, когда орел унесет тебя в гнездо «разорвет в кусочки» и «лапок не оставит» (аллегория кастрации)[12]. Итак, верховная санкция получена. – Теперь Катя знает, что полететь можно, только за это нужно отдать жизнь, умереть. На это она согласна. Дальше начинается подготовка и реализация сего мирового прожекта:

И Катя подумала: надо выбрать добрых белых птичек, чтобы жили дружно, летали бы стаей, крепко летали и махали бы широкими крыльями, белыми перьями. Подружиться с белыми птицами, таскать от обеда все крошки, не есть конфет два года - все отдавать белым птичкам, чтоб птички полюбили Катю, чтобы взяли ее с собою и унесли бы за море.

Как и было сказано, расплата за полет жизнью не показалась Кате чрезмерно высокой, и танатос с легкой подачи ее родителей вновь возникает в ее переживаниях. «Добрые» и «белые» «птички» - это, несомненно, один из знаков влечения к смерти. Вообще, белый цвет – это один из танатоидных знаков коллективного бессознательного:

«И взглянул я, и вот конь ***бледный***, и на нем всадник, которому имя смерть…»

(Книга Откровения 6:8).

(Примеров можно было привести и больше, но ограничимся пока этим).

Несомненно, что «белые птицы» - это также проекция Кати (они любят конфеты и пр., только потому, что она сама их любит). То, что они должны унести ее «за море» - можно истолковать как одно из проявлений сексуальности (вода – один из символов чувственности, страсти).

Такова изначальная сюжетная «затравка» рассказа. Не вдаваясь в подробности дальнейшего его анализа, подведем лишь общий итог последнего:

Мы видели, что стимулов действия в данной фантазии послужили мотивы преимущественно сексуального характера (зафиксированы, например, следы комплекса кастрации). Однако реализация вытесненного желания привела героиню рассказа к вполне танатоидной симптоматике. Причем, в тексте рассказа на передний план выступает именно танатоидный аспект, тогда как аспект эротический лишь обрисован, едва заметен.

Принимая все это во внимание, можно заключить, что существует (на общественном, коллективно-бессознательном уровне, если угодно) «табу девственности» для детей (грубо говоря, для тех, кто еще не миновал пубертат). Нарушение этого табу чревато смертью, поэтому инфантильные сексуальные фантазии всегда содержат танатоидные переживания. Ребенок понимает, что нечто запретное – он сам не знает, что это такое – принесет ему смерть; и это заставляет его думать – иногда со страхом – об этом «запретном», даже мечтать о нем. Он знает о существовании табу, о том, к чему ведет его нарушение, но он не знает, что же конкретно запрещено. Он, конечно, несмотря на свою богатейшую фантазию, неспособен сам додуматься до такой простой вещи, и поэтому изобретает какие-либо запретные (чтобы чувствовать себя спокойнее –

[12] Если перевести (забегая вперед) еще более дословно: «пожалуйста, можешь начинать сексуальную жизнь, но за это заплатишь жизнью». В данном контексте (то есть, в словах матери) можно рассматривать смерть именно как аллегорию кастрации и кару за нарушение табу девственности («разорвет в кусочки», «лапок не оставит» - «шифр» кастрации, соответственно, для девочек и для мальчиков).

даже невозможные) действия, осуществление которых может принести ему смерть либо в наказание, либо ipso facto их совершения (тот же полет). Именно снятие этого табу (во многих культурных системах – совершеннолетие, восемнадцатилетие) позволяет избавиться от танатоидных переживаний в сексуальных фантазиях.

Полет – это суррогат сексуального акта в детской фантазии по преимуществу. Он в этом отношении имеет ряд исключительных преимуществ: он как будто невозможен (я могу не бояться, что случайно нарушу табу, и это меня убьет), он приносит яркие, необычные впечатления, и, самое главное, если бы он был возможен, то превратился бы в падение, что и означает наказание за нарушение табу. По этой причине, целесообразно рассматривать детскую фантазию о левитации не только как латентную сексуальную фантазию, но именно как стремление к снятию табу девственности или, как во втором из рассмотренных примеров, к нарушению его.

ОСОБЕННОСТИ РАЗВИТИЯ ЛИЧНОСТИ ДОШКОЛЬНИКА В СЮЖЕТНО-РОЛЕВОЙ ИГРЕ

А. А. Максутова (Иркутск)

Многие отечественные и зарубежные психологи (Л.С.Выготский, Д. Б. Эльконин, А. В. Запорожец, З. Фрейд, С. Миллер, Э. Берн) отмечали, что игровая деятельность ребенка, влияет на его психическое развитие, на формирование его личности. Более того, современные исследователи, компетентные в вопросах психологии развития (Л. С. Обухова, Е. Е. Сапогова, В. С. Мухина, Г. С. Абрамова, Г. Л. Лэндрет) говорят о том, что становление личности дошкольника происходит непосредственно в сюжетно-ролевой игре, как ведущей деятельности данного возраста.

НО! Проблематика и актуальность нашего исследования заключается в том, что на данный момент в психологии развития существует очень мало исследований, выявляющих в контексте сюжетно-ролевой игры особенности, закономерности развития личности дошкольника. Тем более что игра ребенка претерпела значительные изменения (сравнить хотя бы игры детей 10 лет назад и сегодня!!!)

Таким образом, предметом нашего изучения явились особенности развития личности дошкольника в сюжетно-ролевой игре.

Все концепции, объясняющие возникновение, развитие и функции игры, ее роль в развитии человека, мы условно разделили на три подхода:

Биологический подход (К. Гроос, В. Штерн, Ф. Ботендайк): игра ребенка – биологический инстинкт, проявление ориентировочной деятельности, возможность научения более сложным формам поведения, необходимым для жизни.

Западный (психоаналитический) подход (З. Фрейд, А. Адлер, Ж. Пиаже, К. Левин): игра находится под влиянием желания ребенка, в качестве смыслового центра имеет социальные отношения, проявляется как эгоцентрический феномен.

Отечественный подход (Л. С. Выготский, Д. Б. Эльконин, А. В. Запорожец): игра содержит в себе все тенденции развития, она источник развития и создает зоны ближайшего развития. Игра возникает на определенной стадии эволюции животного мира и связана с возникновением детства.

Все представленные теории отражают не только эволюцию представлений о сущности игры, ее роли, этапах и значении в жизни человека, но и попытки выявить ее особое влияние на процесс развития психики и личности ребенка в целом, изучить игру как предпосылку перехода человека на более высокий уровень развития.

Как известно, игровая деятельность походит длинный путь развития. Впервые ее элементы появляются в младенческом возрасте, а в дошкольном складываются ее высшие формы, в частности сюжетно-ролевая игра.

Характеристика сюжетно-ролевой игры

В раннем детстве ребенок осваивает действия с предметами ближайшего окружения. Возрастающее стремление к самостоятельности и потребность поступать как взрослый приводит к тому, что ребенок стремиться подражать взрослым во всем. Он хочет водить машину, лечить людей, продавать продукты. Но сделать это в реальной жизни невозможно. Создавшиеся противоречие между желаемым и возможным приводит к возникновению сюжетно-ролевой игры, где ребенок берет на себя роль взрослого, выполняя его функции понарошку.

Характерная черта игры состоит в том, что она позволяет ребенку выполнять действие при отсутствии условий реального достижения его результатов, поскольку мотив его заключен не в получении результата, а в самом процессе выполнения действия. «Лошадка» заменяется палочкой, и ребенок «едет» на ней потому, что ему важно ехать, а не доехать.

Структура игры

Тема

Любая игра имеет тему – ту область действительности, которую ребенок воспроизводит в игре. Дети играют в «семью», «больницу», «магазин», «казаки-разбойнаки», «войнушку» и т. д. Чаще всего тема берется из окружающей действительности, но дети заимствуют и сказочные, книжные темы.

Сюжет

В соответствии с темой строится сюжет, сценарий игры. К сюжетам относят определенную последовательность событий, разыгрываемых в игре. Выбор сюжета опирается на определенные знания. Именно поэтому на протяжении всего дошкольного возраста игры в «семью» являются любимыми для детей (дети сами включены в подобные отношения и имеют о них наиболее полное представление).

Роль

Это обязательный набор действий и правил их выполнения, моделирование реальных отношений, существующих между людьми, но не всегда доступных ребенку в практическом плане.

Д. Б. Эльконин считал, что именно роль является центральным компонентом сюжетно-ролевой игры. Выполнение роли ставит ребенка перед необходимостью действовать не так, как он хочет, а так, как это предписано ролью, подчиняясь социальным нормам и правилам поведения.

Отношение ребенка к правилам изменяется на протяжении дошкольного возраста. Сначала малыш легко нарушает правила и не замечает, когда это делают другие, потому что не осознает смысл правил. Затем он фиксирует нарушение правил товарищами и противится этому. И только потом правила становятся осознанными, открытыми. Ребенок сознательно выполняет правила, объясняя следование им необходимостью. Так он учится управлять своим поведением.

Содержание игры

Это то, что ребенок выделяет как основной момент деятельности или отношений взрослых.

Игровой материал и игровое пространство

Игрушки и разнообразные другие предметы, при помощи которых дети разыгрывают сюжет и роли. Особенностью игрового материала становится то, что в игре предмет используется не в своем собственном значении (песок, лоскутки, пуговицы и т. д.), а в качестве заместителей других, недоступных ребенку практически, предметов (сахар, ковры, деньги и т. д.). Игровое пространство представляет собой границы, в пределах которых территориально разворачивается игра.

Ролевые и реальные отношения

Распределение ролей – важный момент в возникновении игры. Нередко ребенок-лидер навязывает товарищам неинтересные роли, а сам берет на себя самую привлекательную. Если детям не дается договориться о распределении ролей, то игра распадается или кто-то выходит из нее. Чем старше ребенок, тем более выражено его стремление к совместной со сверстниками игре, тем больше он склонен выполнять непривлекательную роль только ради того, чтобы войти в игровое объединение.

В выборе партнеров для совместных игр дошкольники опираются на свои симпатии, выделяют ценимые в сверстнике нравственные качества, игровые умения.

Как известно, дошкольный возраст ребенка, заключенный в рамки 3-6(7) лет, предполагает новую социальную ситуацию развития и смену типа ведущей деятельности. Формулу «ребенок – предмет – взрослый» заменяет «мир социальных отношений». Познание этого мира, принятие и выполнение его ролей, правил, норм и культурно-исторических стереотипов происходит в сюжетно-ролевой игре – ведущей деятельности данного возраста.

В контексте игры ребенка возникают основные психические новообразования данного возраста, а также происходит развитие личности дошкольника. Именно на данном этапе правомерно говорить о феномене развертывания линий развития личности. И хотя окончательное становление личности происходит к подростковому возрасту, основные предпосылки, фундамент закладываются именно в период дошкольного детства.

Исходя из особенностей дошкольного возраста и опираясь на предложенную нами характеристику игровой деятельности, мы провели исследование для изучения особенностей развития личности дошкольника в сюжетно-ролевой игре.

В исследовании участвовали 23 ребенка старшей группы МДОУ № 8 г. Иркутска. Возраст – 5-6 лет.

Методы исследования – наблюдение и беседа.

Анализ полученных результатов показал, что игровая деятельность дошкольника оказывает существенное влияние на формирование следующих феноменов возраста:

Сюжетно-ролевая игра сопутствует формированию образа тела. Ребенок научается соизмерять телесное движение к цели: вовремя раскрывает руки для поимки мяча. Эксперименты ребенка над собой.

Формирование самооценки. В игровой деятельности сверстники и значимые взрослые (родители, воспитатель) оценивают игровые навыки ребенка. Если игровые навыки соответствуют требованиям сверстников,

ребенок получает положительную оценку, что приводит к формированию положительной самооценке дошкольника.

Формирование адекватной полоролевой идентификации. В игровой деятельности проигрывание характерных своему полу ролей способствует закреплению поведенческих стереотипов. Дошкольник начинает присваивать поведенческие формы, интересы, ценности своего пола. Характеристики мужского и женского поведения входят в самосознание ребенка.

Формирование личностных нравственно-этических эталонов. Сюжетно-ролевая игра является носителем культурно-исторических норм, характерных для данного общества. В процессе игрового взаимодействия дошкольники соотносят реальные поступки партнеров по игре с собственными нравственными эталонами. Сверстниками четко отслеживается «что хорошо, а что плохо», поведение ребенка корректируется, формируются нравственные и этические эталоны.

Соподчинение мотивов и волевая регуляция. Игровая деятельность для дошкольника является чрезвычайно значимой. Распределение ролей в игре не всегда соответствует желаниям ребенка. Как известно, несогласие с ролью может повлечь «изгнание» из игры. Дошкольник выбирает более значимое - игру, то есть он начинает подчинять свое поведение требованиям окружающих.

Развитие эмоциональной сферы и чувств. Игровое взаимодействие детей обуславливает развитие таких чувств как симпатия, эмпатия, гордость, стыд. Чувства приобретают значительную глубину и устойчивость: появляется дружба, желание заботиться о близких.

Нами была выявлена взаимосвязь сюжетно-ролевой игры с возникновением негативных личностных образований, таких как ложь и зависть.

В сюжетно-ролевой игре дошкольник, выполняя различные роли, претендует на признание сверстников. Но реализация данной потребности может приводить к негативным образованиям, таким как ложь и зависть.

Ложь – нарочитое искажение истины в корыстных целях. Зависть – чувство досады, вызванное благополучием, успехом другого. Ложь может возникнуть как побочное следствие развития потребности в признании, вследствие недоразвития волевой сферы ребенка, когда не сформирована потребность в правдивом отношении к другим людям. Детская зависть связана с тем, что у дошкольника на первый план выходят внешние социальные отношения и социальная иерархия – «кто главнее» (особенно в вопросах распределения ролей в игре). Притязающему на признание ребенку становится сложно сопереживать признанному, радоваться удаче победителя.

Негативные образования, сопутствующие общему развитию, являются естественными для раннего онтогенеза личности. Ложь как нарочитое искажение истины в корыстных целях сопутствует развитию притязания на признание. Зависть, как чувство досады на успех другого, вызывается тем, что ребенок в возрасте 5-6 лет может правильно оценить внешние социальные отношения со сверстниками и свое реальное место в этих отношениях.

Таким образом, дальнейшие наше исследование предполагает изучение негативных личностных образований ребенка дошкольного возраста и разработка путей коррекции в рамках сюжетно-ролевой игры (игровая коррекция негативных личностных образований в дошкольном возрасте).

ВЛИЯНИЕ ИНТЕНСИВНЫХ ИНТЕГРАТИВНЫХ ПСИХОТЕХНОЛОГИЙ НА САМОАКТУАЛИЗАУЦИЮ ЛИЧНОСТИ

Л.В. Мялкина (Ярославль)

В течение пяти лет нами проводилось исследование влияние интенсивных интегративных психотехнологий (ИИПТ) на самоактуализацию личности. Одним из итогов проделанной работы является подтверждение эффективности методов телесно-ориентированных психотехник (ТОП), используемых в контексте ИИПТ, которые расширяют пути решения индивидуально-личностных и групповых проблем.

Однако, двигаясь в избранном направлении исследования, перед нами встал вопрос: действительно ли техники ТОП в контексте ИИПТ затрагивают глубинные структуры личности и влияют на последующую самоактуализацию (всестороннее и непрерывное развитие творческого и духовного потенциала человека, максимальную реализацию всех его возможностей, адекватное восприятие окружающих, мира и своего места в нем, богатство эмоциональной сферы и духовной жизни, высокий уровень психического здоровья и нравственности)?

В качестве цели нашего исследования мы приняли попытку найти ответ на этот вопрос.

Предметом был обозначен уровень самоактуализации субъекта, испытавшего неоднократное влияние ТОП в рамках ИИПТ.

ТОП – это система методов самоактуализации клиента через модальность тела. ТОП может использоваться как самостоятельная методика в рамках других направлений. И необходимо помнить, что «цель трансформации - выйти за пределы всех форм, т.е. за пределы установок, картин мира, масок, ролей, а вход в эти формы является возможностью выбора» [6].

Социальным работникам, обладающим различными техниками психосоциальной помощи, необходимо предоставить клиенту «палитру» методик самопомощи, самореализации и самоактуализации.

Мы считаем, любая технология самоактуализации непосредственно связана с модальностью тела, так как перцепция любых стимулов происходит через порог телесности. Тело – наш дом, то, с чем окончательно растождествиться не сможет почти никто - большинство клиентов, да и самих терапевтов, вплоть до физической смерти; та сторона реальности, что обжита отнюдь не большинством населения нашего города, страны и мира. Каждый человек, осуществляющий свою жизнедеятельность: существующий, движущийся, изменяющийся, удовлетворяющий базовые потребности тела, непременно почувствует воздействие методик ТОП: отталкиваясь, кто от самого сильного ощущения в теле, кто от тонких в нем изменений, кто от глубокой релаксации, звука, воздействия извне или потока внутренней энергии.

ТОП как техника ИИПТ – один из путей духовного роста, самоактуализации индивида.

Интегративный подход дает свободу и легкость в психотехническом поле работы, гуманистичность методик, базирующихся на фундаментальных трудах нескольких поколений ученых, объединенных в научную парадигму, является крепкой опорой специалиста, использующего технику, дает силу поддержки клиента.

В качестве объекта исследования мы избрали участников тренингов по ИИПТ «Инсайт» (автор и ведущий тренинга – В. В. Козлов). Анализ объектов

исследования проводился на базе Международной Академии Психологических наук, ЯрГУ им. П. Г. Демидова. Экспериментальная группа (ЭГ), в связи с установленным порядком работы с тестом, состояла из обследуемых взрослых (от 17 до 35 лет), психически здоровых людей, преимущественно лиц с незаконченным высшим (24) и высшим образованием (9). ЭГ неоднородна по половому признаку: женщины (22), мужчины (11). Общая выборка составила восемьдесят восемь человек и представляла собой четыре группы испытуемых: 20 - больные неврозами (Н), 20 – алкоголики (А), 15 - научные сотрудники одного из московских НИИ (НС), 33 – ЭГ. Для более глубокого и полного изучения характера воздействия ТОП в рамках ИИПТ, в нашем сравнительном исследовании использованы приведенные в материалах, констатирующих валидность САТ, данные исследования по «Н», «А», «НС».

С целью подтверждения выдвинутой гипотезы исследования были поставлены следующие задачи:

1. Систематизация теоретических подходов и концепций, используемых в структуре ИИПТ.
2. Выделение адекватных методов для исследования степени и характера самоактуализации объекта исследования.
3. Интерпретация результатов исследования. Обобщающий вывод о характере влияния ТОП в контексте ИИПТ на глубинные структуры личности, ее самоактуализацию.

Нами были использованы следующие методы исследования:

1. Теоретический анализ научной литературы (психология, психофизиология, психотерапия, психотехнология и др.).

2. Анкетирование, методика «Измерения уровня самоактуализации личности» (САТ) Л. Я. Гозмана и М. В. Кроза. Представляет собой сделанную на кафедре социальной психологии МГУ русскоязычную адаптацию опросника Эверетт Шостром, ученицы Маслоу. Адаптированна отечественными психологами Л. Я. Гозманом и М. В. Крозом на основе получившего широкую известность за рубежом опросника личностных ориентаций (POI), созданного в 1963 году Э. Шостером. Валидность теста подтверждена результатами психометрической проверки САТ (ретестовая надежность, содержательная, эмпирическая валидность, сопоставление результатов тестирования по САТ (12 из 14 шкал) с результатами заполнения других личностных тестов одними и теми же испытуемыми, внутренней согласованности шкал САТ, эмпирическая структура теста, факторальный анализ).

Процедура исследования занимала временной период: 03.11.2004 – 29. 11.2004, в течение которого сорока респондентам были выданы анкеты, тестовые опросники, инструкции по заполнению, регистрационные лисы; тридцать три респондента заполни и сдали анкеты с регистрационными бланками; были обработаны данные; интерпретированы результаты, сформирование демонстрационные диаграммы, графики и таблицы.

Результаты исследования подтвердили базисные посылы, заложенные в основу теоретико-методологической и экспериментальной части работы:

1. ТОП в контексте ИИПТ оказывает влияние на глубинные характеристики самоактуализирующейся личности.

2. Исследованные психосоциальные технологии взаимодействия с клиентом социальной работы актуальны в эру глобальной интеграции и интенсификации информационного поля существования общественной микросистемы – индивид.

3. Индивидуальный подход к клиенту ТОП в рамках ИИПТ отражен в показателях по ЭГ.

4. Данные исследования констатируют превышение в исследуемой группе показателей высоко самоактуализирующейся личности (такой, например, как способности ценить собственные достоинства), что с одной стороны отвечает социальному спросу к предложению психосоциальных услуг населению по развитию данной характеристики, так и с другой стороны позволяет рекомендовать ТОП в системе ИИПТ клиентам, нуждающимся в повышениеи уровня самоактуализации.

5. Проведенный экспериментальный анализ групп подтверждает социальную направленность используемой диагностической методики, подтверждает адекватность ее использования при исследовании социума в целом и его отдельных групп.

Литература:

1. Бажин Е.Ф., Голынкина ЕЛ., Эткинд А.М. Метод исследования уровня субъективного контроля //Психол. журнал. 1984. Т.5. № 3. С.152–162.
2. Гроф С. Области человеческого бессознательного. Опыт исследований с помощью ЛСД. М.: ИНИОН, 1992. 312 с.
3. Гозман Л.Я., Кроз М. В., Латинская М. В. Самоактуализационный тест. М. , 1995. 44 с.].
4. Карицкий И.Н. Современные психологические практики: содержание, основания, классификации. Учебно-методическое пособие. – Ярославль: МАПН, 2002. – 70 с.
5. Козлов В.В. Личностный рост. Методы и техники. - М., Изд-во Трансперсонального института, 2001 - с.
6. Козлов В. В. Интегративная Психология: предмет, задачи, перспективы /Вестник интегративной психологии. 2003 г.- 175 с.
7. Козлов В.В., Майков В.В. Основы трансперсональной психологии. Истоки, история, современное состояние. М.: Изд-во Института трансперсональной психологии, 2003. – 600 с
8. Маслоу А. Самоактуализация // Психология личности. Тексты. /Ред. Гиппенрейтер Ю.Б., Пузырей А. А. М. , 1982, с. 108-117
9. Общая психотерапия: Рук. для врачей/ В. Т. Кондрашенко, Д. И. Донской, С. А. Игумнов. — 4-е изд., перераб. и доп. — Мн.: Выш. шк., 1999. — 524 с. 3.
10. Панов А.М. Социальная работа как наука, вид профессиональной деятельности и специальность в системе высшего образования // Российский журнал социальной работы. 1995. № 1.
11. Психотехнологии в социальной работе./ Сб. под редакцией Козлова В. В. - Ярославль: МАПН, 1999 - 215 с.
12. Психотехнологии в социальной работе. Вып 5. / Сб. под ред. Козлова В. В. - Яросавль: МАПН, ЯрГУ, 2001 - 200 с.
13. Танцевально-двигательная терапия (сборник). Ярославль, 1994.
14. Хрестоматия по телесно-ориентированной психотерапии и психотехнике.(п/р Баскакова В.Ю., 2-ое издание). М, 1997
15. Шевцов А. Введение в общую культурно-историческую психологию. – СПб, 2000. – 544 с.
16. Шкурко Т.А. Танец как средство диагностики и коррекции отношений в группе.

17. Шкурко Т.А. Теоретическое обоснование использования танца как средства коррекции отношении в семье // Современная семья: проблемы и перспективы. - Ростов-на-Дону, 1994. - С. 67-68.
18. Юнг К. Г. Синхронистичность. Сборник. Пер. с англ. - М. «Рефл-бук», К.: «Ваклер», 1997-320с.

ТЕЛЕСНО ОРИНТЕРОВАННЫЕ ТЕХНИКИ В ПРАКТИКЕ СОЦИАЛЬНОЙ РАБОТЫ

Л.В. Мялкина (Ярославль)

В настоящее время современные разработки в области «доверия примитивным чувствованиям тела», достигли высокого уровня. Перечислю лишь некоторые современные направления телесно-ориентированной практики: телесно оринтерованная терапия Вильгельма Райха; биоэнергетика А. Лоуена; теория концентрированного движения Эльзы Гиндлер; структурная интеграция Иды Рольф (рольфинг); техника Ф.Матиаса Александера; метод Фельденкрайза; система чувственного сознавания Шарлотты Селвер и Чарльза Брукча; механические и пантомимический танцы Ж.Новерру..

Все они выросли из древних традиций телесности первых государств Египта, Индии и Китая, однако, являются методиками, адаптированными в социальную ситуацию европейских стран.

Интегративная психотехнология - система концепций, моделей, методов и навыков, которые ведут человека к большей целостности, к меньшей конфликтности, раздробленности сознания, деятельности, поведения. Она охватывает следующие уровни:

а) физический и психофизиологический (работа с физическими, соматическими последствиями стрессов и стрессогенных ситуаций);

б) психологический (разрешение внутриличностных проблем, личностная трансформация, психотерапия, достижение интеграции личности);

в) разрешение социально-психологических проблем личности (проблемы коммуникации и социальной интеракции, социальной адаптации, проявленности в общественных связях и отношениях);

г) разрешение проблем самоактуализации (расширение личностной Свободы выбора; открытие внутренних, витальных, интеллектуальных, эмоциональных ресурсов; нахождение глубинной мотивации человека и приобретение права личностью проявить свою индивидуальность);

д) удовлетворение потребности личности в трансцендировании (нахождение психодуховных измерений личности, определение ответов на основные вопросы человеческого бытия и принятие права на "воплощенное" существование, "примирение человека с Богом", просветление и "второе" рождение).

Интенсивные Интегративные психотехнологии (ИИПТ) предлагает специалисту широкий спектр возможностей индивидуального и группового воздействия на клиента, рассчитанного на проблему, и решения, адекватного

состоянию субъекта. ТОТ, является одной из техник ИИПТ, используемая в контексте тренингов, как вспомогательный, так и самостоятельный метод.

В настоящее время, как уже отмечалось, существует огромное количество направлений работы в указанной области. В нашем исследовании мы выделяли и делали акцент на симбиозе техник и направлений телесно ориентированной работы: биоэнергетического, техник ТОТ, описанных в работах Козлова В. В., классических упражнений йогической практики, элементов танцедвигательной терапии, пластического движения по Никитину. Целью реализации программы являлось выявление оптимальных вариантов использования элементов указанных техник. В качестве объекта исследования избраны группы (контрольная и экспериментальная), набиравшиеся из студенческой среды и являвшиеся однородными по половому (девушки, 18 – 21 г.). В исследовании приняли участие 24 человека. Эксперимент проводился на базе ЯрГУ им. П. Г. Демидова г. Ярославля, Факультета Искусств, под руководством проф. Козлова В. В., в течение II семестра 2003-2004 учебного года. Была разработана обучающая программа, основанная на модели освоения свободного дыхания (Козлов В. В.), асан йоги для начинающих, техник ТОТ («театр прикосновений», упражнения: «тяни», «толкай», «работа с опорами»), приемы пластического движения тацедвигательной терапии («волна», «танец по рисунку» и т. д.), коммуникативные игры. Программа разрабатывалась в логике движения от простого к сложному, практическое «делание» упражнения предварялось и сопровождалась проговариваемым теоретическим материалом, объясняющим: что, как, почему и зачем выполняется. Как дополнительное психотерапевтическое воздействие использовались приемы ароматерапии (благовония: сандал, как приемлемый аромат для большинства людей) и музыкотерапия (сборники профессиональной музыки, создающиеся под эгидой МАПН, классические инструментальные композиции).

Основными задачами исследования являлись:

1. Систематизация теоретических подходов и концепций используемых в подготовке и апробации психотехнического комплекса.
2. Выделение адекватного сочетания психотехник.
3. Апробация и корректировка методического инструментария, позволяющего испытуемым через осознание возможности и практику телесного совершенствования, модифицировать психическую, социально-психологическую и культурную сторону личности.
4. Обосновать возможности и методы коррекции характерологических характеристик через комплекс телесно ориентированной психотехники.
5. Для решения поставленных задач использованы следующие методы исследования:
6. Теоретический анализ научной литературы (психология, психофизиология, психотерапия, психотехнология, диетология и др.).
7. Наблюдение, анкетирование, тестовый опросник А.В.Зверькова и Е.В.Эйдмана с целью выявления динамики изменения, под влиянием данного комплекса ТОТ, таких личностных характеристик как волевая саморегуляция (настойчивость, самообладание), психофизическая осознанность.
8. Основной курс составлял шесть занятий по девяносто минут, группа собиралась дважды в неделю.

Замеры по опроснику А.В.Зверькова и Е.В.Эйдмана были сделаны на первом вводном занятии экспериментальной группы (12.03.20004), и на

заключительном занятии разработанного основного курса (27. 03. 04). Даты опроса экспериментальной и контрольной (студентки ВУЗа им. П.Г. Демидова, 18 -21 г., не проходившие занятий по разработанному курсу) групп идентичны.

Испытуемые не знали о целях проводимого эксперимента.

Статистический анализ теста показал динамику роста в экспериментальной группе по шкалам саморегуляции и самообладанию, и отсутствие динамики по шкале «настойчивость».

По истечению подготовленной программы, мы начинали варьировать закрепившиеся техники, использовать более специфические методики. Процесс интеграции сознания (развития путем от простого к более сложному), засчет подготовляющих методик, делал возможным освоение упражнений, вызывавших сложности на начальном этапе работы. Авторитарное лидерство, имевшее место на первых 4-5 занятиях дополнялось постепенно растущей активностью группы и повышением коллективной (групповой) энергии и автономностью. Когда сложился комплекс, выполняемый группой без лидера, некой общей согласованностью, присутствие тренера обуславливалось уже психологической необходимостью-зависимостью от личности привычного ведущего, т. е. некой «точки отсчета», структурирующей пространство и время. Интересен тот факт, что участники начинали интуитивно подбирать адекватные собственной самости техники «входа» в процесс занятия, подбирая наиболее комфортную позу, и корректируя дыхание, наиболее эффективно достигая уровня сплоченности и рабочей, креативной обстановки, обуславливающей групповой и индивидуально-личностный рост.

Таким образом:

1. Разработанная программа занятий, учитывает основные методологические принципы формирования системы практической социальной работы (целостный подход, генетический принцип, принцип обусловленности, позитивности, соотнесенности, многомерности истины), т. ж. отвечает критериям психотехнологии на уровнях работы с телом, индивидуально-психологическом, социально-психологическом и психодуховном.

2. Не «ломает старые стереотипы коммуникации и ролевые ожидания, принятые в социальной нише» клиента, а как бы исподволь модифицируют «качество взаимодействия» в «гибкость и многогранность, в возможность соответствия» с внешним миром внутренней картины реальности клиента.

3. Групповая телесная, психофизическая и психодуховная работа оптимизирует коммуникативные способности, позволяет «не застревать на проблеме», формирует такие качества взаимоотношений как сонастроенность, эмпатия, позитивная ориентация.

4. Легко корректируется по интенсивности физической нагрузки (предлагается различная степень сложности выполняемых упражнений в группе резко дифференцированной по физической подготовке). Использование данных техник преследует не приоритет максимального физического совершенствования, а цель социальной и внутриличностной трансформациииличности клиента.

5. Обеспечение обратной связи происходит через наблюдение и беседу во время и по завершению работы. Показатель динамики процесса должен меняться в зависимости от цели отслеживания протекания и завершения трансформации в ходе тренировки.

6. Программа практических занятий является обучающей, расширяющей поле сознания путей решения индивидуально-личностных и

групповых проблем. Дает клиенту инструмет самопомощи и умение им пользоваться.

7. Предлагаемый теоретический и практический материал носит интегративный характер и отвечает общей тенденции образовательно-профилактической политики в области здравоохранения. Не несет в себе половозрастных, этнокультурных и социальных ограничений.

Литература**:**

1. Гиршон А. Кинесфера: пространство движения // Этюды о новой психотерапии/Под ред. В.В.Козлова, Мн., 1995. - 192 с.
2. Дункан А. Моя жизнь. Танец будущего. - М, 1992
3. Козлов В.В. Истоки осознания: Теория и практика интегративных психотехнологий. - Мн., 1995. - 304 с.
4. Козлов В.В., Майков В.В. Основы трансперсональной психологии. Истоки, история, современное состояние. М.: Издательство института трансперсональной психологии, 2000. - 304 с.
5. Куракина С.Н. Феномен танца (социально-философский и культурологический анализ). Автореф. на соиск. учен. Степ. канд. философск. наук. - Ростов-на-Дону, 1994.
6. Курис И. Биоэнергетика йоги и танца. М., 1994
7. Лоуэн А. Депрессия и тело. – М., 2002. – 384 с.
8. Лоуэн А. Психология тела. Телесно ориентированный биоэнергетический психоанализ. М., 1997. 200 с.
9. Менегетти А. Музыка души. Введение в музыкотерапию. - СПб, 1992.
10. Миллер Л. и Миллер Б. Ароматотерапия с позиции аюрведы. – М., 2003. – 448 с.
11. Никитин В. Н. Психология телесного сознания. - М.: 1999. - 488с
12. Пасынкова Н.Б. Влияние музыкального движения на эмоциональную сферу личности//Психол. журнал. - 1993. - №4. - С. 142-146.

ПСИХОСЕМАНТИЧЕСКОЕ МОДЕЛИРОВАНИЕ ПРОЦЕССА МУЗЫКАЛЬНОГО ВОСПРИЯТИЯ СРЕДСТВАМИ ИСКУССТВЕННЫХ НЕЙРОННЫХ СЕТЕЙ

В.В. Подшивалов (Ярославль)

Изучение процесса музыкального восприятия представляет собой интересную проблему для академической и практической психологии, входя в более широкий контекст – исследование восприятия вообще, и модального восприятия (визуального, аудиального, кинестетического и др.) в частности. Если мы добавим к этому комплексу еще и специфику такого типа восприятия как художественное восприятие (классификация исходя из особенностей стимула), то получим исходное пересечение «множеств», на котором следует искать ответы на многочисленные вопросы, поставленные данной областью психологической проблематики…

Настоящая статья посвящена проблеме моделирования процесса музыкального восприятия в основном в его теоретическом аспекте. Однако

необходимо отметить, что успешное ее решение смогло бы предоставить достаточно интересные возможности для психологической практики, которые схематически можно представить следующим образом: 1) построение некоторой эмпирической вероятностной модели психики клиента; 2) исследование модели на предмет выявления семантики тех или иных стимулов, используемых при работе с клиентом (т. е. различных видов музыки, в нашем случае), 3) отбор подходящих под те или иные критерии стимулов (т. е. под цели психологического воздействия) и; 4) в случае успеха, сокращение времени при непосредственной работе с клиентом, за счет более обоснованного отбора стимульного материала и повышение общей эффективности за счет предотвращения возможных неадекватных (с т. з. целей работы) реакций клиента.

Следует отметить, что в настоящее время данная схема является больше теоретической конструкцией, нежели конкретной психотехнологией, что связано с огромной сложностью моделирования психики вообще (практически полное отсутствие в психологии полноценных[13] шкал, обоснованных переменных, многомерность и нелинейность моделируемых феноменов, их стохастический характер и т. п.) и музыкального восприятия в частности (сложная, нестационарная структура стимульного вектора, процессуальность и др.). Публикуемое в данной статье исследование следует рассматривать в качестве попытки сделать вклад в эту сложную практическую задачу. Что касается академической стороны вопроса, то мы предложим достаточно перспективный и обоснованный подход к психосемантическому моделированию восприятия музыки.

Не смотря на отмеченные трудности, в последнее время, благодаря интенсивному развитию математических методов и компьютерной техники, открываются новые возможности для моделирования сложных процессов, к каким относятся и процессы музыкального восприятия. Новые методы обработки данных позволяют фиксировать нелинейные латентные трудно вербализуемые зависимости между изучаемыми переменными. А поскольку восприятие является очень сложной и многомерной системой, то использование данных методов при моделировании музыкальной перцепции является вполне перспективным и оправданным. Кроме того, в пользу этих методов говорит тот факт, что при исследовании музыкального восприятия приходится сталкиваться с большим количеством шумов, т. е. посторонних неконтролируемых внешних воздействий и внутренних факторов. Вышеотмеченные методы являются достаточно устойчивыми к шумам, и позволяют выделить полезный сигнал в экспериментальных данных.

Одним из наиболее перспективных направлений в современных методах обработки данных (data mining[14]) является использование искусственных нейронных сетей[15]. В различных отраслях науки оно получило разные названия. В психологической литературе чаше всего говорится о «новом

[13] «Полноценных» в смысле возможностей математической обработки данных, т. е. как минимум интервальных шкал.

[14] Data mining («извлечение знаний из данных») – современное направление в прикладной статистике, в котором не столь важна проверка статистической значимости переменных, сколько использование эвристических методов анализа данных – нейронные сети, деревья классификации, многомерные исследовательские техники и пр.

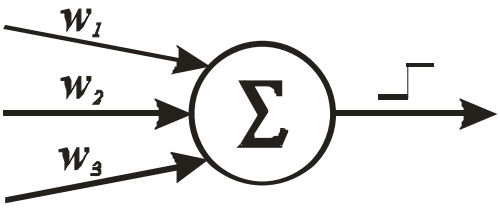
[15] Далее в тексте, если специально не оговорено, под «нейронными сетями» (НС) следует подразумевать искусственные сети.

коннекционизме» – тем самым подчеркивается генетическая связь с некоторыми идеями Эдварда Ли Торндайка. В математической и компьютерной литературе оно обычно обозначается как «нейрокомпьютинг».

Искусственная НС представляет собой математическую модель (достаточно упрощенную) биологических нейронных структур. Однако, не смотря на определенный схематизм искусственные НС обладают рядом важных особенностей, приближающих их к их естественным прототипам. К наиболее важным свойствам НС относится способность к фиксированию сложных нелинейных связей между переменными (интерполяция) и возможность экстраполяции – т. е. прогноза или классификации наблюдений, которые не встречались в прошлом. Математические исследования показали, что НС являются универсальными аппроксиматорами[16] функций произвольной степени сложности. Эти особенности делают НС незаменимыми в тех ситуациях, где традиционные методы математической статистики работают плохо или не работают вообще, т. е. в ситуациях сложных, трудно формализуемых взаимосвязей между многими переменными.

НС состоит из большого числа (как правило, от нескольких десятков) взаимосвязанных идентичных элементов – формальных нейронов. Существенное значение имеет топология сети. Наибольшее распространение получила многослойная организация нейронов. НС с такой структурой называются «многослойными перцептронами» (МСП). МСП состоит из трех типов слоев – «сенсорного», «ассоциативного» и «моторного». Сенсорный слой представляет собой просто набор входных (независимых переменных), которые соединяются посредством «синапсов» (весовых коэффициентов) с ассоциативным слоем. Ассоциативный слой в свою очередь соединяется с моторным – т. е. выходными (зависимыми) переменными. Схема 1 иллюстрирует строение отдельного «нейрона», а схема 2 – МСП.

Схема 1. Формальный нейрон

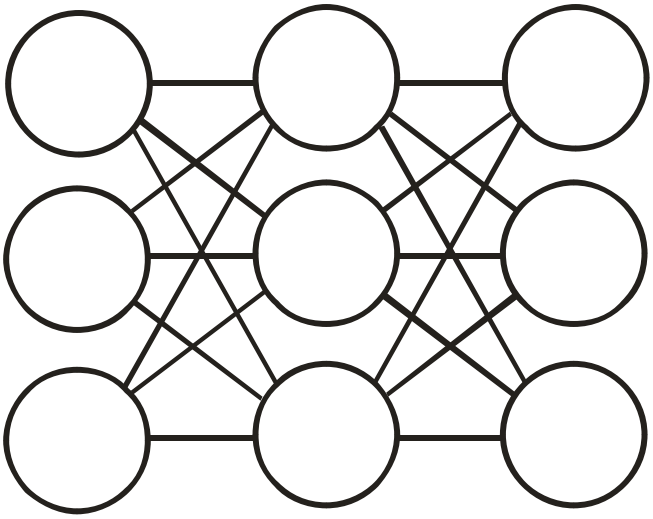


***w** – весовые коэффициенты, умножающие входной сигнал, ∑ - оператор суммирования, ⌐ - пороговая функция активации. Нейрон суммирует входные сигналы и сравнивает полученную сумму с пороговым значением, если она больше некоторого числа – нейрон выдает на выходе 1, в остальных случаях 0. Биологически это наиболее правдоподобная модель. Однако в нейрокомпьютинге чаще используются другие передаточные функции (обычно гиперболический тангенс или логистическая функция). Это связано с тем, что данные*

[16] Аппроксимация – оценивание теоретической функции по экспериментальным данным. Предполагает разумный компромисс между точностью подгонки и «переобучением».

функции дифференцируемы в каждой точке, а наиболее эффективные алгоритмы обучения основаны на нахождении производной.

Схема 2. *Многослойный перцептрон*



Каждый нейрон предыдущего слоя связан со всеми нейронами последующего слоя – вариант т. н. «полносвязной» архитектуры.

НС обучаются на примерах. Обучение заключается в подстройке весовых коэффициентов между нейронами – «синапсов». Т. о., НС просто устанавливает соответствие между входами и выходами – независимыми и зависимыми переменными, за счет изменения своего внутреннего состояния. После обучения сеть тестируется на контрольной группе примеров, не участвовавших в обучении – кросс-валидационной выборке. Если и здесь сеть дает хороший результат, значит, в данных содержится полезная информация, и сеть уловила какие-то существенные закономерности.

В завершение вводной части данной статьи мы хотели бы отметить, что использование нейросетевых методов именно в области психологии на наш взгляд является весьма перспективным. В соответствии с традиционными научными представлениями основой психической деятельности является нервная деятельность, а НС представляют собой хоть и упрощенную, но весьма удобную и наглядную модель естественных нейронных структур. К тому же объяснительная сила НС увеличивается, если рассматривать ее элементы – формальные нейроны не как аналог отдельных биологических нейронов, а как их целые популяции – нейронные ансамбли. Кроме того, в психологии традиционные статистические методы часто используются некорректно, поскольку они предполагают ряд трудновыполнимых предположений – нормальность распределения вариационного ряда, использование интервальных шкал, достаточно большого объема выборок и т. п. Нейросетевые методы позволяют успешно обойти часть этих ограничений, особенно в прикладных исследованиях, где важна не столько статистическая значимость, сколько практический результат. В настоящий момент практически для любого традиционного метода имеется его нейросетевой аналог, начиная от

регрессионного и дискриминантного анализа (МСП, ВНС, ОРНС, РБФ-сети)[17] и заканчивая многомерными исследовательскими техниками, такими как факторный и кластерный анализ, многомерное шкалирование (АА-сети, СОК и др.)[18]. Не смотря на все это, нейросетевые методы в психологии используются еще достаточно мало. Психофизиологов и нейропсихологов больше интересуют биологические НС (хотя вполне можно представить сферы для успешного использования НС и в этих отраслях психологии – напр., анализ ЭЭГ), психологи в других отраслях часто даже не имеют представления о существовании подобных методов. Мы выражаем надежду, что данные методы найдут широкое распространение в психологии и дадут интересные результаты.

Прежде чем приступить к изложению результатов исследования, необходимо остановиться на одном важном аспекте. Вероятно, некоторые читатели уже задались вопросом: каким образом соотносятся искусственные НС и их реальные биологические прототипы. В принципе во многих областях применения НС это является не столь важным – важнее практический результат, достигаемый с помощью НС-прогнозирования. Однако в психологическом исследовании, и в исследовании музыкального восприятия, это имеет существенное значение. В целом можно констатировать, что в настоящее время структура и функции мозга являются недостаточно изученными, чтобы однозначно ответить на этот вопрос. Рассуждая на эту тему полезно использовать понятия, которые мы условно обозначили как «структурный» и «функциональный изоморфизм». Под *функциональным изоморфизмом* в данном случае следует подразумевать подобие по выполняемым функциям: если модель делает все тоже, что и оригинал, в некотором роде становится не так уж и важно, как именно она это делает (т. е. выполняет эти функции). В качестве примера функционального изоморфизма можно назвать соотношение между компьютерной и человеческой памятью. И та и другая системы могут хранить различного рода информацию (т. е. выполнять одну и ту же функцию), однако за счет совершенно различных механизмов. Различие в механизмах приводит к понятию *структурного изоморфизма*, который предполагает, что модель не только выполняет функции оригинала, но и имеет сходную в чем-то с ним структуру, аналогичные принципы. Т. о., можно сказать, что искусственные НС находятся в отношении частично структурного, частично функционального изоморфизма к биологическим НС. Примером структурного изоморфизма можно назвать ассоциативную память реализуемую на основе сетей Хопфилда. В отличие от компьютерной памяти она в гораздо большей степени напоминает человеческую. Как известно, хранение информации в мозге имеет распределенный характер, поэтому поражение какой-либо его части либо вообще не приводит к потере информации, либо приводит лишь к частичному ее искажению. В компьютерной памяти потеря хотя бы одного бита информации, как правило, влечет за собой полный крах функций системы, привязанной к данному информационному блоку. В сетях Хопфилда, как и в мозге, используется распределенный принцип хранения информации – информация храниться в распределении значений весовых коэффициентов, поэтому незначительное изменение весов или даже их удаление в основном не приводит к сильному искажению информации. Далее мы еще вернемся к

[17] ВНС – вероятностная НС, ОРНС – обобщенно регрессионная НС, РБФ – радиальная базисная функция. Подробнее см. напр., в [1], [6].
[18] АА – автоассоциативная НС, СОК – самоорганизующаяся карта Кохонена ([1], [6].).

вопросу структурного и функционального изоморфизма при рассмотрении НС-модели музыкального восприятия, а теперь же перейдем к изложению схемы эксперимента.

Основные цели исследования предполагали следующее:

1) разработать теоретическую модель музыкального восприятия;

2) подобрать необходимую архитектуру НС для решения задачи классификации входных векторов – экспериментальных музыкальных отрывков – методом семантического дифференциала;

3) сравнить эффективность нейросетевых и традиционных статистических методов.

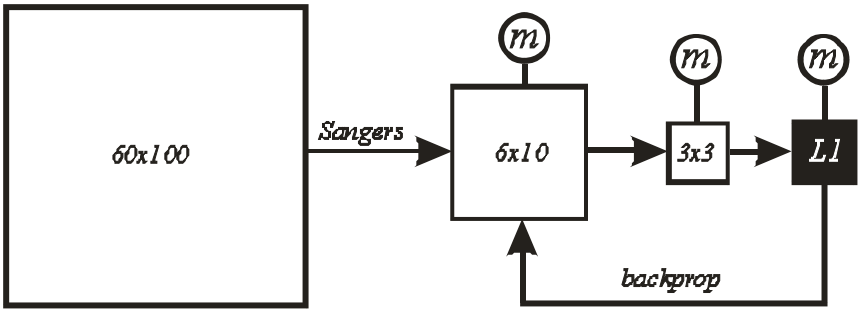
Что касается теоретической модели, то она включила в себя три переменные – лад, тембр и темп[19]. Экспериментальный материал представлял собой набор относительно простых музыкальных тем, имеющих аналогичную структуру аранжировки: на фоне ритм-секции (ударные и бас) – мелодическая линия. Использовались сл. лады: мажор (Dur), минор (moll), с уменьшенной секундой (Sdim), пентатоника (PTTN) и додекафония (DDPH). Классификация тембров была осуществлена на основании объективных акустических характеристик звуковой волны – спектра и т. н. «огибающей». Было выделено четыре типа тембра – два по признаку спектра (гармонический – негармонический) и два по огибающей (дискретный – континуальный). Соответствующие кодировки: DH, DNH, CH, CNH – дискретный гармонический, дискретный негармонический, континуальный гармонический, континуальный негармонический. Темп представлен дихотомией «медленный – быстрый» (S – F). Следует отметить, что данный набор переменных не претендует на абсолютную полноту, поскольку в современной музыке существует огромное количество ладов и тембров[20]. Однако использованные нами относятся к наиболее распространенным.

Оценка восприятия музыкальных тем фиксировалась с помощью метода СД, в несколько модифицированном варианте, более подходящем для музыкального материала. Использовались следующие шкалы: «грустный – радостный», «темный – светлый», «горький – сладкий», «сильный – слабый», «маленький – большой», «застывший – подвижный», «вялый – стремительный». Последующий факторный анализ выявил трехфакторную структуру в целом соответствующую модели Ч. Осгуда. Факторы условно были обозначены как «эстетика» (первые три шкалы), «интенсивность» (четвертая и пятая шкалы) и «динамика» (последние две шкалы). Поэтому далее мы будем говорить не об отдельных шкалах, а об общих факторах.

Схема 3. *Основная модель исследования*

[19] Более подробно о теоретических аспектах психосемантики восприятия музыки см. [4].

[20] Тембр вообще очень трудно поддается формализации, особенно с развитием электронной музыки, когда основная семантическая нагрузка сместилась с ладовых и мелодических средств на чисто звуковые – т. е. на изобретение новых, зачастую просто фантастических тембров, не имеющих аналогов среди «живых» музыкальных инструментов.



m – момент (разновидность обучающего алгоритма), L1 – знаковый критерий ошибки, Sangers – синапс с правилом Санджерса, backprop – поток обратного распространения ошибки.

Рассмотрим более подробно данную схему. Две основные парадигмы нейрокомпьютинга определяются как «обучение с учителем» (*supervised learning*) и «обучение без учителя» (*unsupervised learning*). В ситуации обучения с учителем имеется определенный внешний критерий ошибки, и сеть изменяет свое состояние минимизируя некоторую функцию (поверхность ошибки). Проще говоря, у нас есть набор входных переменных и выход – переменная, значение которой мы хотим предсказывать, основываясь на знании входа. В ходе обучения с учителем сеть подстраивает весовые коэффициенты таким образом, чтобы давать правильный отклик в как можно большем числе случаев, т. е. имеющихся выборочных наблюдений. Ключевым моментом в данном подходе является обратная связь, реализуемая за счет алгоритма «обратного распространения» (*back propagation*) ошибки. При инициализации сети весам присваиваются случайные значения. Далее предъявляются все наблюдения из обучающей выборки (одна «эпоха» обучения), НС дает выход, определяется ошибка – неправильная классификация. На следующем этапе информация об ошибке поступает обратно в сеть и используется для изменения весов. Цикл продолжается до тех пор, пока ошибка не достигнет некоторого приемлемого уровня, а конкретнее когда она начинает расти на кросс-валидационной выборке, используемой для контроля генерализации НС. Этот ключевой момент означает, что сеть уловила имеющиеся в данных закономерности и дальше начинает «аппроксимировать шум». Поэтому обучение должно быть остановлено.

Обучение без учителя предполагает отсутствие внешнего критерия ошибки. В этой ситуации сеть пытается уловить саму структуру данных – представить многомерные данные в пространстве меньшей размерности. Исторически первым правилом научения является правило Хебба, названное по имени выдающегося канадского нейрофизиолога и нейропсихолога Дональда Олдига Хебба, внесшего большой вклад в нейропсихологическое понимание процессов научения. Хебб предположил, что синаптическое соединение двух нейронов усиливается, если оба эти нейрона возбуждены. Это можно представить как усиление синапса в соответствии с корреляцией уровней возбужденных нейронов, соединяемых данным синапсом. По этой причине алгоритм обучения Хебба иногда называется корреляционным алгоритмом. Математически правило Хебба выражается следующим образом: $\Delta \boldsymbol{w}=\boldsymbol{\eta} \boldsymbol{x}_j \boldsymbol{y}_i$ ($\Delta \boldsymbol{w}$ – изменение веса, $\boldsymbol{\eta}$ – скорость обучения, $\boldsymbol{x}_j$ – активация «житого» нейрона, $\boldsymbol{y}_i$ – выход «итого» нейрона). Самое поразительное, что НС обучающаяся по

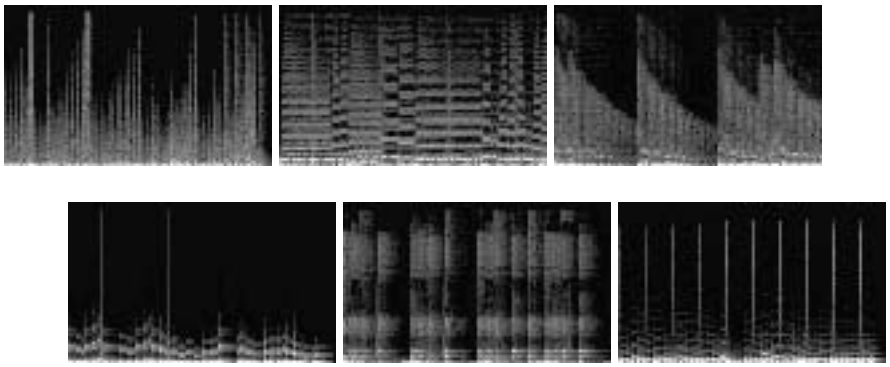
правилу Хебба выполняет операцию аналогичную анализу главных компонентов (АГК) – хорошо изученному традиционному статистическому методу, т. е. сеть учиться строить своего рода «обобщенный образ» сложного стимула. Однако применение правила Хебба в классической формулировке на практике затруднительно поскольку НС становится нестабильной – это связано с неограниченным ростом весов сети[21]. Поэтому было разработано несколько модификаций правила Хебба, предполагающих нормализацию весов. Наиболее распространенным правилом, применяемым для реализации АГК, является правило Санджерса.

Здесь необходимо сделать одно замечание. Считается, что обучение без учителя (в одном из хеббовских вариантов) является нейрофизиологически более правдоподобным. Однако в реальных когнитивных системах присутствуют оба типа научения. Научение по Хеббу является локальным. Алгоритм обратного распространения наоборот предполагает глобальную систему обратной связи. Поэтому можно сказать, что правило Хебба является более правдоподобным в частностях, в то время как алгоритм обратного распространения воспроизводит общую логику научения на основе обратной связи, конкретная нейрофизиологическая реализация которой может варьироваться, т. е. обучение без учителя находится в отношении структурного изоморфизма, а обучение с учителем – только функционального. Можно предположить, что в процессе восприятия музыки также имеют место оба варианта «научения» с преобладанием первого. Примером обратной связи в восприятии музыки можно назвать социальные ситуации с определенной семантикой (наиболее банально – свадебный марш, похоронный марш). Выполняя определенные социально-символические функции, музыка приобретает специфическую семантику, что выражается в использовании тех или иных музыкально-выразительных средств (ладов, ритмических структур). Будучи воспринятыми в тех или иных ситуациях, эти устойчивые структуры могут генерализироваться на более широкий круг музыкальных тем, а социальные ситуации выступать в качестве критерия обратной связи для эмоционально-эстетической оценки.

Теперь перейдем непосредственно к описанию эксперимента. Выборочный материал включил 80 тем, репрезентативных относительно основных музыкальных параметров – лада, ритма, тембра. Далее данные пропорционально к этим параметрам были разделены на обучающую (LS) и кросс-валидационную (C-VS) выборку. На вход сети подавалась спектрограмма (см. рис. 1) – графическое отображение звуковой волны. Горизонтальная ось в спектрограмме обозначает время, вертикальная – частоту волны, интенсивность спектральных компонент обозначается яркостью цвета (чем ярче, тем больше амплитуда).

Рис. 1. *Экспериментальные спектограммы*

[21] В реальных когнитивных системах имеются естественные ограничители роста связей - биоэлектрические и химические механизмы нервной регуляции.



Как видно из рисунка, спектрограмма является достаточно полным отображением музыкального материала. Помимо самого спектра, можно выделить также некоторые ритмические и др. особенности, например, вертикальные линии соответствуют отдельным нотам[22]*. Т. о., подавая на вход сети спектрограмму, мы в некотором роде заставляем ее «слушать музыку».*

Для каждой музыкальной темы из LS и C-VS была создана спектрограмма в виде матрицы размером 60x100 (графический файл в формате bmp). Эти матрицы подавались на вход сети (см. первый блок на схеме 3). Каждой точке в матрице сопоставлялось определенное числовое значение, т. о. данные переводились в форму доступную для НС-обработки. Архитектура сети совмещает обе парадигмы – обучение с учителем и обучение без учителя. На первом этапе синапс Санджерса осуществляет процедуру аналогичную АГК, переходя к пространству меньшей размерности (6x10, второй блок на схеме 3), далее главные компоненты обрабатываются с помощью алгоритма обратного распространения (МСП с одним скрытым слоем из 9 нейронов – матрица 3x3, см. блок 3 на схеме 3). В качестве критерия ошибки использовался L1 – знаковый критерий (правильность – неправильность классификации). Выходной переменной был эстетический фактор СД, т. е. НС училась классифицировать музыкальные темы с точки зрения их эмоционально-эстетической оценки на «позитивные» и «негативные».[23]

Несмотря на то, что в концепции *data mining* отсутствует понятие статистической значимости переменных при построении самой модели, мы можем оценить результаты деятельности НС со всей математической строгостью. Ниже приводятся классификационные таблицы для LS и C-VS.

Табл. 1. *Классификационная матрица*

S	**+»**	**–»**	**-VS**	**+»**	**–»**

[22] Интересно, что на более качественных изображениях спектрограммы приобретают своего рода самостоятельную эстетическую ценность – можно наблюдать необычные узоры и др. структуры. Видимо прекрасное прекрасно во всех своих появлениях!

[23] Мы не использовали другие факторы, поскольку распределение значений по ним оказалось сильно скошенным (т. е. было значительно больше наблюдений в одной группе, чем в другой). В такой ситуации знание простых описательных статистик позволяет сделать хороший прогноз – надо просто причислять все наблюдения к количественно преобладающему классу. По фактору же «эстетика» распределение было практически «пятьдесят на пятьдесят», кроме того, он наиболее интересен с психологической точки зрения.

+»	5	5	+»	9	1
–»	9	1	–»	7	3

Анализ аналогичной таблицы сопряженности по абсолютным долям свидетельствует о статистической значимости классификационных решений сети. Критерийχ^2 с поправкой Йетса на непрерывность значим на уровне $\alpha \approx 0{,}01$. Как можно увидеть из таблицы, сеть правильно классифицировала 85% (59%) музыкальных тем как «позитивные» и 61% (83%) как негативные. Всего было правильно классифицировано ≈70% наблюдений как в LS, так и в C-VS. Табл. 1 также свидетельствует о хорошей генерализационной способности сети.

Рассмотрим теперь модель представленную на схеме 3 в терминах структурного изоморфизма. С этой точки зрения использованная нами архитектура реализует некий аналог «афферентного синтеза», осуществляемого в биологических когнитивных системах, поскольку количество элементов последовательно уменьшается (6000 – 60 – 9). Первый блок можно соотнести с периферией слухового анализатора. Второй блок соответствует нейронным ансамблям, на которые конвергируют сигналы из периферических нейронов. Третий блок выполняет функцию ассоциативной памяти (весьма и весьма упрошенной, конечно).

Интересны также параллели, которые можно провести между НС-моделированием и функциональной асимметрией головного мозга. В целом существует мнение, что искусственные НС более соотносятся с деятельностью правого полушария. Это так же является важным в контексте проблемы музыкального восприятия[24]. Вероятно, вполне адекватным является рассмотрение процесса эмоционально-эстетической оценки музыки как «бессознательных умозаключений» (Герман Гельмгольц). Фактически мы зачастую затрудняемся ответить, почему та или иная музыкальная тема воспринимается как «грустная» или «радостная», «темная» или «светлая». Очевидно «решение» принимается бессознательно правым полушарием в результате сложнейших ассоциативных и синестетических процессов. И только потом мы можем «строить гипотезы» из левого полушария, относительно причин этого «решения»[25]. Т. о., НС является инструментом позволяющим снимать сложную ассоциативную структуру «бессознательных умозаключений» – что и происходит в процессе обучения сети.

Одним из ключевых принципов науки, сформулированным еще Вильямом Оккамом, является принцип предпочтения более «скупых» моделей более сложным, если последние не дают существенного прироста эффективности. НС-модели являются более сложными по сравнению с традиционными аналитическими методами, поэтому третьей задачей нашего исследования было сравнение эффективности НС и традиционных техник. В нашем случае, однако, прямое сравнение является практически невозможным по техническим соображениям – трудно реализовать модель регрессионного или дискриминантного анализа, когда на входе имеется такое количество переменных (6000 каналов или аналогично – матрица 60x100). Однако задачу можно переформулировать в терминах НС, если понимать под классическими

[24] Общепризнанным является мнение о доминантной роли правого полушария при восприятии музыкальных стимулов.

[25] О взаимоотношениях работы полушарий в когнитивных процессах см. очень интересную книгу Э. А. Костандова [2].

методами методы линейного моделирования. Тогда можно построить линейную архитектуру НС (сеть без скрытых слоев) типа АДАЛИН (адаптивный линейный элемент), что и было нами сделано на первом этапе исследования. Модель была идентична представленной на схеме 3, за исключением отсутствия третьего блока. НС с данной архитектурой значительно хуже справлялась с задачей классификации и к тому же имела тенденцию заносить все наблюдения в один класс, что по всей видимости свидетельствует о нелинейности в зависимостях между экспериментальными данными и об оправданности использования более сложной модели. Следует также отметить, что использованная нами архитектура не является самой «продвинутой». Например, первый блок осуществлял НС-аналог АГК, т. е. по существу реализовывал линейный алгоритм[26].

И, наконец, в завершении сравнения традиционных и НС-методов необходимо сказать, что они часто исходят из совершенно различных методологических предпосылок. Как правило, традиционные статистические модели включают относительное небольшое количество независимых переменных (верхняя граница находится приблизительно в районе 20). В НС-подходе входных каналов может быть очень много (в нашем случае их было 6000). Поэтому проблемы решаемые с помощью НС чаще всего определяются как проблемы «распознавания образов» – одной из центральных проблем в области искусственного интеллекта. Статистические же модели являются в большей степени моделями «идеальных типов» (в смысле Макса Вебера), описываемыми с помощью относительно небольшого числа чаще всего лингвистических переменных (в социальных и гуманитарных науках) – т. е. они являются рациональной реконструкцией ученого, в то время как НС фактически анализирует реальный стимул как «гештальт». В этом смысле проблема линейности – нелинейности вообще исчезает, и преимущество НС-методов является очевидным.

В завершение нашей статьи мы хотели бы обрисовать некоторые перспективы дальнейшего исследования проблемы музыкального восприятия. Очень интересным вопросом является рассмотрение момента интерсубъективности в восприятии музыки. Использование НС-моделирования позволяет раскрыть эту проблему под новым углом. В принципе, утверждение, что восприятие, а в особенности восприятие музыки[27], является глубоко индивидуальным, опосредованным особенностями личности является банальным. Между тем граница сугубо персонального и социально детерминированного, а так же акустически детерминированного (т. е. обусловленного особенностями самой музыки) является не совсем ясной. Иными словами: в какой же конкретно мере восприятие музыки индивидуально? Использование НС позволяет содержательно, и, видимо, даже количественно ответить на этот вопрос. В дальнейшем мы планируем провести исследование по схеме аналогичной изложенной нами выше с еще несколькими

[26] Опять же по техническим соображениям мы не стали чрезмерно усложнять модель, включая в нее блок с нелинейным АГК, поскольку это привело бы к значительному увеличению количества весовых коэффициентов сети и как следствие – к трудностям в обучении, поскольку зависимость между количеством весов и временем на обучение является экспоненциальной. Так же анализируя технические детали, можно отметить, что входная матрица была с относительно низким разрешением – исходные спектрограммы были в несколько раз больше. Возможно, что использование более качественной входной матрицы позволило бы увеличить точность классификации, но опять таки привело бы к увеличению числа весов.

[27] В силу своей абстрактности музыка является очень хорошим «проективным экраном».

испытуемыми. Тогда можно будет проверить в насколько точно сеть «воспитанная» на оценочных реакциях одного из испытуемых сможет предсказывать оценки других. Кроме того, можно будет ввести в модель определенные внутренние переменные (например, тип темперамента и т. п.). Но это уже тема для следующей статьи.

Литература:

1. Заенцев И. В. Нейронные сети: основные модели. Воронеж, 1999.
2. Костандов Э. А. Психофизиология сознания и бессознательного. – СПб: ПИТЕР, 2004.
3. Марютина Т. М., Ермолаев О. Ю. Введение в психофизиологию. - М.: Флинта, 2002.
4. Подшивалов В. В. Методологические проблемы музыкальных психотехнологий. Пси
   хотехнологии в социальной работе. Под ред. В. В. Козлова. Вып. 9. – Ярославль: РИА
   «Титул», 2004.
5. Хегенхан Б., Олсон М. Теории научения. – СПб: ПИТЕР, 2004.
6. Уоссермен Ф. Нейрокомпьютерная техника: Теория и практика. Электронная книга.
7. Principe J., Euliano N., Lefebvre C. Neural and Adaptive Systems. Interactive electronic book.

ПРОБЛЕМА МОТИВАЦИИ ПРОФЕССИОНАЛЬНОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ СОЦИАЛЬНЫХ РАБОТНИКОВ

А.С.Тростин (Ярославль)

Результаты деятельности организации в современных условиях во многом определяются отношением трудящихся к выполнению своих профессиональных обязанностей. Внешнее влияние на формирование данного отношения и его приспособление к целям социальной организации осуществляется в процессе управления мотивацией работников. Поэтому в настоящее время возникла объективная необходимость в изучении механизма мотивации, определении возможностей и выработке наиболее эффективных способов его регулирования в рамках специфики деятельности социальных организаций.

Для исследования мотивации работников социальной организации было проведено исследование социальных работников отделения социального обслуживания на дому Центра социального обслуживания «Светоч». В данном исследовании рассматривается проблема управления мотивационным процессом работников социальной организации на примере ЦСО «Светоч».

Главной целью исследования является выявление доминирующих мотивов мотивационной сферы работников Центра социального обслуживания «Светоч». Именно достоверность знания о мотивационной сфере работников позволяет создать эффективную систему мотивации профессиональной деятельности социальных работников.

Для реализации поставленной цели необходимо решить ряд задач исследования:

Выявить доминирующие мотивы деятельности социальных работников;

Определить основные факторы, демотивирующие трудовую деятельность социальных работников;

Выявить группу факторов, в большей степени влияющую на процесс мотивации социальных работников.

Объектом исследования является мотивационная сфера социальных работников отделения социального обслуживания на дому Центра.

Предметом исследования являются мотивы трудовой деятельности социальных работников отделения социального обслуживания Центра.

Исследование проводилось среди социальных работников отделения социального обслуживания на дому данной организации. Генеральная совокупность респондентов составляет 154 человека.

Для проведения исследования произведена выборка по возрастному критерию и продолжительности рабочего стажа респондентов, все работники – женщины. Выборка составляет 46 человек. Исследование проводилось в 2 этапа.

На первом этапе проводиться анкетирование респондентов с целью выявления общей картины мотивационной сферы.

Анкета построена по принципу группировки мотивов и антимотивов, имеющих конкретное содержание и имеет две части: в левой указаны мотивы, в правой – антимотивы по каждой группе. Справа в колонке «баллы» опрашиваемый должен указать по пятибалльной системе значимость присущих ему лично мотивов и антимотивов.

Полученная оценочная информация обрабатывается и суммируется для получения общей картины. В результате проведения анкетирования были получены следующие данные:

Доминирующей группой мотивов для респондентов является социально-психологические аспекты мотивации.

Наиболее важными мотивами деятельности являются:

- ответственность перед собой и людьми (средний балл 4,8)
- теплые отношения среди сотрудников (4,55)
- сработавшийся коллектив (4,52)
- хорошая обстановка в коллективе (4,47)
- доверие, оказываемое как работнику (4,47)
- самоуважение (4,46)

Основными факторами, демотивирующими трудовую деятельность являются:

ненормированность рабочего времени (средний балл 3,91)

объем работы превышает возможности ее качественного выполнения в срок (3,89)

Невысокая культура общения, недостаточный уровень компетентности, профессионализма в структурных подразделениях (3,87)

низкий уровень заработной платы (3,67).

Высокие оценки по шкалам «ответственность перед собой и людьми», «доверие, оказываемое мне как работнику» и «самоуважение» свидетельствуют о преобладании мотивов, опосредованными внутренними факторами альтруизма и моральными принципами.

Высокие оценки по шкалам «теплые отношения среди сотрудников», «сработавшийся коллектив», «хорошая обстановка в коллективе» свидетельствуют о направленности на процесс трудовой деятельности.

На основании проведенного анкетирования мы можем сформулировать рабочую гипотезу: для социальных работников отделения социального обслуживания на дому Центра преобладающими являются внутренние факторы мотивации труда, опосредующие направленность на процесс деятельности.

Таким образом, необходимо провести подтверждающее исследование особенностей мотивационной сферы социальных работников Центра по основным направлениям:

а) исследование структуры мотивации трудовой деятельности;

б) измерение степени ответственности, уважения к моральным принципам;

в) диагностика социально-психологических установок личности в мотивационно-потребностной сфере.

Для подтверждения \ опровержения гипотезы на втором этапе исследования мотивационной сферы социальных работников отделения социального обслуживания на дому Центра социального обслуживания «Светоч» было проведено тестирование, состоящее из комплекса тестов.

В результате проведения тестирования были получены следующие данные:

По шкале «альтруизм – эгоизм» средний балл ответов социальных работников составляет 16 баллов (из 20 возможных, среднее значение шкалы – 10). На основании этого можно сделать вывод о том, что для социальных работников Центра характерны альтруистические мотивы деятельности, преобладающие над эгоистическими.

По шкале «выявление установок на «процесс деятельности» - «результат деятельности»» выявлено следующее соотношение: у 87 % респондентов – ориентация на процесс деятельности; у 13% - ориентация на результат.

Исследование направленности личности социальных работников на внешние или внутренние стимулы (локус контроля): 78% - интерналы; 22% - экстерналы. Соответственно для социальных работников Центра характерно большее влияние внутренних стимулов, склонность к оценке и осмысливанию своей деятельности, в отличие от экстерналов, для которых необходимо постоянное воздействие извне.

Результаты по исследованию преобладающего компонента в структуре мотивации трудовой деятельности таковы: средний балл по шкале «внутренняя мотивация» - 36; по шкале «внешняя положительная мотивация» - 31; по шкале «внешняя отрицательная мотивация» - 34. Оптимальным является отношение ВМ > ВМП > ВМО. В данном случае преобладающим компонентом в структуре мотивации является внутренняя составляющая, однако, достаточно значимую роль играют внешние отрицательные факторы, такие как стремление избежать критики со стороны руководства и коллег, стремление избежать неприятности.

Результаты тестирования по «шкале совестливости» следующие: средний балл ответов всех опрашиваемых составляет 12 из 14. Это свидетельствует о высокой степени уважения социальными работниками к социальным нормам и этическим требованиям, для них характерны такие особенности личности, влияющие на мотивацию поведения, как чувство ответственности, стойкость моральных принципов, руководство чувством долга, социальными требованиями.

Таким образом, на основании проведенного исследования особенностей мотивации социальных работников отделения социального обслуживания на дому Центра можно утверждать, что преобладающими являются внутренние

факторы мотивации профессиональной деятельности, которые связаны с взаимодействием внутри группы.

Исследование мотивации профессиональной деятельности работников ЦСО «Светоч» показывает, что при формировании системы стимулирования в конкретной социальной организации необходимо учитывать специфические особенности работников, их личностные установки и потребности. Только тогда воздействие на мотивацию будет эффективным.

ПРОБЛЕМА ВЛИЯНИЯ РСС НА ФУНКЦИОНАЛЬНОЕ СОСТОЯНИЕ КЛИЕНТА

Г. Шибаева (Москва)

В современной психологической работе чрезвычайно важно, чтобы клиенты приобрели осознание ответственности за целостность своего сознания и приобретение интегративных навыков. Эти качества свидетельствуют о переходе человека в новый этап. Этап зрелости, когда он может самостоятельно и с большой эффективностью для себя и окружающих пережить кризисную ситуацию.

В настоящее время в психологической работе получило широкое распространение применение интенсивных интегративных психотехнологий с вхождением в расширенное состояние сознания (РСС). Они используются, как в индивидуальной, так и в групповой форме работы с клиентом.

Нами проведена исследовательская работа на социально - психологических тренингах по интенсивным интегративным психотехнологиям (ИИПТ).

Социально - психологический тренинг - направление в прикладной психологической психологии, связанное с изучением теории и практики группового воздействия на личность, межличностных отношений и исследованием закономерностей повышения эффективности совместной работы людей в малых группах.

Ведущая роль в разработке теории и основных форм практической реализации социально - психологического тренинга принадлежит американскому психологу К.Роджерсу, в свою очередь опиравшемуся на идеи немецкого психолога К.Левина. Практическое внедрение социально - психологического тренинга началось в 1947 г. В основании идей Роджерса лежит концепция, так называемой, самоактуализирующейся личности и мысль о том, что самосовершенствование личности обеспечивается за счет улучшения межличностных, групповых отношений, создания особой групповой атмосферы, в которой человек чувствует себя приятным, признанным и правильно оцененным другими.

На тренингах использовались техники ребефинга, вайвейшн, холотропное дыхание, Свободное Дыхание, различные медитативные, телесно-ориентированные, танцевально-двигательные, шаманские и другие психотехники, связанные с РСС.

Цели и задачи людей посещающих тренинги различны: это либо адаптация, либо личностный рост, самоактуализация, либо осознание личностных переживаний, либо духовное просветление, озарение, либо аутентичность, прикосновение к истинному смыслу бытия.

Каким образом влияют на человека эти психотехнологии, мы не раз испытали на личном опыте. Они дают человеку широкий доступ к ресурсам его сознания, способствуют самосовершенствованию личности и укреплению жизненной энергии, психофизическому здоровью, что, несомненно, оказывает влияние на самочувствие, активность и настроение.

Проблема влияния расширенного состояния сознания (РСС) на функциональное состояние - самочувствие, активность, настроение в научной психологической литературе мало изучена, что подчеркивает важность нашего исследования, несомненно нужного для практики психологической работы.

Среди всех этих психотехник, современные дыхательные психотехники, которым посвящена данная работа, такие как ребефинг, холотропное дыхание, вайвейшн, свободное дыхание по популярности и скорости распространения занимают одно из первых мест. Основные принципы, на которые опираются эти технологии, были разработаны в рамках психоаналитического, гуманистического и трансперсонального направлений такими психологами как, У. Джеймс, А. Маслоу, О.Ранк, В. Райх, К.Роджерс, Ч. Тарт, З.Фрейд, К. Юнг, К. Уилбер, С. Гроф и др.

Тем не менее, большинство дыхательных психотехник родилось из эмпирического опыта, т.е. первоначально возникли сами практики, а уже потом было найдено объяснение тому, что происходит с человеком во время дыхательного процесса. При этом теоретическая база дыхательных психотехник обладает некоторыми слабостями, она способна описать и объяснить то, что происходит, но практически не способна объективировать и прогнозировать результаты процессов, и даже не претендует на это. Отсутствие критериев правильного процесса и его результата при таком широком распространении дыхательных техник позволяет легко профанировать эти техники и их результаты.

Кроме того, появилось много инструкторов, проводящих дыхательные сессии и накопивших таким образом большой эмпирический опыт. К сожалению, поскольку большинство этих инструкторов работает за рамками современной науки этот опыт остается, не отрефлексированным, не освоенным и не осмысленным наукой до сих пор, хотя, по всей видимости, таит в себе огромный потенциал.

Наша работа ставила целью систематизировать опыт, накопленный нами в области дыхательных психотехник, с тем, чтобы полученные данные позволили исследовать влияние интенсивных интегративных психотехнологий на функциональное состояние клиентов.

Предметом исследования явился процесс динамики функционального состояния клиентов в ходе групповой работы с использованием расширенных состояний сознания

В качестве объекта исследования были выбраны люди, занимающиеся дыхательными психотехниками в группах.

В соответствие с целью исследования были поставлены следующие задачи:

1. Рассмотреть и провести анализ дыхательных психотехник, используя имеющуюся литературу по этому вопросу;
2. Изучить проблемы влияния РСС на психоэмоциональную сферу и состояние клиентов;

3. Изучить воздействие РСС с применением техник связного осознанного дыхания на самочувствие, активность и настроение клиентов, а также на некоторые аспекты групповой динамики.

4. Разработать практические рекомендации по повышению эффективности дыхательного процесса.

Теоретико-методологической базой исследования является трансперсональная и интегративная психология (Ст.Гроф, К.Уилбер, В.В.Козлов).

В качестве методов исследования были использованы теоретический анализ отечественной и зарубежной литературы по дыхательным психотехнологиям, трансперсональной и гуманистической психологии; интервьюирование ведущих лидеров дыхательных психотехник; анализ полученных данных; тестирование и анкетирование лиц, прошедших дыхательные процессы; наблюдение за дыхательными процессами; интроспекция и анализ личного опыта автора исследования.

Научная новизна исследования состоит в том, что впервые были проведены исследования динамики функционального состояния клиентов, была разработана авторская модель представлений о групповой динамике во время тренингов по ИИПТ. В результате данного исследования были выработаны практические рекомендации для повышения эффективности дыхательных сессий.

Теоретическое значение работы состоит в том, исследовательский эмпирический опыт, полученный во время тренингов с использованием дыхательных психотехник, был осмыслен, систематизирован и использован для создания модели динамики функционального состояния клиентов. Эти модели в свою очередь могут найти широкое применение для объективации результатов процессов и для создания более эффективных интегративных психотехнологий.

Практическое значение работы состоит в том, что на ее основе в Международной Ассоциации Свободного Дыхания, Российской Ассоциации трансперсональной психологии, созданы и реализуются на практике следующие программы семинаров и тренингов:

- базовый тренинг «Ребефинг»
- дыхательный терапевтический курс «Возрождение»
- инструкторский профессиональный курс «Вайвейшн»

Автором разработана новая образовательная психотехнология обучению иностранному языку (английскому) на базе вайвейшн.

Апробация работы. Результаты, получаемые в процессе исследования, незамедлительно апробировались автором на предмет их соответствия практике дыхательных психотехник. Основными методами апробации были метод внедрения и метод экспертных оценок.

Использование метода экспертных оценок заключалось в первую очередь в том, что результаты исследования рассматривались и обсуждались на конференциях Международного Фонда Дыхательных Психотехник в Австралии, в Соединенных Штатах. Основные идеи диссертации были представлены в качестве докладов или выступлений на Российских Дыхательных Конгрессах с 1991 по 2004 года, проходивших под Москвой, на конференциях Российской Ассоциации Трансперсональной Психологии и Психотерапии, Международного Института Интегративной Психологии и Российской Профессиональной Психотерапевтической Лиги.

Использование метода внедрения заключалось в применении получаемых результатов при конструировании, проведении и анализе ряда дыхательных процессов. Все выводы, как итоговые, так и получаемые по ходу исследования, были неоднократно проверены как самим диссертантом, так и группой его коллег.

Общим итогом апробации стал ряд дыхательных процессов, проведенных с использованием результатов данного исследования. Все инструкторы по дыхательным психотехникам, принявшие участие в этом эксперименте, подтвердили повышение эффективности их деятельности в результате применения данных разработок.

Кроме этого все разработанные в ходе исследования теоретические модели были внедрены в рамках Международной Ассоциации Свободного Дыхания ведущим, тренером которой автор исследования является в настоящий момент.

СМЫСЛОВОЕ СОДЕРЖАНИЕ ГЕНДЕРНОЙ ИДЕНТИЧНОСТИ СТУДЕНТОВ-МУЖЧИН

Н.А.Шухова (Новосибирск)

Половая принадлежность, это первая категория, в которой человек осмысливает свое «Я» и других в ходе социализации и которая составляет ядро его идентичности на протяжении всей жизни [4]. Пол – это определенность человека, возникающая из различной роли в воспроизведении людей, сопровождающаяся первичными и вторичными половыми признаками и включающая в себя тип сексуальности и половую идентичность. То, что обозначается термином «пол» определено биологически: хромосомный набор, гормональный состав и анатомическое строение, то есть биологический аппарат. Но его функционирование у человека определяется не столько биологическими законами, сколько культурными стереотипами. В отличие от пола, гендер – это определенность человека, возникающая в результате социокультурного наполнения полового диморфизма, имеющая систему смыслосодержащих символов, включающая в себя полоролевые стереотипы, полоролевые нормы и гендерную идентичность. Это – определенный тип ментальности и тип социального поведения. Если термин "пол" используется для обозначения мужчин и женщин, то термин "гендер" осмысляется в категориях "мужественности" и "женственности".

Гендерная идентичность в психологии понимается как «сложно сконструированное образование, включающее, помимо осознания собственной половой принадлежности, сексуальную ориентацию, «сексуальные сценарии», гендерные стереотипы, и гендерные предпочтения [10], как аспект самосознания, представленный многоуровневой системой соотнесения личности с телесными, психофизиологическими, психологическими и социокультурными значениями маскулинности и феминности [3]. Таким образом, гендерная идентичность есть совокупность образов представлений, самоидентификаций, включающая конкретные символы, выработанные обществом, нормы и законы, регулирующие поведение и жизнь индивида, то есть понимание себя и своего места в жизни общества, причем все это в нежесткой связи с его биологическим полом.

Целью нашего исследования было изучение представлений, образов и идентификаций, входящих в содержание гендерной идентичности мужчин и

соотнесение их с традиционными, выработанными в культуре представлениями о мужественности.

В исследовании участвовало 104 человека, все студенты-мужчины новосибирских вузов факультетов экономики, менеджмента и юриспруденции в возрасте от 19 до 23 лет. Испытуемые составляли самоописание с помощью опросника, включающего незаконченные предложения, каждое из которых начинается словами «Я мужчина…».

Мы предположили, что самоописание – это с одной стороны род самопрезентации в общении (хотя и опосредованном через текст), с другой стороны, оно включает содержательные и формальные аспекты самосознания, Я-образа и самоотношения.

Для анализа полученных текстов была разработана специальная контент-аналитичекая процедура, включающая кодировку каждого описания по 33 показателям. Все показатели выявлялись путем анализа языковых средств и стиля самоописаний.

Во-первых, анализировались содержательные показатели фиксирующие, что именно хотел сказать о себе автор самоописания. Именно эти показатели отражают психологическую специфику текстов, связанную с идентичностью. Сюда были отнесены показатели самоопределения (какой я: сильный, ответственный, волевой) самоотношения, характер отношения с другими людьми, ценности, цели, интересы, потребности.

Во-вторых, характеристики текстов, связанные с выбором языковых средств. Это формальные лексические средства описания, такие как использование превосходной степени, местоимения и наречия, выражающие значение предела («все», «всегда», «ничто», «никогда»), личные местоимения («я», «мне», «меня»). Слова, выражающие неуверенность («может быть», «возможно», «наверное»), так называемые сглаживающие слова («достаточно», «несколько» «иногда»). Эта группа показателей, на наш взгляд в меньшей степени подвержена сознательному контролю, так как связана со стилем изложения, а не с задуманным содержанием. Именно эти особенности самоописания подвержены неосознаваемому воздействию эмоционального состояния и глубинных личностных установок.

В-третьих, анализировались стилевые показатели, фиксирующие интонацию текста в целом. В определенной мере эти показатели отвечают на вопрос «как?», но в то же время несут в себе личностно-смысловую нагрузку: оптимистичность – пессимистичность, открытость – закрытость, демонстративность, бравада, самобичевание, насыщенность эмоциями (позитивные или негативные эмоциональные состояния). Таким образом, первая группа является основной и позволяет выявить элементы содержания идентичности. Две другие вспомогательные, они способствовали выявлению самоотношения и неосознаваемых глубинных убеждений, которые позволили нам более полно определить и раскрыть содержание гендерной идентичности.

После кодировки каждого описания по 33 показателям, нами была проведена следующая процедура. Выделены основные категории (темы), которые были наиболее ярко представлены в описаниях испытуемых. Всего было выявлено 9 категорий, 6 из

Содержание гендерной идентичности мужчин

Сфера содержания гендерной идентичности	Категория содержания идентичности	Показатели содержания гендерной идентичности
Самоопределение в	Маскулинность	Авторитарная маскулиность,

категориях маскулинности/фемининности	II.Фемининность	Неавторитарная маскулинность, Мужской кодекс чести, Биологический фактор, Гендерный фактор, Герой (принятие трудностей), Антигерой (непринятие трудностей). Дружелюбие, Пассивность, Зависимость
Сфера целей и ценностей	III. Цели IV. Ценности	Карьера, Семья и дети, Развитие и обучение, Социальный успех, Уверенность в будущем, Неуверенность в будущем Духовные, Социальные, Материальные
Сфера отношений	V.Отношения с окружающими VI. Отношение к себе	Наличие друзей, Ориентация на отношения, Отрицание отношений (индивидуализм), Позитивное отношение к другим, Страх унижения. Позитивное отношение к себе, Критичность, Пессимизм, Оптимизм
Состояние идентичности	Эго-индекс, Субъектность Объектность	

них («Маскулинность», «Фемининность», «Цели», «Ценности», «Отношения», «Отношение к себе») включают несколько показателей, отражающих содержание категории и 3 дополнительные категории: «Эго-индекс», количество встречающихся в текстах личных местоимений «Я»; «Объектность»; «Субъектность». Все категории можно распределить между тремя сферами: самоопределение в категориях маскулинности/фемининности, цели и ценности, набор установок по отношению к окружающим и к себе (См. таблицу)

Самоопределение в категориях маскулинности/фемининности включает личностные качества, вошедшие в Я-образ мужчин, и в основном они соответствуют социально заданными стереотипами мужественности. Мы выделили две группы таких качеств. «Авторитарная маскулинность», включающая агрессивность, жесткость, стремление к доминированию, превосходству, в том числе и над женщинами, властность, грубость, перфекционизм, риск. «Неавторитарная маскулинность», сюда вошли сила, смелость, самостоятельность, ответственность за себя и других, решительность, рациональность, эмоциональная выдержка, уверенность.

При описании себя мужчины больше использовали качества и характеристики относящейся к неавторитарной маскулинности. Среднее значение показателей неавторитарной маскулинности составило 3,59, авторитарной маскулинности - 2,36. Большая часть мужчин нашей выборки (63,4%) связывают свою маскулинность с гендерным фактором, то есть определяют ее как достижение индивидуального опыта и воспитания. И только 24% испытуемых мужчин склонны считать свою мужественность данной от природы (биологический фактор), 8% в определении себя как мужчины опираются на оба фактора.

При анализе содержания самоописаний нами был выявлен показатель «Принятие гендерной роли». Большая часть испытуемых (77,8%) намеренно подчеркивала стремление, желание следовать гендерным предписаниям и исполнять роли традиционно считающиеся мужскими, а так же гордость от осознания принадлежности к мужскому роду.

Особый интерес представляют в данном блоке показатели, которые мы определяем как героическое сознание «Герой (принятие трудностей)», «Антигерой (непринятие трудностей). Более трети испытуемых, описывая себя и свои качества, как бы предвосхищают трудности, с которыми им предстоит справляться сейчас и в будущем, и выражают уверенность и готовность к этому: Я знаю, что в трудной ситуации всегда смогу найти достойное решение…; Я могу пожертвовать многим ради спасения и помощи близких или друзей; Я знаю, что мир жесток, и я смогу преодолеть все трудности, что бы в нем выжить, работать, развиваться; Я готов преодолеть все преграды для достижении своих целей. Эти и подобные высказывания позволили нам выделить показатель идентичности - «Герой».

Мы считаем, что образ Героя, с которым идентифицируюи себя мужчины данной возрастной категории не случаен. На данном этапе жизни, которую мы, соглашаясь с современными последователями К.Юнга (Ю.Моник, Дж. Холлис), определяем как первая взрослость, на смену детскому «магическому мышлению» должно прийти «героическое мышление» [9, с. 39]. По мнению К. Юнга, Герой - это архетипический образ, демонстрирующий каким по своей сути должен стать человек. В более широком контексте Героя можно рассматривать в качестве прототипа эго-сознания, и даже самого эго [5, с. 35]. Юнг не делал специального акцента именно на маскулинности. То, что он сравнивал эго-сознание с Героем, то есть с мужским архетипом, говорит о том, что он считал маскулинность неким стандартом, помогающим понять эго-сознание. Сравнивая Героя и эго, Юнг имел в виду неизбежную сложность перехода от детства к взрослости. Постюнгианцы рассматривают Героя как образ маскулинности, а не человеческого идеала. В их представлении мужская парадигма образа Героя такова: Герой должен сражаться с чудовищами и врагами. «Он борется всеми силами с подданными Великой Матери, которые задерживают его собственное развитие, олицетворяя силы инерции» [5, с.36]. Борьба с Великой Матерью здесь олицетворяет утверждение маскулинности и отделение от противостоящего ей женского бессознательного. Герой должен проявить свою маскулинность, противоположную фемининности. В противном случае его зарождающаяся мужественность потеряется в складках ее облачения.

Таким образом, выявленная нами идентификация с образом Героя, вполне закономерна и даже необходима, так как придает мужчинам силы покинуть родительский дом, вступить в мир, бороться за выживание, осваивать профессиональные, супружеские, родительские роли, и удовлетворять свои потребности. Вступая в первую взрослость, молодой мужчина должен сказать окружающему миру: «Примите меня на работу», «Поверьте мне», «Выходите за меня замуж», а потом он должен на деле доказывать свою состоятельность. Испытуемых, принимающих трудности и в связи с этим вошедших в категорию «Герой» в исследуемой выборке оказалось 36,53%, не принимающих трудности (Антигероев) 9,6%.

Показатель «Мужскомой кодекс чести» так же занимает особое место в содержании гендерной идентичности мужчин. Он включает следующие качества и характеристики: честь достоинство, верность, преданность друзьям, неприятие предательства, уважительное отношение к женщинам, слабым и т.п. В нашей выборке 53,4% мужчин включают в свой образ-Я качества, входящие в мужской кодекс чести.

В категории «Фемининность», нами было выявлено три показателя: «Дружелюбие» (доброта, заботливость, нежность), «Пассивность» (слабоволие, застенчивость, склонность к уничижению). «Зависимость» как свидетельство зависимости от обстоятельств, мнения и отношения других. Следует отметить, что мужчины склонны приписывать себе в большей степени качества, связанные с дружелюбием (45, 19%). Показатель «Пассивность» был выявлен у 6,73% испытуемых. В описаниях чаще встречается не прямые, а косвенные указания на наличие данных качеств. В сравнении с количеством маскулинных характеристик доля феминнных значительно ниже, что с нашей точки зрения, является нормативным, особенно учитывая возраст испытуемых. Нахождение на данной стадии развития требует сокрытия потенциальной женственности, которая должна незаметно дремать в бессознательном, чтобы в личности мужчины в полной мере могла проявиться героическая мужественность и произошло формирование маскулинного эго-сознания.

Сфера «Цели ценности». Содержание целей включает, в первую очередь, стремление найти «подругу», «любимую девушку» (сексуального партнера), создать с ней семью и воспитывать детей, чаще сыновей, как наследников (58, 65%); сделать карьеру по выбранной профессии (45, 19%); а так же развитие и дальнейшее обучение в будущем (34,61%); достижение высокого положения в обществе (33,65%). Из 104 испытуемых 34 (32,69%) прямо выразили уверенность в достижении в будущем своих целей. У 5,76% в самоописаниях выявлено отсутствие четких планов на будущее, растерянность перед завтрашним днем.

Категория «Ценности» представлена следующими примерами: я мужчина и для меня важно заслужить уважение людей; для меня имеет значение добиться любви и признания людей своими делами. В этих и подобных им цитатах, выражаются ценности как значимость для человека чего-то в мире. Или, говоря словами С.Л. Рубинштейна, «выражение небезразличия человека по отношению к миру, возникающего из значимости разных сторон, аспектов мира для человека, для его жизни»[8, с.371].

Всего нами было выявлено три группы ценностей. «Духовные ценности» включают значимость духовного развития, постижение личного смысла жизни, наличие собственной миссии. «Социальные ценности» в основном касаются значимости достижения уважения другими людьми и желания что-либо делать ради людей. В группу «Материальные ценности» вошли прямые указания на важность для себя, как мужчины достижения высокого материального положения, богатства и т.п. Соотношение значимости всех трех групп ценностей следующее. На первом месте социальные (54,80%), на втором материальные (50,96%) и затем духовные (18,26%).

Содержание целей и ценностей, а так же их иерархию можно объяснить в русле современной аналитической психологии, определяющей развитие и формирование идентичности мужчин фаллическим архетипом [6]. Фаллос – архетипическая мужская энергия, главный символ мужского начала. Для мужчины фаллос сакрален и является внешним проявлением его внутренней сущности. Развитие «Я» мужчины предполагает трансформацию фаллической энергии в течение всей жизни. В исследуемом нами возрасте (первая взрослость) происходит процесс, связанный с очередной трансформацией. Сфера мужской сексуальности расширяется и «принимает форму аллегорической, фаллической активности» [5, с. 18]. Выбор профессии, жены, создание семьи, накопление собственности, стремление занять высокое

положение в обществе и борьба за лидерство, все это является «эквивалентами фаллических потребностей». Именно в этом заключается предложенная З. Фрейдом концепция сублимации. Если ход трансформации нарушен, мужчина превращается в заложника своих эротических желаний и не способен занять достойного места во взрослом мире. Поэтому он должен стремиться к достижению успеха (карьера, высокий социальный статус, возможность обеспечить семью, признание и уважение окружающими) поскольку это достижение связано с его фаллической природой. Без предоставления таких доказательств, он «воспринимается как жертва «импотенции-феминизации-кастрации» [5, с. 19]. Таким образом, для мужчины исследуемого возраста абсолютно необходимы стремление к достижению и существенные успехи, чтобы не возникло несоответствия между его социально-половой идентичностью и уверенность в себе.

Сфера «Отношения» в структуре содержании гендерной идентичности включает набор установок по отношению к окружающим и к себе. С одной стороны это - наличие друзей, которое выражается в желании принадлежать к группе друзей главным образом своего пола (49, %). Показатель «Друзья» свидетельствует, что даже за пределами подросткового возраста сохраняется сегрегация в общении мужчин, которая консолидирует мужественность, хотя и может затруднять отношения с женщинами. Показатель «Ориентация на отношения» включает осознание важности опираться в жизни на внешние ресурсы, то есть на помощь и поддержку окружающих (32,69%). «Позитивное отношение к другим» - испытуемые включают в образ-Я умение помогать, проявлять заботу доставлять радость людям, (30,76%).

С другой стороны мы выделили показатели «Отрицание отношений» (40,38%), которое характеризует стремление к индивидуализму, опоре в своих достижениях только на себя. У 24% испытуемых выявлен показатель «Страх унижения», который у испытуемых, выражается в ожидании со стороны окружающих действий унижающих или затрагивающих их чувства или достоинство Страх унижения, проявившийся у мужчин исследуемого возраста, мы интерпретируем как кастрационный страх. Унизить, оскорбить достоинство, значит причинить вред и нанести ущерб глубочайшему ощущению мужчиной своего начала. С точки зрения психологии это – кастрация. Показатель «Страх унижения» (кастрации) был выявлен нами в той части спамоописаний, где испытуемым предлагалось закончить предложение: «Я мужчина не терплю….». 24% испытуемых связали свои переживания с унижением, и оскорблением их достоинства другими (в том числе и женщинами). Как известно в современной культуре, нормы которой до сих пор остаются патриархальными, от мужчин ожидается скрывать свои чувства (гнев, ярость) в подобных ситуациях. Основная цель заключается в том, чтобы защититься от обвинения в проявлении женственности. Мужчина, согласно гендерным нормам должен быть неуязвим, ранимость – удел женщины. Поэтому, выявленные нами выражения нетерпимости и ярости достигают противоположной цели, а именно указывают на проявление внутренних аспектов женственности мужчин. В связи с этим мы полагаем, что страх унижения (кастрации) проявившийся в категории «Отношения» имеет под собой реальное основание – недостаточно сформированное маскулинное ядро эго-идентичности мужчин, и как следствие, бессознательное стремление защитить нарождающуюся мужественность от реальной или предполагаемой угрозы.

Категория «Отношение к себе» включает четыре показателя. «Позитивное отношение к себе» выражается в одобрении себя, своих поступков, действий Положительная оценка себя означает здесь не столько самооценку, сколько принятие и следование социальным нормам мужественности: «сверхнормальность», довольство собой, отрицание признаков дезадаптации (59,61%). Показатель «Критичность» выявлен у 13,46% испытуемых, означает осознание собственных «проблемных зон» и намерения развивать и совершенствовать себя. «Оптимизм» - как показатель уверенности в себе обнаружен у 34,61%. Показатель «Пессимизм» был выявлен у 15,38% испытуемых и свидетельствует о неуверенности в себе (Я опечален тем, что все мои мечты и потребности не осуществятся…; сегодняшняя культура сильно спрессовала нас мужчин своими рамками и трудно чего-то достичь в жизни…). С нашей точки зрения это может свидетельствовать о наличии кризисных тенденций в идентичности.

В ходе анализа самоописаний нами были выявлены еще три категории идентичности: «Эго-индекс», «Субъектность», «Объектность», которые скорее могут быть отнесены не к ее содержанию, а характеризовать ее состояние. Многие исследователи, выделяя сознательную часть психики не сговариваясь нарекли ее именем местоимения первого лица «Я» (.Джеймс, Фрейд, Юнг и др). И хотя каждый по-своему понимал это «Я», в науке не существует возражений против самого наименования данной структуры местоимением первого лица. Вероятно, что местоимение «Я» в речи (все равно устной или письменной), действительно выражает максимально осознанную часть личности, или, говоря языком аналитической психологии, является проявлением архетипа Эго. С Л. Рубинштейн, говоря об осознании ребенком своего, Я подчеркивал, что ребенок не сразу осознает себя как «Я». В течение первых лет, он называет себя по имени, как это делают окружающие, обращаясь к нему [7]. Местоимение «Я» в речи ребенка появляется как показатель его осознания себя как отдельного от других существа. Согласно результатам отечественных исследователей [1], [2] употребление местоимения «Я» связано с большей осознанностью, в то время как через конструкции «Мне» «Меня» выражаются менее осознаваемые характеристики личности и являются лишь в некотором смысле Я, его потенциальным, а не осуществленным состоянием. Категория «Эго индекс», был выявлен простым суммированием местоимений «Я» в самоописаниях и выражает степень самосознания личности.

Две других категории «Субъектость» и «Объектность» показывают основной тип социальных отношений индивида (Я как субъект или Я как объект). Отношение к себе как к субъекту выражается в употреблении в речи местоимения «Я», а так же употребление в самоописаниях активных конструкций, отражающих активное, действующее начало, в противовес пассивным формам «Мне» «Меня» и безличным предложениям. Употребление в речи последних свидетельствует о незрелости, инфантильности «детскости» эго, ведь в детстве человек редко выступает активным субъектом («Я делаю»), гораздо чаще ему приходится участвовать в активности других лиц, выступая объектом их манипуляций («Мне сделают»). Данные категории выделялись нами путем подсчета лексических средств, используемых в самоописаниях (активные и пассивные грамматические конструкции, с использованием местоимений «мне», «меня»). Сравнение средних значений «Субъектности» и «Объектности» показывают небольшое расхождение, соответственно 5,3 и 4,7. Мы считаем, что все три категории («Эго-индекс Я», «Субъектность»,

«Объектность») могут свидетельствовать об уровне развития идентичности испытуемых, их зрелости и влиять на степень ее социально-психологической адаптации.

Проведенный анализ позволяет говорить о многообразии аспектов входящих в содержания гендерной идентичности мужчин. В первую очередь содержание гендерной идентичности включает характеристики, связанные с социальными представлениями о мужественности, среди которых преобладают черты неавторитарной мужественности, и представления о чести и достоинстве. Таким образом, вопреки различным социальным, экономическим и, как следствие, психологическим причинам, многие традиционные нормы мужского самосознания не исчезают, а скорее смягчаются и видоизменяются. Компоненты мужественности, с которыми идентифицируют себя мужчины, определяются как гендерный фактор, как достижение индивидуального опыта, то, что необходимо создавать, а не как данные от природы. Мужской образ-Я мужчин-студентов включает в себя образ Героя, идентификация с которым придает уверенности в достижении поставленных целей.

Сфера целей и ценностей содержит убеждения и представления, характеризующие проекцию во вне: желание стать чем-то, потребность завоевать авторитет и признание окружающих. Конкретное содержание варьирует, но базовый тип мотивации сохраняется и отражает явную гендерную специфику - стремлении к достижениям, подтверждающим мужественность.

Сфера «Отношения», содержит набор установок по отношению к окружающим, к себе, и так же имеющих гендерное наполнение. Включает с одной стороны стремление принадлежать к группе своего пола (гомосоциальность), необходимое для поддержания специфических маскулинных ценностей и самосознания. С другой, на отрицание отношений, стремление к индивидуализму, опоре только на себя что субъективно может повышать ощущение собственной мужественности. Отношение к себе характеризуется позитивной или негативной оценкой себя так же имеют гендерную специфику и отражают субъективное переживание соответствия или несоответствия стандартам мужественности.

Литература:

1. Абульханова-Славская К.А. Субъект – символ российского самосознания // Сознание личности в кризисном обществе. М. 1995, с. 10-28.
2. Березина Т.Н. Многомерная психика. Внутренний мир личности. –М.: ПЕР СЭ,2001.– 319 с.
3. Каган В.Е. Половая идентичность и развитие личности. // Обозрение психиатрии и медицинской психологии им. Бехтерева. 1991. №4. С. 25-33.
4. Клецина И.С. Гендерная социализация. СПб., 1998.
5. Моник Ю. Кастрация и мужская ярость: Фаллическая травма. Пер. с англ. – М.: «Радуга»1999. – 87 с.
6. Моник Ю. Фаллос. Священный мужской образ. Аналитическая психология: Пер. с англ. М.: ИНФА-М, 1000. – 136.
7. Рубинштейн С.Л. Основы общей психологии. СПб.: Питер, 1999, 720 с.
8. Рубинштей С.Л. Проблемы общей психологии. М: Педагогика. 1976. – 416. С.371.

9. Холлис Дж. Перевал в середине пути. Кризис среднего возраста. Аналитическая психология: Пер. с англ. – М.: ИНФА-М, 2002. – 141 с.
10. Ярская-Смирнова Е.Р. Социальные и социально-психологические механизмы формирования социальной идентичности // Социокультурный анализ гендерных отношений. / Под ред. Е. Ярской-Смирновой. – Саратов: Изд-во. СГУ, 1998.

ИССЛЕДОВАНИЕ ТИПОВ ГЕНДЕРНОЙ ИДЕНТИЧНОСТИ МУЖЧИН МЕТОДОМ ФАКТОРНОГО АНАЛИЗА ЕЕ СОДЕРЖАНИЯ

Н.А.Шухова, А.М.Голубев (Новосибирск)

Данная публикация продолжает серию публикаций по теме «Проблемы гендерной идентичности мужчин» [5, 6]. Гендерная идентичность это аспект самосознания, описывающий переживания человеком себя как представителя определенного пола. В структуре гендерной идентичности выделяется три уровня: *базовая идентичность* – соотнесение личности с альтернативными представлениями о маскулинности-феминности; *ролевая* – соотнесение поведения и переживаний личности с существующей в данной культуре полоролевыми стереотипами; *персональная*, интегрирующая описанные уровни и характеризующая соотнесение личности с маскулинностью и femininностью в контексте индивидуального опыта межличностного общения [3].

Являясь составной частью социальной идентичности, гендерная идентичность, зависит от социокультурных условий, которые в настоящее время претерпевают глобальные изменения: разрушение традиционной системы гендерного разделения труда, утрата мужчинами монополии на публичную власть в политической сфере, эволюция брачно-семейных отношений, изменение характера социализации мальчиков, совместное школьное обучение, которое уменьшает половую сегрегацию. Все перечисленные изменения способствуют трансформации традиционных мужских ценностей и канонов маскулинности. В связи с этим перед социальной психологией встает задача, осмысления проблемы не просто личности, а личности с точки зрения ее гендерной принадлежности. Актуализируется интерес к теме содержания гендерной идентичности мужчин, которые в силу жесткости предъявляемых к ним гендерных требований оказались особо уязвимыми в свете происходящих изменений.

Целью нашего исследования было выявить систему представлений и смыслов, входящих в содержание гендерной идентичности мужчин, определить и описать типы идентичности. В исследовании принимало участие студенты-мужчины в возрасте от 19 до 23 лет в количестве 104 человека. Исследование содержания идентичности мужчин проводилось с помощью опросника, который представляет собой незаконченные предложения, каждое из которых начинается с фразы «Я – мужчина…». Самоописание является той сферой, в которой проявляются содержательные элементы гендерной идентичности, формальные аспекты самосознания, Я-образа и самоотношения.

Контент-анализ самоописаний позволил выявить 33 показателя содержания гендерной идентичности мужчин. Далее эти показатели были сгруппированы нами в 9 групп (категорий). Шесть категорий включают несколько показателей, составляющих содержание категорий. Три категории

характеризуют состояние идентичности. Анализ категорий содержания самоописаний позволил распределить их между тремя сферами: характеристики, сопряженные с социально заданными представлениями о мужественности и женственности; цели и ценности; отношения (Таблица).

Категория «Эго индекс», выражает степень самосознания личности. Две другие категории «Субъектость» и «Объектность» характеризуют основной тип социальных отношений индивида (Я как субъект или Я как объект). Отношение к себе как к субъекту выражается в употреблении в самоописаниях местоимения «Я», а так же активных конструкций и отражает активное, действующее начало, в противовес пассивным формам «Мне/Меня» и безличным предложениям. Употребление в речи последних свидетельствует о незрелости, инфантильности «детскости» эго. Мы считаем, что все три показателя («Эго-индекс», «Субъектность», «Объектность») могут свидетельствовать об уровне развития идентичности испытуемых, их зрелости и влиять на качество социально-психологической адаптации.

Содержание гендерной идентичности мужчин

Сфера содержания гендерной идентичности	Категория содержания идентичности	Показатели содержания гендерной идентичности
Самоопределение в категориях маскулинности/фемининности	Маскулинность II. Фемининность	Авторитарная маскулиность, Неавторитарная маскулинность, Мужской кодекс чести, Биологический фактор, Гендерный фактор, Герой (принятие трудностей), Антигерой (непринятие трудностей). Дружелюбие, Пассивность, Зависимость
Сфера целей и ценностей	III. Цели IV. Ценности	Карьера, Семья и дети, Развитие и обучение, Социальный успех, Уверенность в будущем, Неуверенность в будущем Духовные, Социальные, Материальные
Сфера отношений	V.Отношения с окружающими VI. Отношение к себе	Наличие друзей, Ориентация на отношения, Отрицание отношений (индивидуализм), Позитивное отношение к другим, Страх унижения. Позитивное отношение к себе, Критичность, Пессимизм, Оптимизм
Состояние идентичности	Эго-индекс, Субъектность Объектность	

Мы предположили, что Я-представления и показатели самоотношения, входящие в содержания гендерной идентичности имеют устойчивые связи, выявление которых позволяет определить и описать типы идентичности мужчин. Поэтому из полученных данных была сформирована матрица «переменные объекты» и проведен факторный анализ (метод Главных компонент) с последующим вращением методом веримакс с применением

преобразования Кайзера (нормализация). В результате мы получили 11 факторов.

1-й фактор - самореализации, героизма.. Включает содержание категорий по всем выделенным нами тематическим блокам: «Самоопределение в категориях маскулинности/фемининности», «Содержание целей и ценностей», «Отношения», «Состояние». Данный фактор, скорее всего, свидетельствует о «здоровой маскулинности», о степени самоактуализации, самореализации, стремлении преодолевать трудности вхождения во взрослую жизнь.

Самоопределение включает характеристики «Неавторитарной маскулинности» (0, 642), качества входящие в «Мужской кодекс чести» (0,597), идентификация с образом Героя (0,498) в сочетании с умением проявлять дружелюбие, эмпатию и склонностью к сотрудничеству (Дружелюбие: 0,462), входящими в категорию «Фемининность».

В сфере ценностей выявлена значимость духовного развития, постижение личного смысла жизни, наличие собственной миссии (Духовные ценности: 0,643), а так же стремление достичь уважения других желание что-либо делать ради этого (Социальные ценности 0,537). Таким образом, испытуемым с данным типом идентичности свойственны духовность, экзистенциальность, социальность.

Сфера отношений включает набор установок по отношению к окружающим и к себе, характеризующийся самопринятием, оптимистичностью (Позитивное отношение к себе: 0,439) и позитивным отношением к окружающим (Позитивное отношение к другим: 0,372). Положительная оценка себя означает принятие и следование социальным нормам мужественности: «сверхнормальность», довольство собой, отрицание признаков дезадаптации. Данный тип идентичности может быть оценен как наиболее реализирующийся, так как весомыми в содержании данного фактора являются показатели состояния идентичности «Эго-индекс» (0,774) и «Субъектность» (0,765) свидетельствующие о высокой степени развития самосознания, наличии позитивизма, самомотивированности, активной стратегии жизни.

2-й фактор - эквивалентности: социабильность, референтность, клановость (Я равно ОНИ). Фактор составлен из переменных, входящих главным образом, в сферу «Отношения». Максимальный вклад вносят показатели идентичности, содержащие набор установок относительно отношения с внешним миром. У испытуемых данного типа идентичности ярко выражена ориентация на отношения (0,698). Они стремятся к установлению дружественных контактов (Дружелюбие: 0,580), выражают склонность к сотрудничеству и кооперации, причем преимущественно или исключительно с представителями своего пола (Друзья: 0,589). Данный показатель в большей степени несет гендерную нагрузку. Принадлежность к группе своего пола, это характеристика больше свойственна мужчинам в отличие от женщин и служит утверждению мужских качеств. Отсутствие страха унижения (Страх унижения: -0,489) и отказ от индивидуализма (Отрицание отношений: -0,793) может свидетельствовать о психологическом благополучии. Согласно исследованиям А.В. Визгиной, С.Р. Понтелеева [1] для мужчин «независимость» не столь позитивное качество: оно означает не только независимость от авторитетов, но и оторванность от группы, ожидание негативного отношения к себе, настороженность и озабоченность своим состоянием, сверхконтроль.

3-й фактор - «гендер – пол». Содержание фактора характеризует аппозиция самоидентификации в категориях гендера–пола («Биологический

фактор»: -0,848; «Гендерный фактор»: 0,698). В сфере самоопределения в категориях маскулинности/фемининности, испытуемые, идентифицирующие свою мужественность только с позиции гендера, делают ставку на характеристики неавторитарной мужественности: самостоятельность, ответственность за себя и других, решительность, сила, смелость, рациональность, эмоциональная выдержка, уверенность (Неавторитарная маскулинность: 0,322). В сфере ценностей превалирует достижение материального благополучия, как подтверждение мужественности, выражающееся в утверждении себя в роли состоятельного мужчины, добытчика.

Отношение к себе характеризуется оптимистичностью, уверенностью и отрицанием у себя признаков дезадаптации (Оптимизм: 0,469), что объясняется стремлением следовать гендерным стереотипам: соответствие идеалам мужественности «Со мною все в порядке».

4-й фактор - феминности, «минорности». Сочетание переменных характеризует отсутствие выраженности маскулинных качеств. Выявлены только феминные качества: пассивность, подчинение и зависимость в личных отношениях в сочетании с мягкостью и доверчивость (Пассивность: 0,720; Зависимость: 0,812 соответственно), и как следствие, избегание трудностей (Антигерой: 0,571). В отношении к себе просматривается пессимизм (0,463), что свидетельствует о наличие кризисных тенденций в идентичности. Самоописания испытуемых, включающие показатели «Пассивность», «Зависимость» не содержат конкретных ответов на вопросы «кто я?», «какой я?». Отсутствие таких ответов может в дальнейшем привести к неуверенности в понимании собственного «Я», к неспособности сформулировать свои цели, ценности, к трудностям социального (гендерного, профессионального и пр.) самоопределения, то есть к диффузии идентичности.

5-й фактор - объектности, стратегии созерцания. Данный тип идентичности можно охарактеризовать как инфантильный, так как основной вклад в него вносит показатель «Объектность» (0,801). Этот показатель характеризует основной тип социальных отношений индивида, в которых он в большей степени выступает объектом манипуляций другими, что может указывать на незрелость и инфантильность.

В сфере самоопределения отмечается принятие женственности, которое выражается в способности проявлять качества и выполнять действия традиционно считающиеся женскими. Причем многие испытуемые в основном описывали это как достижение, смысл которого можно понять, как «я не боюсь быть таким». В сфере отношений присутствует страх унижения (Страх унижения: 0,340), выражающийся в ожидании со стороны окружающих действий унижающих или затрагивающих чувства или достоинство. Испытуемые данного типа не идентифицируют себя с образом Героя (-0,367), что в сочетании с «принятием» женских качеств (Принятие женственности: 0,397), выполняющим скорее компенсаторную функцию, свидетельствует о недостаточно сформированном маскулинном ядре эго-идентичности мужчин, и как следствие бессознательном стремление защитить нарождающуюся мужественность от реальной или предполагаемой угрозы. В сфере целей отсутствует стремление к достижению какого-либо положения в обществе (Социальный успех: -0,359), что может быть расценено как несоответствие с общей моделью мужского сознания и поведения, которая предполагает проекцию во вне, желание стать чем-то, потребность в достижении. [4]. Сфера

ценностей характеризуется стремлением к духовному самосовершенствованию, постижению смысла жизни, что само по себе является ценностью. Однако при отсутствии активной позиции и личной силы может приводить к социальной дезадаптации.

6-й фактор - гендерной самокритичности. Включает только две переменные, которые, во-первых, характеризуют критическое отношение к себе (Критичность: 0,840), то есть фиксацию на своих проблемных зонах: недостаток таких мужских качеств как смелость, настойчивость, выносливость и намерение развивать и совершенствовать себя. Второй показатель «Принятие женственности» (0,571) выступает здесь как компенсация недостающей мужественности.

7-й фактор неуверенности. И содержание, и отношение входящих в фактор переменных характеризуется аппозицией в сфере целей и самоотношения: «Неуверенность в будущем» (0,861), «Пессимизм» (0,485) – «Уверенность в будущем» (-0,363), «Оптимизм» (-0,374). Содержание категории «Цели» (Неуверенность в будущем), имеющая здесь наибольший вес, указывает не на наличие конкретных целей, а отсутствие всяких планов на будущее и растерянность перед необходимостью входить во взрослый мир. Отсутствие перспективной оценки своего «Я», предполагающей создание субъективной картины жизненного пути может свидетельствовать о тревожности и признаках депрессии и социально психологической дезадаптации (как, например, в концепции К. Хорни) либо слабой самоактуализации личности (согласно А. Маслоу). Все выше сказанное объясняет преобладание пессимизма в сфере самоотношения, как выражение неудовлетворенности собой и неверие в собственные силы.

8-фактор отцовства. Данный тип идентичности включает испытуемых, которые характеризуют себя в терминах целей и ценностей, содержание которых имеет сильную гендерную специфику. Данная специфика выражается в приоритете выражения собственной мужественности через супружеские и отцовские роли. Цель – создание семьи и воспитание детей, главным образом сыновей, как наследников, составляет наибольшую нагрузку данного фактора (Семья и дети: 0,808). В сфере ценностей выделяется достижение материального благополучия (Материальные ценности: 0,657). Отрицание достижения социального успеха и положения в обществе (Социальный успех: -0,375) мы объясняем возрастными особенностями испытуемых. Для данного возраста характерна некоторая фиксация на решении вопросов сексуального самоопределения. А идентификация с ролями супруга и мужа, способного создать и содержать потомство, является средством разрешения этих вопросов и поддержания собственной мужественности.

9-й фактор - «Мачо» (авторитарная маскулинность) Содержание переменных входящих в данный фактор, позволяют определить его как стремление соответствовать канону «настоящего» мужчины (мачо). Испытуемых данного типа идентичности характеризует идеализация качеств авторитарной маскулинности (0,727). Это в первую очередь сила, как физическая, так и моральная, склонность к риску, стремление к превосходству, жесткость, агрессивность и даже грубость, в сочетании со стремлением к трудностям и желании их преодолевать (Герой: 0,352). В современном обществе такой канон мужественности отчасти дисфункционален и приносит больше неприятностей, чем выгод. Однако, его образ продолжает сохраняться и поддерживаться в сознании мужчин о чем свидетельствует абсолютное

принятием гендерных норм, которое мы выявили в самоописаниях мужчин с высокими показателями авторитарной маскулинности (Принятие гендерной роли: 0,577). Чрезмерная фиксация на культивировании качеств мужественности объясняет отрицательную связь со стремлением к достижению социального успеха и положения в обществе (Социальный успех: -0,302). На данном возрастном этапе такая маскулинность, сама по себе, может расцениваться как достижение и служить укреплению еще только набирающей силу мужественности с одной стороны. С другой стороны, свидетельствовать о глубоко скрываемой неуверенности в себе.

10-й фактор - статуса, общественного положения, карьеры. Сфера целей с выраженной гендерной спецификой вносит максимальный вклад в фактор. Наибольшее значение у переменной включающей стремление построить успешную карьеру в будущем (Карьера: 0,649), а так же достичь высокого положения в обществе (Социальный успех: 0,301). Таким образом, данный тип идентичности представлен содержаниями «возможного Я» по М. Синнерелла [8] или «идеального Я» по У. Джеймсу [2], наполнение которых культурно обусловлено. Другими словами, оно вмещает имеющиеся в коллективном сознании представления о социальных ролях и групповых нормах, в нашем случае гендерные стереотипы относительно того, чем должен стать «настоящий» мужчина. Карьера, социальный успех, это то, к чему следует стремиться и то, что подтверждается его мужской активностью. Желание реализовать «возможное Я» актуализирует у человека представления о возможных стратегиях. Поэтому в данном факторе отвергается пассивность (Пассивность: -0,306), как феминное качество, не способствующее достижению целей. Однако, показатель, свидетельствующий о непринятии трудностей взрослой жизни (Антигерой (непринятие трудностей): 0,452) может указывать лишь о наличии намерений, а не истинных основаниях для реализации целей, которые в данном факторе отсутствуют, так как не представлено «реальное Я».

11-й фактор - саморазвития. Составляющие фактор переменные по своему содержанию в меньшей степени связаны с гендерной идентичностью. Они отражают реальный статус испытуемых (студент) и задачи которые необходимо решать на данном этапе жизни: планирование развития и обучения (0,720). Позитивное отношение к себе (0,422) свидетельствует об одобрении себя и своих способностей.

Подводя итоги обсуждения результатов факторного анализа можно сделать следующие выводы. Не все типы идентичности имеют ярко выраженную гендерную специфику. Гендерное самосознание в выявленных идентичностях выражается, во-первых, через Я-представления о качествах и свойствах входящих в мужское «Я» (1-й, 3-й, 7-й, 8-й, 9-й факторы). Во вторых, через «возможное Я», куда входит содержание целей и ценностей, то есть представления о том к чему должен стремиться мужчина (1-й, 10-й факторы). В третьих, через совокупность установок и представлений об отношении с окружающими и миром в целом (1-й, 2-й факторы).

Идентичности со слабо выраженным гендерным ядром (4-й, 5-й, 6-й, 7-й факторы) включают феминные характеристики и содержание, свидетельствующее о неблагополучии испытуемых: критичность, пессимизм в сфере самоотношений, неуверенность в будущем и стремление к независимости из страха быть униженным и подвергнуть сомнению свою мужественность.

Так же следует отметить что среди содержаний, составляющих идентичности мужчин место и гендерно нейтральные характеристики и предпочтения (11-й фактор). Идеальный тип «настоящего мужчины» утратил свою монолитность. Многие его компоненты, такие как агрессивность, жесткость, грубая физическая сила и т.п. игнорируются большинством мужчин при построении своего мужского «Я». В исследуемой выборке помимо «Мачо» (авторитарная маскулинность) в 9-м факторе наблюдается еще 10 типов идентичностей.

Итак, выявленные нами типы идентичностей и разнообразие их содержаний подтверждают положение, выдвинутое сторонниками деконструкции идеи единой и универсальной идентичности: не существует единого образа маскулинности (идентичности), который обнаруживался бы всюду, необходимо говорить не о маскулинности (идентичности), а о маскулинностях (идентичностях), которые допускают существенные социально-групповые и индивидуальные вариации [7]. Необходимо так же отметить, что современные каноны маскулинности, даже под нажимом социальных и исторических перемен отличаются от прежних не так сильно. Многие традиционные константы мужского самосознания, самооценки и самоутверждения не исчезают, а только смягчаются и видоизменяются. Таким образом, трансформация мужественности происходит, но она имеет объективные границы, обусловленные рамками полового деморфизма и индивидуально-типологическими различиями.

Литература*:*

1. Визгина А.В. Пантилеев С.Р. Проявление личностных особенностей в самоописаниях мужчин и женщин. //Вопросы психологии 2001. №3. С. 91-100
2. Джеймс У. Психология / Под ред. Л.А. Петровской.. – М.: Педагогика. 1991. – 367 с.
3. Каган В.Е. Половая идентичность и развитие личности. // Обозрение психиатрии и медицинской психологии им. Бехтерева. 1991. №4.
4. Кон И.С. Мужские исследования: меняющиеся мужчины в изменяющемся мире. //Введение в гендерные исследования Ч. 1: Учебное пособие /Под. ред. И.А. Жеребкиной – Харьков: ХЦГИ, 2001; Спб.: Алетейя, 2001. С. 562-599.
5. Шухова Н.А.. Проблема гендерной идентичности мужчин в интерпретации различных теоретических подходов //Психотехнологии в социальной работе. Выпуск 9. /Сб. под ред. Козлова В.В. – Ярославль: МАПН, ЯрГУ, 2004. – с. 224-244.
6. Шухова Н.А. Проблемы обретения мужественности. //Вестник интегративной психологии: Журнал для психологов. Вып. 2. Ярославль, 2004. – с. 279-282.
7. Connel R.W. Introduction: Studying Australian Masculinities, Journal of Interdisciplinary Gender Studies, Dec. 1998, Vol. 3 # 2. P. 3.
8. Sinnerella V. Exploring Temporal Aspects of social Identity: the Conctpt of Possible Social Identities //European J. of Social Psychology. 1998.V. 28 (2). P. 227-248.

ОТНОШЕНИЕ К СВОБОДНОМУ ВРЕМЕНИ В СОВРЕМЕННОЙ МОЛОДЁЖНОЙ СРЕДЕ

М.Г. Юркова, М.Н. Мазуренко (Иркутск)

Проблема психологического времени – одна из интереснейших и наименее разработанных в психологии. Особенность её в том, что время является как объективным (абсолютным в физическом отношении), так и субъективным (психологическое время относительно) феноменом. При этом относительность субъективного времени носит индивидуальный характер. Оно является мерилом жизни человека (её становления, развития, событий), при этом не может переживаться «объективно», в отрыве от собственных личностных смыслов и значений. В этом отношении проблема свободного времени ещё более интересна и абсолютно не изучена. Не исследованы социальные и психологические факторы, определяющие направление использования свободного времени конкретным человеком, а также позитивные или негативные этого использования для его жизнедеятельности. Знания этих факторов должно повысить эффективность психолого–педагогических воздействий на молодежь с целью повышения осмысленности её жизни.

В рамках изучения свободного времени нами было проведено исследование, методологической основой которого послужили: психосемантический подход к изучению сознания, разработанный Ч.Осгудом и адаптированный А.Г. Шмелёвым и В.Ф. Петренко, а также отечественные (Д.А. Леонтьев) и зарубежные (М. Рокич) концепции ценностно - смысловой сферы личности. Исследование проводилось в два этапа: первый этап был направлен на изучение качественной стороны феномена свободного времени; второй (корреляционный) на выявление возможных факторов, влияющих на отношение молодёжи к свободному времени как ценности. Качественная сторона феномена свободного времени изучалась при помощи методов: фокус-группы, ассоциативного эксперимента, семантического и личностного дифференциалов. Корреляционному анализу подверглись данные, полученные при помощи семантического и личностного дифференциалов, метода прямого ранжирования ценностей Рокича, а также теста смысложизненных ориентаций (СЖО) Д.А. Леонтьева.

Были проведены две фокус – группы, направленные на выявление отношения молодёжи к свободному времени. В первой группе приняли участие четыре человека (две девушки и двое юношей); во второй - семь человек (все девушки). Возраст участников варьировал в диапазоне от 20 до 24 лет. Каждая фокус – группа проводилась в два этапа: на первом этапе проводился ассоциативный эксперимент, который одновременно служил вводной частью и подготавливал участников для дальнейшей работы. Испытуемым предлагалось за 10 минут написать как можно больше ассоциаций на слово свободное время. На втором этапе участникам предстояло ответить на ряд вопросов и обсудить ответы в группе. Длительность проведённых фокус – групп составила примерно один час каждой, что является нижним пределом ограничения по времени, для данного метода. Причём это не зависело от количества участников в группе (в первой было четыре, во второй семь, а длительность одинакова). Сами участники объясняли это тем, что тема фокус – группы достаточно сложная, и что они о ней никогда не задумывались. Как в первой, так и во второй фокус – группах участники с интересом участвовали в дискуссии, охотно согласились представить свои точки зрения на свободное время графически в виде схем.

Полученные схемы будут представлены ниже. Всё происходящее в группе фиксировалось на аудио плёнку с помощью диктофона.

В процессе фокус – группы испытуемые отвечали на следующие основные вопросы:

Что такое свободное время?;

Как вы к нему относитесь (ценно ли оно для вас)?;

Как много у вас свободного времени?;

Как отличить свободное время от несвободного (где заканчивается одно и начинается другое)?;

От чего может завесить отношение человека к свободному времени? Также задавались мелкие, частные и уточняющие вопросы.

Результаты ассоциативного эксперимента можно представить в виде таблицы в которой слова – ассоциации сгруппированы по определённой тематике.

Как видно из таблицы 1, в основном это слова, характеризующие то, как испытуемые обычно проводят своё свободное время. Самой повторяющейся ассоциацией, как не странно, оказалось слово «отдых» (9 повторений из 9). На втором месте слово чтение. По 6 повторений у слов друзья и телевизор (TV). По 5 повторений у слов общение, кино и прогулка. Таким образом, можно заключить, что современная молодёжь в возрасте 20 – 24 лет, своё свободное время, в основном, используют для отдыха. Так как они являются студентами, опять же, большая часть свободного времени уходит на чтение книг. Остальное же время расходуется на общение со сверстниками.

«Результаты ассоциативного эксперимента» Таблица 1.

Спорт	Частота	Природа	Частота
Коньки	1	Река	2
Каток	1	Лес	1
Лыжи	1	Природа	2
Спорт	2	Пикник	1
Танцы	1	Свежий воздух	1
		Автомобиль	1
Общение	Частота	Дом	Частота
Люди	1	Отдых	9
Друзья	6	TV	6
		Сон	4
Общение	5	Безделье	3
Семья	1	Магазин	4
Поход к родителям	1	Чтение	7
		Уборка	3
Поход в гости	2	Одиночество	1
		Слушать музыку	2
Чаепитие	3	Телефон	1
		Сидеть за компьютером	1
Карты	1	Диван	1
Игра	2	Халат	1
Любовь	1	Кровать	1
Время	Частота	Культурные мероприятия	Частота
Отпуск	1	Кино	5
Выходной	1	Театр	2
Вечер	1	Прогулка	5

Время	1	Развлечения	3
Часы	1	Дискотека	1
Весна	1	Бор (кафе)	2
Лето	1	Пиво	1
Состояния	Частота	Интересы	Частота
Безмятежность	2	Хобби	1
Тепло	2	Интерес	1
Кайф	1	Увлечения	1
Уют	1	Досуг	2
Свобода	1		
Покой	1		
Счастье	1		

Применение фокус – группы позволило выявить несколько отличных друг от друга точек

зрения или подходов к пониманию сущности свободного времени. Описание этих подходов целесообразней, на наш взгляд, начать с описания общего для всех этих подходов.

У каждого человека есть свободное и несвободное время. Под несвободным временем подразумевается то время, которое человеку не принадлежит. На первый взгляд звучит нелепо: часть времени нашей жизни и нам не принадлежит. Как это вообще возможно? Оказывается, возможно, и отвечая на этот вопрос необходимо сослаться как минимум на 2^{e} составляющие человеческого бытия, выявленные при детальном анализе аудио записей проведённых фокус – групп:

$1^{ая}$ составляющая - «биологическая» - человек является биологической системой, зависящей от окружающей среды т.к. источник энергии и «строительного материала» находится в окружающей среде - пище. Таким образом, первым элементом реестра нашего несвободного времени будет время, затраченное на получение из окружающей среды необходимых для нормального функционирования нашей «биологической системы» компонентов. Это время, затраченное на поиск и употребление пищи, а также на вывод из организма результатов пищеварения. Вторым элементом реестра несвободного времени будет составлять время на «техническое обслуживание биологической системы», то есть на всё что связано с гигиеническими и медицинскими процедурами. Третьим элементом несвободного времени является время на сон и рекреацию. Данные элементы продиктованы природой и от них напрямую зависит целостность и жизнеспособность нашей «биологической системы».

$2^{ая}$ составляющая – «социальная» - человек существо социальное, живёт в обществе и без оного существовать не может (именно общество делает человека человеком, в процессе социализации: профессор Пьерон: "Ребенок в момент рождения лишь кандидат в человека, но он не может им стать в изоляции: ему нужно научиться быть человеком в общении с людьми"). Общество предъявляет человеку определённые требования, которые он обязан выполнять, оно навязывает ему определённые стереотипы поведения. Действуя, в соответствии с этими требованиями и стереотипами, человек вынужден тратить своё время. В общем, к этой составляющей можно отнести время, затраченное на всё то, что человек делает как бы «против своей воли», попросту на то, чего он не хочет делать, но делает это так как это кому-то нужно.

3я составляющая – «личностная» - человек сам решает, чем ему занять своё свободное время, то есть он выступает в качестве субъекта заполнения своего свободного времени какими - либо делами и занятиями.

Перечисленные выше составляющие, являются общими для всех выявленных подходов к пониманию свободного времени, представляются истинно несвободным временем, которое можно выразить в виде таблицы 2:

«Составляющие несвободного времени»

Таблица 2.

Несвободное время			
Биологическая составляющая			Социальная составляющая
1	2	3	4
время, затраченное на поиск и употребление пищи, а также на вывод из организма результатов пищеварения	время на «техническое обслуживание биологической системы»	время на сон и рекреацию	время, затраченное на всё то, что человек делает как бы «против своей воли», попросту на то, чего он не хочет делать, но делает это так как это кому-то нужно

Отличаются же эти подходы тем, что с одной точки зрения, человек в силу каких – то причин не заполнил своё свободное время делами, и оно осталось незаполненным ничем. То есть другими словами, свободное время – это время, когда человек просто бездельничает. Сторонник этого подхода (девушка 24 года; имеет высшее гуманитарное образование; по специальности историк; в настоящее время работает; участник первой фокус - группы), утверждает, что свободное время не может быть ценностью, так как негативно само по себе и его, в жизни «нормального человека» должно быть как можно меньше. Приводим схему, составленную сторонником этой точки зрения в ходе фокус – группы:

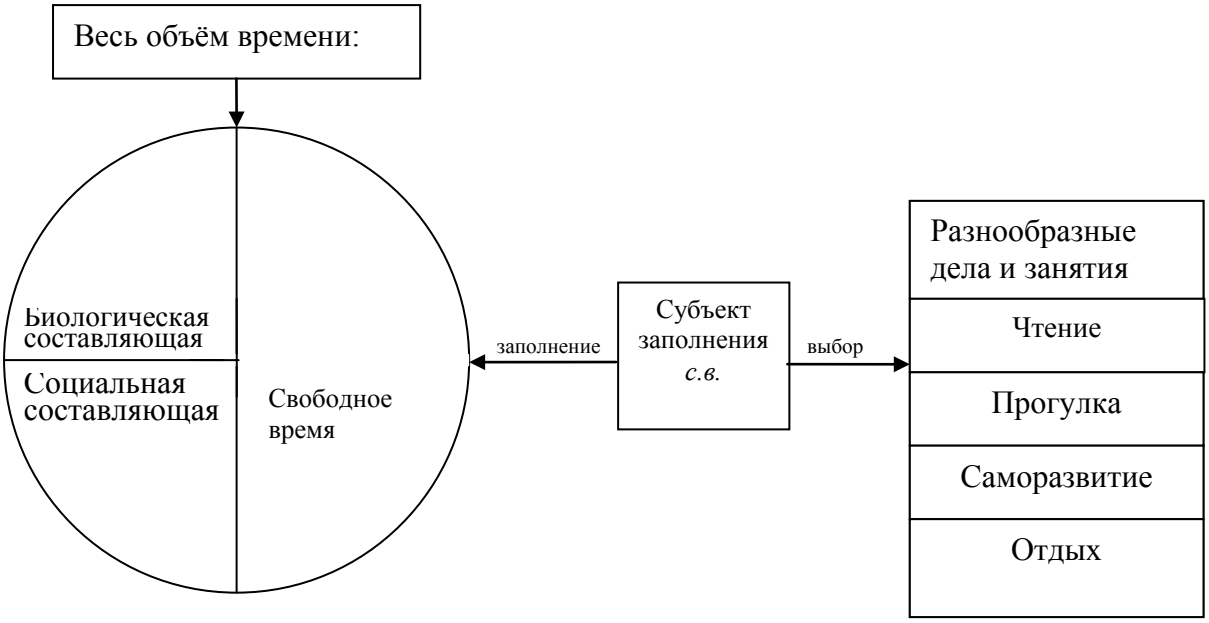
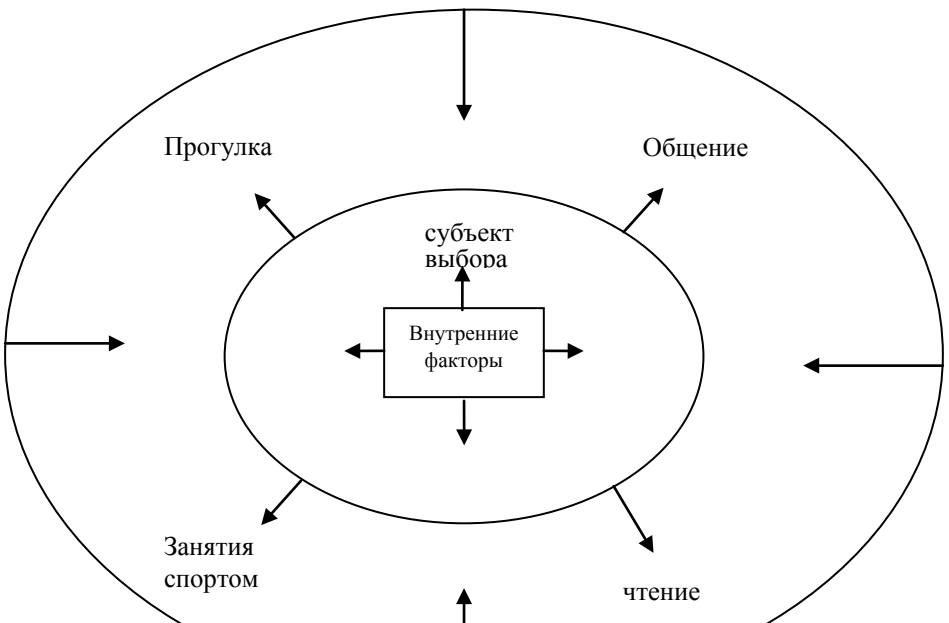


Рис. 1. **«Первый подход к пониманию свободного времени»**

С другой точки зрения свободное время – это время когда мы сами можем выбирать, то чем нам заняться. Здесь важно подчеркнуть то обстоятельство, что при этом нам никто не навязывает альтернативы выбора, и варианты и сам выбор осуществляем только мы - субъект выбора (выбор осуществляется не по принципу «надо или то или это», а по принципу «хочу либо то либо это»). Согласно этой точки зрения, на этот процесс влияют различные факторы, которые можно условно сгруппировать в два – внешний и внутренний. Внешние- это факторы локализованные вне человека (социально – экономическая и политическая обстановка в стране; погодные условия; отсутствие денежных средств; и многие другие). Внутренние – это факторы расположенные внутри человека (знания; принципы; предубеждения; прошлый опыт; и многие другие). Свободное время сторонниками этой точки (практически все участники второй фокус - группы) зрения ценится, лишь тогда, когда его «используешь для «очень важного» дела». Приводим схему, составленную сторонниками этой точки зрения в ходе фокус – группы:



С третьей точки зрения, свободное время является основной ценностью человека, именно в свободное время человек занимается саморазвитием, строит проекты для себя, получает кучу эмоций и новых ощущений, человек посвящает себя тому, что он считает важным, на реализацию себя, на осуществление своих целей. Здесь свободное время выступает в качестве средства достижения поставленных целей. Сторонником данной точки зрения (всего одним) оказался молодой человек (21 год; студент пятого курса, обучающийся по специальности менеджмент; участник первой фокус - группы), который собственно и предложил данную схему.

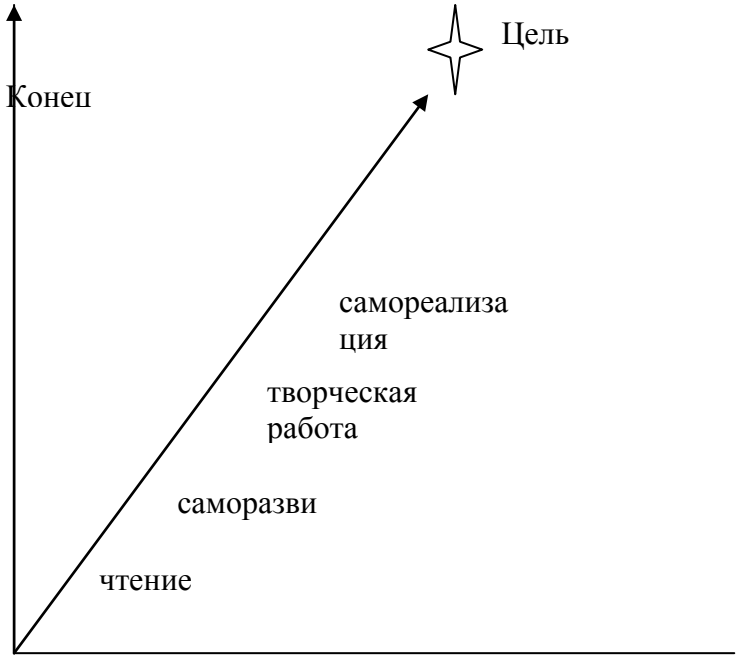


Рис. 3. «Третий подход к пониманию свободного времени»

«При правильном использовании, свободное время будет вести прямо к цели, а не просто к концу жизни». Данную точку зрения можно рассматривать как некий эталон или идеал.

Испытуемые распределились по этим подходам, следующим образом: сторонником первого подхода оказался один испытуемый; сторонником третьего подхода также оказался один испытуемый; большинство же испытуемых поддерживают вторую точку зрения на свободное время. То есть перед нами «классическое стандартное распределение Гауса». На основании этого можно сделать заключение о том, что в современной молодёжной среде встречается разное отношение к свободному времени: одни считают, что оно не представляет никакой ценности; другие, что это самая главная ценность в нашей жизни, но и тех и других (кто так считает) очень мало; основная же часть

людей полагает, что оно приобретает ценность, когда его используешь для «очень важного» дела – «с пользой» (второй подход).

Корреляционный анализ позволил выявить связи при разных уровнях достоверности (пятипроцентном, однопроцентном и однопромильном). На приводимых ниже схемах связи значимы при однопроцентном уровне достоверности. Приведём наиболее интересные из них. Была выявлена связь между факторами семантического дифференциала, оценкой и конформностью, что соответствует исследованиям Петренко («специфический фактор, названный «конформностью» - является «отщеплением» от фактора «оценка» и дающий с ним максимальную корреляцию r=0,38»).

Сжо-р – субшкала сжо результативность жизни, удовлетворённость самореализацией

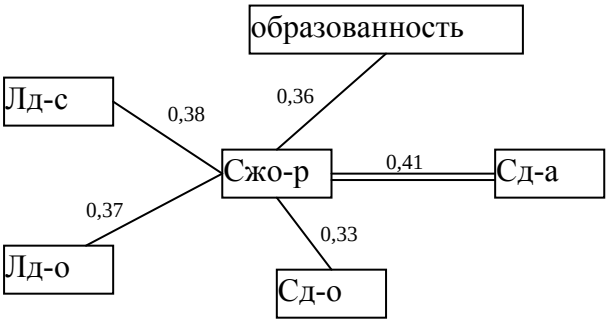
Образованность – инструментальная ценность широта знаний, высокая общая культура

Лд-с – Фактор Лд сила

Лд-о – Фактор Лд оценка

Сд-о – Фактор Сд оценка

Сд-а – Фактор СД активность

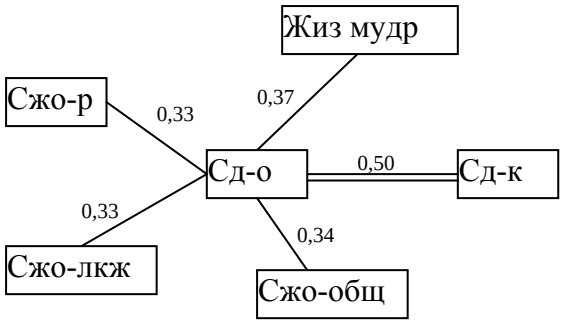


Чем выше оценка пройденного отрезка жизни, ощущение того, насколько продуктивна и осмысленна была прожитая её часть (выше показатель субшкалы СЖО результативность жизни), тем выше оценка, даваемая свободному времени по факторам активности и оценки, тем выше оценка себя по факторам силы и активности и тем более низкое положение в структуре ценностей занимает инструментальная ценность «образованность (широта знаний, высокая общая культура)». Здесь важно отметить, что повышение показателей по факторам оценки и активности семантического дифференциала, означает повышение коннотативного значения свободного времени для испытуемого, то есть повышается его значимость и ценность (место в структуре ценностей). Одновременно мы наблюдаем уменьшение значимости образованности в структуре ценностей, однако между факторами Сд оценки и активности с образованностью значимых корреляционных связей обнаружено не было. Вероятно они, подобно «сообщающимся сосудам», связаны посредством Сжо-р.

Жиз мудр – терминальная ценность жизненная мудрость (зрелость суждений и здравый смысл, достигаемый жизненным опытом)

Сд о, Сд к – факторы Сд оценка и конформность

Сжо-лкж, Сжо-р, Сжо-общ – субшкалы Сжо локус контроля – жизнь или управляемость жизни, процесс жизни или эмоциональная насыщенность жизни, общий показатель теста Сжо.



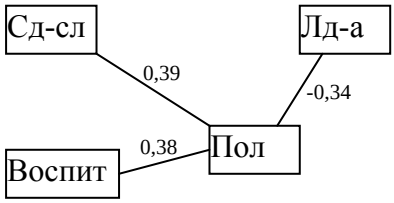
При высокой осмысленности жизни, при убеждённости в том, что человеку дано контролировать свою жизнь, свободно принимать решения и воплощать их в жизнь – высокая оценка свободного времени (оно приятно, привлекательно, значимо), и низкий уровень значимости терминальной ценности «жизненная мудрость (зрелость суждений и здравый смысл, достигаемый жизненным опытом)».

Пол – пол испытуемого

Воспит – инструментальная ценность воспитанность (вежливость, хорошие манеры)

Сд сл – фактор СД сложность

Лд а – фактор Лд активность

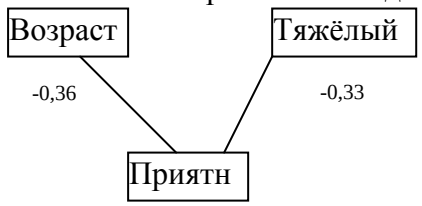


Данную плеяду можно интерпретировать следующим образом: мужчины (понимают) оценивают свободное время более сложным (оно представляется в их сознании более сложным нежели у женщин). Одновременно мужчины оценивают себя не очень активными, а инструментальная ценность «воспитанность» для них не представляет особой ценности.

Приятн – признак свободного времени приятный

Возраст – возраст испытуемого

Тяжёлый – признак свободного времени тяжёлый



С увеличением возраста уменьшается оценка свободного времени как приятного, это влечёт к увеличению показателя признака тяжёлый. При этом прямой связи между возрастом и показателем признака тяжёлый нет. Это значит, что чем старше человек, тем свободное время для него менее приятное и более тяжёлое.

Проведённое нами исследование выявило: три подхода к пониманию свободного времени в молодёжной среде; многочисленные корреляционные связи на разных уровнях достоверности, в том числе и на самых высоких, между переменными как внутри, так и между результатами применённых нами методик и методов, что позволило сделать выводы относительно факторов, определяющих отношение к свободному времени как ценности. Такими факторами являются: оценка пройденного отрезка жизни и ощущение того. Насколько продуктивна и осмысленна была прожитая её часть; убеждение в том, что человеку дано контролировать свою жизнь, свободно принимать решения и воплощать их в жизнь; общая осмысленность жизни; осознание человеком своей решительности; терминальная ценность жизненная мудрость. При определении этих факторов нами не было исследовано влияние личностных особенностей на отношение к свободному времени как ценности. В дальнейшем, очень важным будет продолжение исследования данной проблемы именно в направлении обнаружения связей между отношением к свободному времени и личностными характеристиками.

АСПЕКТЫ ТРАНСФОРМАЦИИ ЦЕННОСТНО-СМЫСЛОВОЙ СФЕРЫ НАРКОЗАВИСИМЫХ ПОД ВЛИЯНИЕМ ДУХОВНО-ОРИЕНТИРОВАННОЙ ПРОГРАММЫ РЕАБИЛИТАЦИИ

М.Г.Юркова, Н.В.Крохта, И.Г.Ванкон (Иркутск)

В последнее время в психологической науке очевиден возрастающий интерес к изучению ценностно–смысловой сферы, которая определяется как интегративная основа личности, включающая в себя те информационно-психологические структуры, которые отвечают за главную мотивацию человека – мотивацию к жизни. В ситуации ломки социальных стереотипов, духовного кризиса и глобальной реструктуризации современного общества особое значение приобретают те аспекты развития личности, которые отвечают за патологию формирования структур индивидуального сознания. На фоне обострения проблемы наркотизации современного общества много внимания уделяется изучению личности химически зависимых, поскольку знания о реконструкции субъективной картины мира аномальной личности является важным фактором при построении эффективных реабилитационных программ. Пожалуй, до сих пор, несмотря на актуальность проблемы заболевания наркоманией, существует дефицит исследований, освещающих обратный процесс – процесс выздоровления зависимой личности, ее реадаптации и ресоциализации. Освещение механизмов и особенностей функционирования смысловой сферы наркомана в процессе выздоровления позволит лучше понять субъективные и объективные причины и условия, способствующие поддержанию трезвости от алкоголя и наркотиков, испытывая при этом достаточное количество сложностей, связанных с жизнью в обществе, где алкоголь, к примеру, является легализованным наркотиком.

Реабилитационные программы, существующие и в нашей стране, и в мире в целом, не отличаются большим разнообразием лежащих в их основе идеологий. Это могут быть реабилитационные системы с религиозной основой (православной, протестантской и пр.) при храмах или монастырях, трудовые общины, группы самопомощи. Большое распространение в мире получила идеология «12 шагов, 12 традиций», которая является основанием реабилитационной системы, рассматриваемой в данной статье. Теоретической основой реабилитационного процесса обозначена биопсихосоциодуховная (в дальнейшем БПСД) модель выздоровления от зависимости. Кратко раскрывая ее содержание, следует отметить, что биологический аспект заболевания, нарушения функционирования различных систем жизнедеятельности организма, в том числе, нервной системы под воздействием ПАВ, является медицинским аспектом, и не затрагивается в ходе психологических исследований. Психологические аспекты выздоровления от зависимости в рамках программы включают в себя, прежде всего обучение навыкам самоанализа, развитие рефлексии (обучение распознавать и выражать чувства). Специального психокоррекционного воздействия на личность нет, человек обращается вовнутрь себя для изучения собственных патологических механизмов поведения и мышления, для изменения отношения к себе и своей болезни. Следует отметить, что в рамках БПСД модели выздоровления от зависимости наркомания рассматривается как прогрессирующая, хроническая, смертельно опасная болезнь, вылечиться от которой до конца невозможно, можно лишь научиться жить с ней трезво. Социальный аспект программы выздоровления можно трактовать как необходимость в создании особого рода среды, в которой происходит специфического рода общение между наркоманами с различным опытом и длительностью отказа от наркотиков. Эта среда несет главную психотерапевтическую нагрузку. Общение и взаимодействие по типу «от равного – равному» оказывает влияние на личность в контексте происходящих изменений, поскольку происходит постоянный обмен информацией и опытом индивидуальным и групповым. Специфика социального взаимодействия отражается в том, каким образом строится сам процесс реабилитации, ведь в зависимости от этапов выздоровления по-разному организуется сфера контактов, существует дифференцированная система прав и обязанностей, меняется уровень степеней свободы. Здесь мы имеем ввиду систему социального воспитания, которая являет собой набор культурных и поведенческих навыков, позволяющих выработать новые представления о себе и закрепить их на уровне ежедневного общения и поведения. Духовная составляющая программы выздоровления включает в себя пересмотр системы ценностей, которые декларируются и внедряются в ходе реабилитации, создание новой системы видения мира в соответствии с теми духовными изменениями, которые происходят внутри человека. Перед каждым выздоравливающим рано или поздно встает вопрос об отношениях с другими людьми с позиции Добра и Зла, говоря психологическим языком можно говорить о формировании этико – моральной установки личности. Ярким примером служит применение молитвы и медитации в повседневной жизни, понятие душевного покоя, которое привносится в жизнь выздоравливающего наркомана. По сути, программа и система реабилитации создает и формирует среду, в которой существует определенная система правил и требований, и с помощью обучающего и воспитательного воздействия создаются предпосылки для изменений в структуре личности выздоравливающего. Безусловно,

ценностно-смысловая сфера относится к психологической составляющей, и ее изменения в процессе выздоровления оказывают влияние и на социальное поведение, и на духовность личности, поскольку все аспекты находятся в непрерывном взаимодействии, БПСД модель выздоровления является интегративной, и личность в ее рамках рассматривается целостно. Важно отметить, что ценностно-смысловая сфера в своем составе содержит понятие мотивации, и в случае лечения наркомании известно, что именно желание и готовность личности изменяться играют определяющую роль в успешности выздоровления.

В нашем случае были обследованы комплексной батареей методик 60 испытуемых, которые проходили на реабилитацию в центре для наркозависимых, имеющие достаточно большой стаж употребления наркотических средств и разные сроки трезвости от них. Не ставился вопрос о полоролевых или возрастных различиях испытуемых, не учитывался социальный статус и материальное положение, имел значение лишь факт заболевания наркоманией этих людей и попытки справиться с болезнью, мотивированные самими испытуемыми или членами их семей.

В фокусе исследования оказались динамика и особенности ценностных систем зависимой личности, выбравшей путь выздоровления. В качестве исходной гипотезы было выдвинуто предположение, что ценностно – смысловая сфера наркомана обладает рядом особенностей и трансформируется в процессе комплексной биопсихосоциодуховной реабилитации. Исследование проводилось методом поперечных срезов, в один и тот же промежуток времени. В основании такого подхода лежит утверждение о том, что процесс заболевания имеет сходные черты у всех испытуемых, и различия развития болезни незначительны. Таким образом, методом доказательства выбрано сочетание метода поперечных срезов и метода сравнительного анализа диагностических данных. Реабилитационный процесс разделяется на этапы, каждый из которых имеет определенный цели и задачи. Диагностика проводилась отдельно на начальном этапе реабилитации (базовая программа), на среднем этапе (постпрограмма – программа профилактики срывов), а также тестировалась группа выздоравливающих, успешно завершивших курс реабилитации и реадаптированных в социуме, имеющих различные сроки трезвости (3-5 лет).

В комплекс методик вошли тест смысложизненных ориентаций Д.А. Леонтьева и методика «Ценностные ориентации » М.Рокича. Прежде чем перейти к непосредственному анализу результатов, необходимо дать краткое описание каждой группе.

Базовая программа (База)

Это группа пациентов - новичков, которые адаптировались в центре к условиям жизни, правилам поведения, распорядку. В это время, как правило, миновал выраженный острый абстинентный синдром. Реабилитация проходит на этом этапе стационарно, пациент не имеет возможности покидать центр, режим работы в программе достаточно интенсивный. Всего 15 человек, этот тестовый материал образует самостоятельную групповую комбинацию, в дальнейшем именуется *База*.

Постпрограмма (Пост)

Те, кто успешно завершил базовый курс, тестировались по той же полной батарее методик - 15 человек. На этом этапе реабилитации идеология работы сохраняется, но число степеней свободы деятельности и поведения субъекта реабилитации значительно возрастают. Участник этой программы,

живущий в центре и занимающийся какой-либо продуктивной деятельностью (хозяйственная работа, ремонт и т.п.) получает статус волонтера. Либо выпускник «возвращается в мир» и периодически приезжает на занятия и работает по индивидуальной программе.

Успешность личностной трансформации, положительная оценка надежности субъекта и высокий уровень доверия к нему со стороны персонала, а также желание связать свою деятельность с психотерапевтическим процессом и достаточный стаж трезвости позволяют подняться на следующий уровень реабилитации - *стажерства. Стажер* - помощник консультанта. Эмпирический материал этих испытуемых не выделяется в самостоятельную группу, а объединяется с группой выздоравливающих в социуме *(АН)*.

Выздоравливающие (АН).

Вместе с профессионалами, работающими в центре, - максимально возможный на сегодняшний день уровень выздоровления, мы объединили выздоравливающих в социуме, посещающих собрания АН, выпускников, которые продолжают работать и посещать группы само- и взаимопомощи. Это продолжение интенсивной работы над собой, духовный и личностный рост, связанный с обменом опытом приобретением навыков ресоциализации и реадаптации. Эта группа в каком-то смысле является эталоном выздоровления, т.к. объединяет большое число выпускников, стаж трезвости которых (ремиссия) два и более года (всего 15 человек). Можно, вероятно, в этом случае говорить о преодолении критической черты, за которой возврат к старому невозможен, слишком многое в смысле социального и психологического благополучия ставится на карту. Становится очевидным для наблюдателя рост адаптивности личности, расширения социальных контактов, появления новых личных проблем, связанных не с болезнью, а с особенностями жизни и деятельности в нормальном социуме. Все это возможно и для выпускника программы, не связанного столь тесно работой и жизнью в центре, но темп и качество его адаптации к норме, конечно, отличаются, он не успевает приобрести необходимые навыки коммуникации, постановки и решения жизненных задач, необходимых в его возрасте, в «тепличных», в каком-то смысле, условиях центра, его «социальное обучение» протекает часто «методом проб и ошибок». Но эти интересные вопросы остаются за рамками нашего исследования.

Zona (пациенты, проходящие реабилитацию в условиях в ИК-2).

Самая специфическая группа из выборки (15 человек, все мужчины). Осужденные химически зависимые получают психологическую помощь в условиях специально созданного отделения внутри исправительного учреждения, где сформирована аналогичная система реабилитации, что и в центре. Существенным отличием этой группы является закрытость от внешнего мира, ограниченность контактов. Все этапы реабилитации здесь как бы «сливаются», нет четкого разделения на базовую и постпрограмму, нет возможности апробировать полученные знания и навыки в социуме, поэтому нет информации о результативности изменений. Пациента окружает жесткая система ограничений, связанная с распорядком жизни в колонии. При этом множество неизвестных аспектов такой реабилитации могут пролить свет на оптимизацию условий такого способа выздоровления. В какой-то степени мы имеет дело с закрытой системой выздоровления, такой же, как и в центре реабилитации, единственное отличие, пожалуй, состоит в том, что момент реадаптации и ресоциализации отсрочен по понятным причинам. Очевидно, что

таким пациентам вдвойне сложно вернуться в социум, не только из-за проблем с наркотиками, но и ввиду совершенных противоправных деяний. Сложность в обработке данных этой группы и их интерпретации существует еще и потому, что с этой группой нет возможности широкого неформализованного общения, как это позволяется в условиях центра.

Обсуждая результаты, полученные по методике СЖО, следует обратить внимание на то, что Д.А. Леонтьев, который является автором используемой нами модификации, выявил гендерные различия по показателям, не углубляясь в цифры можно отметить, что результаты у здоровых женщин по всем шкалам ниже, чем у мужчин, при анализе мы ссылаемся на его данные. Статистический анализ по t-критерию Стьюдента не показал значимых различий между группами. Сравнение усредненных результатов групп на разных стадиях реабилитации по СЖО Д.А. Леонтьева показал изменения самоотношения испытуемых. Обсуждая результаты по каждой шкале, мы можем отметить следующее: по шкале «Цели в жизни» результаты близки у трех групп - у *База, Пост* и *Zona,* при этом значения близки к нормальной выборке по женскому типу (У Д.А.Леонтьева норма для женщин по этой шкале 29,38). Значения *АН* по этой шкале существенно выше, чем все три другие группы, и выше, чем значения нормальной мужской выборки (т. е. выше 32.90 по Д.А.Леонтьеву), при этом разброс данных небольшой. Такие данные могут говорить о повышении целеустремленности этой группы. Возможно, это действительно так.

Восприятие жизни как интересной, эмоционально насыщенной и наполненной смыслом - содержание следующей шкалы. По данным очевидна та же тенденция: отличается группа *АН*, показатели которой выше, чем во всех остальных группах и выше, чем в нормальной выборке, как по женскому, так и по мужскому типу (*АН*=39,58). Разброс данных по этой шкале больше в группах *Пост* и *Zona,* что свидетельствует о полярности и разнородности этих групп в отношении удовлетворенности процессом и эмоциональным фоном жизни. Шкала «Результат» - показатель удовлетворенности самореализацией, отражение оценки пройденного отрезка жизни, ощущение того, насколько продуктивна и осмысленна прожитая ее часть. Здесь ситуация схожа с картиной по шкале «Цели»: снова группы *База, Zona* и Пост имеют схожие друг с другом значения и женской нормой, разброс данных выше всего у группы у группы *Пост,* у групп *Zona* и *База* разброс ниже. Снова выбивается из общего фона группа *АН*, ее результаты выше, чем у всех групп и выше, чем здоровая выборка (мужчины), *АН*=29,04. На наш взгляд, такая повышенная оценка прожитой жизни выявляет следующее: болезнь была страшным периодом для каждого, и сейчас, живя трезво и переосмысляя свое отношение к себе и миру с точки зрения программы, есть благодарность тому, что было раньше, потому что именно болезнь явилась стимулом для сегодняшнего собственного развития. Иными словами, сожалеть о прожитой жизни нет смысла, но благодаря болезни произошло переосмысление и изменения, что позволяет сейчас быть успешным и расти дальше. Испытания и приобретенный опыт стали ступенью к позитивным изменениям. Прийти к новому пути (выздоровлению) является поводом уважения к себе, к повышению самооценки. Наличие прогресса в собственном выздоровлении, восстановление семейных, социальных отношений позволяют демонстрировать такую оценку собственной жизни.

Шкала «Локус контроля - Я». Содержание этой шкалы показывает, какой смысл и значение придается собственной личности в жизни, насколько осмыслена личная ответственность за свое существование и развитие. Группы *Zona* и *База* показывают заниженные оценки по этой шкале, присущие женской норме(15,19; 14,7), что выявляет наличие инфантильно - пассивных потребностей, незрелость жизненной позиции. Группа *Пост* демонстрирует результаты, сходные с мужской нормой (21,36). Скорее всего, нахождение в программе длительное время создает условия для изменения направленности личности в сторону большей ответственности, возникает представление о себе как о сильной личности, обладающей достаточной свободой выбора, чтобы построить свою жизнь в соответствии со своими желаниями и представлениями о ее смысле. Появляется уверенность в том, что человеку дано контролировать свою жизнь, свободно принимать решения и воплощать их в жизнь. Группа *АН* выявляет значительное повышение показателей по этой шкале, выше мужской нормы (24,46). Мы снова отмечаем демонстрацию зрелого поведения, при однородности ответов. Преобладание интернального локуса контроля, испытуемым единогласно свойственно убеждение в том, что Я - хозяин жизни, осознание способности отталкиваться от своего внутреннего состояния при решении каких-либо задач. Принятие на уровне интеллекта такой позиции означает возможность для личности быть свободной, способность самому контролировать свою жизнь. Локус контроля «Жизнь» - оценки по этой шкале у групп *База* и *Zona* низкие, даже по сравнению с женской нормой (25,3; 23,9), разброс данных в группе *Zona* выше. Бессмысленность загадывать что-либо в будущем, принятие программного девиза «Живи одним днем» очевидны. Этот программный принцип призывает хотя бы на краткий срок – один день – остаться трезвым. Близки к мужской норме у группы Пост, еще раз подтверждают осознание того, что человек может добиться всего сам, вне зависимости от обстоятельств, используя собственные ресурсы. *АН* - повышенные показатели по этой шкале (33,2). Как показывает анализ, группы *Пост* и *АН* схожи по результатам двух последних шкал, и отличаются от результатов двух других групп. Мы допускаем, что структура реабилитационного курса действительно создает условия для сближения именно этих групп. *Постпрограмма* имеет больше степеней свобод в отношении своего поведения, больший срок трезвости, больше знаний о программе выздоровления, предприняты первые попытки «выйти в социум трезвым» (посещение собраний АН и АА, общение с выздоравливающими, родителями, поездки в город на выходные), по сравнению с *Базовым* курсом. При общении с выздоравливающими *(АН)* постпрограмма склонна воспринимать их как некий эталон, способный поделиться опытом, на наш взгляд пациенты, которые активно общаются с выздоравливающими, имеющими больший срок трезвости, более успешны в реабилитации, нежели те, кто такого интереса не проявляет.

Показатель общей Осмысленности Жизни (ОЖ) во всех группах значительно превышает норму. В два раза повышен уровень осмысленности жизни у группы *АН* (168,4). Неоднократно отмеченное повышение оценок по всем шкалам у группы *АН*, однородность ответов, минимальный разброс данных уже сам по себе указывает на типичность смысловой сферы химически зависимых, адаптированных в социуме. Группы *База* и *Zona* больше схожи по результатам и близки к женской выборке здоровых людей, группа Пост близка к нормальным мужчинам, а показатели группы *АН* повышены по всем шкалам.

Рассмотрим различия внутри групп. Самая однородная по ответам - группа *АН*, которая имеет минимальный разброс по всем шкалам. Можно сказать, что практически нет индивидуальных различий, даже по половому признаку (в группу входят и мужчины, и женщины). Группа *Пост* показывает больший разброс данных, при том, что группу составляют и мужчины, и женщины. Результаты внутри групп похожи на нормальную выборку - внутри группы женские результаты ниже мужских в этой группе, но выше результатов здоровых мужчин. В группе *База* наблюдается похожая картина: примерно половину выборки составляют женщины, результаты которых также ниже мужских по группе в целом, и самый низкий результат принадлежит женщине. При этом сохраняется та же тенденция, которую отмечает автор методики - результаты женщин ниже мужских, при этом выше нормальной выборки и мужчин, и женщин. Отдельно выделяется группа Zona, в которую входят только мужчины. Ответы по группе разнородны, результаты в целом выше мужской нормы, только один человек имеет сопоставимые с нормой мужчин данные, и еще один - ниже в два раза, чем по выборке в целом.

Итак, анализируя результаты, полученные по методике СЖО в разных группах, можно заключить следующее: существуют различия внутри каждой из четырех групп. Явно выделяется группа *АН*, у которой повышены показатели по всем шкалам. Близка к норме по мужскому типу группа *Пост,* группы *База* и *Zona* имеют самые низкие оценки среди всех групп испытуемых, при этом результаты этих групп схожи с женской нормой. Полученные данные уже на этом этапе позволяют говорить об изменениях ценностно-смысловой сферы, происходящих под воздействием реабилитационного процесса. С увеличением срока трезвости растет общая осмысленность жизни, локус контроля смещается в сторону интернальности, эмоциональный фон жизни повышается.

Низкие оценки группы *База* свидетельствует о том, что на начальных этапах реабилитации у наркомана еще слабо сформирован акцент на изменение себя, негативные последствия употребления проживались сравнительно недавно, присутствуют трудности в создании доверительного отношения к программе выздоровления, к персоналу центра и нет еще веры в возможность выздоровления, активно работает механизм отрицания. Заниженные оценки в группу *Zona* детерминированы фактором ограничения свободы, который уже сам по себе является причиной пониженного эмоционального фона. В то же время, значительный разброс данных в этой группе говорит о неоднородности выборки. Нам известно, что в отделение направлялись заключенные, имеющие множество нарушений в условиях общей колонии. По прошествию времени на поведенческом уровне отмечается снижение числа замечаний, что указывает на гармонизацию структур индивидуального сознания. Группа *АН*, имеющая завышенные показатели по всем шкалам, по сути, гипертрофированные, сохраняет ригидные механизмы реагирования. Фактически, адаптируясь в социуме и сохраняя трезвость, личность по-прежнему остается отчасти дезадаптивной. Хотя мы допускаем, что демонстрируемая «суперосмысленность» и «суперудовлетворенность» жизнью может быть чисто декларативной.

Анализируя результаты, полученные по методике «Ценностные ориентации» М.Рокича, следует напомнить, что автор терминальными называл ценности – цели, т.е. те ценности, которые являются ценными изначально, глобально (здоровье, любовь) а также выделял и ценности средства

(инструментальные), которые помогают достичь основных ценностей – целей, (честность, ответственность).

Сама процедура сбора данных показала наличие особенностей в организации мышления у наркоманов. Мы использовали карточный вариант методики, испытуемым предлагалось расположить карточки с ценностями в порядке иерархии, таким образом, получены более достоверные результаты, нежели с применением бланков. Группа *База* испытывала затруднения в выстраивании списка ценностей, в процессе диагностики следовало множество уточняющих вопросов о значении понятий, часто пациенты испытывали значительные затруднения в определении приоритета той или иной ценности, что само по себе указывает на непродуктивность смысловой сферы наркоманов, повышенную лабильность и конфликтность. Многие авторы (Т.Горски) отмечают о снижении продуктивности абстрактного мышления у наркоманов, вероятно, мы столкнулись именно с этой проблемой на этапе диагностики. Для анализа результатов по методике М. Рокича "Ценностные ориентации" мы использовали дополнительно собранные данные по двум группам - группе здоровых людей (для поиска социокультурных различий) и группе активных наркоманов.

Первым шагом к обработке данных стал подсчет и определение групповых рангов ценностей. Для определения корреляции между группами использовался коэффициент ранговой корреляции Спирмена. Статические данные показали наличие значимых различий между активными наркоманами и здоровыми людьми, также значимо отличаются активные наркоманы от наркоманов, проходящих реабилитацию, независимо от этапа реабилитации. Интересно, что не было выявлено значимых различий между группами, проходящими реабилитацию на разных этапах. Это подтверждает предположение о наличии типичной структуры ценностей химически зависимых, которая формируется и сохраняется после длительной реабилитации, и после достаточно интенсивной работы с личностью. Что касается употребляющих наркоманов, им крайне сложно определить структуру ценностей в болезни, «ценностей нет», болезнь занимает все пространство, есть только мысль о наркотике. Это еще раз доказывает, что в процессе заболевания смысловая сфера личности страдает больше всего, соответственно это влияет на все остальные сферы жизнедеятельности. В итоге им было предложено выделить хотя бы три наиболее принимаемые и три наиболее отвергаемые, чтобы была возможность обработать результаты. Перейдем к непосредственному анализу результатов исследования.

Для удобства обозначим здоровую выборку как *Норму,* а наркоманов в активной стадии употребления - *Наркоманами*. Обратимся к результатам ранговой корреляции: по списку терминальных ценностей очевидно слабое соотношение между выздоравливающими и больными показывает явный терапевтический эффект (Rs=0,41, при p=0,01), наркоманы в активной фазе болезни существенно отличаются от тех, кто проходил хотя бы единожды реабилитацию и имеет опыт выздоровления. Между группами на стадиях реабилитации нет значимых различий, но выздоравливающие наркоманы близки в целом к группе здоровых людей – самый высокий уровень корреляции (Rs=0,72 при p=0,05). Несколько иную картину мы видим по списку инструментальных ценностей. Между всеми группами слабая положительная корреляция, это подтверждается качественным анализом выборки, из которого

видна более неоднородная структура и ценности имеют больший диапазон выборов.

Приступим непосредственно к качественному анализу выборки. Группа *Норма* наиболее важными считает следующие терминальные ценности: *уверенность в себе, активная деятельная жизнь, здоровье*, из инструментальных - *воспитанность, широта взглядов, жизнерадостность*. Группа *База* в качестве приоритетных выделяет *продуктивную деятельную жизнь, наличие хороших и верных друзей и развитие*. Такой выбор говорит о том, что, попадая в программу, личность встает на путь духовного роста и ей необходима поддержка окружающих, особенно на первых этапах.

Группа *Пост*, как и *АН,* на первое место выделяют *свободу*. Такое выдвижение, на наш взгляд, не случайно. Постпрограмма стремится к увеличению степеней свободы, а группу *АН* пользуется свободой в полной мере. Интересно, что в группе База эта ценность занимает одно из последних мест, а группа *Zona* относится к ней нейтрально. Непринятие на сознательном уровне ценности, отодвижение ее на задний план показывает, что условия жизни и пространство настолько ограничены, существует ощущение "замкнутости". Группа *Норма* свободу ставит также на одно из первых мест. Для молодого человека важен аспект свободы в разных смыслах этого слова - свобода перемещений, мобильность, свобода выбора, слова, принятия решений, широкие возможности деятельности позволяют заявлять в свободе как о главной части жизни.

В активной фазе заболевания *свобода* представляется личности как вседозволенность, отсутствие границ нормального поведения, иллюзорно-компенсаторный механизм в процессе употребления дает ощущение ложной свободы от обязательств, от требований жизни и реального мира, хотя бы на срок опьянения. Это ощущение «псевдосвободы» является фактором и обстоятельством, позволяющим аддикту поддерживать свою самооценку, утверждать и поддерживать свое больное "Я" в болезненном сообществе. В процессе реабилитации понятие свободы трансформируется и приобретает совершенно иное значение, оно начинает трактоваться и пониматься личностью как свобода выбора, свобода принятия решений и совершения поступков, принятие свободы в таком виде помогает сформировать новый, более адаптивный подход личности к самой себе и становится одним из принципов, позволяющим наркоману оставаться трезвым и получать от этого удовольствие.

Интересно проследить место *здоровья* в структуре ценностей каждой группы. Группа *Норма* размещает эту ценность на втором месте, что говорит о высоком «рейтинге» этой ценности, хотя для здоровой молодежи это может иметь более обезличенную форму, приниматься как норма общества, как своеобразный культурный стандарт поведения, а для выздоравливающего наркомана *здоровье* по своей сути является действительно базовым понятием , несмотря на сравнительно молодой возраст. Из всех выздоравливающих выделяет *здоровье* в качестве приоритета только группа *Пост,* остальные группы более спокойно относятся к этой ценности. Такое выдвижение выздоравливающими этой ценности на первое место свидетельствует, на наш взгляд, о терапевтическом воздействии программы, которая ставит одной из своих целей, адекватное формирование этой базовой ценности в структуре самосознания личности. По поводу группы *АН* можно предположить следующее: если *здоровье* воспринимается как сплав физического и психического, то острые проблемы как психического, так и организменного

характера уже решены, и теперь понятие здоровья не так актуально. Интересно, что группа *Наркоманов* ставит здоровье также на одно из первых мест. Вероятно, вне зависимости от употребления, все же есть осознание того, что жизнь и здоровье подвергаются смертельной опасности. Выявлено, что более дифференцированными оказывается ценностные ориентации у групп *Норма* и *Наркоманы,* у выздоравливающих ценностные списки носят менее отчетливый характер, в иерархическом ряду ценности начинают объединяться в некие смысловые блоки. Это касается как терминальных, так и инструментальных ценностей.

Анализируя инструментальные ценности, имеет смысл рассматривать каждый список отдельно. Итак, группа *База* выделяет на первые места ценности, которые, на наш взгляд, говорят о реакции на то, что человек помещен в непривычные условия и к нему предъявляются определенные требования - *исполнительность и независимост*ь. Также интересно, что *жизнерадостность* оказывается одной из главных ценностей на этом этапе, что может быть обусловлено желанием личности сохранять и наращивать повышенный эмоциональный фон. Группа *Пост,* как ни удивительно, на первое место ставит *образованность*, затем следуют *честность* и *твердая воля*. Вполне возможно, что образованность как ценность воспринимается двояко: с одной стороны, это нацеленность в будущем получить или продолжить образование, с другой - это может быть следствием того, что постпрограмма в основном носит обучающий характер, психотерапевтическое воздействие на личность осуществляется уже не в таком объеме, как на базовой программе, пациент обучается навыкам ассертивности, снятия стресса. У многих на этом этапе появляется желание вернуться к обучению в ВУЗе у тех кто его прервал, или поступить учиться. Одним словом, возрастает ценность обучения как такового, но на данный момент *образованность* возрастает больше в психологическом смысле, нежели профессиональном. Группа *Zona* в качестве принимаемых ценностей декларирует программные принципы - *честность*, *ответственность*. *Жизнерадостность* - на одном из последних мест. Прослеживается связь с опросником СЖО, по результатам которого очевидно, что в этой группе самый низкий эмоциональный фон в целом по выборке. Даже группа *Наркоманов* более "жизнерадостна", если можно так сказать. Все же ограничение свободы, контактов с внешним миром накладывают существенный отпечаток на восприятие жизни в целом. Отличает от всех других групп *Zony* декларация ценностей семейных, это отмечается и в дальнейшем анализе. Ярко прослеживается актуальность построения "нормальной здоровой семьи". На наш взгляд, это указывает на действие иллюзорного механизма в отношении того, что "крепкая семья меня спасет".

Группа *АН* также отмечает *ответственность, самоконтроль*, а также *смелость в отстаивании своего мнения и взглядов* как основу своего мировосприятия. Такая связка выявляет, на наш взгляд, активную и при этом зрелую жизненную позицию этой группы в целом. Естественно, находясь в среде активных социальных контактов приходится отстаивать "место под солнцем". *Самоконтроль* – это момент саморегуляции, который включает в себя постоянное осознание того, что болезнь продолжает жить в тебе, и прекращение работы над собой приведет к негативным последствиям - вероятно, в этом, достаточно стабильном периоде трезвости от алкоголя и наркотиков происходит принятие необходимости постоянно прилагать усилия для ее сохранения.

Интересно, что все группы периферийными являются одни и те же ценности - *творчество, красота природы и искусства, счастье других*. Нам остается неясным в рамках данного исследования, почему эстетические ценности не принимаются, к примеру, здоровой выборкой. Поскольку мы не ставили целью данного исследования выяснение субъективного смысла, вкладываемого испытуемыми в какое-либо понятие. Таким образом, мы можем сделать лишь попытку со своей стороны объяснить полученный результат. Поскольку «творчество» по своей сути предполагает направленность личности в будущее, желание создавать нечто новое, то для наркомана, даже выздоравливающего, который направлен в основном на работу, связанную с осознанием своего прошлого, неудивительно ее отвержение на данный момент. Для здоровой выборки, которая состоит из молодежи, чья ведущая деятельность - учебная, начало профессиональной, предполагает все же наличие потребности в творчестве, этот момент остается нераскрытым и оставляет место для дальнейшего изучения. Стоит обратить внимание, что такая ценность как *«счастье других»* занимает стабильно последнее место во всех группах. Исходя из этого, мы можем говорить о достаточно «эгоцентричной» выборке в целом. На наш взгляд, нет ничего удивительного в таких выборах, это является закономерным фактором развития современного общества. В последнее десятилетие в социальной жизни акцент все больше смещается на отдельную личность, все менее общество ориентируется на коллективистские цели. Что касается трактования такого выбора для зависимой личности, то из литературы известно (Братусь), насколько зависимая личность эгоцентрична по своей природе, ей приходится быть таковой вследствие приспособления к своей болезни. Таким образом, мы отмечаем отсутствие альтруистических тенденций у современной молодежи, опираясь на полученные данные, хотя допускаем другие способы объяснения подобного факта.

Попытаемся проанализировать связку принимаемых терминальных и инструментальных ценностей у группы *Наркоманов.* Принятие таких ценностей, как *материально обеспеченная жизнь, отсутствие материальных затруднений, развлечения,* которые предполагают приятное и необременительное время провождение, отсутствие обязательств в активной фазе болезни закономерно, на наш взгляд, поскольку наркоман в процессе употребления нуждается лишь в определенных финансовых средствах, позволяющих ему продолжать употреблять наркотики, при этом он находится в мире иллюзий и наличие финансовая свободы является одним из необходимых факторов. При этом отрицаются духовные ценности, личность не видит возможности самореализации кроме употребления вещества. Эта же группа выделяет *независимость* и *высокие запросы*. Такой выбор интересен с точки зрения того, что в принципе, *независимость и высокие запросы,* наличие амбиций, способность действовать решительно самостоятельно являются общепринятыми для людей на пороге взросления, при переходе на самостоятельный образ жизни. Учитывая специфику выборки, такое объяснение вряд ли возможно, скорее, здесь имеет место действие психологических защит, которые встают на пути к адекватному видению мира и оценке себя. В болезни мы может трактовать *высокие запросы* как притязания к иллюзорному миру, который выстраивает вокруг себя личность, высокие требования к миру и нежелание и неспособность что-либо сделать для того, чтобы стать лучше, все попытки, вся *амбициозность*, которая присутствует у наркомана в процессе заболевания, сводится и ограничивается лишь обманом,

по сути своей (как говорят сами наркоманы – «понты»). Отрицание же в болезни таких ценностей, как *честность, ответственность* также объясняется действием патологических механизмов. Интересен тот факт, что и здоровая выборка ставит *ответственность* на одно из последних мест. Мы полагаем, это может объясняться тем, что молодежь в принципе не желает брать на себя ответственность, поскольку большинство напрямую (морально, финансово) еще зависит от родителей, и наблюдается нежелание разорвать эту связь. Очевидно, что в рамках одного исследования сложно однозначно говорить о семантическом смысле каждой ценности, и это порождает интерес к дальнейшему изучению проблемы. Принятие *«честности»* как одной из базовых ценностей показывает нам, прохождение программы реабилитации, одним из основных принципов которой является именно честное отношение к себе и другим, формирует у пациентов адекватное отношение к этой ценности, хотя это все может быть чистой декларацией! Поскольку эта философская и психологическая категория служит сильнейшим терапевтическим механизмом для того, чтобы реадаптировать больное сознание, вернуть аддикту адекватную самооценку, научить его механизмам самоанализа и развить рефлексию, она является одной из основных на начальном и последующих этапах выздоровления, и ее принятие является залогом успеха в реабилитации. Таким образом, мы можем говорить о формировании системы смыслов, на которые должна опираться личность в процессе преодоления ригидных механизмов своей болезни.

Перейдем к анализу отвергаемых инструментальных ценностей в каждой группе, т.е. таких, которым испытуемые отводят незначительную роль в своей жизни. В отличие от терминальных ценностей, здесь очевидны различия между группами. *База* не считает важными *чуткость* и *высокие запросы*, в группе *Пост* отвергаются *воспитанность* и *независимость*, а также *аккуратность*. Группа *Zona* также лишена *высоких запросов*, при этом проявляет *терпимость* по отношению к другим людям, в этом отношении очень похожа с *АН. АН* и *База* самой незначимой частью жизни считают *чуткость (заботливость*), что отражает отношение к другим людям, как значимым, так незначимым. Духовно-ориентированная программа реабилитации сама по себе предполагает развитие аспекта сострадания, заботы, сопереживания другим людям. Даже формирование особой формы терапии и общения - служения людям - предполагает наличие чуткости.

Подводя итоги анализу ценностей в разных группах, стоит еще раз подчеркнуть, что группы, находящиеся на разных этапах реабилитации, в целом очень похожи между собой по структуре, при этом значимо отличаются как от абсолютно здоровой, так и от наркоманов, находящихся в стадии активного употребления. Выздоравливающий наркоман предпочитает *свободу, здоровье, ответственность, самоконтроль* в качестве принимаемых ценностей. Ценностный компонент зависимости связан как с трансформацией как терминальных, так и инструментальных ценностей. Инструментальные ценности в целом более динамичны и разнообразны, но отрефлексировать эти изменения труднее, поскольку личность поглощена актуальной ситуацией и ценностно-смысловое пространство не включает в себя вектор времени. Повышается уровень значимости собственного развития и личностного роста, которая, на наш взгляд, косвенно свидетельствует о внутренней готовности личности к серьезной работе над собой, пользуясь собственными ресурсами и получая психологическую помощь извне.

В здоровой группе выражены индивидуальные различия в списках ценностей, что в целом отражает более индивидуальный тип реагирования и выстраивания ценностных ориентаций. Можно сказать, что здоровая молодежь в целом более разнообразна и индивидуальна в выстраивании ценностных ориентаций, и более адаптивна, нежели наркоманы, будь то выздоравливающие или нет. Если обратиться к группе употребляющих наркоманов, то мы увидим типичность ответов, негатив и ценности саморазрушения. Группы, проходившие реабилитацию, вне зависимости от этапности, сохраняют в себе черты ригидности, негибкость ценностного ряда, с другой стороны, по различиям внутри групп можно сказать, что не все способны внутренне поменяться, даже при активной воздействии реабилитационной программы.

Статистические результаты показывают нам следующую картину: существуют значимые различия между наркоманов «в болезни» и здоровым человеком по обоим спискам ценностей, огромная пропасть между мировосприятием тех и других. В выборке реабилитируемых, вне зависимости от этапа, нет значимых различий между группами, но есть различия внутри групп. Под воздействием программы реабилитации система ценностей наркомана «расшатывается», подвергается сомнению – пересматриваются старые стереотипы, принимаются и осознаются новые. С возрастанием срока трезвости и увеличением времени пребывания в программе формируется особая, «программная» система ценностей, которая также негибка, как и болезненная, но при этом наполнена позитивным смыслом. Это еще раз показывает, что выздоравливающие наркоманы – это особая специфическая группа, у которой способ восприятия информации, механизмы взаимодействия с внешним миром приобретают позитивный характер, в отличие от употребляющих наркоманов. Раньше внутренний мир был болезненным и разрушительным, а сейчас он обращен в сторону выздоровления и позитива. Несмотря на то, что ценности выздоравливающих наркоманов близки к здоровым, но остается грань, которая всегда будет разделять тех и других, вот почему нельзя сказать про наркомана «бывший», потому что ремиссия может быть бесконечно долгой, но болезнь останется навсегда. Программа реабилитации является той системой, в которой сформированы актуальные и значимые для выздоровления ценности.

На основании проведенного эмпирического исследования мы можем говорить о подтверждении выдвинутой гипотезы. Действительно, ценностно-смысловая сфера зависимой личности подвергается значительным изменениям, это отражено в результатах качественного анализа. Очевидно, что происходят изменения в ценностно-смысловой сфере наркозависимых в процессе реабилитации, выстраивается новая система смыслов, но она сохраняет ригидный и стеничный характер, напоминая, что болезнь всегда будет жить в человеке, параллельно с выздоровлением, являясь стимулом для него. Безусловно, больной наркоманией никогда не станет полностью здоровым, но, приобретая позитивный опыт выздоровления, изменяя мировоззрение, появляется желание продолжать начатый духовный прогресс.